

В.О.КЛЮЧЕВСКИЙ

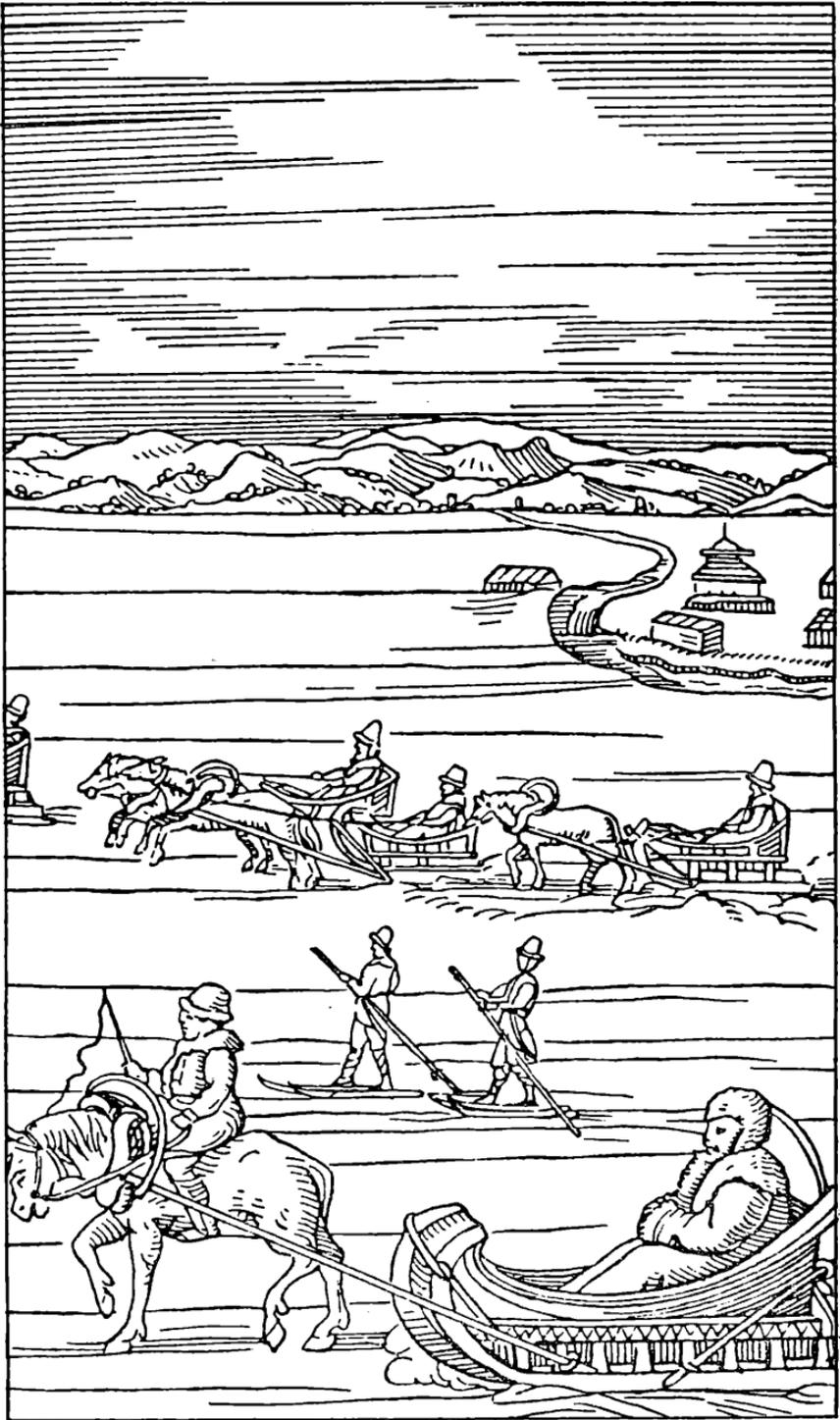
СКАЗАНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ
О МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

В.О.КЛЮЧЕВСКИЙ

**СКАЗАНИЯ
ИНОСТРАНЦЕВ
О МОСКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ**

**СКАЗАНИЯ
ИНОСТРАНЦЕВ
О МОСКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ**

В.О.КЛЮЧЕВСКИЙ

**СКАЗАНИЯ
ИНОСТРАНЦЕВ
О МОСКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ**

Дизайн
ТПО «Квадрат».

Москва
Издательство «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина
1991

ББК 63.3(2)

К—52

К-52 **В. О. Ключевский.**

Сказания иностранцев о Московском государстве/Вступит. статья и комментарии А. Н. Медушевского. — М.: Прометей, 1991. 334 с.

В исследовании известного русского историка В. О. Ключевского рассмотрено около 40 сказаний иностранцев, дающих наиболее живописные, разносторонние материалы по истории Московского государства XV—XVIII вв.

Для специалистов-историков, студентов, аспирантов, широкого круга читателей, интересующихся историей России.

0503020000—12
К $\frac{\quad}{183(2)—91}$ 28—91

Художники А. Архутин, К. Кухтин

© Издательство «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина, 1991

ВВЕДЕНИЕ

В отношениях западно-европейского мира к древней России есть две черты, по-видимому, исключаящие одна другую и однако ж существовавшие рядом, благодаря особенным условиям, в которых находилась древняя Россия. С одной стороны, вследствие отчуждения между западною Европою и Россией, продолжавшегося до самого XVIII века, западно-европейское общество оставалось почти в совершенном неведении о положении и судьбах России; вследствие этого неведения в нем распространились и укоренились странные представления об этой стране. В начале XVIII столетия русский резидент при одном из западно-европейских дворов, подыскивая деловых людей для Петра, жаловался на то, что эти люди боятся ехать в Россию, думая, что ехать туда — значит ехать «в край света», что эта страна «с Индиями граничит»*. Между тем, в то самое время, как в Западной Европе господствовали такие представления о России, ни одна европейская страна не была столько раз и так подробно описана путешественниками из Западной Европы, как отдаленная лесная Московия. Нетрудно найти некоторую связь между этими противоречащими явлениями: чем первобытнее и малоизвестнее для путешественника страна, в которую он попал, чем более представляет она новых для него особенностей, тем сильнее затрагивает

* Поэтому Мейнерс имел полное право сказать, что образованная Европа в начале XVI века знала о России гораздо меньше, нежели о Новой Голландии в конце XVIII века («Vergleichung des ältern und neuern Russlandes» Vol. 1. P. 2).

она его любопытство и тем легче дается наблюдающему глазу. Но не один простой интерес дикой, неведомой страны, с которым описывают Новую Голландию или центральную Африку, привлекал внимание западно-европейских путешественников к Московскому государству: в их описаниях сказывается иногда другой, высший интерес, руководивший их наблюдениями; у немногих из них, но зато наиболее беспристрастных и основательных, изредка встречаются намеки на то, что они чувствовали в древнерусском обществе под его азиатской формой присутствие начал, родственных с теми, которыми жила Западная Европа, и среди множества явлений, неприятно поражающих европейца, умели подметить и такие, к которым после строгой оценки не могли не отнестись с сочувствием.

Рассмотрим качества того материала, который представляют записки этих путешественников о Московском государстве¹. Какой интерес могут представить для изучения отечественной истории заметки иностранца о чужой для него стране, о чужом народе? Чем шире развивается народная жизнь, тем доступнее становится она для изучения, оставляя более следов после себя; вместе с тем, в такой же мере развивается народное самосознание, выражаясь в известных органах. Так с двух сторон являются обильные и притом свои источники для исторического изучения². Тогда заметки заезжени иностранца, более или менее беглые и поверхностные, могут быть любопытны, но и только. Совсем другое значение получают они, когда относятся к более ранним эпохам истории народа, когда застают его на той ступени развития, на какой стояло, например, Московское государство в XV—XVII веке. Известно, как трудно развивается и в человеке и в народе способность оглядки на себя, на пройденное и сделанное, как вообще трудно отрешиться на время от окружающего, стать в стороне от него, чтобы окинуть его спокойным взглядом постороннего наблюдателя. Много говорят о русской привычке думать и действовать толпой, миром: правда ли это и, если правда, составляет ли это постоянную или временную особенность национального характера, все равно: и в том, и в другом случае это условие очень не благоприятствует появлению в обществе людей, которые «приходят на житейский рынок не для купли и продажи, а для того, чтобы посмотреть, как другие прода-

ют и покупают». Мы знаем также, как много помогает обсуждению себя и своего положения возможность сравнения, возможность видеть, как живут и действуют другие. Наконец, для того, чтобы возникла в обществе потребность обсудить свое прошедшее и настоящее, разобраться в гряде всего, что сделано в продолжение веков, надобно, чтобы эта гряда достигла значительных размеров и само общество имело настолько спокойствия и устоя, чтоб можно было приняться за такую разборку. Ни того, ни другого, ни третьего не имели наши предки XV—XVII века: в своих лесах, окруженные враждебными соседями, разобщенные с другими народами, они были слишком заняты, чтобы иметь возможность и охоту приняться за подобную разборку*. Такие эпохи не благоприятствуют появлению литературных памятников, которые изображали бы с некоторой полнотой обычное течение народной жизни, и тут особенно дорого может быть слово иностранца, наблюдению которого доступно преимущественно это обычное течение жизни; а в древней России именно эта сторона должна была резко броситься в глаза западному европейцу, представляя во всем любопытные для него оригинальные черты. В этом отношении иностранные известия могут быть очень важным материалом для изучения прошедшей жизни народа. Будничная обстановка жизни, повседневные явления, мимо которых без внимания проходили современники, привыкшие к ним, прежде всего останавливали на себе внимание чужого наблюдателя; незнакомый или мало знакомый с историей народа, чуждый ему по понятиям и привычкам, иностранец не мог дать верного объяснения многих явлений русской жизни, часто не мог даже беспристрастно оценить их; но описать их, выставить наиболее заметные черты, наконец, высказать непосредственное впечатление, производимое ими на не привыкшего к ним человека, он мог лучше и полнее, нежели люди, которые пригляделись к подобным явлениям и смотрели на них с

* Только от второй половины XVII века имеем мы довольно живую, хотя далеко не полную, картину состояния Московского государства, начертанную русским человеком; но и этот человек, прежде чем принялся за такой труд, бежал из отечества, порвал всякие, даже религиозные, связи с ним и имел случай узнать обычаи и порядки других стран, не похожие на то, что он видел у себя дома: сравнение родило в нем первую мысль описать состояние своего отечества. См. Котошихин. Изд. 2-е. Предисловие. С. XI.

своей домашней, условной точки зрения. С этой стороны записки иностранца могут служить важным дополнением к отечественным историческим памятникам³.

Всем сказанным выше о характере и значении иностранных известий определяется и то, что в них представляет больший и что меньший интерес для изучения. Внешние явления, наружный порядок общественной жизни, ее материальная сторона — вот что с наибольшею полнотой и верностью мог описать посторонний наблюдатель. Напротив, известия о домашней жизни, о нравственном состоянии общества не могли быть в такой же степени верны и полны: эта сторона жизни менее открыта для постороннего глаза, и притом к ней менее, нежели к другим сторонам народной жизни, приложима чужая мерка. Беглые наблюдения, сделанные в короткое время, не могут уловить наиболее характеристических черт нравственной жизни народа; для оценки ее путешественник мог иметь пред собой только отдельные, случайно попавшиеся ему на глаза явления, а нравственная жизнь народа всего менее может быть определена по отдельным, случайным фактам и явлениям. Наконец, в большей части случаев западно-европейский путешественник не мог даже верно оценить и отрывочные явления этой жизни: нравственный быт и характер русских людей описываемого времени должен был казаться ему слишком странным, слишком несходным с основными его понятиями и привычками, чтобы он мог отнестись к нему с полным спокойствием, взглянуть на него не с своей личной точки зрения, а со стороны тех исторических условий, под влиянием которых слагался этот быт и характер. Оттого иностранные известия о нравственном состоянии русского общества очень отрывочны и бедны положительными указаниями, так что по ним невозможно составить сколько-нибудь цельный очерк ни одной из сторон нравственной жизни описываемого ими общества; зато в этих известиях дано слишком много места личным, произвольным мнениям и взглядам самих писателей, часто бросающим ложный свет на описываемые явления. Вот как, например, один из иностранцев XVII века, принадлежащий к числу наиболее спокойных и основательных иностранных писателей о России, изображает празднование Пасхи в Москве: «В продолжение пасхальной неде-

ли все, и богатые, и бедные, и мужчины, и женщины предаются такой веселости, что, подумаешь, они теряют на это время здравый рассудок. Работы прекращаются, лавки запираются, одни кабаки и другие увеселительные места остаются открытыми; суд умолкает, но за то воздух оглашается беспорядочными криками. Знакомые, при первой встрече, приветствуют друг друга словами «Христос воскресе», «воистину воскресе», целуют и дарят друг друга куриными или деревянными раскрашенными яйцами. Духовные, в сопровождении мальчиков, несущих образ или распятие, в самом дорогом облачении бегают по улицам и перекресткам, посещая своих родственников и друзей, с которыми пьют до опьянения. Куда ни помотришь, везде видишь столько пьяных мужчин и женщин, что всей строгостью своего поста они наверное не могли заслужить от Бога столько милости, сколько навлекают гнева своим необузданным разгулом и нарушением законов трезвости»*. В этом описании мало неточностей; но мы составили бы себе слишком узкое, одностороннее понятие о древнерусском празднике, если бы стали представлять его в подобных поверхностных чертах: а таковы почти все изображаемые иностранцами картины древнерусского быта. Поэтому в настоящем обзоре мы ограничимся иностранными известиями только о тех сторонах древней России, изображение которых наименее могло потерпеть от произвола личных суждений писателей: таковы их географические сведения об области Московского государства, описание некоторых сторон и явлений государственной жизни, известия о материальных средствах страны и т. п. И в этой области остается еще много неточных, сбивчивых показаний, по крайней мере здесь эти показания отличаются большею полнотой и мы имеем больше возможности проверить их известиями из других источников.

Московское государство долго не обращало на себя внимания Западной Европы, не имевшей с ним никаких общих интересов. Только со второй половины XV века, т. е. с того времени, когда окончилось образование государства, начинает оно завязывать слабые, часто порывавшиеся сношения с некоторыми западно-европейскими государствами. Потому от XV века

* Mayerberg. Voyage en Moscovie//Bibliothèque russe et polonaise. Vol. 1. P. 75—76.

мы имеем немногие краткие заметки о нем от иностранцев, случайно попавших в Россию и оставшихся в ней очень недолго. Но скоро разные исторические обстоятельства подали повод к более близким и частым сношениям между Москвой и некоторыми западно-европейскими дворами, — и, начиная со времени княжения Василия Иоанновича, идет длинный ряд более или менее подробных описаний Московского государства, составленных или по непосредственным наблюдениям, людьми, приезжавшими в Московское государство с разными целями, преимущественно в качестве послов или по рассказам других путешественников. Описания, которыми мы пользовались, относятся к трем столетиям: XV, XVI и XVII;

Религиозное движение XVI века заставило римских первосвященников обратить заботливые взоры на восточную Европу с целью вознаградить себя там новыми религиозными завоеваниями за огромные потери, причиненные римской церкви протестантизмом; этому обязаны мы несколькими записками о Московии, составленными с целью уяснить, какими путями можно было бы провести в Московское государство католическую пропаганду и каких выгод могла ждать римская церковь от успеха в этом деле. Согласно с такой целью, составители упомянутых записок преимущественно говорят о нравственном и религиозном состоянии жителей Московского государства, о церковной иерархии и т. п. Таковы записки Кампензе, Иовия, Фабри и знаменитого иезуита — Антония Поссевина. Достоверного они сообщают мало, ибо писали по чужим рассказам, за исключением Поссевина, который сам два раза был в Москве и посвятил весь свой первый комментарий описанию религиозного состояния Московского государства и изложению планов и средств касательно распространения в нем католичества. Отличительная черта этих записок состоит в том, что составители их, не исключая даже и мрачного Поссевина, особенно выгодно отзываются о религиозном чувстве и набожности русских, только жалеют, что такая теплая вера и истинно-христианское благочестие пропадают без пользы, за границу римской церкви, среди ереси и невежественного суеверия*.

* Сказав о виденных им святынях Новгорода Великого и о благоговении, с которым чтут их жители, Поссевин продолжает: «Abeuntes

В половине XVI века в Англии обнаружилось сильное движение к открытию новых стран и торговых путей: соперничая с испанцами и португальцами, английские купцы пытались открыть новый северо-восточный проход в Тихий океан. Прохода не открыли, но открыли на северо-восточном краю Европы неизвестную страну, которая потом оказалась Москвией; вследствие этого, несмотря на неблагоприятное начало, завязались деятельные торговые сношения Англии с Московским государством: в Лондоне составилась Московская компания английских купцов (the Moscovie company of the marchants adventurers), которой мы обязаны множеством записок, сообщающих известия о Московском государстве XVI века и напечатанных в первом томе «Сборника» Гаклюта. Сюда вошли описания путешествий английских послов, ездивших в Москву по делам компаний, письма и другие деловые бумаги ее агентов. Содержание и характер этих описаний и бумаг определяется теми практическими целями, которыми руководились их составители: здесь заключается довольно богатый материал для географии Московского государства, преимущественно северного его края, для истории торговли, промышленности и вообще материального состояния страны. Деловому содержанию этих записок соответствует и их изложение, резко отличающееся от прочих иностранных сочинений о Московии: не вдаваясь много в рассуждения об особенностях страны и ее жителей, послы и агенты сообщают в наскоро писанных, большей частью кратких записках, письмах и отчетах почти одни голые, сухие факты и наблюдения. Зато по достоверности и обилию подробностей эти записки можно отнести к лучшим иностранным сочинениям о Московском государстве*.

miseram gentis conditionem commiserati eo amplius sumus, quod tanta erga ejusmodi res pietate ferretur, ut si catholici essent, nihil ad summam religionem eo in genere videri possit desiderandum'. «Supplementum ad Historica Russiae Monumenta» № CLXII. P. 398.

* О возникновении компании и первом прибытии англичан в Белое море см. «Anglorum navig. ad Moscovitas» Б. «Rerum Moscoviticarum auctores varii». Об открытиях англичан на северо-востоке и об их торговых сношениях с Московским государством с 1553 г. см. письмо Лена у Гаклюйта, т. 1, с. 523 и след. и «Историю Московии» Мильтона. Гл. 5 (в переводе Е. Карновича в «Отч. Зап.» Т. СXXXI).

Смутному времени мы обязаны несколькими любопытными записками иностранцев о шумных событиях этой эпохи. Некоторые из этих писателей, именно Маржерет, Паерле, Маскевич и Петрей, приложили к запискам о событиях того времени более или менее подробные описания внутреннего состояния Московского государства, не лишённые некоторых любопытных известий; из них особенно можно указать на сочинение Маржерета, который довольно долго жил в России, служа капитаном отряда иноземных телохранителей при Борисе Годунове и первом самозванце, и в сочинении своем сообщает любопытные подробности о московском войске.

Самый значительный по числу и объёму сочинений отдел из выписанных выше материалов составляют описания посольств, приезжавших в Москву из разных государств Западной Европы, преимущественно из Австрии. К этому отделу принадлежит большая часть и наиболее объёмистых иностранных сочинений о Московском государстве. Некоторые из них имеют вид путевых записок, в которых заметки набросаны без строгого порядка: таковы сочинения Ульфельда и Мейерберга; другие, как, например, сочинение Флетчера, представляют систематическое описание разных сторон государственного устройства, общественной и частной жизни; третьи, наконец, к описанию путешествия и пребывания в Москве присоединяют более или менее подробные очерки истории государства и его современного состояния: таковы сочинения Герберштейна, Олеария, Корба и др. У Герберштейна, Олеария и Мейерберга, кроме заметок о местностях, по которым они проезжали, находим довольно подробные и любопытные географические описания всего Московского государства. Но главный интерес посольских описаний заключается в известиях о тех сторонах жизни Московского государства, с которыми послы приходили в непосредственное соприкосновение: таковы особенно их известия о городе Москве, о московском дворе и его дипломатических обычаях⁷.

Главным источником, из которого черпали иностранные путешественники описываемого времени свои сведения о Московском государстве, служило, разумеется, их непосредственное наблюдение: мы видели, в какой области оно наиболее любопытно и надёжно. Немногие из иностранцев знали русский язык и поль-

зовались для изучения истории и современного им состояния Московии туземными литературными памятниками: таков был Герберштейн, хорошо знавший русский язык; в своем сочинении о Московии он поместил в переводе значительные отрывки из русских летописей, из правил митрополита Иоанна, из «Вопрошания» Кирика, из Судебника Иоанна III и других русских сочинений, какие ему удалось достать в Москве. Кажется, знали по-русски, хотя немного, Флетчер, Маржерет и Мейерберг; первый часто ссылается на русские хроники и даже приходо-расходные книги приказов. Затем для иностранцев оставался еще один обильный, но довольно мутный источник, из которого они могли почерпнуть сведения о Московском государстве: это — изустные рассказы самих русских. Известно, с какой подозрительностью смотрели люди Московского государства на заезжего иностранца; в его старании узнать положение их страны они всегда подозревали какие-нибудь коварные замыслы, а не простую любознательность. Многие иностранные писатели сильно жалуются на это и сознаются, что от самих русских немного можно добиться верных сведений об их отечестве. Русские сановники, замечает Рейтенфельс, посещая иноземных послов, охотно беседуют с ними о разных предметах, но если разговор коснется их отечества, они с таким умением преувеличивают все в хорошую сторону, что возвратившиеся иностранцы по совести не могут похвалиться знанием настоящего положения дел в Московии*. Для большей части иностранцев, писавших о России в XVII и даже во второй половине XVI века, самым обильным источником служили сочинения прежних путешественников, ездивших в Московию. Особенно много встречается заимствований из Герберштейна и Олеария: компиляторы выписывали из их сочинений известия целыми страницами без всякого разбора, не обращая внимания на время, к которому относились заимствуемые известия; у Гваньино даже все описание Московии есть не более, как почти дословное повторение известий Герберштейна, только расположенных в другом порядке; изредка попадаются скудные добавления самого составителя. При этом нельзя не указать на Олеария, который совершенно иначе воспользовался своим

* Рейтенфельс. С. 31.

близким знакомством с сочинениями о Московии прежних путешественников: говоря о той или другой стороне жизни Московского государства, он не забывает упомянуть, как описывали ту же сторону прежние писатели, поправляет их, где находит у них неточности или ошибки, указывает, в чем изменилось состояние Московии в его время сравнительно с прежним: эти указания дают Олеарию преимущество перед большей частью других иностранных писателей о Московском государстве, у которых не только не находим ничего подобного, но часто встречаем повторение и даже развитие ошибочных показаний, сделанных предшественниками. Герберштейн первый пустил в ход известие, что русские женщины упрекают в холодности мужей, если те не бьют их; это известие он подтверждает коротким рассказом о немце, женатом на русской, которую он забил до смерти, чтобы дать ей требуемое доказательство своей любви. У Петрея из этого рассказа вышла целая история, украшенная курьезными подробностями.

Понятно, как разборчиво и осторожно надобно пользоваться известиями иностранцев о Московском государстве: за немногими исключениями, они писали наугад, по слухам, делали общие выводы по исключительным, случайным явлениям, а публика, которая читала их сочинения, не могла ни возражать им, ни поверять их показаний: недаром один из иностранных же писателей еще в начале XVIII века принужден был сказать, что русский народ в продолжение многих веков имел то несчастье, что каждый свободно мог распускать о нем по свету всевозможные нелепости, не опасаясь встретить возражения*.

* «Библиографические отрывки» в «Отеч. Записках». Т. ХСV. Отд. II. С. 155.

I. ПРЕДЕЛЫ РУССКОГО ПЛЕМЕНИ И МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБЛАСТИ

Как только западный путешественник XV или XVI века, направляясь из Германии к востоку, заезжал за Одер и вступал в Польские владения, он уже начинал чувствовать переход в другой мир, отличный от того, который он оставлял позади себя⁸. Вместо красивых селений, каменных городов и замков с удобными гостиницами, он чем далее, тем реже встречал маленькие деревянные города и села с плохими постоянными дворами*. Этот переход чувствовался все резче по мере приближения к восточным пределам польских владений. Количество вод и лесов увеличивалось; жилые места встречались реже, а вместе с этим увеличивалась глушь и неизвестность страны. Если, перешедши Вислу в среднем ее течении, путешественник еще имел перед собой, по направлению к юго-востоку и по юго-восточным берегам Балтийского моря, страны, несколько известные по связям их с Польшей и Ливонским орденом, то далее к востоку слабели и исторические и географические связи. С какого бы пункта, в котором северо-восточная Евро-

* Барбаро в «Библиотеке иностранных писателей о России». С. 63; Контарини. Там же. С. 17.

па соприкасалась с западною, ни двинулся путешественник, чтобы пробраться в эти страны, он встречал обширные лесные или степные пустынные пространства, где ему часто приходилось ночевать под открытым небом. Литва, по выражению де-Ланнуа, большею частью пустынная страна, наполненная озерами и лесами*. Пробираясь через владения Ливонских рыцарей в Новгород Великий, он должен был проехать значительное пустынное пространство «без всяких следов человеческого жилья»; такие же пустыни встретили его на верховьях Днестра и не оставляли потом до самой Кафы**.

При таких условиях северо-восточная Европа не могла иметь живых сношений с западною; потому и на западе не могло быть точных и подробных сведений о ней. Писатель первой четверти XVI века, приступая к описанию Московии, должен был сознаться, что западные космографы и географы его времени без стыда и совести рассказывают о северо-восточной Европе всякие небылицы, показывающие, что их сведения о ней недалеко ушли от сказаний древних греческих и римских географов***. Но и самому Кампензе не много верных сведений могли сообщить его соотечественники купцы, долго жившие в этих странах: тем менее можно ожидать таких сведений от путешественников XV века. Сводя иностранные известия за XV и первую четверть XVI века, мы находим в них следующие географические представления о северо-восточной Европе.

За Польшей на восток и северо-восток лежит обширная страна, ровная, обильная лесами, озерами и реками, во многих местах пустынная и вообще менее населенная, нежели Польша****. Более известную часть этой страны, ближайшую к Польше и Литве и подвластную им, составляют Красная и Нижняя Россия*****; далее на северо-восток, до самых границ Азии, простирается также Россия, называемая Белой Россией или Московией, но независимая, вовсе неизвестная западным космографам и историографам***** и

* «Voyages et ambassades» de Guillebert de Lannoy. P. 24.

** Ibid. P. 17, 35.

*** Кампензе в «Библиотеке иностранных писателей о России» С. 29.

**** Барбаро. С. 62.

***** G. de Lanno. P. 36.

***** Кампензе. С. 12.

составляющая как бы другую часть света; в первой четверти XVI века можно было ещё сказать, что имя этой страны недавно стало известно Западной Европе*. На западе Московия соприкасается с Литвой и Ливонией, от которой отделяется рекой Нарвой и Чудским озером. На юг от Московии, тотчас за Рязанью, тянутся обширные степи, по которым кочуют татары. К востоку, выходя своими владениями за пределы Европы, Московия соприкасается с Скифией, или Азиатской Сарматией, которая за Доном, или Танаисом, древней границей Европы и Азии, тянется длиною и широкою полосой по Волге на север до самого океана и населена также татарами. На севере не указывается определенной границы; говорится только, что с этой стороны Московия простирается до Ледовитого океана под самый север; на этих пространствах живут бесчисленные племена в безграничных лесах, которые, не прерываясь, тянутся, на северо-восток до Гиперборейской Скифии и никому не известного Скифского океана, на расстоянии трех месяцев пути, по показанию русских, от которых заимствовал сведения о Московии П. Иовий. В Московии живут москвитяне и многие другие племена, недавно покоренные ими. На окраинах северо-восточной Европы наших географов оставляют всякие достоверные сведения; по их представлениям, эти страны покрыты не только мраком неизвестности, но и действительным мраком, в котором живут дикие лапландцы и щебечущие по-птичьему пигмеи, неизвестные даже самим москвитянам. Западные космографы знают, что москвитяне говорят тем же языком и исповедуют ту же веру, как и русские, подвластные Польше; но историческая связь между ними представляется им уже смутно. Кампензе остается даже в каком-то недоумении, говоря, что весьма многие и доселе считают русских, или рутенов, подвластных польскому королю, за одно с москвитянами, основываясь на одинаковости их языка и вероисповедания**. Имя москвитян сближается с разными именами у Плиния, Птолемея и других древних географов⁹, а татары и другие племена, окружающие Московию с севера и северо-востока, отождествляются со скифами. Любопытно это постоянное заимствование географи-

* Иовий в «Библиотеке иностранных писателей о России». С. 22.

** Кампензе. С. 20.

ческих названий у древних писателей. Во многих случаях к этому заставляла прибегать необходимость: не знали современных местных названий. Но даже там, где известны были современные туземные названия, видим старания поставить рядом с ними классические, или из последних вывести и объяснить первые. Видно, что исторические воспоминания о северо-восточной Европе, основанные на сказаниях древних, прерывались для западного географа XV или начала XVI в. там, где оставляли его эти руководители, и, описывая современную Россию, он ничем лучше не надеялся уяснить своим читателям собственные известия, как сближая их с классическими сказаниями. Действительно, у известных нам иностранных писателей о России до второй четверти XVI века мы находим самые скудные и смутные исторические сведения об этой стране. Они помнят, что между Борисфеном, Танаисом и Меотийскими болотами было когда-то царство россов, столице которого был Киев: это царство со своей столицей было завоевано татарским героем Батыем*; они помнят и другого татарского героя-завоевателя Тамерлана, которого называют сыном Батыя. Этим почти и ограничиваются их сведения по истории России до XV века.

Герберштейн первый делает довольно точное определение главного народа, живущего в северо-восточной Европе за Польшей, и довольно подробно обозначает пределы занимаемой им области. Русскими, говорит он, называются вообще все народы, говорящие по-славянски и исповедующие христианскую веру по обряду греческому; они так размножились, что вытеснили все жившие между ними чуждые племена или распространили между ними свои обычаи. Область этих русских простирается от Сарматских гор**, недалеко от Кракова, по Днестру до Днепра и Понта Эвксинского; только с недавнего времени на низовьях Днестра и Днепра утвердились турки и татары и, благодаря их

* Кампензе. С. 17, 19.

** Иоанн Ласский так определяет Европейскую Сарматию: «Terra Sarmatica procedit a Polonia minori ex parte Occidentis versus Orientem per fluvium Borysthenem magnum ac per totam Sarmatiam European inclusive usque an Tanaim et ad insulam Tauricam». Страна по ту сторону Дона известна была под названием Азиатской Сарматии, которую Ласский называет еще Скифией: «Tanais Scythiam et Sarmatiam dividit». «Histor. Russ. Monum.». V. 1. № СХХIII. Так же определяет границы Сарматии М. Меховский. Библиографические отрывки. Ст. 3 // Отеч. Зап. Т. ХСVII. Отд. II. С. 141.

нападениям на Днепровскую область, христианско-русское население не идет вниз по Днепру далее города Черкас. От городка Черкас граница русского племени идет вверх по Днепру до Киева, потом за Днепр по Северной области и оттуда прямо на восток к верховьям Дона, потом к впадению Оки в Волгу, где можно положить границу распространения христианства с этой стороны, ибо за этим пунктом на восток и юг живут дикие племена магометанской веры, между которыми еще много язычников. Определяя точнее границу государства в этом пункте, Герберштейн полагает ее на р. Сура, отделяющей владения Московские от Казанских; но при этом надо разуместь только нижнее течение Суры, при впадении которой в Волгу великий князь Василий Иванович построил Васильсурск (Basilgorod). От Нижнего вверх по Волге граница идет прямой чертой до Северного океана, оттуда через северные племена, подвластные королю шведскому и государю московскому, по пределам Финляндии, чрез Финский залив (Sinus Livonicus), по восточным краям Ливонии, Самогитии, Мазовии и, наконец, Польши, где пограничная черта возвращается к Сарматским горам (по р. Сану). В Самогитии и Литве русские перемешаны с чуждыми иноязычными и иноверными племенами; однако ж первые и здесь преобладают. Политически эта область русского племени принадлежит двум государствам: большая часть ее составляет Московское государство, меньшая принадлежит Литве с Польшей. Пограничная черта Литвы и Московии шла в первой половине XVI века по Днепру; правый берег принадлежал Литве, левый Москве, кроме городов Дубровны и Мстиславля, входивших также в состав Польско-Литовских владений. Определяя точнее эту границу, Герберштейн говорит, что она начиналась в 12 милях от Смоленска со стороны Дубровны, от которой считалось до нее 8 миль. На северо-западе граница Московского государства шла по пустынным болотистым пространствам, лежавшим по течению реки Великой; потому Герберштейн, проезжая этой стороной в Москву, не мог с точностью рассмотреть и определить здесь пограничную черту; он говорит только, что эта черта проходит западнее Корсулы, не доезжая Опочки. Далее на север пограничная черта с Швецией шла по р. Польне, в Корельской стране. О Корелах Герберштейн говорит, что они, нахо-

дьясь между Шведским и Московским государствами, платят дань и тому и другому. В конце века то же говорит Флетчер о лопарях, живших севернее Корелы; они подвластны русскому царю и королям датскому и шведскому, которые все берут с них подать; но русский царь имеет здесь самое значительное влияние и получает гораздо более доходов, нежели прочие. На северо-востоке граница не могла быть точно определена вследствие постоянного движения завоеваний и колонизации в этой стране. В русском описании пути к Оби Герберштейн прочитал, что князья тюменские и югорские, племена по Оби и даже далее в глубь Сибири подчинены московскому государю и платят ему дань; но и сам Герберштейн усомнился в вероятности этого, соображая, что эти данники не так еще давно нанесли много вреда Московскому государству своими набегами на его восточные области*. В первой половине XVI века это показание действительно было неверно, но зато верно выражало постоянное стремление государства, которого исторические условия принуждали двигать свое население все далее на северо-восток, занимая и колонизируя пустынные пространства северо-восточного угла Европы и северной Азии. Такой же неопределенностью должна была отличаться граница государства и на юго-востоке, потому что эти страны носили отчасти тот же характер и представляли государству ту же задачу, как и страны на северо-восток от него, и если к концу XVI в. северо-восточное движение терялось в беспредельных пустынях Сибири, то на юго-востоке оно несколько раньше достигло, наконец, по крайней мере в одном пункте, своего естественного предела.

Позднейшие писатели сообщают нам об окраинах Московского государства более подробные, хотя далеко не полные известия, которые позволяют в общих чертах следить за постепенным его распространением на юг, юго-восток. Во время Герберштейна Тула была самым крайним городом Московского государства со стороны южных степей, представлявших привольное и просторное поприще для подвигов крымских Татар. Этот степной край обозначается у писателей XVI и XVII вв. общим именем Малой Татарии или Европей-

* Herberstein. «Rerum Moscoviticarum auctores varii». P. 1. 2, 60, 76, 77, 90, 103; Флетчер. «О государстве Русском». Гл. 20.

ской Сарматии. В начале XVII столетия пределы государства с этой стороны простирались уже до Борисова, Белгорода и Царева города*. Впрочем по прямому направлению к югу государство вместе с земледельческим населением двигалось медленнее, нежели по направлению к юго-востоку, где помогал этому прямой и открытый водный путь, шедший из середины государства до моря. В первой половине XVII в. граница государства по правому берегу Волги настолько уже отодвинулась от устья Суры к югу и настолько была безопасна, что в Васильсурске, имевшем первоначальным своим назначением отражение татарских набегов, можно было не держать гарнизона**. В конце XVI в. правый берег Волги от того пункта, где с другой стороны впадает в нее Кама, до Астрахани назывался «крымским берегом» (the Krim Side of Volga), который составлял восточный предел области крымских татар, простиравшейся на запад до Днепра и далее, между южными пределами Московского государства и берегами Черного и Азовского морей. В XVII в. мы уже не встречаем этого названия, а встречаем по Волге ряд московских городов, возникших в конце XVI в.***. В XVII в. граница государства значительно углублялась в юго-восточный угол, в горную область между Каспийским и Черным морем. Герберштейн знает черкас (Circassi seu Ciki), обитавших в горах за Кубанью (Сура), смелых пиратов, которые по рекам, текущим с этих гор, выезжали в Черное море и грабили купеческие корабли, плывшие из Кафы в Константинополь и обратно. Эти черкасы не подчинялись ни туркам, ни татарам в России, сказывали Герберштейну, что эти горцы христиане, в религиозных обрядах сходны с греками и отправляют богослужение на славянском языке, который есть вместе и разговорный их язык****. В XVII в. обитатели этих гор, сохранив прежнее имя, были уже магометанами. Под именем черкас известны были также полумагометанские и полуязыческие обитатели страны, простиравшейся к северу от закубанских герцев, между берегами Каспийского моря и Кавказским

* Царев-город находился в 8 верстах от нынешнего Изюма. «Сказания современников о Дмитрии Самозванце». Ч. 3. Примеч. 15.

** Olearius P. 282.

*** Hakluyt's Collection. Vol. I. P. 472.

**** Herberstein. P. 74.

хребтом. Здесь с конца XVI в. стало утверждаться через Астрахань влияние Московского государства, сосредоточивавшееся в Терском городе*, который Олеарий называет крайним пунктом московских владений. С того же времени влиянию Московского государства открывался путь и далее, на Закавказье, но это влияние не могло утвердиться там прочно по отдаленности этих стран, хотя имена некоторых из них еще с конца XVI в. вошли в титул Московского государя.

Прочнее и быстрее распространялись пределы государства на востоке. Страна на восток от Волги обозначается у иностранцев общим, неопределенным именем Татарии или Азиатской Сарматии. Часть ее к югу от бывшего Казанского царства, от Камы до Каспийского моря, между Волгой и Яиком, составляла степную страну ногаев или мангат**. Главным пунктом этой страны была Астрахань. Любопытно, что некоторые иностранцы в XVI веке при описании этого края удерживают одно географическое название, хотя предмета, им обозначавшегося, давно уже не существовало: на левой стороне Волги они указывают место древнего Болгарского царства и довольно обстоятельно определяют границы его области: по их словам, это царство находилось между царством Казанским и Астраханским, простираясь между р. Камой и Самарой, от Волги до Яика. Столицей его был большой город Болгары на левом берегу Волги, в XVII веке он был уже селом и имел смешанное население, состоявшее из калмыков, мордвы и русских***. В северной полосе Ногайской страны обитали черемисы; южная, большая, половина ее была местом кочеванья ногайских орд. Сюда же, в прикаспийские степи на восток от Астрахани, по временам приходили из-за Яика калмыки, тревожа своими разбоями черемис и ногаев****. Нельзя, разумеется, ожидать от иностранца точности и определенности в показаниях о расселении этих бродячих племен, чему мешал самый образ жизни послед-

* Terki, под 43°23' с. ш., по определению Олеария, на маленькой речке Теменке, рукаве большой реки Büstro (с. 338).

** Olearius. P. 315; Nakluyt. Vol. I. P. 363. А. Дженкинсон, несколько раз ездивший по Волге в Персию и Бухарию, говорит, что пределы Ногайской области простирались к юго-востоку до Туркмении.

*** Olearius. P. 292; Mayerberg. Vol. II. P. 79—80; Stray. P. 150. На карте, приложенной к книге Авриля, Болгары помещены между Казанью и Самарой. На этой карте стоит надпись: tirée de l'original de la chancellerie de Moscou.

**** Avril. P. 99; Strays. P. 164.

них. Герберштейн неопределенно говорит, что за Волгой живут татары, называемые калмыками; но в его время калмыки еще не успели перебраться из-за Яика всей массой и появлялись здесь отдельными толпами; преобладающим кочевым племенем на этих пространствах и в XVII веке долго оставались ногаи, которые потом уступили приволжские степи калмыкам, удалившись на запад, к низовьям Днепра. Из слов Штрауса можно заключить, что калмыки во второй половине XVII века не появлялись севернее Саратова и постоянно враждовали с ногаями*. Еще более смутны показания о племенах, обитавших на север и северо-восток от Ногайской страны. Герберштейну сказывали о Москве, что за Вяткой и Казанью, в соседстве с Пермью, живут татары тюменские, шибанские и казацкие; из них тюменские обитают в лесной стране, простирающейся прямо к востоку от Перми**.

Кроме тюменских татар, в Москве известны были в первой половине XVI в. по ту сторону среднего Урала имена Обдорской и Кондийской земли, которые скоро включены были в титул государя. В русском описании пути к Оби Герберштейн читал, что в области Иртыша, кроме Тюмени, есть город Iegom. По реке Сосве (Iossa) и к северу от нее по Оби живут вогуличи и угричи; в области первых есть город Lerip. В том же описании сообщаются смутные, перемешанные со сказочными подробностями известия о других сибирских племенах, живших далее к востоку, в области верхней Оби и Енисея. На расстоянии двух месяцев пути от устья Иртыша находится город Грустина; здесь живет народ грустинцы; от их города до озера Китайского по реке Оби, вытекающей из этого озера, более трех месяцев пути. В Лукомории, горной и лесной стране, лежащей за Обью подле Ледовитого океана, есть город

* Strays. P. 162: «C'est en ce lieu (около Саратова) qu'on commence à voir de ces derniers (Calmuques)».

** Herberstein. P. 74: «Ultra Wiatkam et Kazan, ad Permiae viciniam Tatarum habitant, qui Tumenskii, Schibanskii et Casatzkii vocantur». Мейнерс («Vergleichung» Vol. I. P. 74) разумеет под шибанскими Татарами Татар хивинских; но соседство с Пермью, в которое ставит Герберштейн шибанских и казацких Татар, показывает, что нет нужды искать первых так далеко. Теми же самыми пределами ограничивает он область, которую называет Сибирью, помещая ее и на карте и в описании страны в области верхнего Яика, по обе стороны Южных Уральских гор, т. е. в нынешней Оренбургской губернии, в том крае, который еще в первой половине XVII в. известен был в Москве под именем Башкирии. В таком случае не будет затруднения признать в Татарах казацких Киргиз-кайсацкие орды, жившие в ближайшем соседстве с Башкирами.

Серпонов, где живет другой народ серпоновцы; с грустинцами и серпоновцами ведут немой торг черные люди, лишенные дара слова человеческого, которые приходят от озера Китайского с разными товарами, преимущественно с жемчугом и драгоценными камнями. В Лукомории живут другие дикие люди с одним очень странным и баснословным свойством; рассказывают, что каждый год в ноябре они умирают или засыпают, а на следующую весну, в апреле, оживают, подобно лягушкам или ласточкам. Грустинцы и серпоновцы торгуют и с ними, но особенным образом. Когда настает урочное время зимнего засыпания, Лукоморцы кладут в известном месте свои товары и скрываются; грустинцы и серпоновцы приходят и берут эти товары, оставляя взамен их свои в соразмерном количестве. Если же лукоморцы, проснувшись, найдут, что их обманули, что оставленное ими не стоит взятого, они требуют назад свои товары; от этого происходят у них частые ссоры и войны с грустинцами и серпоновцами*. С гор Лукомории течет большая река Cossin, при устье которой стоит город того же имени. Оттуда же вытекает другая река Cassima, которая впадает в большую реку Tachnin; за этой последней, как рассказывают, живут также необыкновенные люди, из которых одни покрыты шерстью, как звери, у других собачьи головы, у некоторых вовсе нет ни головы, ни шеи, лицо помещается на груди; ног также нет, а есть длинные руки**.

Такие представления существовали в Москве в первой половине XVI века о стране, куда скоро должна была направиться русская колонизация. Подобные же представления о северной Азии издавна распространены были и в остальной Европе. Если Герберштейн, относясь к ним с недоверием, не находит однако ж возможности совершенно отвергнуть их, то писатели XVII века пытаются уже по возможности объяснить эти баснословные рассказы. В Посольском приказе, в Москве, Олеарий говорил с двумя самоедами, понимавшими по-русски, которых соплеменники их послали к царю московскому с подарками; эти самоеды передали Олеарию подробности об образе жизни своего

* Подобную немую торговлю еще недавно вела одна отрасль тунгусов, обитающая в северных частях Енисейской губернии и Якутской области. О значении грустинцев и серпоновцев см.: «Географ. извест. о древн. России» в «Отеч. Зап.» 1853. № 6.

** Herberstein. P. 60—61.

племени, и ими он объясняет некоторые баснословные рассказы о северных странах. Рассказы о людях с собачьими головами, покрытых шерстью и т. п., по его мнению, произошли от того, что жители берегов Ледовитого океана носят особенного рода верхнюю одежду из звериных шкур, обращенных шерстью наружу; она закрывает тело с головы до ног и имеет один разрез около шеи; рукавицы пришиваются к рукавам, так что, когда в зимнее время дикарь надеет эту одежду, у него видно только лицо из отверстия около шеи*. Подобным образом объясняет Олеарий и басню о северных жителях, умирающих на зиму, применяя объяснение к образу жизни ближайшего и более известного ему племени самоедов. Они живут в шалашах, построенных наполовину в земле, с отверстием сверху, которое служит им трубой, а в продолжение зимы и дверью, ибо снег совсем засыпает обыкновенный выход. Тогда самоеды скрываются в своих шалашах, редко вылезая на открытый воздух, и сообщаются между собой подземными ходами, которые они прокапывают от одного шалаша до другого. Такую подземную жизнь они переносят тем легче, что в их стране зимой несколько месяцев продолжается непрерывная ночь. Эта особенность, заключает Олеарий, и послужила основанием басни о народах, умирающих на зиму и оживающих весной**. Во второй половине XVII века подобные рассказы считались уже сказками старух, по выражению Мейерберга. Между тем тот же Мейерберг называет самоедов людьми, которые едят друг друга, хотя Олеарий, на которого он при этом ссылается, говорит об этом, как о прошедшем, не решаясь признать, чтобы так было и в его время***.

Жилища самоедов простирались от р. Печоры до Каменного или Земного пояса (Северного Урала), Вайгачского пролива и Татарского моря****, далее за Урал, по обеим сторонам р. Оби, т. е. занимали две области, Югорию, между Печорой и устьем Кары, и Об-

* Olearius. P. 127.

** Ibid. P. 125—126.

*** Mayerberg. Vol. II. P. 99. Olearius. P. 125: «Ils (русские) vouloient marquer par là (названием Самоедов) que ces les estoient anthropophages; parcequ'en effet, ils mangeoient de la chair humaine; et mesmes celle de leurs amis trespassez, qu'ils méloient et maugeoient avec la venaison».

**** Так называет Олеарий, вероятно, Карское море.

дорию, по Оби*. В Печерской области, кроме самоедов, живут папины, около Папинова города. Весь приморский край от Урала до границ Норвегии, с находящимися к северу островами Ледовитого океана, сделался достоянием географии только со второй половины XVI века благодаря экспедициям, предпринятым компанией английских купцов для открытия новых стран и рынков**. К западу от Белого моря, по Мурманскому берегу, лежит Лапландия, крайние пункты которой суть Нордкап, Святой Нос (Sane Grease) и Кандакса. Обитающие на этом пространстве лопари охотно давали дань чиновникам, посылавшимся сюда из соседних государств Датского, Шведского и Московского: этим средством лопари надеялись приобрести себе право оставаться в покое от нападений этих государств: так прост и миролюбив этот народ, замечает один из агентов английской компании, описывая лопарей***. В области мурманских лапландцев главным пунктом служил Вардгуз, далее которого к западу запрещено было ходить русским. В Лапландии, принадлежавшей московскому государю, важными в торговом отношении пунктами были Кола и Кегор****. К югу от Лапландии до пределов Новгородской области простирается Карелия, несколько раз делившаяся и переходившая из рук в руки между двумя государствами*****. С этой стороны граница между Швецией и Московией около половины XVII века проходила в нескольких милях к югу от Нотербурга*****. Граница с Ливонией шла по р. Нарве, Чудскому озеру и Пейпусу, далее к югу пролегалась по полям недалеко от Печорского монастыря (в Псковск. губернии)*****. Граница с Польшей в XVII веке менялась неодно-

* Herberstein. P. 60; Olearius, loc. cit.; Hakluyt. Vol. I. P. 317.

** Новая земля и Вайгач впервые были открыты и описаны англичанами в 1556 году; Hakluyt. Vol. I. P. 306.

*** Hakluyt. Vol. I. P. 467. Флетчер говорит, что русские делили лопарей на мурманских, или норвежских, и диких. Ср. слова Р. Джонсона; Hakluyt. Vol. I, P. 316: «In which lande (Lappia) be two manner of people, that is to say, the Lappians and the Scrickfinnes, which Scrickfinnes are a wild people which neither know God nor yet good order».

**** К северу от Колы. Hakluyt. P. 329.

***** Hakluyt. Vol. I. P. 316.

***** Olearius. Vol. II; ср. Herberstein. P. 56.

***** Mayerberg. Vol. I. P. 63. Во второй половине XVII в. граница с этой стороны заходила на некоторое время далее Чудского озера к западу, захватывая Дерпт и некоторые другие города Ливонии.

кратно. После Смутного времени она опять отодвинулась от среднего Днепра ближе к Москве, оставив за собой Смоленск и Северную область, и только во второй половине XVII века возвратилась на Днепр, захватив сверх Смоленска с Северской областью и восточную половину Малороссии с Киевом. Со стороны Смоленска она шла даже западнее Днепра, именно по небольшой речке за Шкловом*.

Во второй половине XVII века так обозначали пределы Московского государства. К востоку оно граничит с реками Обью и Днепром; к югу с Малой Татарией или степями крымских татар, от которых отделяется реками Донцом, Десною и Пселом; к западу с Литвою, Польшей, Ливонией и Швецией по Днепру и Нарве; к северу граница заходит за Полярный круг и идет по Ледовитому Океану**. Заключающееся в этих пределах пространство известно было в Западной Европе под именем Московской или Великой России, чаще же называлось Московией***. Московское государство в XVII веке было самым обширным из всех Европейских государств: оно простиралось на 30 градусов, или 450 немецких миль, в длину и на 16 градусов, или 240 миль, в ширину**** (108 000 кв. км.).

* Tanner. P. 26. Avril. P. 284; Korb. P. 29. Пограничным литовским городом с этой стороны был Kadzin на реке Brzeza.

** Lyseck. P. 2: «Terminos haber ab ortu communes Europae fines, h. e. Obium et Tanaim fluviis». Автор описания посольств Карлиля с большой точностью передвигает древнюю границу Европы по Дону, далее к Востоку, на нижнее течение Волги, où il sépare l'Europe d'avec l'Asie. P. 25.

*** La grande Russie ou la Russie Moscovite, ordinairement nommée la Moscovie. Mayerberg. II. R. 37.

**** Olearius. P. 111; Lyseck. P. 2.

MOSCOVITA SIVE MOSCUS
militaris.

II. ПРИЕМ ИНОСТРАННЫХ ПОСЛОВ В МОСКВЕ

Иностранные известия XV и XVI вв. застают Московское государство в тот многознаменательный период его развития, когда оно, прочно утвердившись в своей первоначальной основной области и собрав средства и силы, обнаруживает в больших размерах стремление к распространению этой первоначальной области и быстро присоединяет к ней окрестные независимые княжества, с другой стороны, в то же время, образовав сильную верховную власть, дает ей окончательную победу над враждебными ей родовыми и дружинными притязаниями, завещанными прежней историей¹⁰. Таким образом, два главные явления, тесно связанные между собою, характеризуют внутреннее государственное движение означенного времени: объединение северо-восточной Руси под властью московского государя и торжество самодержавия этой власти. Но прежде, нежели войдем в подробности, которые сообщают иностранцы о Московском государстве, познакомимся с порядком приема иностранных посольств, приходивших к московскому государю и потом распространявших у себя дома сведения о виденном и слышанном в Московии. Это познакомит нас с первыми впечатлениями, которые испытывали западные европейцы в Московии, и вместе укажет нам, как московские люди, особенно московское правительство, относились к

заезжим иностранцам, как старались держаться перед ними и в каком виде представляли им положение своей страны.

Иностранный посол из более отдаленных западно-европейских государств был в XV в. редким, необыкновенным явлением в Москве; с XVI в. эти послы стали появляться здесь чаще и чаще, но и тогда появление их задавало важную работу разным служилым людям государства и занимало не одно заседание государственной думы. Приезд иноземного посла, кроме того, имел часто и важное торговое значение: часто вместе с посольством приезжал целый караван купцов с иностранными товарами.

Иностранные описания этих посольских поездок с Запада в Москву наполнены рассказами о лишениях и опасностях, которые посол встречал на своем пути. В конце XVI в., когда дорога в Москву была несколько уже проторена для западного посла, Поссевин, зная по опыту ее трудности, старается однако ж ослабить господствующее о них представление и говорит, что на этом пути не приходится переезжать ни чрез моря, ни чрез высокие горы, так что посол может доехать до самой столицы Московии на том же экипаже, на котором он выехал из Рима*; но западно-европейскому путешественнику, ехавшему в Москву, едва ли было легче от того, что ему на этом пути не приходилось переезжать через моря, а отсутствие высоких гор с избытком вознаграждалось обширными лесами и пустынями без следов дороги, где ему не раз приходилось ночевать под открытым небом.

Послы из западной континентальной Европы ехали в Москву обыкновенно чрез Польшу и Литву; в Кракове, если дело было зимой, ставили экипажи на сани и продолжали путь до Вильны. Отсюда открывались две большие дороги к Москве: одна более длинная, но менее трудная, шла через Ливонию на Новгород, другая, кратчайшая, но сопряженная с большими трудностями, шла чрез Минск, Борисов, Оршу, Дубровну на Смоленск и оттуда через Дорогобуж, Вязьму и Можайск. Герберштейн в 1516 году избрал третий, средний путь — из Вильны на Полоцк и оттуда чрез Опочку и Новгород; но кажется, он сильно раскаялся в этом, потому что ему пришлось ехать глухим

*Possevino. Moscovia. P. 84.

лесным краем, пограничным между Литвой и Москвией, и потому страшно разоренным набегами с обеих сторон, небезопасным от разбойников и наполненным таким множеством озер, болот и рек, что и сами туземцы, по его выражению, не знают им ни числа, ни названий. Этот путь от Вильны до Новгорода он проехал в марте в 22 дня; оттуда в апреле в неделю доехал до Москвы. В начале второй половины XVI в. англичане впервые проехали в Москву с севера, Северным океаном и Белым морем; но русские послы уже в конце XV в. ездили этим путем в Данию.

Подъезжая к московским пределам с запада, посол посылал в ближайший московский город известить о себе наместника, причем объявлялось, какого он звания, как велика его свита и каким облечен он достоинством или характером. В Москве строго различали три степени посольского достоинства: высшее достоинство принадлежало большому или великому послу, ниже было звание посланника, последнею была степень гонца. С различием этих степеней сообразовывался самый прием посла. Когда пристава узнали, что Мейерберг, объявивший себя на границе цесарским посланником, в грамоте императора прописан большим послом, они не знали, как принимать его, и просили вывести их из затруднения, точнее объяснив им свой характер. Наместник тотчас послал с известием о посольстве к государю, а навстречу послу отправлял более или менее значительного человека со свитой, смотря по характеру посла и по важности того государя, от которого шел он. Посланный, в свою очередь, посылал с дороги кого-нибудь из своей свиты объявить послу, что навстречу ему идет большой человек, который дождет-ся посла в таком-то месте. Большой человек встречал посла, стоя со свитой среди дороги, и ни на шаг не сторонился, чтобы дать проехать иностранцам, которые должны были при проезде сворачивать с дороги. Зимой, когда такой объезд был не очень удобен, подле дороги расчищали снег, чтобы дать послу возможность проехать мимо, не завязнув в снегу. Сошедшись, обе стороны, прежде чем начать объяснение, должны были сойти с лошадей или экипажей, о чем послу делалось внушение заранее; отговориться от этого нельзя было ни усталостью, ни болезнью, потому что — объясняли встречавшие — ни говорить, ни слушать, что говорят от имени государя, нельзя иначе, как стоя. При

этом, оберегая честь своего государя, московский большой человек тщательно наблюдал, чтобы не сойти с лошади первым, отчего часто происходили важные недоразумения и споры с иностранным послом. Когда все спешивались, большой человек подходил к послу с открытой головой и в довольно длинной речи извещал его, что он послан наместником великого государя проводить посла до такого-то города и спросить его, благополучно ли он ехал. При этом, где случалось упоминать имя государя, сказывался его титул с перечислением главнейших княжеств. Затем посланный протягивал послу руку и, дождавшись, пока тот обнажит также голову, уже неофициально спрашивал его, благополучно ли он ехал. Наконец, сев на лошадей или в экипажи, посол со свитой отправлялся объездом мимо большого человека, который при этом справлялся об имени и роде посла и каждого из его свиты, также об именах их родителей, о месторождении, какой кто знает язык, из какого звания, не родственник ли послу и т. д., о чем тотчас в подробности писали в Москву. За послом и его свитой двигались, на значительном от них расстоянии, посланный и его спутники, наблюдая, чтобы никто из иностранцев не отставал от своих. Ехали обыкновенно очень медленно, в ожидании ответа из Москвы, что иногда выводило послов из терпения. Герберштейн на расстоянии 12 нем. миль от границы до Смоленска ночевал три раза, дважды под открытым небом на снегу. Проводники готовили ночлег и доставляли все нужное. В больших городах, например Смоленске, Новгороде, наместники угощали послов разными родами вин и медов, и если посол был от важного государя, дружбой с которым дорожили, его допускали в крепость города, делая ему честь пушечной пальбой. В Смоленске или Новгороде посла встречали обыкновенно пристава из Москвы и провожали до столицы. Если ответ из Москвы не приходил долго, то пристава под разными предлогами старались как можно долее проволочить время, не двигаясь вперед. Съестные припасы доставлялись иногда вместе с приставами из Москвы и следовали за посольским поездом, потому что в пустынной стране, по которой лежала иногда дорога, их трудно было доставать в местах стоянок. Случалось, что благодаря дорожным приключениям или корыстным расчетам приставов, послы оставались на целый день без пищи; между тем

пристава строго смотрели, чтобы посол ничего не покупал дорогой. Однажды это так раздражило Герберштейна, что он пригрозил разбить пристава голову, если он не будет лучше заботиться о пище и не позволит покупать ее у местных жителей.

По обычаям московского двора, иноземное посольство, с самого вступления на почву Московского государства, освобождалось от всяких путевых издержек. Не только продовольствие посольства, но и перевозка его до столицы производилась на счет московского государя. Для последней цели по главным дорогам устроены были ямы или станции, которые ставили для посольства известное количество верховых лошадей и подвод для перевозки посольства и его багажа. Подводы состояли из телег, запряженных каждая в одну лошадь. С этими подводами приставам и посольству было немало хлопот. Подводчики, стараясь избавиться от повинности, иногда тайком убегали от посольства, уводя с собой лошадей или даже бросая их на волю посольских служителей. Корб советует строго смотреть за ямщиками при сменах, чтобы они чего не стащили у посольства, потому что, замечает он, эти извозчики страшные воры. Другое затруднение происходило от дурного состояния дорог: мосты чинили иногда во время самого проезда послов, при чем происходили шумные сцены у приставов с местными поселянами*. В полумиле от Москвы послу объявляли гонцы, что в таком-то месте ждут его большие люди государя, пред которыми надо сойти с лошадей или экипажей на землю. Придворные, выезжавшие навстречу послу, старались более всего повести дело так, чтобы посол первый обнажил голову, первый вышел из экипажа, или слез с лошади: это значило оберегать честь государя. Если посол не знал хорошо обычаев московских дипломатов, он не обращал на это внимания и много проигрывал во мнении последних. Но послы, знавшие, какое значение придавали в Москве этим формальностям, особенно польские, принимали подобные же меры со своей стороны, и оттого при встречах происходили бесконечные, часто шумные ссоры. В ожидании посла высланные встречать его стояли на дороге длинным рядом, и когда обе стороны спешивались и сходились вместе, один из больших людей от имени

* Корб. Р. 36.

государя (причем сказывался уже полный титул) справлялся о здоровье государя, от которого ехал посол; другой таким же образом извещал, что они назначены проводить посла до квартиры и заботиться о доставлении ему всего нужного. Если послов было двое или более, то с такими речами обращались к каждому отдельно. Затем первый прежним официальным образом справлялся от имени своего государя, благополучно ли посол ехал; другой предоставлял ему оседланных лошадей в подарок от государя. Пока говорили эти речи и отвечали на них, обе стороны стояли с открытыми головами, потом подавали друг другу руки и неофициально повторяли взаимные приветствия. Затем обе стороны садились на лошадей или в экипажи, причем вся ловкость московских приставов устремлялась на то, чтоб прежде посла надеть шапку, первым вскочить на лошадь или в экипаж. Чтоб вернее успеть в этом, прибегали ко всевозможным уловкам: Олеарий рассказывает, что при встрече турецкого посла в 1634 г. последнему нарочно подали горячую лошадь, на которую нельзя было сесть скоро. По переезде чрез Москву-реку поезд встречали многочисленные толпы народа, сбегавшегося из города и окрестностей. Как здесь, так и в других значительных городах при проезде иностранных послов, по приказу государя, обыкновенно собирали народ в город из окрестных селений, в праздничном наряде, чтобы этим внушить послам выгодное понятие о населенности страны и зажиточности ее обитателей. В самых городах при этом случае запирали лавки, торговцев и покупателей гнали с рынка, ремесленники прекращали свои занятия и наполняли улицы, по которым проезжало посольство.

XVII в. еще чаще, нежели в XVI, стали являться в Москву блестящие посольства из Западной Европы, и в Москве старались принимать их с соответствующим великолепием и торжественностью: это был лучший случай блеснуть пред чужими людьми и внушить гостям самое выгодное понятие о хозяевах. Вследствие этого обрядность приема усложнялась еще более. Посольство до въезда в столицу останавливалось в каком-нибудь из подмосковных сел, чтоб приготовиться к торжественному въезду. Посольство выступало в сопровождении многочисленного московского конвоя; при въезде английского посольства в 1664 г. ехали 200 са-

ней, кроме посольских служителей, шедших пешком. Послов с обеих сторон окружали пристава. По мере приближения поезда посольского к Москве, его встречали один за другим отряды всадников, в одежде разных цветов; они выстраивались по обеим сторонам дороги, по которой двигалось посольство. Последний отряд, встречавший его под самым городом, был самый великолепный: это были «жильцы», на белых лошадях, одетые все в красное платье, с особенным украшением назади, похожим на крылья, которое некоторые иностранцы находили очень красивым*. Началось место, где посольство должны были встретить придворные сановники, и чтобы обе стороны могли прибыть сюда в одно время, перед посольством взад и вперед скакали гонцы из города с приказами ускорить или замедлить, а иногда вовсе остановить на несколько времени движение поезда. Оттого поезд двигался очень медленно: английское посольство, вступая в Москву 6 февраля 1664 г., с двух часов до ночи не могло проехать трех верст. Встретившись с упомянутыми сановниками и исполнив обычные формальности, послы вместе с новыми своими приставами перемещались в экипаж, обыкновенно высылавшийся для этого из дворца. Иностранцы подробно описывают взятые с казенного двора великолепные одежды, в которых являлись пристава и вся их свита; но особенно удивлялись множеству и богатству украшений, которыми покрыты были лошади московских сановников и всадников. При въезде в город посольская и московская музыка, не прерывавшаяся с самого начала поезда, начинала играть громче. По обе стороны улиц, по которым проезжало посольство, стояло рядами несколько тысяч стрельцов. Такое событие, как въезд великолепного иностранного посольства, не могло не возбуждать любопытства в жителях Москвы. Они высыпали из домов и во множестве покрывали улицы, лавки, окна и кровли домов. При въезде польского посольства 1678 г., отличавшегося особенной пышностью, между зрителями видно было даже много девиц, набеленных и нарумяненных. Можно было подумывать, замечает Мейерберг при описании своего въезда

* Это были особенного покроя терлики, которые надевали конные «жильцы» при торжественных придворных случаях. См. «Описание одежды и вооружения российских войск». Ч. 1. Примеч. 166.

в Москву, что в это время ни одной души не оставалось в домах.

Западная Европа более и более привлекала к себе любопытство московских людей, а чтобы удовлетворить этому любопытству, посмотреть на ее представителей, понемногу начинали жертвовать вековыми предубеждениями, и со второй половины XVII века встречаем известия, ярко рисующие это стремление. Областные правители при проезде иностранного посольства начали чаще нарушать принятый обычай не видеться лично с послами; воеводы открывали им доступ в крепости, приглашали к себе на пир, отваживались даже показывать иностранцам своих жен, исполнявших при этом все обычаи, которыми сопровождалось явление хозяйки пред почетными гостями. Рассказывают об одном смоленском воеводе, который, при въезде посольства в город, переодетый вмешался в толпу крестьян, помогавших поднять опрокинувшийся экипаж посольства. То же любопытство проникало и в такую сферу, где самое общественное положение заставляло с особенной строгостью держаться в пределах принятых обычаев.

При въезде Карлиля в Москву в 1664 году царь с царицей и детьми решились тайком посмотреть на блестящий поезд и для этого поместились где-то у ворот кирпичной стены, чрез которые должно было проехать посольство. Так как въезд происходил ночью, то около этого места улица была ярко освещена. Перед самими воротами пристава выдумали какой-то предлог к остановке поезда, продолжавшейся около четверти часа, чтобы дать царю и его семейству время насмотреться на иностранцев. Царица Наталия Кирилловна упросила царя в 1675 г. назначить аудиенцию цесарскому послу де-Боттони в селе Коломенском, где ей удобнее было смотреть на посольство, и, приближаясь к селу, пристава нарочно вели поезд не прямой дорогой и замедляли его движение, чтоб царица дольше могла любоваться зрелищем из дворцового сада. В продолжение аудиенции она, поместившись на постели в соседней комнате, смотрела чрез отверстие в двери на представление посольства; но маленький Петр выдал мать, неосторожно растворив дверь прежде, чем посол успел выйти из приемной залы. Наконец в 1698 г. с той же целью решились провести посольство чрез

Кремль, что изумило и иностранцев, и москвичей*.

В XVI веке в Москве отводили посольству квартиру в пустом здании без мебели, даже без постелей. Когда Герберштейн напомнил об этом приставам, они отвечали, что у них не в обычае давать послам постели. Пристава каждый день приходили к послу, спрашивая, не терпит ли он в чем недостатка. Съестные припасы приносил дьяк, особо для того назначенный. В обращении с послами пристава наблюдали строгое различие, смотря по тому, откуда и с каким характером приезжал посол: с большим послом обращались не так, как с посланником или гонцом; с послом немецким не так, как с польским, литовским и проч. Так же строго, до мелочей определено было количество всех припасов, выдававшихся послу ежедневно: хлеба, соли, мяса, перцу, овса, сена и даже дров для кухни. Если посол хотел купить что-нибудь на рынке, пристава очень сердились и всеми мерами старались не допустить до этого, говоря, что это значит наносить бесчестье государю. Спустя дня два по приезде, пристава выведывали чрез переводчиков, что намерен посол дать им в подарок, прибавляя, что они должны донести об этом государю. Посевин сильно жалуется на их назойливость в этом случае и советует прямо отказывать им, или обещать с условием, если будут хорошо вести себя**.

Квартира послам обыкновенно отводилась вне Кремля; останавливаться в Кремле не дозволялось. Контарини, по ходайству русского посла, с которым он возвращался из Персии, приехав в Москву, поселился было в доме приятеля своего Аристотеля, недалеко от дворца, но через несколько дней получил приказ перебраться из Кремля на посад***.

Известия XVII века подробнее описывают и помещение и содержание послов в Москве. Посольству, с которым в 1634 г. приехал в Москву Олеарий, отведено было помещение в двух обывательских домах в Белом городе, потому что случившийся перед этим пожар истребил дом, в котором обыкновенно останавливались иностранные посольства. Во время пребывания Олеария в Москве этот дом был возобновлен. Усиление дипломатических сношений с иноземными дворами

* Olearius. P. 24 и след.; Mayerberg. Vol. I. P. 97; Carlisle. P. 120; Lyseck. P. 34, 48 и след.; Tanner. P. 43—49; Korb. 40.

** Herberstein; Possevino.

*** Контарини. С. 108.

заставило подумать об устройстве для иностранных посольств помещения более просторного, более соответствовавшего достоинству государя и блеску его двора. Вследствие этого при Алексее Михайловиче построено было великолепное каменное здание, которое подробно описывает Таннер. Этот новый посольский двор находился в Китае-городе, недалеко от Кремля*. Это было обширное здание в 3 этажа, с 4 башенками по углам. Над подъездом возвышалась пятая, большая башня, вокруг которой устроены были в 3 ряда, один над другим, балконы («гульбища»), откуда открывался красивый вид на Москву. В этом здании в 1678 г. без труда поместилось с экипажами и лошадьми польское посольство, состоявшее более чем из 1500 человек. Среди здания находился квадратный двор, с колодезем посредине. В комнатах вокруг стен шли лавки; в одной палате посредине стояли длинные столы с такими же длинными скамьями, покрытыми, как и лавки, красным сукном. Таким же сукном обита была нижняя часть стен над лавками, сколько могла захватить спина сидящего человека. В одной из внутренних комнат стены обиты были златотканными обоями, на которых изображалась история Сампсона. Двое обширных сеней служили местом прогулки и приемными залами. Окна в здании были узки и малы, пропускали скудный свет; в них было больше железа и камня, нежели стекла, снаружи к ним приделаны были железные ставки. При доме были три обширные кухни с кладовыми, погребами и прочими хозяйственными принадлежностями**.

Во время пребывания послов в Москве их окружали самым бдительным надзором. При дверях занимаемого ими дома ставились «караульщики», особые приставники сопровождали иностранцев, когда они по каким-нибудь делам выходили со двора, что, впрочем, не дозволялось без уважительной причины. Никому также нельзя было, не навлекая на себя опасного подозрения, приходить к послу и говорить с ним по частным делам; даже когда кто-нибудь из посольства заболел, к нему не допускались или редко допускались придворные лекаря из иностранцев — единственные тогда лекаря в Москве***.

* Майерберг замечает, что он находился недалеко от церкви Илии Пророка, куда бывал торжественный царский выход 20 июля. I. С. 156.

** Olearius. P. 25, 40; Tanner. P. 50.

*** Possevino. P. 36, 37, 98.

Все иностранцы XVI века, ездившие послами в Москву и описавшие свои поездки, с большей или меньшей горечью жалуются на дурное обращение с ними московских приставов, на стеснения, которым посол подвергался в Москве, говорят, что с ними обращались презрительно, держали их скорее как пленников, нежели как министров иностранного государя, едва позволяли им выходить из квартиры с провожатыми, которые зорко следили за каждым их шагом. Олеарий, всегда так аккуратно отмечающий перемены и улучшения, замеченные им в жизни современного ему Московского государства сравнительно с прежним временем, знает все неудобства, которым в былое время подвергались в Москве иностранные послы; но он оговаривается при этом, замечая, что в его время положение посла в Москве много изменилось к лучшему, что послов принимали тогда с большей вежливостью, и после первой аудиенции посол и его свита без труда могли выходить из квартиры и осматривать город, даже без провожатых. Оттого европейские государи, добавляет Олеарий, не боятся теперь посылать в Москву послов, а некоторые даже имеют там постоянных резидентов. При Олеарии в Москве жили шведский и английский резиденты; во второй половине XVI века упоминаются, кроме них, резиденты датский, польский и персидский. Но до первой аудиенции послов держали по-прежнему в самом строгом заключении. Тот же Олеарий говорит, что едва голштинское посольство разместилось на своей квартире, пристава принесли ему суточное содержание и, удаляясь, заперли ворота и приставили к ним 12 стрельцов с приказанием никого не пускать ни со двора, ни на двор; одни только пристава приходили к послам каждый день, чтоб развлекать их и справляться, не имеют ли они в чем нужды. После первого представления государю посольство получало более свободы. Посольству, с которым Корб приезжал в Москву, позволено было даже до первой аудиенции ездить к резидентам, жившим в Москве, и принимать их у себя; но это было уже в последние годы XVII века, когда многое пошло не по-старому. Устранены были некоторые жесткие формальности в обращении с послами; подозрительность к иностранцам не обнаруживалась так резко, как это бывало прежде, но она не исчезла и во второй половине XVII века. С прежней зоркостью следили за тем, чтобы посольство не входило в слиш-

ком короткие сношения с жителями Москвы, особенно с иностранцами. Послам говорили, что их могут посещать все, кому будет угодно, но на самом деле устраивали так, что немногим удавалось проникнуть в посольский дом. Стража подвергала строгому допросу желавших видеть посла и своей бесцеремонностью у многих отбивала охоту к подобным посещениям. Если иностранец, служивший в русском войске, просил у своего начальника позволения повидаться с посольскими людьми, ему не отказывали, но внушали при этом оставить свое намерение, чтоб не возбудить подозрения при дворе. Женщинам вовсе запрещено было входить в посольский дом. Карлиль никак не мог добиться позволения английским купчихам из Немецкой слободы видаться с его женой. Из отряда стрельцов, стороживших посольский дом и ежедневно сменявшихся, несколько человек размещались по потаенным углам двора, с целью предупредить секретные посещения посольской квартиры; под каждым окном также стояло по несколько сторожей. Так же заботливо старались помешать сношениям посольств со своими дворами. Мейерберг напрасно просил у московского двора и устно и письменно позволения сообщить в Вену некоторые известия о себе. Письма, посылавшиеся из-за границы послам в Москву, вскрывались, прочитывались и потом уничтожались*.

В описаниях иностранных посольств находим несколько указаний на количество припасов, ежедневно отпускавшихся на содержание посольства во время его пребывания в Москве, равно как и на пути к ней. Английскому послу Рандольфу со свитой, состоявшей из 40 человек, в 1568 г. на пути к Москве пристава ежедневно выдавали припасов на два рубля. Гольштинскому посольству 1634 года, свита которого состояла из 34 человек, ежедневно выдавалось на содержание по 2 руб. 5 коп., и благодаря дешевизне жизненных припасов, которую послы встречали на пути, этой суммы было совершенно достаточно для продовольствия их со свитой. По прибытии в Москву то же посольство ежедневно получало на содержание по 62 карава хлеба, по четверти быка, по 4 барана, по 12 кур, по 2 гуся, по одному зайцу или тетереву, по 5 яиц, по 10 коп. на свечи и по 5 коп. на мелочные расходы

* Olearius. P. 26, 184; Mayerberg. Vol. I. P. 132—135; Vol. II. P. 138; Carlisle. P. 1417; Lyseck. P. 89; Korb. P. 49.

по кухне, по четверти ведра испанского вина, по два ведра меда, по три четверти пива и несколько меньше водки*; кроме того посольским слугам отпускалось по бочке пива, по боченку меда и по боченку же водки. Сверх всего этого выдавали на неделю пуд масла и столько же соли, три ведра уксусу, да по воскресеньям прибавляли мяса по 2 барана и одному гусю. В день прибытия посольства в Москву, также в дни больших праздников и придворных торжеств, содержание посольства удвоялось**. Иногда пристава приносили посольству уже готовые кушанья, что ставило иностранцев в большое затруднение, потому что московские блюда редко были им по вкусу, и гораздо удобнее было для них получать сырые припасы, которые они могли готовить по-своему. С XVII в. начинаем встречать известия о том, что пристава на пути к Москве предоставляли послам на выбор — получать ли содержание припасами или брать прямо деньги, назначенные для этого из казны; послы, разумеется, охотнее соглашались на последнее, тем более, что при покупке припасов самим посольством пристава назначали таксу, чтоб продавцы не могли запрашивать слишком много за свои товары***.

В первые дни, по прибытии посольства в Москву, пока в думе наводились справки и шли рассуждения о нем, послам предоставлялось отдыхать от дороги; но иногда это отдохновение продолжалось так долго, что наскучивало им. Здесь также дело не обходилось без проволочек, подобных тем, какие испытывал посол на пути к Москве: назначат день для представления государю, потом отложат и т. д. Наконец объявляли решительный срок; накануне его пристава несколько раз приходили к послу, внушая ему приготовиться к явлению пред светлые очи государя. Утром, на другой день, те же пристава являлись к послу в богатых парчевых одеждах, которые они надевали в сенях посольского дома, и объявляли о приближении бояр, которые имели представить посла во дворец, добавляя, чтобы посол вышел к ним навстречу. Бояре,

* Olearius. P. 96: «Huit pots d'hydromel, trois pots de bière et trois petits pots d'eau de die». Так как в списке припасов, выдававшихся на содержание Боуса, галлон, содержащий 8 пинт, приравнивается к тогдашнему московскому ведру, а пинта — 1/2 pot; то мы полагаем в тогдашнем ведре 4 pots. См. Nakluyt's Collektion. Vol. I. P. 519.

** Olearius. P. 15, 96.

*** Ibid.; Корб. P. 34.

с многочисленной свитой подъехав к посольской квартире, сходили с коней, но не входили в дом, а ждали выхода посла, стараясь сделать так, чтобы посол дальше вышел к ним навстречу. Сев на коней или в экипажи, которые присылались из дворца, отправлялись в Кремль, обыкновенно чрез Спасские ворота. Поезд, как и при въезде в столицу, двигался между рядами нескольких тысяч стрельцов, с прежними замедлениями и остановками, чтоб привести послов во дворец именно в ту минуту, когда царь садился на престол. Массы народа по-прежнему наполняли ближайшие улицы и покрывали окна и кровли домов. В Кремле поезд встречали разные служилые люди в богатом платье, которые вели посла к дворцу. В 1582 г., когда происходили беседы Поссевина с царем о вере, при проходе иезуита во дворец огромные толпы придворных служителей и народа наполняли кремлевскую площадь, ступени крыльца, сени, окна и переходы дворца. Идя на третий диспут, Поссевин видел на площади Кремля по крайней мере тысяч пять простого народа. Далеко не доезжая до крыльца, все сходили с коней и шли далее пешком. Подле крыльца у послов и их свиты отбирали оружие, с которым никто не мог являться пред государем. С Красной площади во дворец вели три лестницы, из которых каждая имела, как объясняли Лизеку, особенное назначение в обряде приема посольств: среднюю вводили во дворец послов турецких, персидских и прочих бусурманских, правую — послов христианских, левою — тех из последних, которым хотели оказать особенную почесть*. На половине лестницы посла встречали государевы советники, которые вели его до вершины лестницы, где, передав его высшим советникам, сами следовали позади. При входе в палаты посла встречали первостепенные бояре, которые вели его к государю. Передние палаты, которые проходил при этом посол, были наполнены князьями, боярами и другими важнейшими придворными людьми, между которыми особенное внимание иностранцев обращали на себя старики с длинными седыми бородами, сидевшие и стоявшие вдоль стен передних палат: это были гости или важнейшие купцы государевы, присутствовавшие здесь для того, чтоб своей почтенной наружностью придать больше важности и тор-

* О положении этих трех лестниц см. «Домашний быт русских царей» И. Забелина. С. 68.

жественности обстановке приема. Как на них, так и на сановниках, находившихся здесь, были богатые парчевые кафтаны и превысокие шапки, похожие на башни, по выражению Рейтенфельса*. Проходя мимо этих людей, Герберштейн был несколько удивлен одной замечательной в них странностью, «при нашем появлении,— говорит он, — никто из них не сделал нам никакого приветствия и даже приятельски-знакомые с нами, когда мы кланялись им и заговаривали с ними, оставались совершенно неподвижны и ничего не отвечали нам, как будто не замечали наших поклонов и вовсе не были с нами знакомы. При входе посла в палату, где находился сам государь, бояре, сидевшие по лавкам в шапках, вставляли и снимали их. На них длинная до пят одежда (ферезь), которую иные, за неимением своей, брали на этот случай из государственных кладовых. Ченслер, представлявшийся царю в 1553 г., видел здесь бояр человек до 100 во время приема польского посольства 1678 г. Таннер насчитал их до 500, все они хранили глубокое молчание в продолжение аудиенции, пристально следя за всеми движениями государя**. Государь сидел на возвышенном месте, на престоле, по правую сторону которого на стене висел образ Спасителя, а над головой государя — образ Божией Матери. Престол помещался не посредине палаты, а к углу, между двумя окнами***. По правую сторону на пирамидальной подставке из чеканного серебра находилась держава из массивного золота. По обеим сторонам около престола стояли четыре телохранителя (рынды «для бережения») в белых одеждах (турских кафтанах) с серебряными бердышами на плечах. На государе была также длинная до пят одежда; он сидел с открытой головой; по правую сторону около него на скамье лежала остроконечная шапка (колпак), похожая на голову сахара; в руке держал он посох с изображением креста наверху, унизанный довольно большими хрустальными шариками. Олеарий видел в руках у государя золотой посох, который был так тяжел, что государь для облегчения держал его попеременно то в той, то в другой руке. Здесь же на скамье стояла вызолоченная лохань с рукомойником, покры-

* Это были так называвшиеся «горлатные» шапки. См. «Описание одежды и вооружения российских войск». Т. I. Рис. 13 и 14.

** *Miro silentio ab ore nutuque Principis pendent*, по выражению Посевина.

*** *Olearius*. P. 30

тым полотенцем. Эта лохань должна была неприятно поражать послов, ибо известно было, что в ней государь моет руки после приема иностранных послов; если верить словам Герберштейна и Мейерберга, это омовение совершалось только после приема католических послов. Поссевин выходит из себя при одном воспоминании об этой лохани. Впрочем, во второй половине XVII века только один Мейерберг упоминает об этой лохани; Рейтенфельс, напротив, говорит, что обычай выставлять лохань при приеме и даже мыть в ней руки по окончании его давно уже оставлен царями.

Как только посол входил в приемную палату, думный дьяк или один из первостепенных бояр докладывал о нем государю. Став против престола, посол передавал письмо и грамоту от своего государя, при имени которого московский государь вставал и сходил с верхней ступени престола. Когда оканчивались первые приветствия, государь спрашивался о здоровье своего брата-государя и, пока посол отвечал, садился на прежнее место; потом, по приглашению дьяка, посол подходил к престолу и целовал руку государя, который при этом спрашивал его, благополучно ли он ехал. Затем поклонившись сперва государю, потом на обе стороны князьям и боярам, во все это время стоявшим из почтения к послу, последний, по приглашению того же дьяка, садился на скамью, которую ставили против государя, между тем как свита подходила к государевой руке. Послы из Польши, Литвы, Ливонии, Швеции и проч. являлись во дворец с подарками или «поминками», которые думный дьяк или один из приставов подносил государю. Каждый из членов посольской свиты приносил особенный подарок, и о каждом докладывалось особо, причем громко и внятно произносилось его имя и назывался подарок. В стороне сидел дьяк и записывал каждый подарок с именем того, кто его подносил. Герберштейн явился без поминка и, когда ему напомнили об этом, отвечал: «у нас этого не водится». Но в XVII веке и царские послы обыкновенно приезжали с подарками. Посидев немного, посол получал от государя приглашение отведать с ним хлеба-соли. После того посла отводили в другую палату, где он излагал и обсуждал с думными людьми дела, касавшиеся его посольства. Если посол приезжал для важных и сложных переговоров, эти рассуждения тянулись несколько дней, даже месяцев, сопровождаясь многими формаль-

ностями, крайне утомлявшими иностранцев. Всякий раз, когда посол делал новое предложение, рассуждавшие с ним думные люди шли к государю за ответом, который, иногда уже на другой день, в точности передавали послу. Когда для ответа требовалось много предварительных справок, его откладывали на несколько дней. Поссевин дивился той тщательности, с которой московские думные люди выкапывали из архивных дипломатических актов за долгое время все, что могло обратить переговоры в их пользу. Потому ответы выходили иногда очень длинные. Медленность переговоров увеличивалась еще от порядка, в каком передавались ответы. В них, где было нужно, повторялись сполна титулы обоих государей, между которыми велись переговоры, и дословно передавались предложения посла. Изложенный таким образом на нескольких длинных листах ответ разделялся по листам между думными людьми и каждый из них поочередно прочитывал свой лист послу. Чтение это продолжалось иногда часа по 4, хотя, по замечанию Поссевина, весь ответ можно было бы передать менее чем в час. Копия с прочитанного акта отдавалась послу.

Мейерберг описывает порядок переговоров, которые он вел в Москве с боярами. Посла с его товарищем ввели в довольно обширную (ответную) залу, в которой подле угла стоял длинный и узкий стол. Послов пригласили сесть за стол на приделанной к стене лавке; в углу, на почетном месте, поместился первый из бояр, назначенных для переговоров, кн. Алексей Никитич Трубецкой. На одной с ним лавке, но дальше от стола, поместились двое других бояр; думный дьяк сел особо, на скамье недалеко от стола. Когда все уселись, первый боярин встал, за ним поднялись и прочие присутствующие. Призвав Св. Троицу и сказав полный титул царя, он объявил послам, что государь выслушал их предложение и велел перевести письмо цесаря. Второй боярин, сделав такое же предисловие, только сократив титул, сказал, что государь прочитал это письмо со вниманием и увидел из него, что послы имели сделать ему некоторые предложения, касающиеся общего блага обоих государств. Третий боярин тем же порядком продолжал, что в письме написано, чтобы верили предложениям, которые должны были сообщить послы, что они, бояре, готовы исполнить. Наконец, думный дьяк, еще раз повторив то же вступление, объявил, что им,

думным людям, приказано от государя выслушать предложение послов. Тогда послы, встав вместе с прочими присутствующими, прочитали полные титулы сперва цесаря, потом царя; затем все опять сели, и товарищ посла прочитал по грамоте другое предложение своего государя, которое переводчик, по мере чтения, фразу за фразой, передавал по-русски. Выслушав предложение, бояре потребовали копии с него. Поговорив потом о разных делах, бояре с дьяком вышли из палаты, чтобы сообщить государю новое предложение послов; последние между тем одни оставались в палате. Четверть часа спустя возвратился один дьяк и объявил послам, что он докладывал государю об их предложении, но что ответ на него они получают после, а теперь могут возвратиться на свое подворье.

Дипломатические приемы московских бояр часто повергали в отчаяние иностранных послов, особенно тех, которые хотели вести дело прямо и добросовестно. Они горько жалуются на двуличность и бесцеремонность московских дипломатов, на их непостоянство и легкость, с которой они давали и нарушали обещание. Чтоб не попасть в их сети, недостаточно было увериться, что они лгут; надо было еще решить, куда метит эта ложь, что о ней подумать. Если их уличили во лжи, они не краснели и на упреки отвечали усмешкой. Как бы точно и решительно ни был определен и установлен какой-нибудь пункт переговоров, в случае нужды они всегда находили возможность, посредством разнообразных заученных толкований, ослабить его силу или даже представить его в другом, неожиданном виде. Отличаясь такими качествами, московские думные люди могли бы назваться ловкими дипломатами, если бы в равной степени обладали другим необходимым для этого условием — знанием политических дел Европы. Это знание было у них крайне бедно и черпалось из скудных и мутных источников. Прусская или голландская газета, занесенная в Москву иноземным купцом, которой они верят, по выражению Мейерберга, как дельфийскому оракулу, пленный солдат, готовый всего наговорить при допросе, лишь бы выпутаться из беды, — вот почти весь круг обыкновенных источников, из которых заимствовались сведения о том, что делалось в Европе¹¹. Все это, по словам того же иностранца, до того затрудняло деятельность западных послов в

Москве, что им часто приходилось раскаиваться в том, что они взяли на себя такую обязанность*.

Пока посол рассуждал с боярами, готовили обед. При входе посла в столовую все приглашенные, уже сидевшие по местам, прежним порядком вставали, на что посол отвечал поклонами и садился на указанное государем место. Среди столовой стоял большой поставец, снизу квадратный, сверху суживавшийся пирамидально, уставленный множеством золотой и серебряной посуды, в котором особенное внимание англичан обратили на себя в 1553 году четыре огромные вазы до 5 футов вышиной. Вокруг, по сторонам столовой, расставлены были столы на известном расстоянии один от другого. Англичане в 1553 г. видели их по 4 на каждой стороне в золотой палате; эти столы стояли на помосте, возвышавшемся над полом на 3 ступени. Государь перед обедом снимал пышную одежду, в которой принимал послов, и являлся за стол в другой, обыкновенно белой, одежде, что, по объяснению Рейтенфельса, означало дружественное расположение. От стола государева до других оставляли столько пространства, сколько можно захватить распростертыми руками. Ниже государя сидели его братья или старшие сыновья, если были. На более значительном расстоянии от последних помещались важнейшие князья и бояре, по степени важности и значения у государя. За дальнейшими столами по обеим сторонам палаты садились остальные гости, приглашенные по особой милости государя; прямо против стола государева садились особо послы, а недалеко от них посольская свита. Столы покрывались чистыми, но маленькими скатертями и уставлялись сосудами с уксусом, перцем, солью в таком порядке, что на каждых 4 гостей приходилось по одной уксуснице, одной перечнице и одной солонке. Все эти сосуды были из чистого золота и серебра. Обыкновенно подавали столько разной посуды, что едва устанавливали ее на столах, а между тем недоставало многих необходимых принадлежностей европейского стола, что ставило иностранцев, обедавших у государя, в большое затруднение**. Салфеток не употребляли вов-

* Mayerberg. Vol. I. P. 115—122. То же самое говорит и Котошкин о характере и приемах московских думных людей, которым поручались дипломатические дела. Гл. IV. С. 24.

** D. Pointz a Buchau. P. 194; «Orbidus et quarum rerum apud nos usus est caruimus».

се, ножей, вилок и тарелок подавали очень мало. Бухау на парадном царском обеде не нашел в своем приборе ни ножа, ни тарелки; у сидевшего подле боярина ему удалось добыть один нож для себя и своего товарища, которым они и пользовались вместе в продолжение всего обеда. На обеде у первого самозванца Паерле видел перед столовой залой кучи серебряных сосудов, из которых некоторые были величиной с котлы и ведра; но на столах он не заметил ни тарелок, ни ложек, кушанья большею частью состояли из паштетов, дурно приготовленных *. Даже при Алексее Михайловиче, когда обедал у него Карлиль, каждому гостю подали только по одной тарелке на весь обед. Посуда подавалась не всегда в опрятном виде; поданная Карлилю серебряная посуда была так нечиста, что походила скорее на свинцовую. Пока расставляли посуду, в столовую входило несколько стольников в блестящих одеждах и, никому не кланяясь, не снимая даже высоких шапок, становились вокруг поставца. Государь, подзвав к себе одного из служителей, давал ему продолговатый ломоть хлеба и приказывал отнести его послу; подошедши к последнему, служитель громко объявлял ему, что великий государь жалует его, посылает хлеба с своего стола. Пока он произносил это, посол и прочие гости стояли. Приняв хлеб и положив его на стол, посол молча кланялся сперва государю, потом всем присутствующим на обе стороны. Такие же посылки делались и некоторым другим из приглашенных в знак особой милости государя, что каждый раз сопровождалось вставаньем всех гостей и поклонами получившего хлеб. Когда государь хотел оказать кому-нибудь самую большую милость и любовь свою, тому посылал соли с своего стола. После раздачи хлеба стольники выходили и приносили водку, которую обыкновенно пили перед обедом, потом жареных лебедей, составлявших первое блюдо на государственных обедах, когда не было поста. Государю подносили трех лебедей и он пробовал ножом, который лучше. Выбранный тотчас выносился, разрезывался на части и на 5 тарелках приносился опять государю. Отрезав по частичке от разных кусков, государь прежде отведал их стольнику, потом отведывал сам и посылал на тарелках послу и кому-нибудь из остальных гостей в знак

* Ulfeld. P. 35: «Imperator (Ив. В. Грозный) et filius utebantur cultris ad longitudinem dimidiae ulnae, poculo modo et cochleari ligneo».

особой милости, причем повторялась прежняя церемония вставаний и поклонов, доводившая непривычного иностранца до утомления. Остальные лебеди разрезывались и подавались гостям на тарелках, по 4 куса на каждой. Лебедей ели с уксусом, солью и перцем. Для той же цели во все время обеда стояли на столе сметана, соленые огурцы и сливы. В таком же порядке подавались и прочие блюда, с той, впрочем, разницей, что уже не уносились из столовой, подобно жареному. Об остальных блюдах иностранцы не сообщают подробностей; в подаче их они не находили никакого порядка и потому не могли припомнить, при множестве разных блюд, что за чем следовало. В пост первым кушаньем, которым открывался обед, была икра с зеленью. За ней на обеде, данном Карлилю, подали очень понравившуюся ему уху, потом рыбу в разных видах: вареную, жареную, в пирогах; всех блюд подано было до 500. Из напитков на столах стояла обыкновенно мальвазия и другие вина, также разных родов меда. В продолжение обеда у поставца стояли 4 прислужника с перекинутыми через плечо полотенцами и кубками в руках. Обыкновенно государь приказывал подавать себе кубок один или два раза в продолжение обеда. Когда он пил, подзывал к себе посла и ласково приглашал его, как и прочих гостей, хорошенько есть и пить. Многие иностранцы, зная обычай русского гостеприимства, сажались за стол с тревожной мыслью, что их заставят пить много, и Карлиль был очень рад, что его опасения на этот раз не оправдались, хотя в продолжение обеда ему часто напоминали не забывать государева здоровья. За столом говорили мало; изредка обращался государь к послу с каким-нибудь вопросом. Так в. кн. Василий Иванович между прочим спросил однажды Герберштейна, брил ли он бороду, и, получив утвердительный ответ, прибавил: «и это по-нашему», а сам первый из московских государей, замечает при этом Герберштейн, обрил себе бороду в угоду второй своей жене. Беседа оживлялась перед десертом, когда посол должен был подойти в столу государя и взять из рук последнего задравный кубок. Карлиль при этом принужден был выпить предложенный царем кубок в память «мученика» короля Карла I, и царь долго говорил с послом об Англии, о польской войне, о его посольстве. Между тем стольники, в начале обеда бывшие в далматиках, наподобие левитов, по выраже-

нию Герберштейна, и подпоясанные, среди обеда переодевались в терлики, усыпанные драгоценными камнями. Этих стольников на посольских обедах насчитывали иногда до 150, и в продолжение обеда они три раза переменяли платье. Обед продолжался три или четыре часа, иногда до самой ночи, так что оканчивался уже при огне; обед, данный Карлилю, тянулся от 2 до 11 часов пополудни. По окончании стола государь отпускал всех гостей домой; в 1553 г. англичане очень удивлялись, когда при этом царь назвал по имени каждого из многочисленных гостей, и недоумевали, как мог он помнить столько имен.

Но угощение посла не оканчивалось в этот день приемным обедом во дворце. Те же люди, которые привели посла во дворец, вели его обратно на квартиру и приносили с собой серебряные чарки и другие сосуды с напитками, преимущественно с разными медами. Таким образом, в посольском доме пристава устраивали настоящую попойку; это называлось «поить посла», причем главнейшей заботой приставов было во что бы ни стало напоить посла как можно пьянее. Герберштейн дивится их умению потчевать в этом случае. Отказываться от приглашений не позволялось ни под каким предлогом, потому что пили сперва за здоровье великих государей, а потом их братьев, сыновей и других родственников, а когда и их мало, начинали пить за здоровье важных лиц обоих государств. Осушив несколько чарок, говорит Герберштейн, не иначе можно было избавиться от дальнейшей попойки, как притворившись очень пьяным или спящим. Из рассказов о польских и татарских посольствах мы знаем, что пристава часто вполне достигали своей цели — напоить посла, причем дело не обходилось часто без печальных историй. Но при этом достигались иногда и другие важные цели: подпивший посол не раз проговаривался о том, что ему приказано было держать только на уме. Олеарий замечает, что с некоторого времени при Московском дворе стал выводиться обычай приглашать послов после первой аудиенции к государеву столу; послам объявляли обыкновенно, что им пошлют пищу со стола государева на посольское подворье. Действительно, описания приемных обедов во дворце у иностранцев XVII в. встречаются редко; зато находим не лишние интереса подробности об угощении послов на их квартире. По возвращении последних с первой

аудиенции на посольский двор привозили несколько телег с напитками и кушаньями, изготовленными на государственной кухне, с подвижными плитами для разогревания и т. д. Пристав покрывал скатерью только конец стола, где должен сидеть посол, и только для него клал нож, вилку и ложку; свита должна была обойтись без этого. Кушанья, состоявшие преимущественно из разного рода печений, затейливо приготовленных, так щедро приправлялись маслом, луком и чесноком, что иностранцы с трудом могли есть их*, да об этом и не заботились; московское хлебосольство выражалось вовсе не в «яствах». Пристав приносил с собой длинный список «здоровий» и в продолжение стола предлагал их одно за другим, начиная с обеих государей, титулы которых сказывались при этом сполна на бумаге, не выходявшей из рук пристава до конца обеда. В подаче напитков сохранялся строгий порядок. Для низших служителей посольства выставлялся среди двора большой сосуд с водкой, из которого всякий черпал, сколько хотел.

В остальные дни государь часто посылал послу кушанья со своего стола. По окончании переговоров, для которых приезжал посол, государь иногда приглашал его с собой на охоту или какую-нибудь другую потеху, а перед отъездом — на прощальный обед. В конце его государь, встав со своего места, приказывал подать себе кубок, говоря, что он пьет в знак любви и за здоровье своего брата-государя, прося посла передать последнему все, что он здесь видел и слышал. Потом государь подавал кубок послу, приглашая выпить его также за здоровье своего государя. Этот кубок, в знак особенной милости, иногда дарился послу. Приняв его, посол отступал несколько назад и, выпив, кланялся государю. Кубок этот был довольно велик, и Контарини, небольшой охотник пить, едва мог выпить четвертую долю того, что в нем было. С таким же приглашением обращался государь ко всем присутствовавшим на обеде. После того он подзывал посла к руке и отпускал его. Обыкновенно посол со всей свитой, не исключая и низших служителей, получал от государя подарки, состоявшие из шуб и разных мехов. Гербер-

* Lyseck. P. 48: «Guibus (cupedinibus, allio et caepris conditis) potius Germanorum oculi, quam stomachus his condimentis nom assuetus, cogebantur satiari».

штейн во второй приезд получил, сверх собольей шубы, два сорока соболей, 300 горностаев и 1500 белок. Послов из Западной Европы дарили почти исключительно мехами, преимущественно собольими; но послов татарских и вообще восточных государь жаловал, кроме того, разным платьем, шапками, сапогами, даже материями на платье. Татарские послы были особенно падки на эти подарки, которые часто были единственной целью их приезда в Москву. Олеарий видел в 1634 г. кавалькаду трех татарских послов с многочисленной свитой, направлявшихся во дворец: на них было платье из грубого красного сукна, а чрез несколько часов татары с гордостью возвращались из дворца, одетые в камку: одни в алую, другие в желтую. Того же добивались и разные владельцы, посылавшие этих послов к московскому государю. Не проходит почти года, замечает Олеарий, без того, чтоб татарские владельцы не посылали в Москву посольств, не столько по делам, сколько для того, чтобы выманить у царя несколько мехов и шелковых одежд*. При отъезде посол должен был в свою очередь дарить приставов; Поссевин советует давать им 25 или 30 золотых и столько же их слугам, если нельзя будет дать больше. Прежним порядком пристава провожали посольство до Московской границы и там при расставании также получали подарки**.

* Как бесцеремонно пользовались татарские послы случаем поживиться в Москве, видно из того, что рассказывает Котошихин. Гл. V. С. 17: «И иные из тех послов, выпив романею и мед, суды (сосуды) берут к себе и кладут за пазуху; а говорят они послы: когда-де царь пожаловал их платьем и питьем, и тем судам годитца быти у них же, и у них тех судов царь отнимати не велит, потому что спороваться с бусурманом в стыд: и для таких бесстыдных послов деланы нарочно в английской земле сосуды медные, посеребряные и позолоченные».

** Herberstein. P. 88—97, 101—114; Ulfeld. P. 35; P. a. Buchau. P. 194; Possevino. P. 32, 78, 82, 99, 153; «Rerum Moscoviticarum auctores varii». P. 148; Контарини. С. 108—116; Палерле в «Сказаниях современников о Димитрии Самозванце». Ч. 2. С. 58; Olearius. P. 38, 184; Mayerberg. P. 110—112; Lyseck P. 58; Tanner. P. 57—59.

III. ГОСУДАРЬ И ЕГО ДВОР ¹²

В такой обстановке являлась в Москве верховная власть перед иностранными послами. Далеко от столицы, с первых шагов на почве Московского государства, наблюдательный иностранец начинал уже чувствовать вокруг себя, на людях, которых он встречал, могущественно действовавшее обаяние этой власти и должен был чувствовать это тем сильнее, что в соседних западных государствах он встречал совершенно противоположные явления. Умный австрийский дипломат, хорошо знавший состояние соседних с Австрией стран, проезжая чрез Венгрию, поет ей полную грустного чувства похоронную песнь, видя, как разоряют ее пышные и ленивые вельможи. Таких могущественных и пышных вельмож должен был он прежде всего заметить и в Польше. В Литве он дивится страшной вольности вельмож и сосредоточию в их руках земельной собственности. Совсем иного рода явления встречал он в Московском государстве. После всех церемоний на пути, в которых московские пристава с такой неумолимой строгостью оберегали честь своего государя, в полумиле от Москвы Герберштейн встретил знакомого старика, который был товарищем московского посла, ездившего в Испанию; он прибежал озабоченный, обливаясь потом, с известием, что навстречу послам едут бояре. Когда Герберштейн спросил его, зачем бежал он с таким сепехом, тот отвечал: «У нас служат государю не по-вашему, Сигизмунд!» Поэтому иностранец, приезжавший в Москву, и без

особенной наблюдательности, только присматриваясь и прислушиваясь к тому, что происходило и говорилось вокруг него, мог понять значение и размеры власти московского государя. По описанию иностранцев, этот государь стоит неизмеримо высоко над всеми подданными и властью своею над ними превосходит всех монархов в свете. Эта власть одинаково простирается как на духовных, так и на светских людей; ни от кого не завися, никому не отдавая отчета в действиях, свободно располагает государь имуществом и жизнью своих подданных. Боярин и последний крестьянин равны перед ним, одинаково безответны пред его волей. Такому значению верховной власти соответствует высокое понятие о ней самих подданных. Иностранцы дивятся благоговейной покорности, с которой подданные относятся к московскому государю. Слушая рассказы московских послов, венский архиепископ приходил в умиление от такого послушания подданных государю «яко Богу»*. Никто из подданных, как бы он ни был высоко поставлен, не смеет противоречить воле государя или не соглашаться с его мнением; подданные открыто говорят, что воля государя — Божия воля, и государь — исполнитель воли Божией. Когда их спрашивают о каком-нибудь сомнительном деле, они отвечают выражениями, затверженными с детства, вроде следующих: это знает Бог да великий государь; один государь знает все; одним словом своим разрешает он все узлы и затруднения: что мы имеем, чем пользуемся, успехи в предприятиях, здоровье — все это получаем мы от милости государя, так что, добавляют наблюдатели, там никто не считает себя полным хозяином своего имущества, но все смотрят на себя и на все свое, как на полную собственность государя. Если среди беседы упомянут имя государя и кто-нибудь из присутствующих не снимет при этом шапки, ему тотчас напоминают его обязанность; нищие, сидя у церковных дверей, просят милостыню ради Бога и государя. Рассказывать, что делается и говорится во дворце государевом, считается величайшим преступлением. В день именин царя никто не смеет работать,

* Fabri в «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*». P. 132: «*At illud singulare est, quod in ipsis summe commendari potest, ut nullus sit eorum tum illustris dives ac praepotens, quin accersitus a duce per quam humillimum etiam praeconem, statim advolet, omnibus mandatis sui Imperatoris, instar Dei, obtemperet, etiam in iis causis, quae vei vitae detrimentum periculumque exigere videntur.*»

хотя в церковные праздники простой народ вообще не прекращает будничных занятий. В челобитных царю все пишутся уменьшительными именами; бояре и все служилые люди прибавляют к этому «холоп твой», гости — «мужик твой», прочие купцы — «сирота твой», боярыни — «рабица или раба твоя», поселяне — «крестьянин твой», слуги бояр — «человек твой».

Ясно и скоро, даже не изучая обычаев Постельного крыльца, поняли иностранцы и значение московских вельмож, их характер и отношение к государю. Как ни старались иные московские послы выставить пред иностранными дворами могущество и богатство этих вельмож, преобладание аристократии в Московском государстве*, но довольно было иностранному послу бросить беглый взгляд вокруг себя при проходе по передним палатам дворца и в самой приемной палате, довольно было узнать, откуда достали многие из толпившихся здесь магнатов свои дорогие блестящие кафтаны, чтобы понять, что это за вельможи и в каких отношениях стоят они к своему государю. Посевин дивится отсутствию всякого аристократического гонора в этих вельможах, рассказывая, как большие послы московские, приехав на Киверову гору для заключения мира с Польшей, привезли с собой товары и бесцеремонно открыли лавки для торговли с польскими купцами. Во второй половине XVI века всем особенно ясно сказывалось бессилие этих вельмож пред верховною властью. Государь мог каждого из них, кого захочет, лишить сана и имущества, которые он же и дал ему, и низвести в положение последнего простолюдина. Все вельможи, советники и другие люди высшего класса называли себя холопами государя и не считали бесчестьем для себя, когда государь приказывал кого-нибудь из них побить за какой-нибудь проступок; побитый, напротив, оставался очень доволен, видя в этом знак благосклонности государя, и благодарил его за то, что пожаловал, удостоил исправить и наказать его, своего слугу и холопа**. Неудиви-

* На основании их рассказов доверчивый венский архиепископ Фабри писал в 1525 г., что преобладание аристократии составляет отличительную черту Московского государства и что там есть такие богатые и могущественные вельможи, которые выставляют государю во время войны по 30 000 всадников. «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*». P. 132, 141.

** Herberstein. P. 10, 11; Guagnino в «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*». P. 179, 133; Possevino. P. 22—25; 93—99; Printz a Buchau. P. 234; Mayerberg. Vol. II. P. 32. ср. Котошихин. Гл. VIII. Ст. 5, 6. Коллинс в «Русск. Вестн.» 1841. № 9. С. 591; Tanner. P. 76.

тельно, что люди, привыкшие к другим порядкам, побывав при московском дворе, уносили с собой тяжелое воспоминание о стране, в которой все рабствует, кроме ее властелина*.

О составе двора государева иностранцы XVI века сообщают немного подробностей¹³. Иовию русские послы говорили, что двор государя составляют важнейшие князья и военные сановники, которые чрез определенное число месяцев поочередно вызываются из областей для поддержания придворного блеска, для составления царской свиты и отправления разных должностей**. Подле царя всегда находился окольный, принадлежавший к числу высших советников государя; этот окольный, по словам Герберштейна, занимал должность претора или судьи, назначенного от государя. Из других придворных сановников в конце XVI века упоминаются: конюший боярин, смотревший за царскими лошадьми, — первый сановник при дворе; потом дворецкий, казначей, контролер, кравчий, главный постельничий и 3 фурьера. При дворе постоянно находились на страже 200 жильцов-стряпчих, из детей дворян. Ночью подле царской спальни находился главный постельничий с одним или двумя приближенными; в соседней комнате сторожили по ночам еще 6 верных служителей, а в третьей несколько дворян из жильцов-стряпчих, которые чередовались каждую ночь по 40 человек; у каждого ворот и дверей во дворце стояло на страже по несколько молодых людей истопников. К постоянной дворцовой страже принадлежали также 2000 стрелянных стрельцов, которые поочередно стояли день и ночь с заряженными пищалями и зажженными фитилями, по 250 у дворца, на самом дворе и у казначейства***.

Известия XVII в. описывают с большими подробностями лестницу чинов, сосредоточивавшихся при дворе, около особы государя. Наверху ее стояли бояре, которых, по словам Олеария, при дворе было обыкновенно

* Carlisle. P. 314.

** Иовий. С. 55. У Герберштейна читаем на с. 36: «Solet (Principes) quotannis ex suis provinciis ordine quosdam vocare, qui Moscoviae sibi omnia ac quaelibet praestant officia». В XVII в. стольники, жильцы и другие придворные служители делились на две половины, из которых каждая поочередно жила в Москве «для царских услуг по полугоду, а другое полугодие, кто хотел, отъезжал в деревни свои до сроку». Котошихин. Гл. II. С. 7, 20.

*** Флетчер. Гл. 27.

венно до 30; они занимали разные или чисто придворные или государственные должности, между которыми, впрочем, не проходило резкой разграничительной черты. Трое из бояр занимали три высшие должности в государстве, принадлежавшие по существу своему к дворцовому ведомству. Это были: конюший боярин, дворецкий и оружейничий. Конюший считался первым боярином в государстве*. Первым после него был дворецкий, главный управитель государева двора, или «набольший во дворе», как его называли в простонародье. За ним следовал оружейничий, ведавший придворный арсенал, украшения дворца, принадлежности торжественных царских выходов и вообще все, что составляло обширное ведомство Оружейной палаты**. За боярами следовали, по порядку чиновного достоинства, окольные, думные дворяне, думные дьяки или государственные секретари, спальники с постельничим во главе, комнатный с ключем, или главный камердинер, стольники и кравчий, стряпчие, дворяне московские, наконец жильцы или пажи, дьяки и подьячие. При дворе жило также множество низших дворцовых служителей и приспешников. Число всех вообще слуг, постоянно живших при дворце, на непосредственном содержании государя***, Олеарий полагает больше 1000. В это число не входили стрельцы, составлявшие царскую гвардию и находившиеся при дворце «для оберегания». Вот люди, которых иностранные послы встречали при дворе московского государя в качестве придворных сановников или служителей, употреблявшихся «для царских услуг». Те же люди, восходя из чина в чин, размещались по разным приказам в Москве, служили орудиями государственного управления, ибо вообще не полагалось строгого различия между делом государевым и делом государственным.

Бояре и прочие люди высших чинов, не «спавшие на царском дворе», тем не менее имели с ним самую

* Котошихин. Гл. VI. С. 6. «А кто бывает Конюшим и тот первый боярин чином и честию». В XVII в., с царствования В. И. Шуйского, эта должность оставалась незамещенной, потому что, как говорит Котошихин, «преж сего конюший Б. Годунов что был царем умыслил себе достать царство чрез убиение царевича Димитрия, и ныне в такой чин допускать опасаются».

** О составе ее ведомства см. «Домашний быт русских царей» И. Забелина. С. 82—83.

*** «Которые спят на царском дворе», по выражению Котошихина.

тесную связь, были постоянно на глазах у государя. Они постоянно жили в Москве, редко отлучались в свои деревни и то не иначе, как спросившись у государя. Кроме торжественных случаев при дворе, когда они в парадном наряде окружали государя, в обыкновенное время они обязаны были каждый день и не один раз являться во дворец ударить челом государю. При дворе проводили они большую часть дня. По словам Маржерета, они вставали летом обыкновенно при восходе солнца и отправлялись во дворец, где присутствовали в думе от первого до шестого часа дня (по старинным московским часам), потом шли с государем в церковь, где слушали литургию от 7 до 8 часов, по выходе государя из церкви возвращались домой обедать, после обеда отдыхали часа 2 или 3, а в 14 часов (пред вечерней), по звону колокола снова отправлялись во дворец, где проводили около 2 или 3 часов вечера, потом удалялись, ужинали и ложились спать. Во дворец они ездили летом на лошадях верхом, зимой в санях; в каретах ездили только старики, которые не могли сидеть верхом. Когда боярин ехал верхом, у арчака его седла висел маленький набат, около фута в поперечнике; проезжая по улице или рынку, где было много народа, боярин время от времени ударял по этому набату рукояткой плети, чтобы встречные сторонились с дороги*.

Мы видели, в каких резких чертах рисуют иностранцы власть московского государя и его отношение к окружающим; в заключение наиболее спокойные из них приходят к нелестной дилемме: трудно решить, говорят они, дикость ли народа требует такого самовластного государя, или от самовластия государя народ так одичал и огрубел. Другие с горькой иронией решают эту дилемму басней о журавле и лягушках. При таком представлении о власти московского государя очень легко было причислить его к восточным, азиатским деспотам, или подумать, что он старается подражать соседу своему, султану турецкому**.¹⁴ Сравнение с турецким султаном стало даже общим местом для иностранных писателей при характеристике власти московского государя. По замечанию Поссевина,

* Маржерет в «Сказаниях современников о Дмитрии самозванце». Ч. 3. С. 3—39; Olearius. P. 218—223; Mayerberg. Vol. II. P. 116.

** Possevin. P. 77; Флетчер. Гл. 7.

московский государь считает себя несравненно выше западных христианских монархов, и когда папский легат указал ему главнейших из них, тот с пренебрежением возразил: «что это за государи»*.

Но как ни резки черты, в которых изображают иностранцы отношения верховной власти к ее окружению, мы не можем назвать их преувеличенными. В XVI в., к которому относятся приведенные известия, между государем и людьми, составлявшими его двор, его думу, сохранялась прежняя близость, непосредственность отношений, но не сохранилось прежней свободы, прежнего доверия. Близость сохранялась, потому что придворные вельможи сами старались сохранить свое положение в прежнем дружинном виде, оставаясь дружинниками, дворовыми людьми великого князя, состоящими на личной ему службе и на его содержании, а князь не имел причин изменять такое положение; но свобода, доверие дружинных отношений были потеряны, потому что великий князь не остался прежним вождем дружины, получил другое, более широкое значение, получил большие силы и средства, предъявил новые требования, на которые не могли согласиться прежние дружинники, не отказываясь от своего прежнего характера. Отсюда борьба, результатом которой было низведение прежних дружинников и вступавших в их число служилых князей, советников и товарищей великого князя по прежним отношениям на степень слуг. Иностранцы не могли во всей ясности разглядеть все фазы этой борьбы, но результат они заметили: все эти знатные вельможи и советники, говорят они, зовут себя холопами великого князя¹⁵.

Также не покажутся нам преувеличенными резкие отзывы иностранцев [во] второй половине XVI в. о произволе, с которым московский государь распоряжался имуществом своих вельмож, если сравним их с мерами Василия и Иоанна IV касательно вотчин служилых князей; таким именно произволом, и только произволом, могли иностранцы объяснить себе эти меры, не видя других побуждений, коренившихся в более отдаленных условиях и отношениях, среди которых росла власть московских государей.

Но если иностранцы не представляли ясно этих

* Possevino. P. 55.

отдаленных условий и отношений, под влиянием которых начался и продолжался рост верховной власти в центре северо-восточной Руси, то они не могли не заметить того движения, которым обнаруживалось усиление этой власти со второй половины XV в., тем более, что это было тогда единственное движение в северо-восточной России, которое могло обратить на себя внимание иностранцев. Они не могли не заметить тесной связи и последовательности стремлений в деятельности трех государей, преемственно занимавших московский престол со второй половины XV и до конца XVI в. Они видели, как одновременно с украшением столицы быстро поднималась и власть живущего в ней государя, делаясь все недоступнее для подданных*. Они не знают, откуда все это взялось, и вместе с недовольными московскими боярами готовы все приписать личным свойствам этих трех государей и другим случайным обстоятельствам вроде появления Софьи в Москве и т. п.; но они знают пункт, с которого начало обнаруживаться такое неожиданное по их взгляду усиление. Поссевин прямо говорит, что нестерпимая надменность московских государей началась преимущественно с того времени, как они сбросили с себя иго татар**¹⁶. Они ясно отмечают два явления, которыми обнаружилось это государственное движение, в то время как извне сказывается все сильнее и сильнее стремление государства к расширению своих пределов на восток и запад, внутри заметно столь же сильное стремление к объединению; постепенно и быстро исчезают один за другим независимые областные князья, унося с собою в Москву или Литву почти одни только названия прежних своих вотчинных княжеств; последний из этих независимых князей уже в конце первой четверти XVI в. отправляется в московскую тюрьму, сопровождаемый горькой насмешкой московского юродивого, гибнет самостоятельность северных вольных городов, — и иностранный путешественник, пересчитывая в первой четверти XVI в. города и области северо-восточной России, не находит вокруг Москвы ни одного пункта, в котором уцелели бы какие-нибудь следы прежней политической особенности, кроме свежих еще воспоминаний о ней***.

* Herberstein. P. 8.

** Possevino. P. 55.

*** Herberstein. P. 50, 51.

Местные князья, выжитые из своих вотчин, перенбрались мало-помалу в Москву; и здесь опять поднялась борьба, которую иностранцы расписывают самыми черными красками. Если они не понимали настоящего характера этой борьбы при отце и сыне, которые вели ее осторожно и расчетливо, то тем менее могли они понять ее при внуке, который возобновил ее со всею страстностию личной вражды. «По всей Европе, говорит Одерборн, ходит молва о его страшных жестокостях и, кажется, в целом свете на найдется человека, который бы не желал тирану всяких адских мук»*. Гваньини не находит ни в древнем, ни в новом мире таких деспотов, с которыми можно было бы сравнить Иоанна Грозного**»; даже спокойный Герберштейн, до которого также дошел слух о страшном московском царе, приходит в недоумение, не зная, чем объяснить его ожесточение, тем более, добавляет он, что, говорят, в лице этого тирана нет ничего напоминающего свирепые черты Аттилы***.

Итак, не зная истинных, скрытых мотивов борьбы, вина во всем только одну сторону, иностранцы заметили однако же последние ступени, которые прошла в продолжение этой борьбы власть московских государей, начав явно усиливаться.

Василий, говорит Герберштейн, докончил то, что начал отец, — именно, добавляет он в пояснение, отнял у князей и других владетелей все города и укрепления, не доверяет даже родным своим братьям и не дает им городов в управление. Сын Василия заставил всех князей и бояр писаться своими холопами и название слуги сделал самым почетным титулом.

Иоанн IV, довершивший образование Московского государства, едва ли не более всех государей древней России сделался известен в современной Европе, хотя и с черной стороны¹⁷. Иностранцы XVII в., писавшие о России, готовы были отнести к нему даже и то, что сделали его предшественники для утверждения своего единодержавия. Описывая неограниченную власть московского государя над подданными, Олеарий замечает, что к такой покорности приучил их царь Иван Васильевич, хотя голштинский ученый, так часто ссыла-

* Oderbornii: «Ioannis Basilidis vita». в «Rerum Moscoviticarum auctores varii». P. 242.

** Ibid. P. 183.

*** Ibid. «Genealogia Magni Mosc. Ducis».

ющийся на Герберштейна, не мог не знать, что последний теми же самыми чертами описывал самодержавную власть великого князя Василия Ивановича. Такой известности, без сомнения, много содействовал личный характер Иоанна: его страшный образ в отечественных, как и иностранных, известиях, резко выделяется из ряда его предшественников, столь похожих друг на друга. Притом писатели вроде Гваньини или Одерборна распространяли в Европе о его жестокости всевозможные рассказы, которые Мейерберг, далекий от желанія оправдывать в чем-нибудь Иоанна, вынужден был однако же признать слишком преувеличенными*. Но была другая, более важная причина, почему Иоанн IV оставил по себе такую черную память в Европе. Недаром иностранные писатели XVII в. с его царствования, как с поворотного пункта, начинают обыкновенно свои очерки русской истории. Это царствование действительно было поворотным пунктом в истории Московского государства. Иоанн IV первый резко столкнулся с Западной Европой, решительно наступив на тех из своих западных соседей, которых Европа считала своими и которые, обращаясь к ней с жалобами на притязания московского государя, старались выставить на вид, что эти притязания, в случае успеха, не ограничатся какой-нибудь Ливонией, а пойдут дальше за море**. Вот почему Европа обращала такое внимание на Иоанна, что не было сочинения по истории его времени, как говорит Олеарий, в котором не говорилось бы о его войнах и жестокостях. Так почувствовались следы и другого стремления, которым не замедлило заявить себя сложившееся государство, — стремления возратить себе старые растерянные вотчины.

* Mayerberg. Vol. II. P. 16.

** Postquam hanc provinciam (Ливонию) sub imperium suum, redegerit, transmaritimas quoque regiones adoriatur et invadat. См. письмо из Ливонии от 22 мая 1576 г. у Герберштейна в конце «Генеалогии вел. кн. Московского».

IV. ВОЙСКО¹⁸

Переходя к определению отношений верховной власти к подданным вообще, к изложению известий, сообщаемых иностранцами о государственном управлении и его органах, мы, разумеется, должны прежде всего остановиться на устройстве войска. Если и теперь в государствах вполне сложившихся, давно упрочивших свое существование, войско составляет важнейший предмет государственных забот, то понятно его значение для Московского государства XV или XVI в., которое только что начало становиться на твердую ногу и на каждом шагу должно было бороться за свое существование. Военное дело не только стояло тогда на первом плане, занимало первое место между всеми частями государственного управления, но и покрывало собою последние; военная служба сосредоточивала в себе все роды государственной службы, и остальные, не военные отрасли управления являлись не только второстепенными по отношению к военной, но и подчиненными, назначенными служить интересам последней. Князья, бояре, окольные, стольники и другие придворные чиновники, которых иностранные послы встречали во дворце в таком невоинственном виде, были собственно военные люди, хотя на них не видно было никаких знаков военного звания и жили они при дворе больше для личных услуг государю. Это были высшие члены того военного класса, который еще не так давно составлял вольную княжескую дружину. В XVI в. положение прежних дружинников, как мы видели, значительно изменилось. Хотя в конце XV в.

в княжеских договорах иногда еще повторялось старинное условие: «а боярам и детям боярским и слугам между нас вольным воля», но уже и тогда эта вольность подвергалась сильным ограничениям, главные дружинные права постоянно стеснялись и нарушались; прежние думцы и слуги вольные низводятся до значения подневольных служилых людей, всеми своими отношениями прикрепленных к особе единогодержавного государя московского. Согласно с таким значением служилого класса, в состав его входит новый элемент, чуждый старинной дружине: подле прежней младшей дружины, наравне с детьми боярскими и даже иногда выше их, государь ставит своих дворовых слуг, дворян. Условия государства, в котором эти люди составляли собственно военный класс, произвели и другую перемену в их положении. Прежние княжеские дружины, постоянно находившиеся при князе, содержавшиеся непосредственно на его счет, можно было еще назвать постоянным войском: по характеру прежних отношений княжеского рода к стране, сравнительно немногие из дружинников князя отвлекались от его двора для отправления невоенных должностей в стране. С усилением Московского государства потребность государственного управления и способ содержания служилых людей чаще отвлекали их к посторонним невоенным занятиям и лишали характера постоянного войска. Хотя войны были очень часты, но в промежутки мирного времени масса служилых людей оставляла оружие до нового сбора и расходилась: низшие чины возвращались в свои поместья, высшие оставались при дворе или отправлялись на правительственные должности по областям.

Главное учреждение, которое ведало (по крайней мере, во второй половине XVI в.) дела, относившиеся к войску, был Разряд, или Разрядный приказ. Здесь хранились списки всех служилых людей; в эти списки вносились имена всех дворян и детей боярских, достигших определенного возраста. В каждой области наместник также вел счет находившимся в ней служилым людям. Каждые два или три года государь производил по всем областям общий пересмотр этих людей, чтоб знать их число и сколько каждый имеет лошадей и слугителей. О сборе служилых людей имеется известие от конца XVI в. Начальники четвертей в случае войны рассылали повестки к областным пра-

вителям и дьякам, чтобы все дети боярские к известному дню собирались на такую-то границу, туда-то.

Там отбирали их имена писцы, назначенные Разрядом. Не явившиеся в срок подвергались штрафу и строгому наказанию. Герберштейн говорит, что на это время прерывался обычный ход замещения очередных должностей и все служилые люди должны были идти в поход. Служилым людям редко дается покой, говорит тот же иностранец. Отношения Московского государства к западным соседям были такого рода, что не война, а мир был случайностью; на востоке шла непрерывная борьба со степными хищниками, против которых ежегодно выставлялось на Украину значительное войско.

О числе войска имеем различные показания¹⁹. Те из иностранных писателей, которые не были сами в России, сообщают огромные цифры. Кампензе, перечисляя княжества, составлявшие собственно Московское государство (без Пскова, Новгорода и Смоленска), говорит, что в одном Московском княжестве считается до 30 000 бояр и дворян (детей боярских), служащих всадниками и всегда готовых к войне; кроме того государь всегда может собрать в нем 60 000—70 000 пехоты из простолюдинов. В княжестве Рязанском считается до 15 000 таких же всадников, да из простолюдинов можно набрать всегда вдвое или втрое больше этого числа; в Тверском считается 40 000, а из простолюдинов можно также набрать вдвое или втрое более. По показанию Иовия, великий князь Василий всегда мог выставить в поле до 15 000 всадников. По свидетельству Иоанна Ласского, гнезенского архиепископа, обыкновенное число конного войска московского государя превышало 200 000. Адам Климент со слов своих соотечественников, бывших в Москве, говорит, что, готовясь к войне, московский государь никогда не вооружает меньше 900 000 человек: из них 300 000 выводятся в поле, из остальных составляются гарнизоны, располагаемые в пограничных местах для обороны государства. Ченслер ограничивается 200 000—300 000 человек, которых государство могло выставить в поле, и добавляет, что если сам царь выступает в поход, войска при нем никогда не бывает менее 200 000: немало ставят ратных людей и по границам; так, на западной границе при Иоанне IV стояло 100 000 да по границам с ногайскими татарами до

60 000 человек. Так как приведенные показания заимствованы прямо или посредственно из рассказов русских, то эти, без сомнения, преувеличенные цифры легко объясняются понятным желанием рассказчиков выставить в выгодном свете военные силы своего отечества. Московские послы в Вене говорили доверчивому Фабри, что в их отечестве есть такие могущественные и богатые вельможи, которые в случае нужды выставляют своему государю по 30 000 всадников, и что там в несколько дней, подобно пчелам, может сделаться огромное войско в 200 000—300 000 всадников. Из писателей, бывших в Москве, Герберштейн, от которого мы могли бы ожидать наиболее достоверного показания, нигде не определяет числа всего войска; другие значительно уменьшают приведенные цифры. Поссевин, имея в виду показание Фабри, говорит, что как ни обширны владения московского государя, но в них больше пустых, чем населенных мест, и неосновательны известия некоторых, будто из этих владений выходит на войну 200 000 или даже 300 000 всадников. Однако ж и по его взгляду число войска было очень велико сравнительно с населенностью страны: он говорит, что из 10 жителей один служит или в царских телохранителях, или в походе, или в гарнизонах по крепостям. Более определенные известия находим у Флетчера, хотя трудно сказать, насколько они достовернее. По его показанию, число конного войска на постоянном жаловании простиралось до 80 000. Из них 15 000 дворян составляли отряд царских телохранителей, разделяясь на 2 степени: дворян больших, дворян средних и детей боярских. Остальные 65 000, также из дворян, ежегодно отправлялись на крымскую границу, если не получали другого назначения. В случае надобности брали еще детей боярских, не получавших постоянного жалования, а если и их было мало, то приказывали помещикам выставить в поле соразмерное с их поместьями число крестьян в полной амуниции.

Здесь мы должны остановиться на известии Флетчера о 65 000 ратников, выставляемых ежегодно против крымских татар. Герберштейн говорит, что даже в мирное время по Дону и Оке ставятся ежегодно гарнизоны и сторожа в числе 20 000 чел. для предупреждения татарских нападений. Гваньини, повторяя это известие в конце XVI в., считает нужным прибавить,

что выставляется и больше 20 000. Мы знаем, что «бережение» южных границ от степных кочевников всегда составляло одну из важнейших забот московского правительства; знаем, какие страшные следы оставляли по себе татары в Московском государстве, когда им удавалось тайком пробраться за Оку из южных степей²⁰. Чем более московский государь обращал внимание на запад, тем сильнее чувствовалась нужда обезопасить южные границы от азиатских хищников. Во второй половине царствования Иоанна IV мы видим, как правительство хлопочет о лучшем устройстве пограничных сторожей, станичной польской службы «для бережения от приходу воинских людей». Сличение показаний Герберштейна и Флетчера, из которых одно относится к первой, а другое к последней четверти XVI века, наглядно показывает, в какой мере увеличивались усилия Московского государства для защиты южных границ от его давних врагов.

Служилые люди, дети боярские, составляли главную массу войска; но и люди неслужилые из городского и сельского населения участвовали в войне личной службой. В XV в. посылали в поход ратников из городских жителей; в XVI в. города «рубали» пищальников; сельское население издавна участвовало в отправлении военной службы, поставляя пехоту. Войско преимущественно состояло из конницы: в битвах почти исключительно участвовала конница. Пехотные отряды были издавна; городские пищальники и пошосные ратники были и конные, и пешие, но последние употреблялись только для работ; купцы, смерды, бобыли и прочие «жителейские», неслужилые люди также издавна составляли пешие рати. По словам Ченслера, пешие ратники употреблялись только при наряде и для работ; их было 30 000 человек. Пешие отряды вообще имели второстепенное значение и большею частью не участвовали в схватке в открытом поле. Это преобладание конницы обуславливалось частью самым характером войн со степными юго-восточными соседями; Иовий имел некоторое основание сказать, что пехота в обширных пустынях почти бесполезна, потому что татары более выигрывают внезапным нападением и быстротою своих коней, нежели фронтовою службою или стойкостью в схватке. В первой половине XVI в., при великом князе Василии, в русском войске положено было начало важному ново-

введению: в сражение начали вводить пехоту. Введение пехоты, как главной составной части войска, в Европе стоит в тесной связи с введением огнестрельного оружия и постоянных армий; этими тремя нововведениями открывается новая эпоха в развитии военного искусства. Стефан Баторий своею славой и успехами на военном поприще обязан был, кроме личного таланта, и тому, что он первый в северо-восточной Европе вышел в поле с закаленной в боях пехотой²¹. По свидетельству Герберштейна, Василий вывел в поле пехотный отряд впервые против татар вместе с пушками; по его же словам, у этого князя было 1500 пехоты, состоявшей из литовцев и всякого пришлого сброда. Ясно, что эта пехота имела характер, отличный от употреблявшихся до того времени пеших отрядов; можно думать, что этим сбродным отрядом положено было основание постоянной пехоте в московском войске.

Во второй половине XVI в. число наемных пехотных солдат из иноземцев увеличивается; при Флетчере их было уже до 4300 человек; из них малороссийских казаков (черкас) около 4000, голландцев и шотландцев около 150, греков, турок, датчан и шведов один отряд из 100 человек. Последних, прибавляет Флетчер, употребляют только на татарской границе и против сибиряков, а татар, которых нанимают только на время, против поляков и шведов. Приезжая в Москву, Ульфельд видел больше 25 000 легко вооруженных татар, направлявшихся в Ливонию. Подле иностранной пехоты во второй половине XVI в. видим и русскую пехоту — стрельцов. При Флетчере их было 12 000; из них 5000 в Москве или где находился царь, 2000 (стремянные стрельцы) при самой особе царя; последние принадлежали к дворцовой страже; остальные отправляли гарнизонную службу по городам²².

В первой половине XVII в. конница по-прежнему преобладала в московском войске, только во второй половине этого века, по показанию Мейерберга и Рейтенфельса, пехота превышала численностью конницу и составляла лучшую часть русского войска. Конное войско составлялось из дворян московских, выборных*, городовых и детей боярских. Отряды назывались по

* Выборными дворянами, по Маржерету, назывались лучшие помещные владельцы, которые поочередно присылались в Москву из областей на три года. С. 52.

имени городов, в округе которых дворяне имели свои вотчины или поместья; некоторые города, например Смоленск, Новгород, выставляли от 400 до 1200 всадников. Каждый помещик и вотчинник обязан был приводить с собой по одному конному и одному пешему ратнику со 100 четвертей владеемой земли*. Так составлялось до 100 000 конной рати из служилых людей. К ним присоединяли до 28 000 конных татар, черемис и мордвы, а в случае нужды до 10 000 казаков. В пехоте первое место занимали стрельцы, из которых одни жили в Москве, другие по областным городам. При Маржерете первых было до 10 000; вторые составляли гарнизоны по городам, особенно пограничным с татарами. Во второй половине XVII в. число стрельцов увеличилось; при Невилле их было 18 000, разделенных на 28 полков**, всех же стрельцов, по показанию Мейерберга, было в Московском государстве до 40 000. Они разделялись на приказы, по 500 человек в каждом. Каждым приказом заведывал голова, от которого зависели полуголовы, сотники, пятидесятники, десятники, заведывавшие отдельными частями приказа. Кроме стрельцов, державших караулы в Москве, Невиль упоминает об отряде, который составлялся из московских горожан и в мирное время употреблялся для той же цели. Когда приходила их очередь замещать караулы, они получали одежду из казны и, отстояв положенное время, возвращали ее. Стрельцы имели характер постоянного пешего войска; остальная пехота собиралась только в военное время. Эта временная пехота составлялась из малопоместных служилых людей, преимущественно же из неслужилого населения посадских людей и крестьян. В случае большой потребности в людях брали из этих классов 10-го, 7-го и даже 3-го. Духовенство также поставляло «даточных людей» со своих поземельных имуществ, по одному конному и одному пешему со 100 четвертей. У Мейерберга находим неопределенное известие о «солдатах»: он говорит, что в случае нужды царь мог собрать какое угодно число пеших ратников, которые сбегаются на звук барабана в надежде пожиться во время похода богатою добычей; в отличие от стрельцов, их называют солдатами; они распределяются на полки, под командой иностранных офице-

* Маржерет. С. 59.

** Ср. Котошихин. Гл. VII. Ст. 5.

ров. Это известие, не совсем точное, указывает на особый род войска, возникший или по крайней мере развившийся во второй половине XVII в., под управлением иноземных офицеров. Хорошее жалование привлекало иностранцев в русскую службу, и в XVII в. число иностранных офицеров в русском войске увеличивалось в значительной степени. При Мейерберге (в 1662 г.), кроме 4 генералов, в Москве было более 100 иноземных полковников, множество подполковников, майоров и других офицеров. Усилившийся наплыв людей, знавших военное дело, дал правительству возможность ввести хотя в некоторые части войска правильное устройство и обучение военному делу. Такие войска были и конные, и пешие; они назывались рейтарскими и солдатскими полками, которые набирались из охочих людей, беспоместных или малопоместных дворян и детей боярских, а также из крестьян по всему государству*. Ими командовали преимущественно иностранцы. Рейтенфельс уверяет, что эти полки могли равняться с лучшими войсками Европы.

По известиям XVII в., в мирное время содержалось наготове до 100 000 войска; когда открывалась война, число это возрастало до 300 000, кроме холопей и обозных служителей, которые не считались в действующем войске. Задумав войну, московское правительство, за год до того времени, когда предполагалось открыть ее, приказывало произвести общий осмотр ратных людей по всему государству, чтобы знать, сколько можно собрать их. Если число оказавшихся находили недостаточным, назначали чрезвычайный набор с крестьян и посадских людей, с русских инородцев, по одному с 10, 7 или даже с 3, смотря по надобности**.

Собравшиеся и осмотренные служилые люди распределялись по десяткам, сотням и т. д., высшее деление было на полки. Каждый полк имел свое знамя и своего воеводу. На знамени главного полка изображался Иисус Навин, останавливающий солнце, на других — Георгий Победоносец. Во главе всего войска сто-

* См. Котошихин. Гл. IX. Ст. 2: «А прибираючи тех рейтар полные полки, отдают иноземцам и русским людям полковником, и бывает им учение». То же самое говорит он и о солдатских полках.

** Ulfeld. P. 10, 42; Маржерет. С. 52. и след.; Mayerberg. Vol. II. P. 125, 133; Рейтенфельс. С. 38—40; Nille. P. 41.

ял большой воевода, непосредственно подчиненный царю, избиравшийся обыкновенно из представителей главных вельможеских родов в государстве. При этом выборе не обращалось внимания на таланты и опытность; для замены этих недостатков к большому воеводе присоединяли в товарищи более даровитого и опытного, хотя и менее знатного родом, человека. Эти двое главных воевод управляли большим полком²³. Им подчинены были воеводы остальных полков: передового, правого, левого и сторожевого или резерва. Каждый из этих последних воевод имел при себе по два товарища, которые дважды в неделю должны были делать смотр своим отрядам. Под воеводами стояли головы, начальствующие над 1000, 500, 100, 50, 10. Кроме воевод 5 главных полков, были еще: нарядный воевода, начальник гулевого отряда, состоявшего из 1000 отборных всадников, употреблявшихся для разъездов и шпионства. Все эти начальники должны были раз в день являться к большому воеводе с донесениями и для получения приказаний. Петрей оставил описание осмотра, который производился собравшимся ратникам перед выступлением в поход. Воеводы собираются вместе и садятся в избе у окон или в шатрах и вызывают к себе один полк за другим. При них стоит дьяк со списком в руках, по которому он вызывает по имени каждого ратника; ратник должен выступить вперед и показаться воеводам. Если какого ратника не оказывалось налицо, дьяк ставил в списке против его имени отметку для дальнейших распоряжений. При осмотре не обращали внимания на то, в каком вооружении, с какими слугами и лошадьми явился ратник; смотрели только, явился ли он сам лично. Неявка на службу преследовалась строго; виновный терял имущество или поместье, если таковое имелось за ним. Никому не позволялось заменять себя другими; в оправдание неявки не принимали никаких отговорок, ни старости, ни болезни. Смотр повторялся и во время похода каждую неделю. Гваньини и Кобенцель упоминают об особенном способе, посредством которого царь узнавал число отправившихся в поход, а также и не вернувшихся из него ратников: перед выступлением каждый ратник отдавал в казну одну деньгу (по Кобенцелю 3), которую получал назад по возвращении; деньги не возвратившихся оставались в казне*.

* Кобенцель. С. 50; Guagnino. P. 177.

Лошади, на которых всадники выступали в поход, были мерины, ниже среднего роста, но обыкновенно быстрые и сильные, неподкованные, с легкими уздами; кроме русских, в войске употреблялись татарские лошади. Михалон говорит, что москвитяне каждую весну получают из Ногайской орды²⁴ по несколько тысяч лошадей, годных для войны, платя за это одеждой и другими дешевыми вещами. Седла делались так, что всадники без затруднения могли поворачиваться на них и стрелять во все стороны. На лошади сидели они по-турецки, поджавши ноги, вследствие чего не могли выдерживать значительного удара копьем. Шпоры были у очень немногих, большая часть употребляли ногайки, которые вешали на мизинце правой руки; повод у узды были двойные, с отверстием в конце, которым они надевались на палец правой руки, чтобы можно было, не выпуская его, пользоваться луком. Обыкновенное вооружение всадника состояло из лука на левом боку, колчана со стрелами под правой рукой, топора и кистеня; у некоторых были продолговатые ножи, употреблявшиеся вместо кинжалов, глубоко запрятанные в суме; употребляли также, особенно пешие, дротики или небольшие пики. Мечи имели только люди познатнее и побогаче. Хотя всадник в одно и то же время держал в руках повод, лук, меч, стрелы и ногайку, однако же умел ловко и свободно управляться со всем этим. Некоторые из знатных надевали кольчуги искусной работы, латы, нагрудники, но очень немногие имели шлемы с пирамидальной верхушкой. Одежда на всех была длинная до пят, у некоторых шелковая, подбитая шерстью, чтоб лучше могла выдерживать удары. У воевод и других начальных людей лошади украшались богатой сбруей, седла делались из золотой парчи, узды убрались золотом с шелковой бахромой и унизывались драгоценными камнями; сверх лат надевали одежду с горностаевой опушкой, голову покрывали стальным блестящим шлемом, на боку вешали меч, лук и стрелы, в руке держали копьё с прекрасным нарукавником; впереди воеводы везли шестопер или начальнический жезл. За каждым воеводой возили до 10 набатов или медных барабанов, которыми давали знак к сражению. Сабли, луки и стрелы похожи были на турецкие. Стреляли, как татары, взад и вперед. Стрельцы носили только бердыш за плечами, меч сбоку и са-

мопал в руке, с прямым, гладким стволом, весьма тяжелый, хотя он заряжался очень небольшой пулей. Ратники из крестьян выходили в поле даже с рогатицами, удобными только для встречи медведя, по выражению Маржерета.

В XVII в., с усилением пехоты, стало входить в большое употребление огнестрельное оружие²⁵. Солдатские полки употребляли мушкеты с фитилями, рейтары — карабины и пистолы, которыми умели действовать, по словам Петрея, не хуже европейских стрелков. Татары и другие восточные инородцы долго и в XVII в. являлись только с луком и кривыми саблями или пиками, пока и их не стали снабжать карабинами и пистолями. Мы видели, что вместе с пехотой в княжение Василия впервые была выведена в поле артиллерия. Пушки упоминаются в Москве еще в конце XIV в. В XVI в. нарядом заведывали иностранцы. Герберштейн говорит, что великий князь Василий имеет литейщиков из немцев и итальянцев, которые, кроме пушек, лют железные ядра, подобные тем, какие употребляются на Западе, но что русские не умеют употреблять пушки в сражении, потому что главное у них — быстрота движений. Но в конце XVI в. Гваньини уже говорит, что русские в его время очень часто и очень искусно действовали пушками, выучившись этому у каких-то беглых итальянцев, немцев и литовцев. Полагают, говорит Флетчер, что ни один из христианских государей не имеет такого хорошего запаса военных снарядов, как русский царь, чему отчасти может служить доказательством оружейная палата в Москве, где стоят в огромном количестве пушки, все литые из меди и весьма красивые. Пушки делали за границей и привозили в Россию чрез Архангельск или также и в Москве. При Олеарии в Белом городе был литейный завод, которым управлял вызванный из Голландии мастер Иоган Вальк. Русские, работавшие под его руководством на этом заводе, по отзыву Олеария, не уступали в литейном мастерстве самым опытным немцам*.

Относительно продовольствия войска во время похода Флетчер говорит, что царь никому ничего не отпускает, кроме иногда некоторого количества хлеба,

* Petrejus. P. 301: «Sie (московитяне) machen jetzt und selbst Musketen und Stücken, wie auch andere Kriegsmunition, daran sie ein grosses Vermögen haben und reich sein».

и то на деньги служилых же людей; поэтому каждый, идя в поход, должен иметь при себе провианта на 4 месяца, а в случае недостатка может приказать привезти его к себе в лагерь из своего имения. Но из русских известий XVI в. мы знаем, что хлеб иногда доставлялся в лагерь посошными людьми или подрядчиками на казенный счет. Обыкновенно же брали кормы по местам, по которым проходило войско. Русскому войску, прибавляет тот же иностранец, много помогает то, что каждый русский в отношении жилища и пищи с детства готовится быть воином. Люди среднего состояния обыкновенно имеют при себе сухари, несколько крупы, пшена и муки, которую мешают с водой, делая таким образом комок теста; его едят сырым вместо хлеба; кроме того, берут фунтов 8 или 10 ветчины или другого сушеного мяса, несколько соли, к которой у богатых присоединяется перец; простые ратники довольствуются сухарями и толокном, т. е. поджаренным и высушенным овсом, измолотым в муку. Кто имеет с собой 6 лошадей и столько же слуг, на одной лошади укладывает обыкновенно все жизненные припасы для содержания себя и прислуги. Каждый имеет также при себе топор, трут, котел или медный горшок. Для лагеря избирают обширное место, где знатнейшие раскидывают палатки; здесь же выпускаются на пастбище лошади, для чего между палатками оставляют большие пустые пространства. Лагерь не укрепляется ни рвом, ни обозными телегами, ни чем другим, если только не попадалась такая местность, которую сама природа оградила лесом, рекою или болотами. Иностранцы с удивлением говорят о терпении и неприхотливости простого московского ратника во время лагерной жизни. Простые воины строят себе шалаши из прутьев, покрывая их войлоками, где хранят седла, луки и сами защищаются от дождя, или, еще проще, прибавают к земле ветви кустарника, раскидывают сверху собственные епанчи и укрываются под ними от непогоды. Довольствовались очень скудными средствами. Имея лук и чеснок, московский ратник легко обходился без остальных приправ. Пришедши в местность, где и этого нет, этот житель снегов, этот темный и пренебрегаемый сармат, по выражению Климента, разводит себе небольшой огонь, наливает воды в горшок, кладет туда ложку муки или крупы, добавляет соли и, сварив, довольствуется этим

наравне с прислугой; последняя, впрочем, когда господин в нужде, голодает дня по два и по три. Когда господин хочет пообедать пороскошнее, он кладет в котел кусок ветчины или другого сушеного мяса. Не лучшим продовольствием пользуются и лошади; большею частью, если они не находят подножного корма, они питаются древесною корой или мягкими прутьями. Нередко месяца по два терпят такую нужду всадник и лошадь и однако же сохраняют прежнюю силу и бодрость. Все это, разумеется, не относилось к знатнейшим и начальным людям, которые пользовались в походах большими удобствами: они помещались в палатках и имели гораздо лучшие запасы. К своему столу они иногда приглашали людей победнее, которые, добавляет Герберштейн, хорошо пообедав у них, после 2 или 3 дня постятся. Государь, когда бывал в походе, окружал себя особым великолепием; шатер его обтягивался золотым полотном, украшенным узорами и жемчугом. Петрей описывает порядок выступления московских полков из лагеря, из чего можно отчасти видеть их ратный строй, каким был он в начале XVII в. и каким сохранился до котошихинских времен. Впереди выступает передовой полк, во главе которого идет около 5000 стрельцов в зеленой одежде, с длинными пищалями, по пяти в ряд. За ним ведут 8 или 10 воеводских коней, богато убранных; седла на них покрыты большими черными медвежьими или волчьими шкурами. Затем следует воевода полка; он едет один; на седле у него висит небольшой котлообразный набат. За воеводой движется самый полк беспорядочной толпой, и как скоро кто-нибудь поравняется с воеводой или обгонит его, последний ударяет плетью по набату, давая знать, чтобы тот подался назад. За передовым полком идет большой, со множеством трубачей и литаврщиков, которые бьют в литавры и трубят в трубы.

Эта музыка наводила тоску на иностранцев; по словам Корба, она скорее могла навеять уныние, нежели возбудить воинственное одушевление. За музыкантами идет несколько тысяч стрельцов, одетых в красное платье, с белою горностаевою опушкой, по 5 в ряд, за ними ведут коней большого воеводы, в богатом убранстве; седла на них покрыты леопардовыми кожами и рысьими мехами. Наконец, за конями едет большой воевода в сопровождении военных советников из

служилых московских людей и иностранцев, за которыми следует толпою большой полк; направо от него идет правый, налево — левый полк. Шествие замыкает огромный обоз; все кричат как бешеные, едут без всякого порядка, обгоняя друг друга и поднимая такой крик, что слабый и малодушный неприятель от него одного обратился бы в бегство*.

«Если бы русский ратник, говорит Флетчер, с такою же твердостью исполнял те или другие предприятия, с какою он переносит нужду и труд, или столько же был бы способен и навывчен к войне, сколько равнодушен к своему помещению и пище, то далеко превзошел бы наших солдат, тогда как теперь много уступает им в храбрости и в самом исполнении военных обязанностей».

Такой нелестный переход делает иностранец от удивления перед суровостью и терпением, с которым московский ратник переносил неудобства и лишения всякого рода, к его военному искусству. Контарини замечает, что у московского государя довольно ратных людей, но большею частию они никуда не годны. Некоторые иностранцы удивляются физической силе московских ратников; Гваньини советует осторожно схватываться с ними в сражении, чтоб не попасть к ним в руки, из которых, благодаря их необыкновенно крепким мускулам, трудно вырваться. Москвитянин, говорит Гваньини, один без всякого оружия смело выходит на дикого медведя и, схватив его за уши, таскает до тех пор, пока тот в изнеможении не повалится на землю. Михалон говорит, что москвитяне превосходят литовцев деятельностью и храбростью; у них не было также недостатка и в преданности своему делу, в особенности к самопожертвованию. Стефан Баторий рассказывал Поссевину, что в литовских крепостях находили московских ратников, которые, едва дыша от утомления и голода, еще оборонялись от осаждающих, чтобы до конца не нарушить верности своему государю: «этим только и берут они», добавляет от себя Поссевин. Поэтому московское войско действовало хорошо в тех случаях, которые требовали означенных качеств, где самая обстановка заставляла брать терпением и упорством. Оно редко брало города приступом, но предпочитало вынуждать их к сдаче продолжи-

* Ср. Котошихин. Гл. IX. Ст. 1.

тельною осадой, моря осажденных голодом или стараясь склонить их к измене, зато оно отлично отстаивало города, обнаруживая здесь удивительную деятельность и стойкость. Но по общему мнению, московское войско оказывалось несостоятельным, где требовалось искусство, где обстановка дела не поддерживала твердости и не отрезывала путей к отступлению. По сознанию самих иностранцев, Московское государство, благодаря своей артиллерии, какая бы она ни была, стояло в военном отношении гораздо выше восточных своих соседей. Стефан Баторий, по свидетельству Поссевина, именно тем и объяснял успехи Иоанна IV на востоке, что его войска действовали против татар с артиллерией, незнакомой последним, и лучше их владели оружием*. Но в каком отношении стояли татары к москвитянам в деле военного искусства, в таком отношении находились сами москвитяне к западным своим соседям. Открытый бой с поляками и литовцами в чистом поле, говорит Гваньини, очень редко удается московскому войску, и оно редко вступает с ними в такой бой, потому что не имеет тех качеств, которыми враги обыкновенно побеждают его, не имеет ловкости и стойкости, не умеет драться и владеть оружием по правилам искусства. Подобно всем восточным ополчениям, состоящим преимущественно из конницы, оно, за недостатком искусства, старалось брать более количеством и силою первого натиска, нежели стойкостью и строгим порядком в действии. Вступая в бой, оно двигалось нестройною, широко растянутой толпой, сохраняя только деление по полкам. При наступлении музыканты, которых всегда в нем было множество, все вдруг начинали играть на своих трубах и сурнах, поднимая странный, дикий шум, невыносимый для непривычного уха. К этому присоединялся при самой атаке оглушительный крик, который поднимало все войско разом. В сражении прежде всего пускали стрелы, потом брались за мечи, хвастливо размахивая ими над головами прежде, чем доходили до ударов.

Первый натиск старались произвести как можно

* Так же смотрели на дело и сами татары. Когда во время Ливонской войны водили по улицам Москвы пленных ливонцев напоказ народу, один татарский хан, тоже пленный, сказал: «Поделом вам, немцы! Вы дали царю в руки розги, которыми он сначала нас высек, а теперь сечет вас самих». Соловьев. История России. Т. VI. С. 240.

стремительнее и сильнее, но не выдерживали долгой схватки, как будто говоря врагам, по замечанию Герберштейна: «бегите, или мы побежим». Зная это свойство московских ратников и их мускульную силу, западные враги их остерегались вступать с ними прямо в рукопашный бой, но старались стойкостью и изворотливостью выдержать первый напор и потом обратить их в бегство. Со своей стороны, московские войска, с большею твердостью сражаясь издали, нежели вблизи, больше всего старались обойти неприятеля и напасть на него с тыла. Первое нападение делала обыкновенно конница, а пехоту помещали в засаде, откуда она могла бы произвести неожиданный и наиболее удачный натиск на неприятеля. Это иногда удавалось московскому войску. Засада решила дело в его пользу в Ведрошском сражении²⁶. Но, с другой стороны, привычкой открывать бой стремительным нападением и недостатком стойкости в дальнейшем действии также ловко пользовались иногда и западные неприятели москвитян, как было, например, при Орше в 1514 году²⁷.

Вообще в XVI в. все резче и резче обнаруживалось расстояние, на которое Москва отстала в военном искусстве даже от Литвы, не говоря уже о других западных государствах.

Польское войско было в Москве на лучшем счету, по словам Флетчера. Герберштейн, а за ним Флетчер делают следующее любопытное сравнение московского ратника с турецким и татарским: «Русский ратник, если он уже раз начал отступать, все свое спасение полагает в скором бегстве, а если взят неприятелем, то не защищается и не молит о пощаде, зная, что должен умереть. Турок, потеряв надежду спастись бегством, начинает умолять о жизни, бросает оружие, поднимает руки вверх, как бы позволяя связать себя, надеясь, что его оставят в живых, если он согласится быть рабом неприятеля. Татарин охотнее соглашается умереть, нежели уступить неприятелю, и, свергнутый с коня, обороняется до последнего издыхания зубами, руками и ногами, чем только может*.

Если войско одерживало победу, брало город, царь

* Кампензе. С. 23 и след.; Иовий С. 53 и след.; Fabri, P. 132; Clemens Adam. P. 149; Herberstein. P. 7, 10, 36; Possevino. P. 11, 19, 60; Михалон. С. 11, 27, 29; Флетчер. Гл. 15, 16, 17; Nakluyt. Vol. I. P. 265.

посылал ратным людям награды. Для воевод и других начальных людей обыкновенной наградой была золотая денга овальной формы; простым ратникам раздавали серебряные такой же формы медали.

Несмотря на перемены, происшедшие в устройстве русского войска в XVII в., тактика до конца века оставалась прежняя: бой открывали стремительным натиском, но, встретив отпор, также неудержимо обращались в бегство; изменился только порядок нападения. Пехоту, вооруженную бердыщами, как главный оплот войска стали выставлять вперед. Иностранцы выгодно отзываются о московской пехоте: под управлением мужественного вождя, она дралась необыкновенно хорошо, соблюдая приемы правильного боя, если у нее была какая-нибудь опора, ров или ограда из обозных телег. Зато о коннице, состоявшей из служилых людей и их дворовых слуг, иностранцы самого дурного мнения: она билась гораздо хуже пехоты; сделав залп и видя, что неприятель не дрогнул, она быстро обращалась в бегство, оставляя пехоту без поддержки.

Вообще служилые люди Московского государства, по самому рождению призванные быть воинами, по отзывам наблюдателей, сильно страдали недостатком мужества и военной чести. Они не считали предосудительным, пользуясь продажностью московских дьяков, дорогой ценой откупаться от похода или даже, в случае возможности, убежать домой из лагеря.

По замечанию Корба, они не понимали, как можно добровольно подвергаться опасностям войны, и считали безумными тех немцев, которые сами напрашивались на участие в походе. Понятно, почему и в XVII в., несмотря на некоторые перемены к лучшему в военном устройстве, московское войско по-прежнему оказывалось несостоятельным при встрече с западными войсками, даже польскими. По выражению Корба, только татары боялись московского оружия; западные соседи смеялись и над духом и над искусством московских ратников*.

Увеличение враждебных столкновений с западными соседями, тяжелый опыт, выносимый отсюда, сознание отсталости — все это заставляло московское правительство, обыкновенно во всем так ревниво оберегавшее

* Корб. P. 183: «Umbratilis certe miles et hostis ludibrium nisi parem invenerit».

старину, отцовский обычай, делать некоторые перемены в ратном деле, хлопотать о наряде, о найме способных заправлять им иностранцев, о заведении постоянной пехоты. Недостаток искусства заставлял увеличивать количество сил, а увеличение количества требовало увеличения расходов. Служилые московские люди, говорят иностранцы, должны отправляться в поход на свой счет, а походные издержки у них не такие, как у нас, каждый дворянин едет на войну с 6 или более лошадьми и таким же числом слуг. Государство обязывало служилых людей являться на войну «конно, людно и оружно». Откуда добывали они средства для этого?

Служилый класс составляли бояре, дворяне и дети боярские с разными подразделениями. Мы видели, какая перемена произошла в отношениях высших членов старинной дружины к их прежнему вождю, великому князю, а потом царю московскому; мы знаем, что эта перемена была не в пользу первых. Эта перемена, разумеется, должна была отразиться и на низших членах дружины; они также из вольных слуг стали теперь подневольными холопами государя. Но, поставив последних в такое положение, эта перемена имела для них и выгодное следствие, какого не имела для бояр. Борьба государей московских со старыми дружинными притязаниями была собственно борьбой только с боярством и вообще с высшими членами дружины: они отстаивали свои старые права, окружая власть, которая не могла с ними ужиться. Эта борьба верховной власти с прежнею старшею дружиной, уничтожив прежнее доверие между ними, заставила первую обратиться к младшей дружине, позаботиться о ее интересах, чтобы найти себе в ней опору и противопоставить ее противникам. В XVI в. правительство старалось поднять значение дворянина, дать ему высшее место перед сыном боярским; но точно так же в конце этого века интересы сына боярского оно предпочло интересам боярина. Это ясно сказалось в мерах, которые правительство принимало для обеспечения материального положения служилого класса. Меры эти обуславливались отношением служилого класса к остальному народонаселению. В России, говорит Флетчер, каждый воин есть дворянин, и нет других дворян кроме военных, на которых такая обязанность переходит по наследству от предков — явление, не ис-

ключительно свойственное России, — и каждый иностранец из какого-нибудь западно-европейского государства по одному этому известию мог составить себе понятие об отношении военного класса в России к остальному народонаселению, припомнив историю своей собственной страны, он мог понять, что в России военный класс составляет особую массу, не смешивающуюся с остальным народонаселением, и кормится на счет последнего. Как кормится? — так, как кормится военная масса, еще не смешавшаяся с остальным народонаселением, во всех неразвитых и преимущественно земледельческих государствах, страдающих недостатком движимого капитала, производящих мену больше натурой, т. е. кормится натурой же, непосредственно на счет рабочего населения. Именно в таком первоначальном положении застали иностранцы XV и XVI вв. отношения между военным и невоенным населением Московского государства; перемены, происшедшие в положении различных элементов Московского государства в эти два века, не изменили сущности отношений между военным и невоенным населением страны в сравнении с XIII или XIV вв. Еще в начале XV в. живо сохранялось старинное значение слова «муж»; если понимали прежнее значение «мужа», понимали и прежнее значение «людей», мужиков. Какие бы чины и деления ни вносило государство в общество, в котором такие понятия опирались на живую действительность, в сущности это общество распадалось на два класса: военный, который защищал страну, и невоенный, который непосредственно кормил этих защитников. Если древняя Россия не оставила нам слова, которым одним мы могли бы назвать и охарактеризовать военный класс во всем его объеме, то для невоенного мы имеем несколько таких характеристических слов: «люди», «простые, черные люди», «земские, тяглые люди» — каждое из этих названий близко передает значение, какое имел невоенный класс в государстве.

Главную, общую формой непосредственного кормления военного класса на счет черных людей была задача поместий. И здесь обнаружилось то различие, которое, вследствие известных нам причин, делало правительство между высшими и низшими членами служилого класса.

В то время, когда князья Рюриковичи, переходя

на службу к князю московскому, теряли свои вотчины, за исключением небольших участков, когда и эти сильно урезанные вотчины, вместе с вотчинами старых бояр московских, по приказу государя, отнимались, менялись на другие, жалованные государем, и разными средствами, под разными предложениями отписывались на государя, в то самое время правительство сильно хлопочёт о мерах к обеспечению содержания низших служилых людей, дворян и детей боярских. Когда собирание северо-восточной Руси, с таким успехом конченное в первой половине XVI в., увеличило до громадных размеров количество земли, которою могла располагать казна, этой землей прежде всего воспользовались именно для испомещения низших служилых людей. Низшим же служилым людям прежде других положено было и постоянное денежное жалованье; наконец, в их интересах и к невыгоде крупных землевладельцев, которыми были те «старейшие бояре», на которых указывал царь В. И. Шуйский²⁸ как на противников прикрепления крестьян, в интересах именно мелких землевладельцев заказан был выход крестьянам. Но если иностранцам, приезжавшим в Москву из Западной Европы, это непосредственное кормление военной массы на счет невоенного народонаселения не могло показаться само по себе новостью, то в самом устройстве этого кормления, в отношении к нему правительства, их внимание не могли не остановить на себе некоторые особенности. Впрочем, мы имеем от них очень немногие отрывочные известия о поместьях: короткого пребывания в Москве и расспросов здешних жителей было слишком недостаточно для того, чтобы составить ясное понятие об этом предмете. Потому иностранные известия о нем касаются только внешней, наиболее видной стороны дела, именно некоторых отношений правительства к поместьям и помещикам. Герберштейн говорит, что знатнейшим служилым людям для отправления посольств и других более важных должностей даются, между прочими средствами содержания, и поместья*; но он ничего не говорит о поместьях, которые давались простым служилым людям для отправления военной службы, — не говорит, может быть, потому, что в первой четверти XVI в. раздача поместий еще не достигла значительных размеров. По словам Флетчера, сын дворянина, поспевший

* Herberstein. P. 10.

на службу, являлся в Разряд, где имя его записывалось в книгу, а ему самому давались известные земли для отправления службы, обыкновенно те же самые, какими пользовался его отец. Последние слова можно принять только в самом общем смысле, но совсем нельзя принять причину, которую Флетчер объясняет это наделение сыновей обыкновенно теми же самыми землями, которыми пользовались их отцы; по его словам, это происходит оттого, что земли, определенные на содержание войска, всегда одни и те же, без малейшего увеличения или уменьшения, и эти земли на всем пространстве государства все уже заняты. Относительно прежнего времени это известие о постоянно одинаковом количестве земель, которые правительство могло раздавать в поместья, конечно, неверно, но оно неверно и относительно того времени, когда писал Флетчер: во-первых, колонизация тогда еще продолжалась и даже, можно думать, в больших размерах, чем прежде, доставляя правительству новые пространства земли, постепенно, хотя и медленно, населявшиеся; государство, по своим отношениям к черным, тяглым землям, легче могло обращаться в поместья и даже в вотчины не только вновь занимаемые, но и старые, не испомещенные земли; далее, в каких бы широких размерах ни производилась раздача поместий во вторую половину XVI в.*, нет основания думать, чтобы все земли, которыми правительство могло располагать для этой цели, были уже заняты. Есть указание, говорящее против такого предположения: в Горетовом стану Московского уезда в 1586 г. под поместьями и вотчинами было 5780 четвертей пахотной земли; порожней и оброчной земли, находившейся в непосредственном ведении казны, было 8639 четвертей**; судя по этому образчику, можно полагать, что даже в тех местах, где мы могли бы предположить наиболее значительное развитие поместий и вотчин, количество свободных земель, которые правительство могло раздавать в поместья, далеко еще превышало в конце XVI в. количество земель, уже отданных в поместья.

Поэтому едва ли можно принять за общее или, по

* Г. Беляев гадательно, на основании поместных раздач 1550 года, полагает количество земель, розданных в поместьях к концу царствования Иоанна IV, около 50 000 000 четвертей. (Крестьяне на Руси. С. 99).

** Соловьев. История России. Т. VII. С. 397.

крайней мере, обыкновенное явление то, что говорит Флетчер далее, будто происходят большие беспорядки от того, что, когда у помещика много сыновей, и только один из них получает от царя поместье, то остальные, не имея ничего, принуждены добывать себе пропитание дурными средствами*; если и были подобные явления, то уже никак не от недостатка земель для испомещения нуждающихся служилых людей; при нужде в ратных людях этого не могло быть в XVI веке и даже долго после. Вообще земли, данные служилому человеку, не иначе переходили к его наследникам, как по утверждению государя. Хотя бы после служилого человека осталось много дочерей, земли отходили к государю, кроме небольшой части, оставаемой дочерям для выдачи их замуж (точнее надо было бы сказать: до выдачи замуж). Пользующийся поместьем служилый человек, под страхом тяжелого наказания, обязывался выставлять на войну и содержать во время похода несколько ратников, число которых было определено государем соразмерно с доходами поместья. От этих поместий, жалуемых государем за службу и для службы на время или пожизненно, отличались наследственные земельные владения (вотчины); но и эти земли находились в такой же зависимости от воли государя, как и поместья, ибо если владелец, умирая, не оставлял после себя сыновей, его земельная собственность тотчас отписывалась в казну**. О вотчинах иностранцы говорят еще меньше, чем о поместьях, может быть, потому, что они смешивали их с поместьями, к чему в XVI в. могли легко привести распоряжения правительства о вотчинах служилых князей, а другие если и отличали остатки прежних родовых княжеских вотчин от земель, пожалованных царем, то в последних не видели ясного различия между землями, пожалованными в вотчину, и землями, пожалованными в поместье²⁹. К концу XVI в. количество земель, розданных служилым людям в том или другом виде, без сомнения было значительно больше количества старых княжеских и боярских вотчин; но между всеми землями, находившимися за князьями, боярами и прочими служилыми людьми, поместья едва ли много уступали в количестве вотчи-

* Флетчер. Гл. 15.

** Herberstein. P. 10; Clemens Adam. P. 149; Possevino. P. 22.

нам (церковные земли, сюда, конечно, не относятся). Если можно так думать, то легко представить себе, какая перемена совершилась в частном землевладении в эпоху утверждения в Москве единовластия, и нас не остановит показание Флетчера, что у князей отняты их наследственные земли и даны им другие на поместном праве в дальних краях государства, где эти князья не могли пользоваться большим влиянием, что точно так же и бояре содержатся доходами с земель, пожалованных государем, потому что наследственных у них осталось мало*. Доходы как князей, так и бояр с жалованных царем земель, по свидетельству Флетчера, простирались до 1000 руб. в год; но при этом нельзя забывать, что по характеру господствовавшего тогда хозяйства трудно было определить поземельный доход, в том виде, как он тогда получался, сколько-нибудь приблизительною денежною суммой. Это замечание одинаково относится и к тем, впрочем, немногим известиям о поземельном доходе служилых людей, которые мы находим у иностранцев XVII в. Петрей говорит, что каждый крестьянин обязан работать на своего владельца 5 дней в неделю**. Олеарий сравнивает московских служилых князей с простыми дворянами Западной Европы и добавляет, что за исключением тех из этих князей, которые занимают высшие должности в государстве, все остальные вообще не богаче западных господ, получающих от 8000 до 10 000 ливров поземельного дохода***. У Невиля есть известие о доходе, который получал землевладелец с каждой тяглой души: по этому известию, каждый крестьянин приносил своему господину в конце XVII в. около 4 руб. ежегодного дохода****. О доходе низших чинов служилого класса нет у иностранцев прямых показаний, но по некоторым отрывочным замечкам можно заключать, что если не большинство, то значительная масса низших служилых людей, сверх денежного жалования, имела очень скудные средства содержания. По словам Флетчера, низший слой дворян-

* Флетчер. Гл. 9.

** Petrecus. P. 314.

*** Olearius. P. 26: «À la reserve de ceux qui sont employés dans les premières charges de l'état, les autres n'ayant pas plus de bien que nos Seigneurs de huit ou dix mille livres de rente». 3 ливра равняются 1 эку, а эку у Олеария равняется половине тогдашнего московского рубля: значит, 8000—10 000 ливров составляют около 1500 руб.

**** Neuville. P. 8: «Chaque paysan raporte par an à son maitre environ huit écus».

ства составляли лица, называвшиеся князьями, но происходившие от младших членов главных княжеских родов. Эти князья не имели никакого наследственного состояния, и их было так много, что они считались за ничто, и нередко можно было встретить таких князей, которые охотно шли служить простолыдину за 5 или 6 руб. в год. По словам Петрея, много было дворян, которые, не имея средств купить сапоги, ходили в лаптях, какие носили их крестьяне. О низших дворянах, служивших при дворе, Невиль замечает, что они только по имени дворяне, а в сущности не имеют никакого состояния, кроме 200 ливров ежегодно содержания от царя*.

Поместная система могла показаться посторонним наблюдателям очень удобным для государства способом обеспечения содержания служилого класса. Гваньини, говорит, что московский государь может долгое время содержать наготове огромное войско, не обременяя себя расходами, потому что он не дает ратникам денежного жалованья, а наделяет их малоценными полями, которые дают им содержание на время службы**. Но потребность в денежном жалованьи обнаруживалась все сильнее и сильнее. Мы видели, что высшие служилые люди кроме военной службы должны были отправлять на свой счет и другие должности, требовавшие иногда значительных издержек, но не приносившие особенных доходов, например, посольства к иностранным дворам: известно, что постигло Третьяка Далматова, который осмелился отговариваться от посольства недостатком средств***. Только в конце XVI в. встречаются русские известия о подмоге или денежном жаловании послам, отправлявшимся к иностранным дворам. Это средство, как общая мера, приложено было прежде всего к низшим служилым людям, дворянам и детям боярским. Иовию сказывали, что только тем служилым людям, которые живут в областях, выдается из областной казны в мирное время незначительное жалованье****. По словам Герберштейна, кому государь приказывал быть при дворе, а

* Neuville. P. 25. Ср. Оларий. С. 221: «Les knez qui n'ont point d'employ à la Cour, et qui n'ont pas le mouen d'y faire la dépense, se retirent à la campagne, où leur façon de vivre n'est pas fort différente de celle des paysans».

** Guagnino в «Rerum Moscoviticarum auctores varii». P. 177.

*** Herberstein. P. 12.

**** Иовий. С. 55.

также отправлять посольскую или воинскую службу, тот должен был исполнять это на свой счет, исключая молодых детей боярских, которых государь ежегодно брал ко двору и содержал на жалованьи. Одни из них получали ежегодно по 12 золотых (рублей), другие по 6 золотых в каждые три года; первые на свой счет должны были исправлять всякое государево дело с известным числом лошадей. Вообще жалованье выдавалось тем, которые не могли на собственные средства, т. е. на счет доходов с поместий, отправлять военную службу*. Более определенные и подробные известия о денежном жалованьи имеем от конца XVI в., когда и самое дело получило большую определенность и большее развитие. Мы видели, какие части войска на постоянном жалованьи высчитывает Флетчер. По его показанию, большие дворяне получали от 100 до 70 рублей в год, средние от 60 до 40, дети боярские от 30 до 12; всего выдавалось на 15 000 дворян-телохранителей до 55 000 руб. ежегодно. Половина жалованья выдавалась им в Москве, другая в поле, если они были в походе. Это жалованье шло им сверх приписанных к каждому из них земель; кто имел очень мало земли, получал ежегодно по 20 руб. прибавки. На 65 000 дворян, в мирное время назначавшихся на сторожевую службу по татарским границам, выдавалось жалованья до 40 000 руб. Стрельцы получали ежегодно по 7 руб., по 12 мер ржи и по столько же овса. О количестве жалованья наемным солдатам из иностранцев в XVI в. нет известий. Система денежного жалованья, разумеется, в меньших размерах и медленнее распространилась на высшие чины служилого класса; по словам Флетчера, князья и бояре получали сверх доходов с пожалованных царем земель до 700 руб. в год денежного жалованья за военную службу; больше этого, добавляет Флетчер, никто не получает**.

В XVII в. система денежного жалованья должна была получить большее развитие, и иностранцы этого времени оставили нам более подробные известия об этом предмете, иногда указывая вместе с денежным жалованьем и количество земель, которыми пользовались разные служилые люди. При Маржерете высшие члены служилого класса, составлявшие Государе-

* Herberstein. P. 10, 36.

** Флетчер. Гл. 9, 15.

ву думу, князья и бояре, получали от 500 до 1200 руб. ежегодного оклада; окольничие от 200 до 400 руб. и земли от 1000 до 2000 четвертей (при Маржерете окольничих было до 15 человек); думные дворяне, которых было 6, получали от 100 до 200 руб. и земли от 800 до 1200 четвертей; московские дворяне от 20 до 100 руб. и земли от 500 до 1000 четвертей; выборные дворяне от 8 до 15 руб. и земли до 500 четвертей, дети боярские от 4 до 5 руб. в 6 или 7 лет и земли от 100 до 300 четвертей*. Стрелецкие головы получали при Маржерете денежного жалованья от 30 до 60 руб. и земли от 300 до 500 четвертей; сотники, сверх земель, от 12 до 20 руб.; десятники до 10 руб.; рядовые стрельцы по 4—5 руб. ежегодно; сверх того каждому отпускалось по 12 мер ржи и по столько же овса, как и при Флетчере. При Мейерберге пятидесятники получали денег по 8 руб. в год; десятники и простые стрельцы по 7 руб.; овса и ржи выдавалось каждому стрельцу по 20 мер ценой на 18 руб.; пятидесятникам вдвое больше**. Кроме того, раз в год стрельцам выдавали сукна на одежду, которую они должны были шить на свой счет; при выходе стрельца из службы (за смертью или старостью) эта одежда возвращалась в казну. Кроме царского жалованья стрельцы получали большие доходы от промыслов, которыми им позволено было заниматься в Москве и других городах***. Русским офицерам и рядовым ратникам конных (рейтарских) полков шло жалованье по 30 руб. в год (по Мейербергу по 50); во время похода им выдавали водку, муку, пшено, сало и сушеную рыбу****. Солдатам платили во время похода по 5 коп. ежедневно*****.

* Маржерет в «Сказаниях современников о Дмитрии Самозванце». Ч. 3. С. 59. При Котошихине поместный оклад был всем чинам «против денег с рубля по 5 четвертей в поле, а в двух потому ж». См. Котошихин. Гл. VII. Ст. 8. Если цифры Маржерета верны, то в начале XVII в. низшим чинам давали поместные оклады в большей пропорции с денежными, нежели во времена Котошихина. Причина понятна.

** Маржерет. С. 52; Mayerberg. Vol. II. P. 123; У Корба оклад рядовых стрельцов показан тот же, что у Мейерберга; значит, во 2-й половине XVII в. он был увеличен в сравнении с первою. Впрочем, как у Маржерета, так и Мейерберга, денежные оклады ниже тех, какие показаны у Котошихина; хлебное жалованье, напротив, у Мейерберга выше того, какое выставляет Котошихин. См. Котошихин. Гл. VII. С. 5.

*** Korb. P. 183: «Ex mercimoniis, quae exercere licebat, magnas saepe et individuos opes acquisiverant».

**** Olearius. P. 225; Mayerberg. Vol. II. P. 124. По Котошихину также 30 руб., вопреки Мейербергу (см. гл. IX, ст. 2).

***** Mayerberg. Vol. II. P. 125; у Котошихина 60 алтын в месяц.

В мирное время жалованье служилым людям выдавалось в Москве и областных городах, по свидетельству Петрея, в два срока: на Пасху и на Михайлов день. Выдача, по словам Мейерберга, производилась с такою аккуратностью, что если служилый человек не являлся за ним в назначенный срок, ему на другой же день относили жалованье на дом. Если ратник с честью пал на битве, назначалось содержание его вдове до ее вступления в новое замужество, а также и детям до возраста. Если ратник попадал в плен, половину его жалованья за это время отдавали его жене, а другую ему самому, когда его выкупали*.

От XVII в. дошли также известия о жалованьи иностранцам, служившим в московском войске. Рейтенфельс говорит, что положение иностранцев на русской службе значительно улучшилось в его время в сравнении с прежним. Для привлечения большого числа опытных иноземных офицеров им назначали жалованье гораздо больше, нежели русским. В Москве в XVII в. постоянно жило много иностранных полковников и офицеров, которые в мирное время оставались без дела, получая половинный оклад жалования, так как войска, которыми они командовали, в мирное время распускались**. Когда открывалась война, иностранным офицерам поручали командование рейтарскими и солдатскими полками и выдавали полные оклады: рейтарскому полковнику шло тогда денежного жалованья по 40 руб. в месяц, подполковнику по 18, майору по 16, ротмистру 13, поручику 8, корнету 7. В солдатских полках жалованье было несколько меньше, именно: полковнику 30 руб. в месяц, подполковнику 15, майору 14, капитану 11, поручику 8, прапорщику 5. При поступлении на службу иностранец получал от царя в подарок платье, лошадь и проч. Несмотря на выгоды, которыми пользовались иностранные офицеры на русской службе, многие из них высказывали Мейербергу сожаление, что оставили свою родину и пошли искать счастья в Москву; они жаловались на то, что по выслуге условленного срока нет возможности вырваться из Москвы; если для удержания иностранца на службе долее срока не помогали разные приманки и награды, упрямого ссылали в ка-

* Meyerberg. Vol. II. P. 126.

** Олеарий, кажется, преувеличивает, говоря, что в мирное время иностранный полковник получал по 90 экю или по 45 руб. в месяц.

кое-нибудь отдаленное место, откуда трудно было вы-
браться. В оправдание таких стеснений иностранцам
говорили в Москве, что нечестно покидать службу,
когда идет или ожидается война; а на это всегда мож-
но было сослаться, так как Московское государство
по характеру своих отношений к соседям постоянно
или воевало, или ожидало войны*.

* Мауерберг. Vol. II. P. 124; Рейтенфельс. С. 3. Корф.
P. 183.

v. УПРАВЛЕНИЕ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

От описания устройства служилого класса всего ближе перейти к описанию управления страной³⁰. Управление было другой формой кормления служилых людей на счет черного, неслужилого народонаселения и, разумеется, должно было отличаться особенностями, которые неизбежно вытекали из такой цели. Боярин или сын боярский за государеву службу получал наместничество или волостельство; человек меча на известное время переходил в совершенно другую сферу, вступал в совершенно иные отношения, не переставая быть по-прежнему в сущности военным человеком, ведал и судил город или волость «для расправы людям и всякого устройства землям, себе же для покоя и прокормления», как определяло правительство XVI в. цель наместничества и волостельств. По окончании срока служилый человек возвращался с кормления до нового места. Понятно, какой характер должно было иметь его управление городом или волостью: прежде и больше всего имелось в виду получение дохода, «чем мочно быти сытым». Иностранцы не могли не заметить такого характера областного управления. Герберштейн ставит «профектуры» рядом с поместьями, как средства, служащие для одной и той же цели. На образованного западного европейца, внимательно всматривавшегося в устройство Московского государства, не могло, конечно, произвести выгодного впечатления это смешение совершенно различных занятий и целей, какое представляло им гражданское управление

посредством военных людей. Таковы же были органы и центрального управления, сосредоточивавшиеся в думе и приказах столицы.

В устройстве управления Московского государства в XV и XVI вв. мы видим важное движение: тогда произошли две тесно связанные между собою перемены, которые не могли остаться без влияния на ход управления. Эти перемены состояли в появлении и развитии приказной системы и в новом значении дьяков. До этого времени в каждом княжестве северо-восточной Руси во главе управления стоял князь, как установитель порядка в земле и страж ее; ему служили бояре-думцы и разные слуги; бояре за службу получали от князя волости и города в кормление; боярин ведал и судил жителей данной волости, данного города, и тиунам своим ходить у них велел, а доход брал «на себя», по наказному списку. Таким образом известное число наместничеств и волостельств замещалось таким же числом членов княжеской дружины, которые назначались и сменялись князем, во всем относились к князю, — и только. Вот все главные органы управления, т. е. в управлении действовали только известные лица, но не было присутственных мест приказов, — по крайней мере до XVI в. нет ясных указаний на подобные учреждения. Но развитие государства и, как его следствие, усложнение управления делали необходимыми такие учреждения, и в начале XVI в. мы встречаем известие о приказах³¹. Чем далее, тем более будут эти приказы размножаться и обособляться вследствие усложнения правительственного дела и вместе с тем вследствие того же более и более будет оказываться несостоятельность служилых людей в деле управления, более и более будет чувствоваться нужда в людях иного рода, которые умели бы владеть не мечом, а пером, и с начала XVI в. одновременно с известиями о приказах встречаем известия об усилении значения дьяков. Они имели важное значение в думе государя; они заправляли ходом дел в приказах, они же отправлялись вместе с наместниками по областям и заведовали там всеми государственными делами, были представителями государственного начала в областях, потому что наместники, служилые люди, оказались теперь непригодны и непривычны к правительственному делу при его новом значении, при новых чисто государственных потребнос-

тях, и этим наместникам предоставили ведать только свои частные интересы кормления. Чуждые служилым людям по характеру занятий, дьяки были чужды им и по происхождению, потому что выходили из «поповичей и простого всенародства», по выражению Курбского. Были и другие причины, содействовавшие такому усилению значения дьяков в XVI в.; эти причины хорошо понимали и ясно высказывали московские бояре, борющиеся с самодержавными стремлениями своих государей. Но каковы бы ни были эти причины, новые потребности управления занимали между ними важное место; если посторонние обстоятельства дали дьякам возможность «боярскими головами торговать»; то этих обстоятельств было мало для того, чтобы дать им возможность и «землею владеть», как выражался один отъезжник XVI века.

Так в управлении государством последовали важные перемены, показывавшие переход его от дружинного порядка к чисто государственному; явились новые более сложные органы и новые более пригодные к делу деятели. Но высший правительственный круг, Дума государева осталась, по-видимому, в прежнем положении. По-прежнему высшие члены старинной дружины по одному из исконных прав своих считались думцами князя; по-прежнему государь «сидел с бояры» о всяком земском строении. Еще в начале XVI в. при дворе считали значение боярина тождественным со значением советника и первое слово заменяли последним. Так же называют бояр того времени и иностранцы. Но как дружина XVI в. не была похожа на прежнюю, так и в боярской думе, несмотря на ее прежний вид и состав, отношения сильно изменились. В начале XVI в. со стороны государевых советников слышались громкие жалобы на то, что государь перестал советоваться с боярами, все дела решает у себя в спальне сам-третей, — и эти двое поверенных дум были дьяки, «люди из простого всенародства, которых отцы отцам тогдашних бояр и в холопство не годились». Несмотря на то что эта перемена отношений не выразилась ни в каком формальном нововведении, ее скоро заметили иностранцы: мы видели, как отзывается Герберштейн об отношении бояр-советников к великому князю: «никто из них, как бы велико ни было его значение, не смеет ни в чем противоречить государю».

Сделав эти предварительные замечания о государ-

ственном управлении, перейдем к изложениям известий о нем иностранцев. До конца XVI в. мы имеем от них немногие отрывочные заметки об этом предмете и только у Флетчера встречаем более полный и систематический очерк управления.

Во главе управления стоял государь со своей Думой³². Думу составляли думные бояре, отличавшиеся этим от простых бояр, которые хотя также назывались советниками государя, но получали это звание больше как почетный титул, ибо на общий совет их приглашали редко или совсем не приглашали. Кроме думных бояр, в думе присутствовали («жили») думные дьяки или государственные секретари. Как те, так и другие, получали свое звание по воле государя. Впрочем, и думные бояре не всегда все приглашались на совещание, по крайней мере так бывало, по свидетельству Флетчера, в царствование Федора Иоанновича, когда дела решал Борис Годунов с 5 или 6 лицами, которых он находил нужным призвать на совет. Иностранцы ясно дают понять, что боярская дума имела только совещательное значение, что дела часто решались до обсуждения их в думе и без ее утверждения приводились в исполнение. На совете, говорят они, боярам приходилось больше слушать, нежели высказывать свои мнения. Дума была высшим законодательным, административным и судебным местом. Отсюда исходил всякий новый закон или государственное постановление. Здесь с утверждения государя определялись известные лица на правительственные должности и решались важнейшие судебные дела. Думе докладывали во время ее заседаний о внутренних делах государства начальники четей, или четырех главных приказов, ведавших областное управление. Сюда же входили с доношениями и начальники разных судебных мест. Кроме дел государственных здесь разбиралось множество частных по просьбам. Думные бояре, по отзыву Поссевина, были недалеки познаниями: при нем только один из членов думы знал немного по-латыни и очень немногие знакомы были с польским языком; притом это были почти все дьяки, многие бояре не умели даже ни читать, ни писать. Обыкновенно заседания думы были по понедельникам, средам и пятницам, с 7 часов утра. Когда нужно было назначить чрезвычайное собрание в другой день, из Раз-

ряда давался приказ писцу разослать повестки о том членам думы*.

В чрезвычайные собрания думы по какому-нибудь особенно важному делу на совет призывалось и высшее духовенство. Флетчер так описывает эти чрезвычайные собрания думы или соборы. Царь приказывал призвать тех из думных бояр, которых сам заблагорассудит, человек 20, вместе с патриархом, который приглашал митрополитов, архиепископов и тех из епископов, архимандритов и монахов, которые пользовались особенным почетом. Обыкновенно такие соборы созывались в пятницу, в столовой палате. Все собравшиеся встречали царя в сенях, причем патриарх благословлял царя и целовал его в правое плечо. В палате царь садился на трон; невдалеке от него, за четырехугольным столом помещались патриарх, митрополиты, архиепископы, епископы и некоторые из знатнейших бояр с двумя думными дьяками, которые записывали все происходившее. Прочие сидели на скамьях около стен, по чинам. Один из дьяков излагал причину созывания собора и предметы для обсуждения. Прежде всего спрашивали мнение патриарха и других духовных лиц, которые всегда и на все давали один ответ, что царь и дума его премудры, опытны в делах государственных и гораздо способнее их судить о том, что полезно для государства, ибо они, духовные, занимаются служением Богу и предметами веры и потому просят царя сделать нужное постановление, а они вместо советов будут вспомоществовать молитвами и т. д. Потом вставал кто посмелее, уж прежде назначенный для формы, и просил царя объявить собранию свое собственное мнение. На это дьяк отвечал, что государь, по надлежащем обсуждении со своею думою, нашел предложенное дело полезным для государства, но все-таки требует от них, духовных, богоугодного мнения, и буде они одобряют сделанное предложение, то изъявили бы свое согласие и проч. Объявив наскоро свое согласие, патриарх удалялся с духовенством, сопровождаемый царем до другой палаты; затем царь, возвратившись на прежнее место, оставался здесь для окончательного решения дела, после чего приглашал духовенство и думных людей на парадный обед.

* Possevino. P. 26 и след. Флетчер. Гл. 7, 11.

Дела, решенные на соборе, дьяки излагали в форме прокламаций, которые рассылались по областям*.

Характер думы не изменился и в XVII веке: она по-прежнему оставалась совещательным собранием, в котором редко слышались независимые голоса; советникам внушалось, что если им давалось право высказывать свои мнения, то царь и даже его любимцы оставляли за собой право исполнять только то, что находили полезным и нужным. Потому это собрание не имело прямого влияния на ход дел; мнения у него спрашивали только для формы, чтобы отклонить от себя ответственность в случае неудачного исхода дела**. Число членов думы не определялось законом; как и прежде, царь назначал в нее кого находил нужным, по своему благоусмотрению. Маржерет говорит, что он знал до 32 членов думы. При Мейерберге дума состояла из 26 бояр, 30 окольных, 7 думных дворян, наконец, из 3 думных дьяков; последних, впрочем, бывало и по два; первый из этих думных дьяков заведывал обыкновенно делами посольскими и иноземными, был управителем Посольского приказа, а второй управлял Разрядным приказом, заведывая делами военными***.

Под думой, как высшим правительственным местом, стояли приказы, ведавшие отдельные отрасли государственного управления. По известиям XVI века, дела по этому управлению распределялись между 4 главными приказами, или четами. Каждый из этих приказов управлял одною из 4 четвертей, на которые делилось все государство в административном отношении. Эти приказы были: Посольский, Разрядный, Поместный, и Казанский. По словам Флетчера, все области государства расписаны были между этими 4 четами, из которых каждая заведывала несколькими областями. Но на такое значение четей указывает только название Казанской чети; названия остальных могут навести на мысль, что каждая из них управляла не всеми делами приписанной к ней части государства, а известного рода делами всего государства. В другом месте Флетчер говорит, что начальники четей делали распоряжения по всем делам, исполнение

* Флетчер. Гл. 8.

** Olearius. P. 181; Mayerberg. Vol. II. P. 107.

*** Маржерет. С. 35; Olearius. P. 221; Mayerberg. Vol. II. P. 107, 12. Ср. Котошихин. Гл. II. Ст. 5.

которых в местах, ими управляемых, возлагалось на них царской Думой; эти слова как будто указывают на то, что каждая четь ведала в своих областях не все, но только некоторые дела; значит, дела другого рода в тех же областях принадлежали уже ведомству другой чети. Вообще трудно составить себе не только по иностранным, но и по отечественным известиям ясное понятие об устройстве и ходе управления посредством приказов именно потому, что ведомства не были точно разграничены и определены по известным началам; оттого трудно и распределить их на какие-нибудь точно определенные группы, отнести, например, одни приказы к дворовому ведомству, другие к военному и т. д. Посольская четь, указывавшая своим названием на то, что мы теперь разумеем под министерством иностранных дел, вместе с тем ведала внутренние дела нескольких городов. Еще более было запутанности в приказной системе XVII века, когда она усложнилась, когда приказов было больше 40. Приказы переплетались между собою делами, однородные дела ведались в нескольких приказах, и, наоборот, в одном и том же приказе сосредоточивались разнородные дела. Эта запутанность отчасти происходила от того порядка, в каком учреждались приказы; они явились не все вдруг, а возникали постепенно, один за другим: усложнялись дела известного рода — и для них учреждался особый приказ: между тем дела не переставали вестись и в тех приказах, к которым они прежде принадлежали. Так явились приказы: Стрелецкий, Иноземный, Рейтарский, которые не могли не перепутываться своими делами с Разрядным. Усложнились дела по устройству кружечных или питейных дворов — и возникла Новая четверть; но кабацкое дело ведалось прежде в других приказах, к которым приписаны были какие-нибудь города и волости; дела по этой части остались в этих приказах и по учреждении новой четверти, а к последней приписаны были кружечные дворы только Московской и некоторых других областей. Понятно, как много было условного и случайного в ходе приказного управления и как трудно было иногда решить, «кто под которым приказом в ведомости написан и судим», по выражению Котошихина. Дробность и неопределенность приказной системы подавала некоторым иностранцам повод думать, что в Московии столько же судов, сколько может быть

дел, что в одном, например, судили воров, в другом разбойников, в третьем мошенников*.

По описанию Флетчера, Разрядный приказ управлял делами, относящимися к войску, ведал земли и доходы на жалованье ратным людям, получавшим его; Поместный вел список поместий, розданных служилым людям, также выдавал и принимал на них всякие крепости; Казанский ведал дела царств Казанского и Астраханского с городами по Волге. Что ведал приказ Посольский, об этом Флетчер не говорит ни слова. Всеми этими приказами управляли при Флетчере думные люди. Управляющий Посольским приказом получал в год 100 руб. жалованья, Разрядным столько же, Поместным — 500 руб. Казанским — 150. Эти приказы принимали просьбы и дела всякого рода, поступавшие в них из подведомственных областей, и докладывали о них царской Думе, также посылали разные распоряжения последней в подведомственные области.

Для управления областями назначались царем известные лица, по одному или по два в каждую область, которые должны были во всех делах обращаться к управляющему той чети, в которой числилась известная область. На это указывают слова Поссевина, что наместники знают, к кому из сенаторов обращаться с донесениями, и что эти сенаторы от имени царя отвечают им, а сам царь никогда не пишет собственноручно никому, даже не подписывается под указами. Наместник отправлялся в назначенную ему область с одним или двумя дьяками, которые заведовали всеми приказными делами по управлению областью. Областные правители обязаны были выслушивать и решать все гражданские дела своих областей, впрочем с предоставлением тяжущимся права апеллировать в царскую Думу; в делах уголовных они имели право задержать, допросить и заключить в тюрьму преступника; но для окончательного решения должны были пересылать такие дела, уже исследованные и правильно изложенные, в Москву к управляющим четей для доклада думе. Наконец, наместники были обязаны в своих областях обнародовать (прокликать) законы и правительственные распоряжения,

* Записки Маскевича в «Сказаниях современников о Дмитрии Самозванце». Ч. 5. С. 64.

взимать подати и налоги, собирать ратников и доставлять их на место. Областные правители и дьяки назначались по царскому указу, и чрез год (по Герберштейну, чрез полтора года) обыкновенно сменялись, за исключением некоторых, пользовавшихся особенной милостью у царя, для которых этот срок продолжался еще на год или два. За свою службу наместники в конце XVI в. получали 100, другие 50 или 30 руб. жалованья³³. В их пользу шли пени, которые они выжимали из бедных за какие-нибудь проступки, и другие доходы. Иногда наместнику вместе с городом отдавались и доходы с кружечного двора, который находился в этом городе. От простых наместников отличались наместники и воеводы 4 пограничных городов: Смоленска, Пскова, Новгорода и Казани; их назначали из людей, пользовавшихся особенным доверием, по два в каждый город. Они имели особенное значение, больше обязанностей и исполнительную власть в делах уголовных. Поэтому они получали большее жалованье, одни 700, другие 400 руб. в год*.

В таком виде представляют иностранцы устройство областного управления во второй половине XVI в. Более ранний путешественник говорит, что московский государь имел обыкновение ежегодно объезжать разные области своих владений**, но неизвестно, с какой собственно целью совершались эти поездки, с целью ли объезда, т. е. осмотра областей, или на богомолье, или же, наконец, для прохлады: ибо таковы были цели всех государевых поездок. Москва управлялась особенным образом, именно состояла под прямым ведением царской Думы, члены которой в известных судебных местах выслушивали все важные дела городских жителей. Для обыкновенных дел, например относительно построек, содержания улиц, определялись два дворянина или дьяка, которые составляли с подьячими присутственное место — Земский двор. Каждая часть города имела своего старосту, от которого зависели сотские, а от последних десятские, каждому из которых поручался надзор за 10 домами***.

Одною из важнейших отраслей ведомства боярской думы, приказов и областных правителей было отправ-

* Herberstein. P. 10; Possevin. P. 27; Михалон. С. 57; Наклуыт. Vol. I. P. 351; Флетчер. Гл. 10.

** Контарини. С. 106.

*** Флетчер. Гл. 10.

ление правосудия. Судебная часть была тесно соединена с административной или, лучше сказать, вовсе не была отделена от нее; одни и те же органы ведали и ту, и другую. Потому на суд, как и на прочие отрасли управления, смотрели прежде всего как на статью кормления, дохода. Таков был издавна взгляд на этот предмет. Суд был не общественной должностью, а частным владением, делился на части, отдавался на откуп как частная доходная статья. С развитием государства необходимо развивалось и законодательство, развивались юридические понятия; по крайней мере правительство постепенно расширяло круг своей деятельности на счет частного права. По двум Судебникам, великокняжескому и царскому, можно следить, как законодательство старается всё шире и шире захватить интересы общества, более и более овладеть их нарушителем, дать больше определений и сделать их более точными и подробными³⁴. В пример того, как законодательство постепенно старалось отнять у преступления против известного лица, характер частного явления и поступить с преступником как с нарушителем прав целого общества, можно сравнить следующие постановления Судебников между собою и с прежними постановлениями: в великокняжеском Судебнике месть, самоуправство не допускаются; если у преступника не окажется имущества, чем вознаградить истца, преступник не выдается последнему, но подвергается смертной казни; по определению того же Судебника, вор, пойманный впервые, по наказании и доправлении иска отпускаялся на волю. Царский Судебник относится к делу гораздо строже: по его определению, вор, пойманный впервые, по наказании и доправлении иска, не отпускаялся, но отдавался на крепкую поруку, а если ее не было, сажался в тюрьму до поруки. Мы напрасно стали бы ожидать от иностранцев оценки этого движения в сфере законодательства. Иовий со слов русского рассказчика мог только записать, что Московия управляется простыми законами, основанными на правосудии государя и бескорыстии его сановников*. Герберштейн приводит в своем сочинении небольшой отрывок из Судебника Иоанна III о судных пошлинах, но ничего не говорит о самом Судебнике. Флетчер говорит, что единствен-

* Иовий. С. 47.

ный закон в Московии есть изушный, т. е. воля государя и судей: Судебник Иоанна IV не удостоился от ученого английского юриста названия писанного закона*. Но что дает особенный интерес беглым и отрывочным заметкам иностранцев, — это то, что они вводят нас в самую практику юридических отправлений, показывают, в каком виде и в какой обстановке являлся закон на самом деле, а не на бумаге.

Во второй половине XVI в. судные дела ведали следующие учреждения: губные и сотские старосты, наместники и волостели с дьяками и, наконец, высшие правительственные места в Москве, чети и Дума. Всякое дело можно было, по словам Флетчера, начинать с любого из трех первых учреждений или переводить его из низшего суда в высший посредством апелляции. В гражданских делах, например по взысканиям, суд совершался в следующем порядке. Истец подавал челобитную, в которой излагал предмет иска. По этой челобитной ему давалась выпись о задержании ответчика, которую он передавал приставу или недельщику**. Все иностранцы, рассказывая о московском судопроизводстве, резко отзываются о жестоком обращении этих недельщиков с подсудимыми и вообще о суровости форм, в которые облакался суд даже в незначительных делах. По словам Флетчера, иногда из-за каких-нибудь 6 пенсов обвиняемому заковывали в цепи руки, ноги и шею. Пойманный ответчик должен был дать поручительство, что явится к ответу в назначенный день. Если никто не поручался за него, недельщик привязывал его руки к шее, бил батогами, по ногам и держал в тюрьме до тех пор, пока нужно было представить его на суд. Ходатаев и поверенных при суде не было, каждый сам должен был, как умел, излагать свой иск и защищаться. Когда истец и ответчик становились пред судьей, ответчик на вопрос последнего о предмете иска отвечал обыкновенно заирательством. Судья спрашивал, что он может представить в опровержение требования истца. Ответчик говорил, что готов поцеловать крест. После того он не подвергался битью батогами до ближайшего исследования дела. Иногда, за неимением ясных до-

* Флетчер. В конце гл. 14.

** У Герберштейна (с. 40) находим такое определение недельщика: «Nedelshick est commune quoddam eorum officium, qui homines in jus vocant, malefactores capiunt, carceribusque coërcent; atque hi nobillium numero continentur».

казательств, судья сам обращался к истцу или ответчику с вопросом, согласен ли он поклясться и принять крестное целование. Флетчер так описывает обряд этой клятвы «Церемония происходит в церкви; в то время, как присягающий целует крест, деньги (если о них идет дело) висят под образом; как скоро присягающий поцелует крест пред этим образом, ему тотчас отдают деньги». Флетчер прибавляет, что крестное целование считалось делом столь святым, что никто не смел нарушить его или осквернить ложным показанием. Олеарий говорит, что обыкновенно старались не доводить дело до крестного целования и тяжущиеся вообще неохотно прибегали к нему, ибо и общество, и церковь неблагоприятно смотрели на поцеловавшего крест в судном деле. Если обе стороны готовы были принять крест на душу, бросали жребий, и тот, кому он доставался, выигрывал дело. Англичанин Лен подробно описывает порядок решения дела посредством жеребья, которым решена была в Москве его тяжба с некоторыми русскими купцами. При суде присутствовало множество народа. Когда истцы не согласились на мировую сделку, предложенную ответчиком по приглашению судей, последние, засучив рукава, взяли два восковые шарика одинаковой величины с именами обеих тяжущихся сторон и вызвали из толпы первого попавшего на глаза высокорослого человека, которому велели снять шапку и держать перед собой; в нее положили оба шарика и вызвали из толпы другого высокорослого человека, который, засучив правый рукав, вынимал из шапки один шарик за другим и передавал судьям. Судьи громко объявляли всем присутствовавшим, какой стороне принадлежал первый вынутый шарик, та сторона и выигрывала дело*. Виноватый платил судной пошлины 20 денег с рубля**. Если виновный по окончании дела тотчас не удовлетворял истца, его ставили на правож. Правожом, по описанию Флетчера, называлось место близ суда, где обвиненных по судебному приговору и отказывавшихся платить били батогами по икрам***. Расправа производилась ежедневно, кроме праздников,

* На kluyt. Vol. I. P. 345, 346.

** Русские купцы, проигравшие Лену тяжбу, заплатили царю 10 % с суммы, бывшей предметом иска, за такой «грех», как они называли проигрыш.

*** *Foagris baculisque per suras et crura pedum graviter absque ulla misericordia caeduntur. «Rerum Moscoviticarum auctores varii». P. 179.*

от восхода солнца до 10 или 11 часов утра. Каждый должник подвергался правежу по одному часу в день, пока не выплачивал долга. По словам Маскевича, перед Разрядом всегда стояло по утрам больше 10 таких должников; над ними трудилось несколько недельщиков, которые, разделив между собою виновных, ставили их в ряд и, начав с первого, били тростью длиною в полтора локтя, поочередно ударяя каждого три раза по икрам и таким образом проходя ряд от одного края до другого. Судья между тем наблюдал из окна за расправой. Несмотря, на это, недельщики умели извлекать выгоду из своего занятия, позволяя должникам за деньги класть жезл за сапоги, чтобы сделать удары менее чувствительными. Все время после полудня и ночью должников держали скованными в тюрьме, за исключением тех, которые представляли за себя достаточное обеспечение, что будут сами являться на правеж в назначенный час. Маржерет говорит, что он видал много наказанных, которых везли с правежа домой на телегах; по его же словам, всадники царской службы были изъяты от этого наказания, имея право выставить за себя на правеж одного из своих людей. После годовичного стояния на правеже*, если обвиненный не хотел или не мог удовлетворить истца, последнему дозволялось брать его с семьей к себе в рабство или продать на известное число лет, смотря по величине долга**. По показанию Олеария, годовая работа мальчика, отданного кредитору за долг отца, ставилась в 5 рублей, а девушки в 4 рубля; на стоимость работы взрослых нет указаний***.

Относительно уголовного судопроизводства мы видели, что, кроме 4 пограничных городов, наместники прочих областей не имели в XVI в. права окончательного решения в делах уголовных; решение по таким делам принадлежало высшему суду в Москве. Обвиняемый в уголовном преступлении задерживался, допрашивался и заключался в тюрьму правителем области, где совершено преступление. Наместник посылал дело о нем, уже обследованное и правильно

* В 1555 г. определено было стоять на правеже во 100 руб. месяц. «а будет иск больше или меньше, то стоять по тому же расчету». Дозволялось переводить правеж еще на один месяц, но не больше.

** Это называлось «выдать истцу головой до искупа».

*** Маржерет. С. 38; Маскевич. С. 55; Olearius. P. 160.

изложенное, в Москву к управляющему своей четверти, а последний передавал его в думу, которая на основании того, как изложено дело наместником и его дьяком, произносила окончательный приговор, не делая нового допроса обвиненному*. Допрос состоял в пытке: обвиняемого били кнутом из белой воловьей кожи, шириною в палец, так что каждый удар производил рану, или привязывали к вертелу и жарили на огне, иногда ломали или вывертывали какой-нибудь член раскаленными щипцами, разрезывали тело на пальцах под ногтями. Самым ужасным родом пытки была дыба. Подсудимого со связанными назад руками вздергивали на воздух и оставляли висеть в таком положении, привязав к ногам толстый брус, на который вскакивал по временам заплечный мастер, чтобы тем скорее заставить члены подсудимого выйти из суставов; между тем под ногами подсудимого горел огонь для усиления страданий. Иногда на голове у подсудимого выбривали макушку и в то время, как он висел, лили на нее сверху холодную воду по каплям; редкий преступник выдерживал это последнее испытание, добавляет Олеарий. Управляющий четвертью пересылал приговор думы в ту область, где находился преступник, для исполнения. Если по этому приговору преступник присуждался к смерти, его вывозили на место казни с зажженной восковой свечой, которую он держал в связанных руках. Виды смертной казни были: повешение, обезглавление, умерщвление ударом в голову, утопление, погружение зимою под лед, сажание на кол и нек. друг. По свидетельству Герберштейна, всего чаще употреблялось повешение; другие, более жестокие казни, употреблялись редко, разве за какие-нибудь необыкновенные преступления. За воровство и даже убийство (кроме убийства с целью грабежа) редко подвергали смертной казни**. Герберштейн и Флетчер говорят, что летом москвитяне, занятые войной, редко казнили преступников, но большею частью отлагали исполнение смертных приговоров до зимы, когда преступников вешали или убивали ударом в голову и пускали под лед. Святотатцев, по

* Ср. «Областные Учреждения» В. Чичерина. С. 45.

** Ад. Климент добавляет: «Qui secundo (futuro) delinquit, illi nasum praecidunt ae stigmatis frontem signant. Tertia noxa crucem meretur. Multi et insignes sunt crumenisecae: quod si principis severitas illos non tolleret, non esset, resistere illorum proventul». «Rerum Moscoviticarum auctores varii». P. 152.

свидетельству Петрея, сажали на кол, и когда преступник умирал, тело его снимали, выносили за городские ворота и здесь, предав сожжению, засыпали пепел землей*.

Вообще иностранцы заметили, что к смертной казни в Москве прибегали редко; Олеарий замечает, что за воровство совсем никогда не казнят смертью в Московском государстве; гораздо охотнее употребляли батоги и кнут**. Иностранцы с ужасом говорят о жестокости этих наказаний и о равнодушии, с каким относились к ним москвитяне. Батоги были самым обыкновенным и употребительным наказанием, которому одинаково подвергались и простые, и сановные люди за важные и неважные нарушения закона. По замечанию Таннера, в Москве редкий день проходил без того, чтобы кого-нибудь не били на площади батогами***. Часто употреблялся и кнут, который иностранцы описывают как самое жестокое и варварское наказание. Обыкновенно ему подвергались за воровство. Вора, попавшегося в первый раз, во время Олеария били кнутом, ведя его от ворот Кремля до большого рынка, где резали ему одно ухо и запирали на два года в тюрьму. За вторичное воровство повторяли то же наказание и держали в тюрьме до тех пор, пока набиралось достаточное число таких преступников, после чего их ссылали в Сибирь, где они должны заниматься звериной охотой в пользу казны. Олеарий видел в 1634 году в Москве, как наказывали кнутом 9 преступников, воровски продававших табак и водку; между ними была одна женщина****. Кнут был из во-

* Petrejus. P. 319: «Etlinche, so gespiesset werden, leben bisweilen ein halben oder ganzen Tag, ja bisweilen zweene, wenn der Büttel mit dem Staken ult nit das Hertze trifft».

** Маскевич рассказывает, что в 1610 г., когда Москва занята была поляками, один из них увел дочь у боярина. Наряженный польский суд приговорил похитителя, по польским законам, к смерти. Но один из судей предложил судить преступника московским судом, на что охотно согласились и поляки, и москвитяне: виновного высекли кнутом на улице. «Сказания современников о Димитрии Самозванце». Ч. 5. С. 55.

*** Батоги имели широкое приложение в частной сфере и не всегда считались позорным наказанием. Olearius. P. 231: «Il n'y a point de père de famille qui ne les fasse donner à ses enfans et à ses serviteurs». О порядке, в каком производилось это наказание, см. у Олеария дальше. Ср. P. a Buchau. P. 231.

**** Olearius. P. 232; Ils (преступники) se mettoient l'un après l'autre sur dos du valet du bourreau, ayans le corps nud jusqu'a ux hanches et les pieds attachez ensemble d'une corde, laquelle passoit entre les jambes de ce valet, qui les tenoit par les bras qu'ils avoient à son col, pendant qu'un autre valet tenoit la corde, en sorte qu'ils ne pouvoient pas se remuer».

ловьей жилы и имел на конце три хвоста, острые как бритва, из невыделанной лосиной кожи. Преступникам дали по 25 ударов, преступнице 16. Надо быть москвитянином, замечает Штраус, чтобы выдержать четвертую долю такого наказания и остаться живым. При наказании присутствовал подъячий с бумагой в руках, где означено было число ударов для каждого преступника; всякий раз, как заплечный мастер отсчитывал предписанное число ударов, подъячий кричал: «полно». После того преступников связали попарно, продававшим табак повесили на шею по рожку с табаком, а продавцам водки по склянке с этим напитком и в таком виде повели всех по городу, хотя некоторые не могли уже стоять на ногах; при этом их продолжали быть кнутом. Прощедши с полмили, их повели опять на место наказания и тут отпустили. Часто наказание кнутом оканчивалось смертью наказанного. За употребление табаку во время Олеария рвали ноздри. Таннер описывает виденное им в Москве и сильно поразившее его наказание женщины за убийство мужа. Завязав преступнице руки назад, ее (*denudatam*) закопали по пояс в землю; в таком положении она должна была пробыть трое суток, не подвергаясь далее никакому наказанию*. На ее беду напали на нее голодные собаки, во множестве бродившие по городу, и после отчаянного сопротивления несчастной, защищавшейся зубами, растерзали ее, выкопали из земли и разнесли по кускам. Все это происходило перед глазами многих зрителей, которые не смели подать помощь преступнице**.

Иностранцы XVII века, описывая московское судопроизводство, умалчивают об одном судебном доказательстве, именно о поле***, у иностранцев XVI века находим об этом несколько любопытных известий. Когда дело не уяснялось допросом, и обе стороны представляли равносильные доказательства, ответчик или истец говорил: «поручаю себя правде Божией и прошу поля». Тяжущиеся могли выходить на поединок со всяким оружием, кроме пицали и лука. Бились пешие; бой открывался копьём, потом принимались за

* По Уложению, она должна была оставаться в земле, пока умрет.

** Olearius. P. 231, 232; Tanner. P. 81; Korb. P. 203.

*** У одного Петрея находим известия о поле, но они не представляют ничего нового в сравнении с известиями писателей XVI в. и даже, может быть, заимствованы у последних. Petrejus. P. 319.

другое оружие. Иностранцы, выходя на поединки с русскими, почти всегда побеждали последних, превосходя их ловкостью и умением действовать оружием. Оба противника имели по несколько друзей и доброжелателей, которые, стоя у поля, смотрели за боем, но без оружия, кроме разве кольев, обожженных с одного конца. Если друзья одного из бьющихся замечали, что его противник бьется не как следует, а с обманом, тотчас прибегали к своему на помощь; за ними вешивались в дело сторонники другого поединщика, и с обеих сторон начиналась драка, приятно занимавшая зрителей, по замечанию Герберштейна: обе стороны дрались чем и как ни попало за волосы, кулаками, кольями и проч.* Досудившиеся до поля могли вместо себя выставлять драться наемных бойцов; Ченслер говорит даже, что тяжущиеся редко бились сами, а выставляли обыкновенно наемных бойцов**. В Москве было много таких бойцов, которые тем только и промышляли, что по найму выходили драться за других на судебных поединках***. Тот, чей боец оставался побежденным, тотчас объявлялся виноватым и сажался в тюрьму****.

Такие известия находим мы у иностранцев о порядке московского судопроизводства в XVI в. Из юридических понятий и обычаев они указывают, между прочим, на то, что по взгляду москвитян только государь со своею думой мог произносить смертные приговоры над свободными и несвободными людьми; из наместников не многие пользовались этим правом. Никто из подданных не смел подвергать другого пытке. Михалон отдает преимущество московскому суду пред литовским в том отношении, что «право суда у Москвитян над всеми подданными баронов и дворян, как

* Если действительно так происходили судебные поединки при Герберштейне, то во второй половине XVI в. поле должно было принять несколько лучший вид; по царскому Судебнику у поля могли стоять только стряпчие и поручники бьющихся, и то без всякого оружия; сторонних людей велено было отсылать, а кто не послушается, не пойдет, сажать в тюрьму.

** *Nakluyt. Vol. I. P. 268: «Seldom the parties themselves do fight, except they be Gentlemen, for they stand much upon their reputation, for they will not fight, but with such as are come of as good house as themselves. So that if either parties require the combat, it is granted into them, and no champion is to serve in their room; wherein is no decide: but otherwise by champions there is».*

*** *Clemens В «Rerum Moscoviticarum auctores varii». P. 151: «Неbent pugiles publicos, quibus solo hos quaesti victus constat».*

**** *Иовий. С. 48; Herberstein. P. 38—40. Флетчер. Гл. 14.*

в гражданских, так и в уголовных делах, принадлежит не частному лицу, а назначенному для этого общественному чиновнику»*. Не все классы общества имели одинаковое значение перед законом, по крайней мере в его приложении: показание одного знатного, по словам Герберштейна, имело больше силы, нежели показание многих простолудинов. Если, говорит Флетчер, дворянин обокрадет или убьет бедного мужика, то иногда вовсе и не призывается к ответу; много-много если за мужика его высекут. Иностранцы говорят о «врожденной» наклонности москвитян к сутяжничеству и ябедничеству, но с особенною горечью отзываются они о продажности самого суда. Судьи, по свидетельству Герберштейна, открыто брали взятки, несмотря на строгость государя к неправде. При этом Герберштейн передает слышанный им рассказ, резко характеризующий положение дел в тогдашнем московском обществе: один судья из бояр был уличен в том, что с обоих тяжущихся взял посулы и решил дело в пользу того, который дал больше. Перед государем он не запирался во взятке, оправдываясь тем, что тот, в чью пользу он решил дело, человек богатый и почтенный, а потому больше заслуживает доверия перед судом, нежели бедный и незначительный его противник. Государь, смеясь, отпустил его без наказания, хотя и отменил его решение. Может быть, замечает на это Герберштейн, причиной такого корыстолюбия и недобросовестности служит бедность самих судей, которая заставляет государя смотреть сквозь пальцы на их поступки**. Флетчер, сказав, что единственный закон в Московии есть закон изуственный, т. е. воля царя, судей и других должностных лиц, оканчивает свой обзор московского судопроизводства следующими мрачными словами: «Все это показывает жалкое состояние несчастного народа, который должен признавать источником своих законов и блюстителями правосудия тех, против несправедливости которых ему необходимо было бы иметь значительное количество хороших и строгих законов». Мы знаем, как правительство в XVI в. хлопотало о составлении таких хороших и строгих законов; знаем, что одно из главных

* Михалон. С. 37. Села и деревни жаловались служилым людям иногда с правом суда, кроме душегубства и разбоя с поличным, но в XVI в. это не было общим правилом, как говорит Ченслер. Наклуит. Vol. I. P. 267.

** Herberstein. P. 40.

отличий царского Судебника от великокняжеского в том именно и состоит, что первый, вооружаясь против несправедливости судей, не ограничивается строгим и грозным запрещением судьям дружить, мстить и брать посулы, но присоединяет к этому угрозу строго и подробно определенных наказаний за ослушание. Хороши или нехороши были эти законы, — нельзя отвергать, что они были строгими. Следовательно, главное дело было не в каких-либо законах, а в исконных привычках и условиях жизни, создавших эти привычки. Если еще в XII в. с сомнением спрашивали, какая судьба ожидает тиуна на том свете, потому что тиун несправедливо судит, взятки берет, людей мучит; если еще Даниил Заточник советовал не ставить двора близ князя двора, потому что тиун его как огонь, а рядовичи его как искры, — то еще с большей силой можно было повторить и этот вопрос, и этот ответ в XVI в. и даже гораздо позже, потому что и в XVI веке, и долго после продолжались явления, вызвавшие этот вопрос и ответ, а явления продолжались, потому что продолжали действовать причины, их производившие.

Что касается вообще до характера управления в Московском государстве, то мы находим у иностранцев XVI в. различные отзывы об этом предмете. Иовий из рассказов московского посла заключил, что по всем частям государственного управления находятся там прекрасные учреждения. Михалон хвалит московский порядок замещения должностей, говоря, что государь московский соблюдает равенство между своими чиновниками, не дает одному много должностей; начальники лучше обращаются с подчиненными, зная, что осужденному за взятки придется разведаться на поединке с обиженным, хотя бы последний принадлежал к низшему сословию; от этого не так часто слышатся во дворце жалобы на притеснения*. Но совсем другого рода отзывы находим у тех иностранцев, которые сами были в Москве и внимательно всматривались в московские порядки. Правление в Московском государстве казалось им слишком тираническим для христианского государства. По отзыву Флетчера, московская система областного управления была бы не-

* Иовий. С. 55; Михалон. С. 57. Московское правительство при Иоанне IV жаловалось, между прочим, на то, что, «как съедут наместники я волостели и кормлений, и мужики многими исками отыскивают и много в том кровопролития и осквернения сделалось». Соловьев. История России. Т. VII. С. 14.

дурна для такого обширного государства, по своему удобству для предупреждения нововведений, если бы ее не портила недобросовестность правительственных лиц. Областные правители чужды народу по своим интересам и не пользуются ни его доверием, ни любовью. Являясь ежегодно в области свежими и голодными, они мучат и обижают народ без всякой совести, стараясь собрать в свое управление столько, чтобы по окончании срока, отдавая отчет, можно было, не обижая себя, поделиться с управляющим чети, который в надежде на это смотрел сквозь пальцы на действия наместника. За это народ ненавидит наместников, видя, что они поставлены над ним не столько для того, чтобы оказывать ему правосудие, сколько затем, чтобы угнетать его и снимать с него шерсть не один раз в год, как владелец со своей овцы, а стричь и обрывать его в продолжение всего года. Далее иностранцы указывают на недостаток единодушия и общности интересов не только между управителями и управляемыми, но и вообще между служилыми людьми и простым народом. Флетчер в раздумьи останавливается на разных элементах Московского государства и ищет, нет ли где таких общественных сил, которые могли бы излечить эти язвы государства, но нигде не находит таких целебных сил, ни в дворянстве, ни в дьяках, ни в войске, ни в простом народе. Дворянство бесцельно пред государем, бедно; областные правители также не могут достигнуть значительного влияния, потому что назначаются на короткое время и чужды, даже ненавистны народу; управляющие частями — дьяки, которые хотя и пользуются наибольшим влиянием на дела, но всем обязаны царю и служат ему одному; войско безусловно предано царю и настоящему порядку, потому что этот порядок выгоден ему, доставляя возможность обижать и грабить простой народ. Эти части общества всею своею тяжестью лежат на простом народе; один он несет на себе все бремя и не имеет средств облегчить его*. В заключение английский наблюдатель дивится, как московские цари, прочно утвердившись на престоле, могут довольствоваться прежним неудовлетворительным порядком вещей в своем государстве.

Мы знаем, что в России и вверху, и внизу не менее

* Флетчер. Гл. 10.

Флетчера и всякого постороннего наблюдателя чувствовали неудовлетворительность и темные стороны управления³⁵. Правительство XVI в. придумывало и пробовало разные меры для улучшения управления; по его распоряжениям подле наместников и волостелей стали появляться выборные, излюбленные старосты с важным значением, чтобы «судили они беспосульно и безволокитно». И правительство, и общество объясняли эту меру как противодействие злоупотреблениям наместников и волостелей с их тиунами. Со второй половины XVI в. все более и более усиливаются жалобы земских людей на наместников и волостелей, которые «многие города и волости пусты учинили», — и правительство отменяет наместников и волостелей, объявляет учреждение излюбленных старост общему мерю; всякий город, всякая волость могла, если хотела, избавиться от наместников и волостелей, получив только «откупную» грамоту. Точно так же частное распоряжение великого князя Василия Иоанновича о введении в суд наместничий и волостелин лучших людей и целовальников утверждено в Судебнике сына его как общий закон. Во всех этих мерах выразилось стремление удовлетворить усилившимся требованиям общественного порядка, поставить на место прежней системы кормлений, основанной на частном праве, другую систему управления, основанную на государственных началах. С этой целью начали стеснять власть наместников и волостелей, как несовместную с возникшим государственным порядком: сперва старались положить пределы произволу этих кормленщиков определением и ограничением их прав на подведомственных им жителей, потом стали отнимать у них многие права и передавать другим органам управления, выборным дьякам, городовым, приказчикам. Наконец сделан был решительный шаг: наместники и волостели, представители системы кормления, заменены были воеводами, которые стали появляться во второй половине XVI в. в виде частной меры, но в царствование Михаила Федоровича сделались общим учреждением. По основной мысли этого учреждения воевода был настоящий правитель области, представитель государственного порядка, а не кормленщик, ведал дела не на себя, как последний, а на царя*. Таким

* См. «Областные учреждения» г. Чичерина. С. 39—54.

образом, государственное начало делало несомненные успехи; отражались ли эти успехи заметными улучшениями в практической сфере, в отношениях органов управления к управляемым? Может быть, какой-нибудь ответ на это дадут иностранные известия XVII в., тем более, что они описывают не столько устройство управления, сколько самое его действие.

В XVII в. система приказов еще более усложнилась, и потому еще труднее стало распределить их по роду дел на известные, точно разграниченные ведомства. Олеарий указывает на 6 главных отделений или ведомств, которые собственно составляли круг деятельности Государева совета или Думы; это были: дела иностранные, дела военные, доходы от отчины государя, отчеты с разных приказчиков и управителей, ведавших кабацкое дело, апелляции и решения по гражданским делам и, наконец, решения по делам уголовным. Каждому из этих ведомств соответствовали один или несколько приказов*. Самыми главными из этих приказов Рейтенфельс называет: Посольский, Разрядный, Поместный, Сибирский и Приказ Казанского Дворца. Приказами управляли («сидели» в приказах) бояре и другие думные люди, смотря по важности приказа, только в двух наиболее важных приказах, Посольском и Разрядном, управление которыми требовало особенных знаний, сидели не бояре, а думные дьяки, как люди более сведущие и опытные в приказном деле, хотя в чиновной иерархии они стояли ниже думных дворян. Письменную часть заведывали в качестве секретарей простые дьяки, которые было по одному или более в каждом приказе; под начальством их находились писаря и подьячие. Все делопроизводство в приказах было письменное. Коллинс насмешливо замечает, что там производилось столько бумаги, что ею можно было покрыть всю поверхность Московского государства. Дьяки и подьячие были завалены работой, которую иногда не успевали окончить днем и должны были заниматься по ночам. Но управляющие

* Наиболее полный список приказов первой половины XVII в. сообщает Олеарий, насчитывая их 32. Определение ведомства каждого приказа у него неполно и часто неточно. За вторую половину века у иностранцев не находим такого списка. Рейтенфельс списывает имена и определения приказов у Олеария, не упоминая о новых приказах, явившихся после Олеария. Мейерберг насчитывает 33 главных приказа. *Olearius. P. 224—229; Meyerberg. Vol. II. P. 108. Ср. Котошихин. Гл. VII.*

приказами, если верить Маскевичу, заседали только до обедни, при первом ударе колокола уходили из приказов, зато строго взыскивали с подчиненных за упущения. Корб рассказывает, что один дьяк, проработав целый день в своем приказе, наконец решился уйти домой отдохнуть; за ним последовали подьячие и писцы. Но, вероятно, дело было спешное, и на другой день думный дьяк, управлявший приказом, решил наказать подчиненного дьяка за самовольный уход батогами, а подьячих и писарей привязать к скамьям, чтоб заставить их работать всю последующую ночь. Писали в приказах обыкновенно на бумажных свитках, аршин на 25 или 30 длиной, делая их из нескольких узких листов, склеенных вместе; во время письма приказный держал такой свиток не на столе, а на коленях, что очень удивляло иностранцев. Приказным запрещено было брать посулу под страхом наказания кнутом, но они мало смотрели на это. Олеарий рассказывает об уловке, посредством которой приказные выманивали подарки у иностранных послов, приезжавших в Москву; они вызывались достать послу за известную сумму копию какого-нибудь секретного акта или распоряжения правительства, касавшегося этого посла, но так как приказным запрещалось брать из приказов бумаги на дом, то они составляли ложную бумагу и выдавали ее послу за копию с подлинного акта*.

В областях были особые земские и съезжие избы, устроенные по образцу центральных приказов; делами заправляли в них такие же чиновные люди, дьяки, и подьячие, какие сидели в столичных приказах. Областями управляли в XVII в. воеводы. Главным правительственным местом, из которого посылались и в котором ведались воеводы, был Разряд**. Воеводы посылались с одним или несколькими товарищами, которыми большею частью были дьяки или подьячие. Воеводства в XVII в. давались обыкновенно на три года; редкий воевода правил одною областью дольше трех лет. Олеарий считает такую краткость срока очень благоразумною мерой, которую он объясняет чисто государственными соображениями, именно на-

* Маскевич. С. 56; Olearius. P. 224; Корб. P. 52.

** Маржерет говорит об одном Разряде; но были и другие приказы, из которых посылались воеводы. Воеводы назначались царским указом, выдававшимся из того приказа, в ведомстве которого состоял город, куда посылался воевода. См. «Областные учреждения» г. Чичерина. С. 83.

мерением ограничить злоупотребление воевод, не дать им возможности усилиться, предупредить вредные замыслы и т. п. С тою же целью, по истечении срока, брали с воеводы отчет в управлении, принимали жалобы на него от областных жителей.

Посмотрим, насколько все эти меры уменьшали злоупотребления воеводского управления. Прежде всего встречаем известие, что управители приказов, из которых посылались воеводы, пользовались этим как выгодною статьей дохода и торговали воеводствами*. Приехав в область, воевода старался прежде всего с лихвой вознаградить себя за издержки, которых стоила ему покупка воеводства, и брал широкой рукой, зная, что начальник приказа, от которого он зависел, не даст хода жалобам обиженных. Был особенный, благовидно прикрытый обычаем страны способ, к которому обыкновенно прибегали воеводы для вымогания подарков у областных жителей. Каждый год воевода делал пиры, на которые приглашал наиболее зажиточных служилых и торговых людей своей области; последние хорошо понимали цель этих пиров и для избежания неприятностей в будущем старались щедро отблагодарить воеводу за честь, которую он им делал. Сытному кормлению, которым пользовались воеводы, подобно прежним наместникам, соответствовал и их наружный вид и обстановка, которой они окружали себя. Иностранцы посмеивались над боярской дородностью, которою отличались областные правители**. Оlearий, описывая прием, который сделал ему в 1636 г. нижегородский воевода, дивится великолепию и важности, которыми последний окружал себя дома. У ворот посетителей встретили два дворянина, которые провели их длинными сенями в переднюю комнату; здесь ждали их два почтенные старца в богатой одежде, которые ввели гостей к воеводе. Последний был одет в парчевое платье и окружен множеством важных лиц. Комната была убрана турецкими коврами и украшалась большим поставцом, который весь уставлен был серебряною посудой***.

* В разряде и Казанском Дворце, по словам Татищева, были положены оклады, что за каждый город взять; кто платил их, тот получал воеводство. «Областные учреждения». С. 85.

** О тотемском воеводе автор посольств Карлиля замечает: «Il étoit un homme fait à la mode des boyares, grand, gros et gras, comme sont d'ordinaire tous les gouverneurs des provinces». С. 106.

*** Маржерет. С. 34, 35; Olearius. P. 151, 181, 277; Ma y e r b e r g. Vol. I. P. 152, 153.

Меры правительства оказывались бессильными против обычая. Наказания за лихоимство в суде, отличавшиеся особенною суровостью, не много имели успеха. Если судья брал подарки, его могли уличить собственные его слуги или подарившие, которые, обманувшись в надежде выиграть дело, нередко пользовались этим против судьи, чтоб возвратить свои подарки; даже посторонние люди могли доносить на взяточника. Уличенный в лихоимстве должен был возвратить взятые подарки и подвергнуться правезу, пока не выплачивал назначенной пени в 500, в 1000 или более рублей, смотря по сану. Незначительного дьяка, уличенного в лихоимстве, наказывали кнутом, привязав лихоимцу к шее взятую в подарок вещь, кошелек с деньгами, мех, даже соленую рыбу, потом отправляли наказанного в ссылку. Взятки однако ж не истреблялись, хитрецы придумывали способ обходить закон: челобитчик входил к судье и привешивал подарки образам будто на свечи. Были в ходу и другие уловки. Олеарий говорит, что он знал в Москве сановников, которые сами не брали посулов, но не мешали принимать их своим женам*. Впрочем, и закон вынужден был делать некоторые уступки укоренившимся обычаям: в продолжение Святой недели судьям позволено было, вместе с красными яйцами, принимать в дар малоценные вещи и даже деньги от рубля до 12; но это не имело вида посула. Все судьи и чиновники должны были довольствоваться годовыми окладами и землями, назначенными от государя. Эти известия не позволяют считать преувеличенными отзывы иностранцев XVII в. о продажности суда в Московском государстве, о том, что судьи открыто торговали своими приговорами, что не было преступления, которое не могло бы при помощи денег ускользнуть от наказания; и такие отзывы простираются не на один суд и не на одни второстепенные или отдаленные от центра органы управления; иностранец, приехав в Москву, прежде всего узнавал, что здесь посредством подарков можно всего добиться, даже при дворе**.

* Olearius. P. 229. Ср. Котошихин. Гл. XII. Ст. 28: «Наказания не страшатся (судьи), от прелести очей своих и мысли содержать не могут и руки свои ко взятую скоро допущают, хотя не сами собою, однако по задней лестнице чрез жену или дочь, или чрез сына и брата, не ставят того себе во взятые посулы, будто про то и не ведают».

** Olearius. P. 229: «Lors que nous arrivâmes à Moscou. l'on nous fit accroire qu'il n'y avoit rien que l'on ne pût obtenir de la Cour par le moyens des presens».

Таким образом, черты, которыми описывали московское управление иностранцы XVI в., повторяются в описаниях и XVII, с тою разницей, что последние больше говорят о строгости, с которой преследовались злоупотребления. В этих описаниях ясно видна борьба двух противоположных стремлений, господствовавших в московском управлении того времени: с одной стороны, правительство старалось ввести понятие о службе государству как об общественной должности, с другой — старый обычай заставлял смотреть на нее только как на источник кормления. Само правительство, не вполне освободившись от влияния этих старых обычаев, делало иногда уступки в их пользу. Это видно и на важном нововведении, сделанном в чисто государственном духе, на утверждении воеводств: воеводы не получали корма, собирали судебные пошлины в казну, а не на себя; но служилый человек, просясь на воеводство, обыкновенно писал в челобитной: «прошу отпустить покормиться», и правительство принимало такие просьбы, не видя в этом противоречия с характером воеводского управления; а известия XVII века показывают, что приведенные слова не были одною только формой, удержавшейся по преданию от прежнего времени.

Но если органы управления, под влиянием старого обычая, не во всем точно отвечали новым стремлениям и началам, которые проводило государство, то по крайней мере взгляд общества на разные общественные явления делается несколько яснее и строже. Олеарий и здесь не изменяет своему правилу отмечать явления, которые не находили или не замечали предшествовавшие ему путешественники в Московию. Наказания батогами, кнутом и т. п. прежде не считались позорными; в обществе не чуждались людей, побывавших за преступления в руках заплочного мастера; наказание кнутом за неуголовные преступления считали даже царской милостью, и наказанные благодарили за него царя; кто попрекал их кнутом, тот сам подвергался за это такому же наказанию. Последнее продолжалось и в XVII в., но в обществе, как видно из слов Олеария, уже не так снисходительно смотрели на людей, побывавших под кнутом или батогами. Подобная же перемена произошла, по словам Олеария, и во взгляде на исполнителей наказаний. Должность заплочного мастера была очень выгодна: кроме царского

жалованья он получал значительные доходы, тайно продавая водку содержащимся под его надзором арестантам и принимая от них посулы за обещание полегче наказывать. Эта должность считалась даже почетною; оттого значительные купцы охотно покупали ее и через несколько лет с выгодой перепродавали другим. Олеарий говорит, что в его время, когда москвитяне начали ближе знакомиться с более мягкими нравами своих соседей, звание палача не пользовалось уже прежним почетом и находило себе гораздо меньше охотников*.

* Маржерет. С. 37; Olearius. P. 232; Корб. P. 203.

VI. ДОХОДЫ КАЗНЫ

Во всех сферах государственного управления последовали в описываемое время важные перемены, вызванные новыми условиями и потребностями, в которые более и более вовлекалось Московское государство³⁶. Все эти перемены, особенно в войске, усложняя государственные отправления, неизбежно требовали у государства больших средств, больших расходов. Мы знаем, как увеличались средства московского правительства с объединением северо-восточной России; при всем том мы видим, с какой заботливостью блюдет оно интерес казны, не говоря уже о том, что московские государи издавна отличались бережливостью и расчетливостью. Иоанн III приказывал брать назад шкуры баранов, отпускавшихся на содержание иностранных послов. Съезжал наместник или волостель со своего наместничества или волостельства, а на его место еще не являлся новый, — правительство спешит приказать, чтобы в точности собраны были на государя все кормы, которые следовали наместнику или волостелю за этот промежуток времени. Понадобилось отменить наместников и волостелей за их недобросовестность и поставить на место их выборных старост, которым приказано не брать никаких пошлин и кормов за службу, но эти пошлыны и кормы нельзя было оставить совсем, и вот тщательно вычитываются все расходы города или волости, шедшие на прежнего наместника или волостеля, и переводятся в оброчную сумму, которую излюбленные головы ежегодно должны были доставлять в Москву без недобору.

Из иностранных писателей XVI в. Флетчер первый перечисляет, хотя далеко не полно, доходы московского государя*. В XVI в., как и в XV, управление Московского государства сохраняло еще черты прежнего княжеского вотчинного хозяйства, имело чисто финансовый характер; главною целью всех правительственных учреждений было собирание доходов. Высшими из этих учреждений, ведавшими разные статьи государевых доходов, во второй половине XVI в. были: Дворцовый приказ, Четверти и Приказ Большого дворца, Дворцовый приказ, или Приказ Большого прихода. Дворцовый приказ, или Приказ Большого дворца, получал доходы с городов и приписанных к ним сел и волостей, составлявших собственную отчину царя; эти доходы получались деньгами или натурой; иные крестьяне за пользование землей в царской отчине платили непосредственно трудом, обрабатывая в пользу царя известное количество земли. Доход натурой шел на содержание двора и на дачу для царской чести, или на царское жалованье, излишек продавался по выгоднейшей цене. Флетчер и Поссевин говорят, что в этом случае, для скорейшего сбыта, запрещалось купцам продавать такие же произведения до тех пор, пока не будет распродан царский товар. При Флетчере от продажи этого излишка царская казна выручала до 230 000 рублей в год**, но во время Грозного, который жил роскошнее, не более 60 000. По показанию Маржерета, в Дворцовом приказе обыкновенно хранилось от 120 000 до 150 000 руб. наличными деньгами***.

Начальники четвертей собирали чрез областных правителей тягло и подать с остальных земель государств, распределенных между этими приказами. Псковская область ежегодно платила тяглом и податью около 18 000 рублей, область Новгорода Великого 35 000, Тверская с Торжком 8000, Рязанская 30 000, Муромская 12 000, Казанская 18 000, Устюжская 30 000, Ростовская 50 000, Московская 40 000, Сибирская 20 000, Костромская 12 000. Весь годовой итог этой статьи простирался до 400 000 рублей. Взнос в казну совершался к 1 сентября, т. е. к началу года. По показанию Маржерета, которое, впрочем,

* Флетчер. Гл. 12.

** По вычислению Карамзина, около 1 150 000 серебряных рублей. Т. X. Прим. 406.

*** Маржерет. С. 44.

трудно принять буквально, тягло и подать были очень высоки, именно с выти или участка в 7 или 8 десятин казенные крестьяне платили 10—15, даже 20 рублей, смотря по качеству почвы*.

Приказ Большого прихода принимал все пошлины, налоги и другие сборы. Сумма торговых сборов с больших торговых городов определялась наперед и собиралась целовальниками или откупщиками. Столица платила ежегодно торговой пошлины 12 000, Смоленск 8000, Псков 12 000, Новгород Великий 6000, Старая Руса (от соляной промышленности) 18 000, Торжок 800, Тверь 700, Ярославль 1200, Кострома 1800, Нижний 7000, Казань 11 000, Вологда 2000. Пошлинный сбор с других городов был не всегда неординаков. В тот же приказ шел сбор с торговых бань и кабаков, составлявших монополию казны, также судные пошлины, простиравшиеся ежегодно до 3000 рублей; сюда же поступала из Разбойного приказа половина имущества всякого преступника, которая бралась в пользу царя, и остатки от доходов других приказов, как-то: Разрядного, Стрелецкого, Иноземского, Пушкарского, Поместного, Конюшенного, которые все имели свои особые доходы. Поместный, раздавая земли, взыскивал за каждую запись по 2, по 3 и 4 рубля, смотря по величине отводимого участка, и собирал доходы с помеществ опальных, пока государь не отдавал их кому-нибудь другому**. Конюшенный приказ брал пошлины с продаваемых лошадей. Этому приказу доставлял большие доходы конский торг, производившийся в России ногайскими татарами; за каждую проданную лошадь взималось с продавца и покупателя по 5 коп. на рубль. Как значительны были пошлины с этого торга, можно заключить из того, что ногаи ежегодно пригоняли лошадей в Россию раза два или три тысячи по 40 вдруг***. Сумма всего годового дохода, поступавшего в Приказ Большого прихода, по Флетчеру, простиралась до 800 000 рублей, при этом Флетчер ссылается на приходные книги Приказа.

* Маржерет не точно определяет выть. В выти считалось 12 четвертей посева, в десятине 2 четверти, следовательно, выть равнялась 6 десятинам. Он же говорит, что некоторые чети, как Казанская и Новая, пятая, ведавшая доходы от питейной продажи, сберегали 80—100 тыс. руб. чистого дохода.

** Ежегодный доход этого приказа во время Котошихина простирался до 2000 рублей. Гл. VII. Ст. 8.

*** Маржерет. С. 46. Ср. Котошихин. Гл. VI. Ст. 6. Средняя цена ногайской лошади, по показанию Маржерета, была 20 руб.

Каждое из упомянутых трех учреждений передавало собранный им доход в главное казначейство, находившееся в ограде Кремля. Чистый годовой доход казны простирался до 1 430 000 рублей*.

По свидетельству Герберштейна, торговой пошлины взималось со всякого товара, привозного и вывозного, по цене с рубля по 7 денег, кроме воска, с которого брали по цене и весу по 4 деньги с пуда**. Судной пошлины взималось по 20 денег с рубля, или по 10 % за всякое решение по гражданским делам; кроме того, со всякого имени, упоминаемого в выдававшихся судебными местами бумагах, брали, по словам Флетчера, в пользу царя по 5 алтын. Потом в месте, где хранилась меньшая печать, за бумагу платили столько же. Поссевин, Флетчер и Гваньини говорят о невыносимых податях и налогах, которыми обременены были горожане и поселяне. Мы не имеем основания видеть в этих словах преувеличения, зная, какие огромные, небывалые прежде военные силы должно было выставлять Московское государство в царствование Иоанна IV и на восток и на запад, каких огромных расходов требовали продолжительные войны этого времени. Каждая важная статья расхода на войско вела к установлению особого налога: так, явились «пищальные деньги», «посошные деньги», «емчужные деньги» (на порох) и проч. С другой стороны, страшное напряжение и потрясение, которое в это время испытало государство от внутренних и внешних причин, должно было вредно подействовать на народное хозяйство и сделать еще более чувствительным бремя, лежавшее на тяглом народонаселении.

Кроме денег, подать шла и натурой, например мехами из Сибири, Перми и Печоры; по словам Герберштейна, в Пермской области подать платили лошадьми и мехами. В прошлом (1588?) году, говорит Флетчер, «собрано в Сибири царской подати 446 сороков собелей, 5 сороков куниц и 180 чернобурых лисиц». Сверх этих постоянных доходов, по свидетельству того же

* Любопытно сравнить показание Флетчера с показанием Котошкина о сумме денежных доходов казны в половине XVII в.: «И всего денежных доходов, говорит он, на всякий год в царскую казну приходит во все приказы, со всего государства, кроме того, что исходит в городех, а десять сот с триста с одиннадцать тысяч рублей, окроме Сибирские казны». См. гл. VII. Ст. 48.

** В конце XVI в. в Москве брали торговой пошлины по 8 денег с рубля, и эта пошлина называлась малой (Соловьев. История России. Т. XII. С. 382).

иностранца, много собиралось от конфискации имущества опальных и от чрезвычайных поборов с должностных лиц, монастырей и проч. По показанию Поссевина, митрополит и архиепископы также платили иногда царю подать, или пособие, как они называли это.

Иностранцы предполагали у московских государей огромные богатства; Поссевин объясняет это тем, что они собирали все серебро и золото, привозимое в государство из-за границы, и не позволяли вывозить его, кроме немногих случаев; даже у своих послов, ездивших за границу, они отбирали серебряные и золотые вещи, полученные послами в подарок от иностранных государей. То же говорит и Герберштейн. Золото, серебро и драгоценные камни считались при московском дворе преимущественно заслуживающими приобретения; Иоанн III постоянно наказывал своим послам искать и добывать их, где можно. Московские государи вообще отличались бережливостью. Михалон говорит, что московский государь отлично распоряжается домашним хозяйством; не пренебрегая ничем, так что продает даже мякину и солому; на пирах его подаются большие кубки, золотые и серебряные, называемые соломенными, т. е. сделанными на деньги, вырученные от продажи соломы. Иностранцы дивились множеству всякой утвари, дорогих и красивых одежд, находившихся в царских кладовых; многие из этих одежд предназначались только для выдачи напрокат, за известную плату, придворным вельможам, когда последние хотели получше нарядиться по случаю какого-нибудь торжества, приема иностранных послов, пира с друзьями, свадьбы и т. п.; если при возвращении одежды она оказывалась хотя немного запятнанною, бравший ее вельможа должен был заплатить деньги по оценке и даже подвергнуться телесному наказанию, чтобы вперед этого не делать. Оттуда же брали одежды московские послы, отправляясь за границу. Сокровища государевы хранились в Москве, на казенном дворе, а в случае неприятельского вторжения увозились на Белое озеро или в Ярославль; по словам Поссевина, в последних двух городах государь стал постоянно хранить часть своих сокровищ после крымского разгрома 1571 года*.

* Herberstein. P. 44, 62, 11; Possevino. P. 24, 90; Михалон. С. 57; Guagnini а «Regum Moscoviticarum auctores varii». P. 181; Флетчер. Гл. 12; Маржерет бывал на казенном дворе и сообщает длинный перечень драгоценных вещей, которые он там видел («Сказания современников о Дмитрии Самозванце». С. 47—49).

В XVII в. некоторые статьи государственных доходов должны были получить большее развитие; возникли новые источники доходов; и то и другое было необходимо вследствие расширения деятельности государства и увеличения его расходов. В XVII в. издержки на войско еще более увеличились в сравнении с прежним временем. Мейерберг называет его пропастью, которая поглощает почти все доходы московской казны. Способ покрытия чрезвычайных военных издержек сохранил прежний, случайный характер: возникла нужда в деньгах — государство вводило новый налог. В мирное время, говорит Олеарий, налоги не обременительны, но в военное — увеличивались в огромных размерах; так, на покрытие издержек второй польской войны, в царствование Михаила Федоровича, взимали пятину, или пятаю деньгу по всему государству; при Алексее Михайловиче брали в начале войны двадцатую, а потом десятую деньгу; наконец, также стали брать пятаю.

Из постоянных доходов казны иностранцы XVII в., в дополнение к известиям XVI в., указывают между прочим следующие статьи:

1) Торговые пошлины с Архангельска и Астрахани. По словам Олеария, в иные годы с одного Архангельска получалось торговой пошлины больше 300 000 рублей. Когда уничтожены были привилегии иностранных купцов, эти пошлины должны были еще увеличиться: Карлиль в речи, произнесенной пред царем, говорил, что с того времени английские купцы платили в казну пошлины ежегодно по 6 000 рублей; торговые пошлины с Астрахани не были так значительны, как с Архангельска: по Олеарию, казна получала с нее больше 12 000 рублей ежегодно*.

2) Доходы от питейной продажи. Иностранцы представляли себе эти доходы в огромных, даже невероятных размерах. Кабакное дело в XVII в. едва ли не было самою выгодною монополией казны. Во время Олеария с трех кружечных дворов в Новгороде казна получала больше 6000 ежегодно дохода**;

* Корбу, кажется, преувеличили количество пошлинного сбора с обоих этих городов; в его время, как сказывали ему, астраханский и архангельский порты доставляли казне до 10 миллионов имперялов или рублей. С. 184.

** Штраус несколько уменьшает эту сумму, говоря, что каждый из трех новгородских дворов приносит казне ежегодно по 10 000 ливров дохода.

рить Коллинсу, были дворы, приносившие еще больше, по 10—20 тысяч рублей ежегодно. Олеарий говорит, что в Московском государстве было больше 1 000 кружечных дворов, в которых продажа пива, меда и водки была исключительным правом казны; но это показание нельзя принять и за приблизительное. В каждом небольшом городке непременно было по одному кружечному двору, в некоторых — по два, в больших — по нескольку. Такие же дворы ставились и в селах, даже отдельно, на дорогах: Олеарий, плывя по Оке, видел несколько таких уединенных дворов. Потому Штраус имел некоторое основание сказать, что кабаков в Московии бесконечное множество. В последние годы XVII в. казна получала от питейной продажи больше 200 000 рублей ежегодно.

3) Доходы от продажи соболей и других мехов, поступавших в казну в виде подати и другими путями, преимущественно из Сибири («Сибирская казна»). Добывание мехов в Сибири в пользу казны производилось ссыльными преступниками и солдатами, которые посылались туда полками обыкновенно на 7 лет. И те и другие должны были добыть в каждую неделю известное урочное количество мехов*.

4) Особенный доход получался от пошлины на икру, которой много шло за границу. При Корбе один голландский купец ежегодно платил в казну за право вывоза икры 80 000 рублей.

5) Доход от железных рудников, который, по показанию Невиля, в конце XVII в. простирался до 50 000 рублей.

6) Казна сама была главным купцом в Московской государстве; кроме продажи произведений, поступавших в нее государственным порядком, она совершала и другие выгодные обороты, скупая и перепродавая внутренние и привозные товары. Коллинс говорит, что казна оптом скупала все товары, которые привозили греки и персияне, перепродавала с большими барышами. Она посылала также в Архангельск огромное количество мехов, масла, пеньки, льна, обменивая их там на шелковые ткани, бархат, парчу, сукно и другие заграничные товары**. На московских рынках продава-

* Котошихин. Гл. VII: «А сколько числом тое (сибирской) казны придет в году, того описать не в память, а чаять тое казны приходу в год больше шти сот тысяч рублей». Продажа самых добрых соболей, ценой свыше 20 рублей пара, принадлежала одной казне.

** Ср. Котошихин. Гл. XII. Ст. 1.

лось мясо, орехи, яблоки и холсты, принадлежавшие казне; продававшие торговцы и торговки громко зазывали к себе покупателей, крича, что это — царские товары. Одной из выгоднейших статей доходов казны были также монетные операции. За неимением своего серебра, казна чеканила серебряную монету из привозного металла; преимущественно употреблялись на это немецкие и голландские рейхсталеры, называвшиеся в Москве ефимками. Казна принимала от иноземных купцов по 14 алтын или 42 коп. ефимок, а московской монеты чеканили из него на 64 коп., т. е. получала от каждого ефимка по 22 коп. прибыли.

Иностранцы имели вообще преувеличенное понятие о богатстве московской казны, не зная в точности ее расходов. В XVII в. государственные доходы, конечно, увеличивались, но не в такой мере, как требовали того возрастающие потребности государства. Стоит только сравнить показание Флетчера о сумме денежных доходов казны с таким же показанием Котошихина и потом взять в расчет хоть только денежное жалованье войску в XVII в., чтобы видеть, что увеличение государственных доходов не шло в уровень с возрастанием государственных нужд. Это заставляло правительство прибегать к мерам, истинного смысла которых трудно было не понять. Такова, например, была в царствование Алексея Михайловича попытка правительства прибегнуть к кредиту для восполнения недостающих средств на покрытие военных издержек. Правительство стало выпускать в обращение медные деньги, давая им одинаковую ценность с серебряными*. Сначала операция пошла удачно: медные деньги ходили наравне с серебряными, и в продолжение 5 лет выпущено было, по показанию Мейерберга, до 200 000 рублей медной монеты. Но скоро обнаружилось подделки, производившиеся в обширных размерах, благодаря падкости на посулы царского тестя Ильи Даниловича Милославского и приказных людей**. При Мейерберге (в 1661 г.) в московских тюрьмах содержалось до 400 делателей фальшивой монеты. Потом сама казна

* Мейерберг так определяет прибыль, которую получала казна от этой операции: «Ayant dépensé cent soixante copies pour acheter du cuivre il (царь) en fit à son profit cent rubles dans ses monnoies, de sorte qu'avec la même dépense dont il payait auparavant un soldat, il en payait soixante». Mayerberg. Vol. II. P. 128.

** Мейерберг говорит, что Милославский даже сам участвовал в подделке монеты и выпустил ее на сумму 12 000 руб. Ibid. P. 130.

много повредила ходу медных денег, стараясь вытеснить из обращения и привлечь к себе серебряные деньги: подати и налоги собирались серебряною монетою, но жалованье ратным людям и все уплаты казны выдавались медною*. Медные деньги стали быстро падать; последовала страшная дороговизна; хлеб продавался в 14 раз дороже прежнего. Чернь начала волноваться, и правительство принуждено было отказаться от неудачной операции и изъять из обращения медную монету.

Указание на сумму всех доходов казны деньгами мы имеем от конца предпоследнего десятилетия XVII в. Невиль говорит, что она не превышает 7 или 8 млн. ливров, т. е. была почти та же, какую показывает Котошихин; следовательно, в 25 лет, протекших со времени бегства последнего из Московского государства, до конца правления Софьи, в государственных доходах не последовало значительного приращения. Но денежные доходы далеко не определяют государственных доходов того времени; казна по-прежнему получала многие сборы натурой; определить стоимость таких доходов затрудняется даже Котошихин, так близко стоявший к дворцовой администрации**.

Таковы известия иностранцев об устройстве и управлении Московского государства. В XV в. мы находим у них немногие беглые заметки: государство еще не установилось, не все стороны его определились и обозначились. Писатели XVI и XVII вв. наблюдали его больше, говорят о нем подробнее, но между теми и другими есть заметная разница. Писатели XVII в. меньше поражаются особенностям, которые представляло Московское государство западному европейцу; они как будто уже привыкли к ним, их суждения об этом государстве становятся все спокойнее и сдержаннее; они видят в нем не одни темные стороны, но охотно указывают и на многие светлые явления, какие удалось им заметить, не без удовольствия приветствуют первые начатки преобразований. Не то у писателей XVI в.;

* Мейерберг прямо указывает на это, как на одну из причин упадка медной монеты: «Il (народ) remarqua qu'elle (двор) faisait peu d'état de sa monnoie et il commença de même d'en faire peu d'estime». Котошихин также указывает на то, что «в государстве серебряными деньгами учала быть скудость».

** Olearius. P. 221, 275, 319; Mayerberg. Vol. II. P. 119—121; Carlisle. P. 62, 257; Tanner. P. 41; Straus. P. 143; Neuville. P. 9, 216, 217; Korb. P. 184—186.

чем больше вглядываются они в порядки Московского государства, тем жестче и мрачнее становятся их отзывы. Герберштейн часто будто невольно прерывает свой ровный рассказ сдержанной, но полновесной фразой порицания и неудовольствия. У Поссевина и Гваньини резкость отзывов доходит иногда до горечи и злости. Наконец, Флетчер при каждом удобном случае делает в своем описании отступления, полные горьких и энергических возгласов о деспотизме, произволе и недобросовестности, на которых, по его мнению, основан весь государственный порядок в Московском царстве; во всех мерах и действиях московского правительства он видит одну цель — угнетение и разорение народа, к которому он прилагает всевозможные жалкие эпитеты. Это постепенное усиление резкости и порицания в отзывах иностранцев XVI в., наиболее знакомых с описываемой страной, недостаточно объяснять только тем, что, ближе всматриваясь в положение Московского государства, они яснее видели и темные стороны, или тем, что с развитием самого государства и темные стороны усиливались и выказывались яснее. Темных сторон, язв, которыми страдало государство, было много, они понятны; понятны и те явления, которые так неприятно поражали иностранцев XVI в. при московском дворе в эпоху борьбы самодержавия с дружинными преданиями: в борьбе за жизнь не разбирают средств и мало думают о приличии манер. Понятно и неодобрение, которое вызывали эти темные стороны в людях с лучшими понятиями, привыкших к лучшим порядкам. Но эти люди видели в Московском государстве более, нежели только темные стороны, исторически образовавшиеся: Поссевин и Флетчер видят во всех сторонах государственного устройства Московии какую-то широкую, строго рассчитанную систему политического коварства, соединенного с произволом и насилием. Московские государи, конечно, не были похожи на прежних князей — вождей дружин, живших день за день, как Бог укажет; они рано привыкли заботливо думать о завтрашнем дне; но видеть в созданном ими государстве то, что видели иезуит или английский доктор гражданского права, значит видеть в нем слишком много. Нет сомнения, что дело было гораздо проще. Но чтобы уяснить себе, как мог составиться такой взгляд, надобно иметь в виду те впечатления, которые образованный европеец прежде всего выносил из вниматель-

ного наблюдения над ходом дел в Московском государстве XVI в. Если бы он нашел страну с первобытной дикости, то отнесся бы к ней с любопытством — и только. О степных татарах иностранцы не отзываются с такой горечью, как о Московии, потому что с них нечего было и взыскивать, у них не замечалось и явлений, которые могли бы особенно сильно затронуть образованного европейца и вызвать в нем что-нибудь более простого любопытства. Татары прямо говорили, что их родина — степь, и дивились, как можно жить постоянно на одном и том же месте, в душных городских стенах. Но в Московском государстве XVI в. иностранцы замечали широкие претензии стать наравне с другими, даже выше многих других, замечали желание вписаться в число потомков Августа и пристать к семье христианско-европейских государств, при первом случае завязать с ними сношения, создать общие интересы, — и при этом встречали азиатскую подозрительность к пришельцам из христианской Европы, пренебрежение, с которым московский государь отзывался о западных государях, слышали, что этот государь моет руки после приема западно-европейских христианских послов. Одни явления не позволяли им отнести к Московскому государству, как к первобытной стране, а другие отнимали у них желание судить о нем снисходительно, как о государстве, не окрепшем и не устроившемся окончательно, — и они, не задумываясь долго над историей, сочли себя вправе приложить к нему мерку своих государств, пред которой Московия, разумеется, оказалась далеко не состоятельной. Допустив одну неправильность, они допустили и другую: недостатки неразвитого, молодого государства объясняли причинами, которые действуют в государствах изжившихся и дряхлеющих. Эта неправильная точка зрения не позволяла им видеть именно ту сторону государства, которая могла дать более простое и естественное объяснение многих явлений, так неприятно поражающих в нем наблюдательного европейца.

VII. ВИД СТРАНЫ И ЕЕ КЛИМАТ

Перейдем теперь к изложению сообщаемых иностранцами известий о материальном состоянии страны и ее жителей, о качестве тех источников, из которых государство черпало средства для удовлетворения своих с каждым днем умножавшихся потребностей³⁷. Экономическая жизнь Московского государства занимает в известиях иностранцев гораздо меньше места сравнительно с другими его сторонами, но зато к известиям этого рода мы вправе относиться с большим доверием, нежели ко всяким другим известиям иностранца. Факты внешней материальной жизни доступнее точному наблюдению; обсуждение их составляет меньше простора личным симпатиям и антипатиям, сильно сдерживает привычку мерить явления чужой жизни своими домашними понятиями. Московия, по описанию иностранцев, представляла вид совершенной равнины, покрытой обширными лесами и пересекаемой по всем направлениям большими реками, обильными рыбой; можно сказать, что вся Московия не что иное, как сплошной лес, за исключением тех местностей, где его выжгли для обращения в поле, годное к обработке. Поверхность этой равнины редко подымается значительными возвышениями; часто на обширном пространстве не встретишь ни одного значительного холма. Страна эта имеет огромное протяжение в длину и ширину. С юга и частью с востока она окружена неизмеримыми пустынями, безлесными и скудными водою степями,

а с запада и севера — обширными дикими лесами или болотистыми местностями.

Благодаря этому, трудно проникнуть в нее или выйти из нее окольными путями, и каждый должен держаться больших дорог, чтобы не зайти в непроходимые лесистые и болотистые места. Крымские татары недаром называли леса для Московского государства «великими крепостями». Леса богаты пушными зверями, невероятно высокими соснами, превосходным дубом и кленом. Московия казалась западным европейцам другою частью света, по выражению Кампензе, не по одному отдаленному своему положению на границах Азии и Европы, не по одному своему дикому, пустынному виду, но и по многим особенностям своей природы, своего климата, отличавшегося резкими противоположностями в явлениях зимы и лета. Западные путешественники с удивлением рассказывают о чудесах, которые творит там мороз: от его суровости земля трескается, образуя широкие расщелины, деревья раскалываются сверху до корня; часто лошади привозят сани с замерзшими седоками; хищные звери, гонимые голодом и стужей, выбегая из лесов и нападая на селения, врываются в дома жителей, которые от страха разбегаются и мерзнут подле своих жилищ. Зима сменяется совершенно другими явлениями. Большие реки, пересекающие Московию, поднимаясь от тающих весной снегов, во многих местах превращают поля в болота, а дороги покрывают стоячею водою и глубокою грязью, иногда не просыхающею до тех пор, пока реки опять не покроются льдом и болота не окрепнут от мороза настолько, чтобы по ним можно было безопасно ходить. Благодаря множеству лесов, рек и озер, обилию растений, страна бывает чрезвычайно приятна и прекрасна весной и в начале лета; но неумеренные летние жары, подобно зимним холодам, делают невыносимым путешествие по стране и сопровождаются печальными явлениями: под влиянием знойного солнца от громадных лесов и бесчисленных стоячих вод зарождается множество комаров и других насекомых, что с трудом можно защититься от них. Реки и источники во многих местах высыхают, трава и хлеб выгорают на лугах и полях, отчего происходит страшная дороговизна жизненных припасов*. Такие жары

* Герберштейн рассказывает, что в 1525 г. вследствие засухи хлеб так вздорожал, что меру, стоящую 3 деньги, продавали по 20 и по 30 денег (с. 45).

сильно способствовали пожарам, и Герберштейн видел, как горели деревни, леса и поля, покрытые созревшим хлебом, весь округ наполнялся мраком и дымом, страшно разъедавшим глаза.

В первой четверти XVI в. встречаем краткие указания на то, что глухие лесные пространства начали уступать усилиям оседлого населения, по крайней мере там, где можно предполагать большое развитие промышленной деятельности и большую степень населенности. Иовию рассказывали, что леса, наполняющие большую часть Московии, в некоторых местах уже расчищены и заселены и теперь не представляют таких страшных и непроходимых дебрей, как прежде. Герберштейн также видел в Московской области множество пней больших деревьев и заключает из этого, что недавно страна была еще лесистее*. Воздух вообще, особенно в центральных областях, хорош и здоров, так что там мало слышно о заразительных болезнях, которые происходили бы собственно от климата. Оттого, когда в 1645 г. в Смоленске появилась моровая язва, все были изумлены, тем более, что никто не помнил ничего подобного**.

Иногда, впрочем, сильно свирепствует и здесь болезнь, похожая на язву, от которой страдают внутренности и голова; москвитяне называют ее «огнива»; заболевающие этой болезнью скоро умирают, немногие выздоравливают***.

Пни, виденные иностранцами, были остатками вырубленного или выжженного леса: так мирный труд постепенно завоевывал себе почву.

* Н. de Lappou. P. 21; Барборо. С. 62; Контарини. С. 102, 117; Кампензе. С. 27—31; Иовий. С. 23; Herberstein. P. 45; Olearius. P. 18, 121.

** По словам Коллинса, эта язва истребила в 1655 г. около 800 000 человек. Петрей замечает, что моровая язва чаще появлялась на границах Московского государства, нежели во внутренних областях. Коллинс. С. 177; Petrejus. P. 317.

*** Герберштейн называет эту болезнь *Calor*, Гваньини переводит словами «*ogluowa febris*». Ср. Petrijus. P. 317.

VIII. ПОЧВА И ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Большая часть земель, которыми в XV и XVI вв. владел труд оседлого московского народонаселения, далеко не принадлежала к самым плодородным местностям восточной Европейской равнины. Эти самые плодородные местности и в XVI в., как в X, были притоном кочевников, и хотя во второй половине XVI в. длинная полоса их по Волге вошла в состав Московского государства, но большей частью была еще недоступна мирному оседлому труду, и эти степи лежали впусе, продолжая быть спорною землей между Европой и Азией. Только по некоторым углам этих степей земля обрабатывалась и являлась во всей силе своего плодородия³⁸. В местах по нижнему течению Дона, где в XV в. татары, не переставая кочевать, занимались немного и земледелием, даже и при их небрежном способе обработки, пшеница очень крупная зерном, по свидетельству очевидца, родилась сам-50, а просо сам-100, и иногда жатва была так обильна, что кочевники не знали, куда девать хлеб, и часть его по необходимости оставляли на месте*. Но хотя почва Московского государства далеко не могла равняться в плодородии с почвою этих степных пространств, однако же она большею частью вознаграждала труд земледельца и, истощаясь в одних местах, представляла в других нетронутые нивы, обещавшие по крайней мере в первые годы по выходе из-под леса богатую жатву. Мейерберг реша-

* Барбаро. С. 37.

ется сказать, что едва ли есть в мире страна, которой Московия могла бы позавидовать как в доброкачественности воздуха, так и в плодородии полей. О почве Московского государства, замечает Олеарий, можно сказать вообще, что она производит больше хлеба и корма для скота, чем сколько потребляет страна. Голландцы недаром признавались, что Московия для них то же, чем была Сицилия для Рима. О дороговизне там редко слышно. Притом в краях, отдаленных от удобных рек, откуда, следовательно, трудно возить хлеб на продажу, жители обрабатывают землю только в таких размерах, чтобы можно было просуществовать в продолжение года, не заботясь об излишке и запасе, ибо они знают, что земля всегда даст им необходимое. Оттого там много прекрасных, но нетронутых или запущенных земель, на которых растет одна трава, да и ту не стараются косить, потому что скот и без того имеет достаточно корма. Описание Герберштейна дает нам возможность сравнить качество почвы и зависевшее от этого развитие земледелия в разных краях Московского государства. По его словам, почва собственно в Московской области не отличается особенным плодородием, потому что почти везде песчаная и убивает жатву при малейшем излишке влажности или сухости. Хлеб и обыкновенные овощи Московская область производит в достаточном количестве, но ей недостает хороших садовых плодов. Почва Владимирской и Нижегородской области гораздо плодороднее: одна мера пшеницы на ней дает иногда 20, даже 30 мер; но в этих областях тянутся обширные леса. Юго-восточная часть Владимирской области по р. Клязьме отличается особенным плодородием, в противоположность менее плодородной и населенной северо-западной части. Эти области занимают по плодородию и обилию произведений второе место после Рязанской области, которая считается самую плодородную из всех областей Московского государства; по рассказам, каждое зерно дает там по два колоса и больше, отчего нивы летом так густы, что с трудом пройдет лошадь и перепела не могут вылететь из чащи колосьев.

Таким же плодородием отличаются поля, лежащие по течению Оки. В северной стране почва, где обрабатывается, дает хороший урожай, но таких мест немного; там и сям попадаются обширные пустыни; особенно много лесов; вокруг Брянска тянется огромный лес,

имеющий 24 мили в ширину; страна подвержена постоянным набегам татар.

Вокруг Смоленска лежат плодородные возвышения, но область большею частью покрыта лесами. По ту сторону верхней Волги, в Новгородской, Вологодской и частью Тверской областях почва не плодородна; это страны, обильные водой, во многих местах болотистые, скудные хлебом, и этим они резко отличаются от стран по сю сторону Волги, более сухих и почти везде имеющих плодородную почву. Ехавший из Новгорода в Москву редко чувствовал это различие двух областей в образовании поверхности и в качестве почвы: начиная со середины расстояния между Вышним Волочком и Торжком, с того пункта, где проходила граница прежних Новгородских владений и Московской области, по направлению к Волге, земля становилась заметно ровнее, плодороднее, возделывалась тщательнее и повсюду представляла больше хлебных полей. В Ростовской и Ярославской областях почва еще довольно плодородна, особенно в местах, прилежащих к Волге; но далее на север, в областях Белозерской, Вологодской и Устюжской лежат обширные, неплодородные и невозделанные пространства, наполненные лесами, реками и частями болотами. Это страны пушного, рыбного и соляного промысла; земледелие находится здесь в самом жалком состоянии, в большей части мест здесь не знают хлеба или очень редко употребляют его. Теми же самыми чертами отличается почва и на северо-восток от среднего течения Волги, в областях Вятской, Пермской и т. д. Государство присоединяло их к своим владениям без особенного труда, но трудно завладевало ими мирное население государства; в XVI в. здесь среди лесов и болот много еще бродило хищных кочевников. Герберштейн прямо говорит, что эти страны пустыны от соседства с татарами. О Вятской и Пермской областях известия и XVI, и XVII вв. говорят, что земледелие здесь не распространено, что туземцы живут охотой и рыболовством, не заботясь о хлебе. Но замечательно известие о горных черемисах и мордве, живших на правом берегу среднего течения Волги: это также грубые люди, платящие дань мехами; но они народцы оседлые, непохожие на своих заволжских соседей, не имеющие такой склонности к разбойничеству, как последние, и заботливо занимающиеся земледелием. Таким образом, мы можем принять верхнее и среднее

течение Волги за черту, далее которой к северу и востоку в XVI в. заметно падали успехи земледелия и культуры*. Иностранные известия не дают нам указаний на успех, с каким распространялось земледелие на север и восток от Волги в XVII в. сравнительно с прежним временем. С конца XVII в. вместе с русским населением земледелие стало распространяться и по ту сторону Камня, но есть ясные указания, что во второй половине XVII в. земледельческий промысел находился в Сибири, как и в Перми с Вяткой, исключительно в руках русских поселенцев, что туземцы речной области Тобола продолжали по-прежнему обходиться без хлеба, питаясь охотой и рыболовством³⁹. По описанию Флетчера, плодородные места лежали между Вологдой и Москвою и дале на юг, до крымской границы, между Рязанью и Новгородом, между Москвою и Смоленском**.

Известия о земледельческом хозяйстве, впрочем немногие, указывают, что в нем сохранялись еще простые, можно сказать, первобытные приемы. Пахали деревянными орудиями без железных сошников; дальнейшее разрыхление производилось сучковатыми ветвями, кое-как сколоченными между собою; эту нехитрую борону лошадь возила по полю, разбивала комы вспаханной земли. При такой простоте обработки нельзя отказать в доле правды известию Маржерета, что мальчик 12 или 15 лет мог с одною лошадию обработать в день одну или две десятины. Сжатый хлеб располагали кучками или складывали в виде шалашей с уступами наподобие ступенек, чтобы ветер свободнее мог проникать в снопы и просушивать их. Перед молотбой хлеб просушивали в натопленных шалашах (овинах); такую просушку считали выгодной в том отношении, что отвердевшие в дыму, в тепле зерна могли долго лежать, не подвергаясь порче.

Для молотбы крестьяне выравнивали перед овином землю (ток), в зимнее время поливали ее водой, и когда таким образом ток покрывался льдом, на нем складывали снопы и молотили.

Мельниц водяных и ветряных было немного; в большом употреблении были домашние ручные мельницы, состоявшие из двух круглых жерновов, посредст-

* Herberstein. P. 44—63; Ulfeld. P. 26; Mayerberg. P. 11, 42, 60, 79; Olearius. P. 118.

** Флетчер. Гл. 2.

вом которых каждое крестьянское семейство молотило себе столько муки, сколько ему нужно. Озимым хлебом была только рожь; остальные хлеба сеялись весной. Рожь сеяли в начале или половине августа, пшеницу и овес, смотря по продолжительности зимы; в апреле или в мае, ячмень в конце мая. В северных частях России сеяли только за три недели до Иванова дня и меньше чем через два месяца хлеб уже поспевал, благодаря солнечному жару, так что в 9 недель успевали посеять, сжать и свозить хлеб на гумна. Если в местах, отдаленных от торговых путей, оставалось без употребления много хорошей земли, удобной для обработки, то, разумеется, не могли много хлопотать об удобрении почвы. Маржерет, впрочем, слышал, что кое-где это удобрение существовало, разумея при этом, без сомнения, центральные местности государства, где при большой густоте населения и сравнительно меньшем плодородии земли с ней не могли обращаться так небрежно, как по юго-восточным окраинам. Коллинс замечает даже, что в его время лучшие земли мало приносили дохода, потому что им не давали отдыхать, а другие земли от недостатка в людях оставались необработанными*.

Главное произведение такой преимущественно земледельческой страны, какою было Московское государство, составлял, разумеется, хлеб. В Московии, говорит Иовий, нет ни винограда, ни других нежных растений, но поля покрыты пшеницей, просом и другими хлебными растениями, а также всякого рода зеленью**. Главные из этих растений суть: пшеница, рожь, ячмень, овес, горох, греча, просо. Они произрастают даже в изобилии и потому очень дешевы: четверть пшеницы, по свидетельству Флетчера, продавалась иногда по два алтына.

С земледелием тесно связывалось скотоводство; оно доставляло важные продукты для заграничной торговли — кожи и сало; оно особенно развито было, по свидетельству Флетчера, в областях Смоленской, Ярославской, Углицкой, Вологодской, Городецкой. Важное место занимали продукты, которые доставляли лес и воды. Герберштейн во всех почти областях Московского государства указывает на добывание мехов, меда, во-

* Р. а Buchau. P. 249, 310; Маржерет. С. 13, 75; Olearius. P. 118; Carlisle. P. 31; Коллинс. С. 178.

** Иовий. С. 39.

ска и рыбы; жители почти всех центральных областей, после земледелия, более всего промышленяли этими предметами, а в северных областях, где земледелие было менее развито, меховой и рыбный промыслы являлись на первом плане; к этому еще присоединялось добывание соли. Потому здесь чувствовался сильный недостаток в хлебе. Пермь, по свидетельству Флетчера, иногда пекли себе хлеб из корня и коры соснового дерева. По словам Иовия, природа за недостаток драгоценных металлов щедро вознаградила Московию редкими мехами, высоко ценившимися за границей. Леса областей, ближайших к центру государства — Владимирской, Смоленской, Северной и в местностях по Оке, отличались обилием горностаев, белок и куниц.

Чем далее к северу и северо-востоку, тем более увеличивалось пушное богатство. По свидетельству Флетчера, лучшие собольи меха добывались в областях Печорской, Югорской и Обдорской; низших сортов — в Сибири, Перми и проч. Меха черных и красных лисиц добывались в Сибири, а белых и бурых в Печорской и Двинской областях; лучшие меха росамахи на Печоре и Перми, а лучшие куницы в Сибири, Муроме, Перми и Казани; лучшие беличьи, рысьи и горностаевые шкуры из Галича и Углича, также в большом количестве из областей Новгородской и Пермской. Лучшие бобры водились на Мурманском побережье, близ Колы. По свидетельству Герберштейна, в приморских краях Двинской области добывали и отвозили в Москву много мехов белых медведей. Сибирь, вошедши в состав Московского государства, заняла почетное место в его меховой промышленности. Меха, особенно куницы, которых, если верить Коллинсу, ниоткуда, кроме Сибири, не вывозили в его время, были главным предметом торговли сибирских жителей. Они ездили на охоту толпами, недель на 6 или на 7, отправляясь на саних, запряженных в 30 или 40 собак*. Кроме туземцев, в XVI в. звериный промысел был обязанностью сосланных в Сибирь преступников. Лес доставлял и строевой материал — необыкновенно высокие сосны, превосходный дуб и клен. Но самыми главными после мехов произведениями Московской земли, которые доставлял лес, были мед и воск. По словам Иовия и

* Коллинс. С. 575.

Кампензе, вся страна изобиловала плодовитыми пчелами, которые клали отличный мед не в искусственных крестьянских ульях, а в дуплах деревьев, без всякого присмотра. В дремучих лесах и рощах, говорит Иовий, ветви часто бывают усеяны роями пчел, и часто можно видеть, как они сражаются между собою и далеко преследуют друг друга. Поселяне, которые держат домашних пчел и передают их по наследству из рода в род, с трудом могут защитить их от нападений диких пчел. В древесных дуплах часто находят большие соты старого меда, оставленного пчелами; иногда встречаются очень толстые пни, наполненные медом⁴⁰. Русский посол рассказывал Иовию, как один крестьянин, опустившись в дупло огромного дерева, увяз в меду по самое горло; тщетно ожидая помощи в глухом лесу, он два дня питался одним медом и выведен был из этого затруднительного положения медведем, который опустился задними лапами в то же дупло: поселянин схватил его руками за хвост и закричал так громко, что испуганный медведь быстро выскочил из дупла и вытащил вместе с собою крестьянина*. Мед в значительном количестве шел из Мордвы и Кадома, близ земли черемис, также из областей Северной, Рязанской, Муромской, Казанской и Смоленской**. Реки Московии, говорят иностранцы, наполнены рыбой; следовательно, развитие рыболовства, в известной степени, можно предполагать во всех областях Московского государства. Но рыболовство вместе с звероловством усиливалось в том же направлении, в котором уменьшалось земледелие, т. е. к северу и северо-востоку.

Некоторые реки известны были особенным обилием и достоинством своей рыбы. Первое место между реками относительно обилия рыбы занимала Волга. По качеству наиболее ценилась в торговле окская рыба, особенно пойманная около Мурома, также рыба из Шексны; эта река отличается тою особенностью, что заходящая сюда из Волги рыба делается тем лучше, чем далее остается здесь; потому опытные рыбаки, поймав рыбу в Волге, сейчас узнают, была ли она и долго ли была в Шексне. Города, замечательные по рыбному промыслу, были: Ярославль, Нижний, Астрахань, Казань, Белоозеро***. Около Астрахани рыболовство про-

* Кампензе. С. 31; Иовий. С. 39 и след.

** Флетчер. Гл. 3.

*** Herberstein. P. 44—65. Флетчер. Гл. 3.

изводилось в больших размерах. Вверх и вниз от нее по Волге добывалось множество карпов, стерлядей и белуг. Штраус описывает способ ловли последних: в реке вбивают ряды кольев в виде треугольников, оставляя небольшие входы; попав сюда, белуга не может выйти, даже повернуться в узком пространстве. Тогда рыбаки бьют ее дробками и вынимают из нее икру; самую белугу солят и отправляют в Москву, где ее покупает простой народ. Икру, добывавшуюся из белуги и осетра, клали в огромные мешки с солью и, продержав там несколько времени, сжимали ее и набивали в бочки. Астраханская икра славилась в Европе; особенно много вывозили ее в Италию*.

Солеварение преимущественно развито было в северных областях — Новгородской, Двинской и проч.; лучшая соль и в большом количестве, добывалась в Старой Русе, где было много солеварен⁴¹. Герберштейн оставил краткое известие о способе добывания здесь соли: запрудив соляную речку в большой яме, промышленники проводили воду каналами, каждый к своей солеварне, и здесь вываривали соль. Соль также добывалась в Перми, Тотье, на Выгегде, по берегу Белого моря, на Соловках. В двух милях от Нижнего также было много солеварен, представляющих вид целого городка; за несколько лет до Герберштейна они были сожжены татарами, но при нем восстановлены по указу государя**. Ниже Казани известна была по добыванию соли Соляная гора на правом берегу Волги. недалеко от впадения в нее р. Усы. При подошве горы построено было несколько жилищ, в которых жили промышленники; они извлекали соль из горы, вываривали ее, потом выставляли на солнце и по Волге отправляли в Москву***. Страна по нижнему течению Волги занимала одно из первых мест в московской промышленности по богатству соли. В степях на запад от Астрахани было много озер, доставлявших превосходную соль. Известнейшие из них были Mozakowski — в 10 верстах, Kainkowa — в 15 и Gwostoffski — в 30 верстах от Астрахани. Озера эти имеют соляные жилы, из которых соль вырывается на поверхность воды слоями, наподобие льдин, толщиной в палец, и от солнечного жара делается чистою, как кристалл,

* Strays. P. 53.

** Herberstein. Vol. I. Cit.

*** Olearius. P. 295.

Всякий мог добывать ее, платя в казну по полукопейке с пуда*. Эта соль имеет запах фиалки; московитяне добывали ее во множестве, свозя ее кучами на берег Волги и отсюда переправляя в другие места. В Смоленской и Двинской областях в большом количестве гнали деготь; в Угличе, Ярославле, Устюге добывали селитру; по Волге в малом количестве добывали серу, но не умели очищать ее. По словам Герберштейна, на расстоянии перелета стрелы от Белоозера есть серное озеро; вытекающая из него речка много уносила серной пены, но от неумения жителей эта сера пропадала без пользы. Герберштейн указывает на добывание железа в Серпухове, а при Флетчере много добывали его в Карелии, Каргополе и Устюге. Из других произведений царства ископаемого в XVI веке добывалась слюда на Северной Двине подле Архангельска и в Корельской областях из мягкой скалы. В XVII в. рудокопное дело в России приняло большие размеры⁴². К помянутым железным рудникам прибавились рудники, открытые незадолго до приезда Олеария в Москву, недалеко от Тулы, на границах Татарии; их разрабатывали мастера, высланные царю саксонским курфюрстом. Работами заправлял известный Петр Марселис, который устроил там плавильню, по условию с царем, и ежегодно поставлял ему известное число железных полос и огнестрельного оружия⁴³. Приискиванием и разработкой рудников во все описываемое время занимались исключительно иностранцы. Еще в конце XV века немецкие мастера открыли серебряную и медную руду на реке Цымне, в семи днях пути от р. Печоры; но в XVII в. эти рудники или были оставлены, или разрабатывались в незначительных размерах, так что иностранные путешественники почти до конца XVII в. продолжают повторять, что, кроме железных, никаких других рудников не разрабатывается в Московском государстве**. Однако ж, в попытках отыскать другие металлы не было недостатка. Олеарий рассказывает, что лет за 15 до него царю дали знать, что в одной области непременно найдется золото, если употребить на этот предмет труд и деньги; царь поддержал предприятие, но оно не удалось и повело к разорению предпринимателя. Таких попыток было несколь-

* Olearius. P. 316.

** Только Рейтенфельс коротко замечает, что где-то у Новгорода добывается медь.

ко; постоянная неудача их научила правительство не доверять им, и оно не иначе соглашалось поддерживать их, как при надежном ручательстве. В бытность Олеария в Москве один английский промышленник, надеясь открыть в одном месте золото, уговорил некоторых своих друзей поручиться правительству за сумму, которую он испросил у него для своего предприятия. Но попытка опять не удалась, искателя золота посадили в тюрьму, а поручители принуждены были заплатить за него.

Только во второй половине XVII в. царь приказал нескольким иностранцам осмотреть горы за Казанью, по направлению к Сибири, где найдены прииски золота и серебряной руды*.

Путешественники XVII в. оставили несколько известий о садоводстве и огородничестве в России. Герберштейн не видел в Москве ни хорошей вишни, ни орехов, кроме простых лесных, и, судя по климату, даже не считал страну способной производить хорошие садовые плоды. Почти все путешественники XVII в. находили противное, указывая на успешное разведение в Московии садовых и огородных растений. Они пишут, что в областях, не слишком удаленных к северу, особенно около города Москвы, рождаются превосходные плоды, между прочим яблоки, груши, сливы, вишни, малина, смородина; на огородах растут разного рода овощи и поваренные травы, огурцы, коренья, дыни и арбузы, особенно много луку и чесноку. Олеарий видел такие белые и прозрачные яблоки, что если смотреть сквозь них на солнце, без труда можно пересчитать в них зерна. Дыни растут в очень большом количестве, очень вкусны и иногда бывают необыкновенно велики: Олеарию подарили в Москве дыню в пуд весом; дыни весом в полпуда встречались часто. Зато и разведением их занимались с особенным старанием и умением: семена клали на двое суток в молоко или в овечий навоз, растворенный дождевою водой, чтобы дать им размокнуть. Грядки делали для них из лошадиного навоза, который покрывали самой хорошей землей. В такие грядки углубляли семена настолько, чтобы они могли быть не только безопасны от холода и при этом воспринимать действие солнечных лучей, но и пользоваться теплотой, которую до-

* Рейтенфельс. С. 47.

ставлял им снизу навоз на ночь, а иногда и днем их покрывали постилками*. Олеарий говорит, что красивые садовые цветы и травы появились в Москве недавно, здесь даже считали их смешной забавой; царь Михаил Федорович первый начал украшать свой сад дорогими травами и растениями. До этого времени в Москве знали только дикую розу; гамбургский купец Петр Марселлис первый привез в Москву бархатную розу, которая хорошо принялась. Около того же времени голландские и немецкие купцы начали разводить в Москве спаржу, которая во время Олеария росла в изобилии, в палец толщиной. О салате в Москве также не имели прежде понятия и даже смеялись над иностранцами, что они едят траву, как животные; но во время Олеария и в Москве начали находить в нем вкус, во второй половине XVII века редко можно было встретить в Москве сколько-нибудь порядочный дом, сад которого не был бы наполнен цветами и салатом. Астрахань особенно известна была своими садовыми плодами, яблоками, персиками, дынями, но преимущественно арбузами. Татары привозили их в город возами и продавали по копейке пару и больше. Как в Москве западные купцы распространили спаржу и салат, так и в Астрахани около того же времени персидские купцы положили начало разведению винограда: один монах посадил привезенные ими виноградные лозы в своем монастыре подле города; они принялись, и в 1613 г., по царскому приказу, тот же монах устроил целый виноградник. Дело шло с таким успехом, что в 1636 г., когда приехал в Астрахань Олеарий, там не было почти дома, в котором бы ни занимались этим производством, и оно было так выгодно, что иному владельцу виноградника приносило более 50 р. дохода. Из своего винограда Астрахань выделывала до 60 бочек превосходного вина**.

* Olearius. P. 119; Lyseck. P. 53.

** Olearius. P. 317; Tanner, P. 71; Strays. P. 121.

IX. НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ

Иностранцы, писавшие о Московском государстве с чужих слов, как Кампензе и Климент, говорят, что Московия, несмотря на свою обширность, очень хорошо населена; но приняв в соображение только то, что в одной, большей половине Московской земли преобладали лес и болото, а в другой — открытая степь, соседственная с хищными кочевниками, иностранец мог уже заключить, что эта страна не только не богата, но даже бедна населением. Это заметили все иностранцы, бывшие в Московии и внимательно наблюдавшие ее состояние. Если бы, говорит Флетчер, все владения русского царя были заселены так, как некоторые места, то он превзошел бы всех соседних государей своим могуществом. Под этими некоторыми местами английский посланник разумел, без сомнения, немногие центральные области государства и немногие другие пункты, которые имели особенно благоприятные условия для умножения народонаселения. У него и у других иностранцев мы находим прямые указания на скудность населения по обширным окраинам государства, и мы видим, как близко к центру подходили эти окраины⁴⁴. Земли по Днепру в настоящее время, говорит Кампензе, очень мало населены по причине частых набегов татар*. Та же причина малонаселенности и пустынности указывается иностранцами и в Северной области. Из слов Барбаро и Контарини видно, что дорога от Москвы до Трок в конце XV века

* Кампензе. С. 19.

шла пустынными малонаселенными местами, где изредка мелькали деревеньки. Так же дика и пустынна была дорога от Москвы до Новгорода, тогда как пространство от Новгорода до Пскова было заселено несколько гуще и имело много деревень и сел, вследствие чего путешественники, ехавшие из Польши в Москву, предпочитали путь на Псков и Новгород, хотя более длинный, прямому и кратчайшему пути на Смоленск. Княжество Суздальское и прилежащие к нему страны в конец разорены и обезлюдели от постоянных набегов татар*. Если так близко к центру Московского государства лежали пустынные места, то понятно, что население было еще реже далее за Волгой, к северу и северо-востоку, в странах, где условий безлюдности было больше и действовали они сильнее, нежели в центральных областях. По словам Герберштейна, на луговой стороне средней Волги, против земли горных черемис и мордвы, жилые места реже, нежели у последних. Англичане писали, что на всем пространстве от Ярославля до Москвы встречаются многолюднейшие села; Поссевин также говорит, ссылаясь на очевидцев, что край к северу от Москвы до Волги вообще имеет сравнительно более густое население благодаря тому, что сюда не доходят татарские набеги; но зато, по свидетельству Флетчера, по ту сторону Волги, по дороге между Вологдой и Ярославлем, на пространстве почти 200 верст, встречается по крайней мере 50 деревень, в полмили даже в целую милю длиной, совершенно оставленных, так что в них нет ни одного жителя; то же можно видеть и в других частях государства, добавляет Флетчер, как рассказывали люди, которые путешествовали по этой стране более меня. Согласно с этим и Поссевин говорит, что во владениях московского государя иногда на пространстве 300 000 шагов путешественник не встречает ни одного жителя, хотя и находит пустые деревни**. По этому можно уже судить о степени населенности в более отдаленных краях государства***. Герберштейн говорит, что села в Двинской области разбросаны на

* Кампензе. С. 24; Иовий. С. 38. *Rerum Moscoviticarum auctores varii*. P. 207.

** Possevino. P. 12, 16; Флетчер. Гл. 13.

*** В первой половине XVI в. в Двинской области находили места с хорошими угодьями, *в которых дворов и пашней не бывало никогда, от волости они за 20 верст со всех сторон и никаких волостей угодья к тем местам не пришли* (Соловьев. История России. Т. V. С. 430).

огромных расстояниях друг от друга*. Английский посол Рандольф и другие англичане, неоднократно ездившие по Сев. Двине, говорят, что здесь по берегам только этой реки встречались значительные селения; вообще большая часть этого края, по их словам, была вовсе необитаема, покрыта лесами, среди которых изредка попадались луга и пашни**. То же самое, если не в сильнейшей степени, можно было сказать и о странах к востоку от средней Волги. Герберштейн полагает на огромных пространствах от Перми до Иртыша, в землях тюменских татар, не более 10 000 жителей. Скорее можно заподозрить это показание в преувеличении, нежели в чем другом, зная, что во второй половине XVI в. ближе к Волге, по Каме, Строгановы нашли места пустые, простиравшиеся на 146 верст, «на которых пашни не пахиваны, дворы не ставали, которые в писцовых книгах, в купчих и правжных не писаны ни у кого»***. Подобные же известия находим и у путешественников XVII в. На пути от Новгорода до Москвы Олеарий также встречал большие, но опустелые селения. Карлиль замечает, что большая часть стран, подвластных Московскому государству, вовсе не имеет населения, что даже в местах, наиболее населенных, по которым он ехал, видны только бесконечные леса. Во второй половине XVII в. между Можайском и Вязьмой путешественник должен был ехать 130 верст сплошным лесом и на этом пространстве встречал только одно селение — Царево-Займище. Подобные леса тянулись и дальше к Смоленску, представляя иногда еще свежие следы недавно проложенных здесь дорог. В этих лесах изредка встречались деревни, состоявшие из 3—4 хижин****.

По мнению Поссевина, главною причиною малонаселенных южных и юго-восточных окраин Московского государства были постоянные набеги татар и других соседних кочевников. Кроме того, он говорит, что в царствование Иоанна Грозного население всех вообще областей значительно уменьшилось: встречавшиеся во многих местах опустелые деревни, брошенные поля и молодые леса, растущие там, где были прежде пашни, — все это, по его словам, служит признаком, что

* Herberstein. P. 59.

** Hakluyt. Vol. I. P. 422.

*** Herberstein. P. 74; Соловьѳв. История России. Т. VI. С. 414.

**** Carlisle. P. 61; Mayerberg. Vol. II. P. 150—152; Tanner. P. 42.

недавно эти места были гораздо населеннее. Причиной такой убыли он считает продолжительные и тяжелые войны Иоанна IV, погубившие много людей. На ту же причину можно было указать и действительно указывали и в XVII в.: Коллинс заверяет, что в последнее десятилетие (до 1667 г.) русские области сильно пострадали от войн, так что и в 40 лет не поправятся; он даже определяет, как велики были потери в людях, понесенные Московским государством от этих войн; он не сомневается, что народонаселение страны убавилось в это время по крайней мере на две пятые доли*.

И войны, и нападения степных кочевников, без сомнения, сильно мешали умножению населения, особенно по окраинам государства. Но была еще другая причина, не замеченная, по крайней мере ясно не указанная, ни Поссевином, ни Коллинсом, ни другими иностранцами, которая издавна, но преимущественно со второй половины XVI в. мешала умножению населения во внутренних областях государства; эта причина — колонизация. На долю Московского государства выпала тяжелая задача — дать историю обширным глухим пространствам, простиравшимся на север, северо-восток и юго-восток от него. Во второй половине XVI в. эти пространства до Камня⁴⁵ считались уже в числе владений московского государя; но чтобы стать здесь твердою ногою, мало было пройти эти страны с ратными людьми; надо было ратным людям остаться здесь и ставить городки, чтобы удерживать окрестных жителей в повиновении и защищать страну от бродячих соседей. Но чтобы довести свое дело до конца, правительству недостаточно было наставить городков с ратными людьми: характер новоприобретенных стран и их первобытных обитателей требовал еще мер совсем другого рода для окончательного присоединения их к государству. В этих странах, пишет Матвей Меховский, не пахут, не сеют, не употребляют ни хлеба, ни денег, питаются лесными зверями, пьют одну воду, живут в дремучих лесах, в шалашах из прутьев; лесная жизнь сделала и людей похожими на зверей неразумных: одеваются они в грубые звериные шкуры, сшитые вместе как ни попало; большая часть их коснеет в идолопоклонстве, поклоняясь сол-

* Коллинс. С. 176, 592.

нцу, луне, звездам, лесным зверям и всему, что ни попадетя*. Из этой, может быть, несколько утрированной картины видно, что предстояло государству сделать в этих странах по их завоеванию: надо было подле городков с ратными людьми поселить рабочих, пашенных людей, которые утвердили бы здесь начала оседлого труда и гражданского общежития. Вот причина, от которой пустели многие деревни, виденные иностранцами, которая постоянно вытягивала население из старых областей государства, и без того им небогатых. К концу XVI в. таких пространств, требовавших населения, было уже очень много, когда к ним присоединились еще обширные пустыни за Камнем, в Сибири, с теми же требованиями. На основании всего этого мы можем предполагать, что движение колонизации должно было усилиться во второй половине XVI в.⁴⁶ Но если иностранцы не видели ясно этого движения и его значения для внутренних областей государства, то они не могли не заметить некоторых явлений, которыми оно обнаруживалось. Герберштейн говорит, что из Рязанской области, по ее присоединении к Москве, много жителей было выведено и рассеяно по разным колониям. Описывая состояние русской церкви, тот же Герберштейн замечает, что русские пустынники, обратившие уже многих идолопоклонников к вере Христовой, и в его время продолжали это дело без всяких корыстных расчетов, с единственною целью сделать угодное Богу, отправлялись в разные страны на север и восток, перенося голод и всевозможные лишения, даже подвергая жизнь свою опасности, распространяли там слово Божие и иногда запечатлевали его собственной кровию. По словам того же иностранца, в пермских лесах и после св. Стефана оставалось еще много язычников, но иноки, отправляясь туда из московских областей, доселе не перестают выводить их из тьмы заблуждений**. По словам Матвея Меховского, в московских владениях переводят людей с места на место, из страны в страну на новые поселки, замещая выведенных другими***.

Поссевин и Флетчер говорят, что, завоевав царства Казанское и Астраханское, московский государь построил по западному берегу Волги несколько крепостей и

* *Rerum Moskoviticarum auctores varii*. P. 209.

** *Herberstein*. P. 48, 31, 32, 62.

*** *Rerum Moscoviticarum auctores varii*; P. 209.

поставил в них гарнизоны, чтобы тем удобнее было удержать покоренных в повиновении*. Флетчер говорит также, что для удержания жителей Перми, Печоры и Сибири в повиновении царь поселил в этих областях столько же русских, сколько там туземцев, и еще гарнизоны, и что в Сибири, где продолжают еще завоевания, число ратных людей в построенных там крепостях простирается до 6000 человек из русских и поляков, в подкрепление которым царь отправляет новые партии для поселения в новоприобретаемых странах. У Герберштейна встречаем любопытные слова, бросающие некоторый свет и на результаты колонизации: описывая Белоозерскую область, он говорит, что туземцы имеют свой язык, но теперь почти все говорят по-русски; в Устюжской области туземцы также имеют свой язык, но большею частию говорят по-русски**. Это известие застаёт финских туземцев в тот момент, когда они, еще сохраняя черты своей особенности, мирно и постепенно сливались с жившим между ними русским населением. О туземцах Перми и Печоры он говорит только, что они имеют особый язык, непохожий на русский; но если он читал в русском описании пути к Оби, что в первой четверти XVI в. христианство проникло даже к простодушным дикарям, жившим при устьях Печоры, то к концу века мирный подвиг московского населения не мог не оставить здесь, как и в Перми, еще более заметных следов по себе, которые могли хотя бы несколько оправдать преждевременно сделанное Меховским замечание, что как вогулы, так и обитатели Вятки — русские, говорят по-русски и имеют одну религию с русскими***.

Позднейшие писатели сообщают несколько других известий о распространении влияния Московского государства на севере и северо-востоке. Агент английской компании Берроу доносил в 1576 г., что, несмотря на соперничество шведского и датского королей, московский царь имеет решительный перевес во влиянии на лопарей, которые принимают его законы и платят ему пошлины и налоги. Они язычники, но если кто-нибудь из них захочет принять христианскую веру, то принимает ее от русских, по русскому обряду. Указывается и один из проводников этого влияния: между

* Possevino. P. 60; Флетчер. Гл. 2, 18.

** Herberstein. P. 57, 59.

*** Rerum Moscoviticarum auctores varii. P. 208.

Кергором и пределами Финнмарка еѣтъ монастырь Печинго (на р. Печенге), настоятель котораго назначается из Москвы. Если между лопарями возникает тяжба, они обращаются за решением к царским чиновникам, а если последние не решат дело, отправляются в Москву, к царю*. С конца XVI в. в Сибири, вместе с распространением там русскаго населенія, стало распространяться и земледеліе, и один за другим основывались русскіе города**. Описывая эти города, Мейерберг указывает на некоторые черты отношеній русскіх колонистов к туземцам. В городах Тобольске и Тюмени живут только русскіе; туземцам здесь не позволяют жить, и они селятся небольшими местечками подле города, обыкновенно на противоположном берегу реки, на которой стоит город. В известное время года сюда собираются туземцы из окрестных мест, чтобы выменять свои меха на товары, привозимые из Архангельска. Туземцы занимаются звериным и рыбным промыслом, но не воздѣлывают земли; последним занимаются исключительно русскіе колонисты и ратные люди, поселенные в городах***. Колонисты скоро двинулись за Обь и, поселяясь там, привлекали своимъ примером туземцев к оседлости****.

Медленно, но безостановочно шло заселеніе пустынныхъ пространствъ на северо-востоке; насельникамъ надо было выдерживать упорную борьбу с природой, но по крайней мере здесь не предстояло такой же борьбы с людьми. Колонизация южныхъ и юго-восточныхъ степей представляла больше затрудненій и шла еще медленнее. Известія XVI вѣка говорят о построеніи городковъ по западному берегу Волги, на Мошке, при устьѣ Суры, значит, колонизация, хотя медленно, но все-таки овладевала теченіемъ Волги, двигаясь по ея горному берегу. Но Дон оставался пустыннымъ, жилые места оседлаго народонаселенія оканчивались по нему недалеко от истоковъ. Герберштейнъ упоминает о монахахъ и пустынникахъ, приносившихъ христіанство к дикимъ, но не отличавшимся особенной воинствен-

* Nakluyt. Vol. P. 467.

** До начала XVII в. основаны были в Сибири Тобольск в 1587 году. Пелым, Березов в 1592, Тара в 1594, Нарым и Кетскій острог в 1596. К концу XVI в. в Сибири считалось уже 94 города. Карамзин. Т. X. Примеч. 44.

*** Mayerberg. Vol. II. P. 59, 60.

**** Avrii. P. 162: «Les Moscovities ont attiré plusieurs de ces peuples errans qui après s'être fixé à leur imitation, ont pris goût insensiblement au comm».

ностью северным народам. Необходимость упорной борьбы с хищными кочевниками южных степей вызвала для колонизации деятелей другого рода — казаков, воинственных пролагателей путей. Герберштейн называет Вятскую область убежищем беглых рабов; но мы знаем, что вообще люди, «которые из городов и сел выбиты», безземельные и бездомные, которых было немало в Московском государстве, стремились преимущественно в другую сторону, к степным окраинам государства. Такие же пролагатели путей выходили и из другого государства, облежавшего степь с северо-запада; наконец, магометанский мир, навстречу московским и литовским казакам, высылал своих казаков с юга, по нижнему Дону. Так с трех сторон высылались передовые воинственные дружины на эту издавна спорную землю, чтобы открыть дорогу другим, более мирным поселениям: такие поселения нужны были каждой стороне, чтоб обезопасить свои границы. У Г. де Ланноа находим любопытный рассказ, как во время его пребывания в Монкастро (при устье Днестра) в 1421 г. в пустынное место в степи неподалеку от этого города, где не было ни леса, ни камня, прибыл подольский правитель с 12 000 человек и 4000 возов с камнем и лесом, и менее чем в месяц построил совершенно новую крепость, от имени Витовта, против соседних степных кочевников*. В половине XV века Барбаро во время пребывания своего на Дону подымался далеко вверх по этой реке, но из этого рассказа не видно, чтобы здесь где-нибудь были постоянные жилища; он видел только бродячих татар, которые по временам останавливались для посева и снятия жатвы**. В первой четверти XVI века, когда здесь уже владели турки, пространства от Волги до Днепра были по-прежнему пустынные; но на берегу Дона, в 4 днях пути от Азова, был уже, по словам Герберштейна, город Ахас, а по Донцу жили оседлые татары, занимавшиеся земледелием***.

По словам казаков, из Московского государства шло в южные степи земледельческое население.

В первой половине XVI в. русские поселения не шли далеко южнее Тулы. В начале XVII в. Маржерет говорит, что южные степи населяют более и более,

* G. de Lannoy. P. 39.

** Барбаро. С. 9, 37.

*** Herberstein. P. 74.

что русские построили там много городов и крепостей. С этой стороны Россия обитаема до Ливен, т. е. на 700 верст от Москвы.

Под прикрытием ратных людей русское земледельческое население шло и дальше, до рек Псела и Донца, возвращаясь таким образом в страну, которую некогда оно должно было бросить на волю степных кочевников. Но здесь оно еще ступало робко, жалось к опорным пунктам, где можно было найти защиту от этих кочевников. Тот же Маржерет замечает, что несмотря на плодородие края, жители осмеливаются возделывать землю только в окрестностях городов*. Условия Волжского края не позволяли русскому земледельческому населению распространяться в нем с такою же быстротой, с какою заняло его государство. Благодаря торговым сношениям Западной Европы с Персией через Московское государство, мы имеем от XVI—XVII веков несколько описаний путешествий по Волге, которые живыми чертами рисуют состояние этого края со времени его завоевания и меры, которые принимало Московское государство для укрепления его за собой. В то время по берегам Волги сохранились еще свежие следы стихавшей борьбы с азиатским Востоком. Между Казанью и Астраханью путешественнику показывали на обоих берегах Волги развалины когда-то бывших здесь больших городов, с которыми связывались более или менее сказочные предания о татарских завоевателях, преимущественно о Тамерлане**. Но вместо этих исчезнувших городов путешественники чем дальше тем реже встречали по Волге жилые места. Хр. Берроу не указывает между Казанью и Астраханью ни одного значительного поселения на берегу

* Маржерет. С. 12.

** Христ. Берроу, плывшему по Волге в 1579 году, на половине пути между Казанью и Астраханью указывали на высоком холму место, где стояла прежде каменная крепость Оуеак (Овечий брод) и вокруг нее город, который русские называли Содомом; по рассказам русских, этот город и часть крепости были поглощены землей за преступления жителей. Hakluyt. Vol. I. P. 472. Олеарий перечисляет следующие города, когда-то стоявшие на Волге: Уперофскога, исчезнувший татарский город в 65 верстах к югу от Тетюши; далее два города, разрушенные Тамерланом, из которых один назывался Simberska-gora; за ними на горе Arbeuchest видны следы города того же имени; за ним на правой стороне реки видны плодородные равнины, покрытые высокою травой, но совершенно необитаемые; видны лишь следы городов и сел, разрушенных Тамерланом. В 7 верстах к югу от Царицына видны развалины посроенного Тамерланом (sic!) Царева-города (Сарая) с остатками кирпичных стен; кирпичи эти возили в Астрахань на постройку церквей, монастырей и стен. Olearius. P. 292—307.

Волги. Изредка попадались путешественникам хижины рыбаков и показывались в прибрежных степях орды кочевников, тащивших с собою на верблюдах по нескольку сот кибиток, которые издали показались Дженкинсону каким-то странным подвижным городом*.

Между тем на конце пустынного водного пути государство стало твердою ногой и принимало деятельные меры, чтобы связать этот отдаленный пункт с центральными своими областями. Вскоре после занятия Астрахани, в 1558 году, Дженкинсон видел в Нижнем отъезд воеводы, назначенного в Астрахань; он отправлялся в сопровождении 500 больших кораблей, из которых одни были нагружены железными припасами, оружием и ратниками, а другие везли купеческие товары и пристали к первым как к надежной защите⁴⁷. По словам Дженкинсона, в Астрахань ежегодно посылались транспорты с людьми, жизненными припасами и лесом на постройку крепости**. Гарнизон Астрахани должен был постоянно держаться наготове, потому что очень обыкновенны были явления, подобные тому, которое описывает Берроу, бывший очевидцем его во время своего пребывания в Астрахани в 1580 г. 7-го марта в городе поднялась тревога: появились ногайские и крымские татары числом до 1500 и стали по обоим берегам Волги, верстах в 2 от острова, на котором расположена была Астрахань. На другой день татары отправили к воеводе гонца с известием, что они придут к нему в гости; последний отвечал, что он готов принять их, и, взяв пушечное ядро, велел гонцу передать своим, что у него не будет недостатка в этом угощении. На третий день пошел слух, что татары решились напасть на город и готовили фашины из тростника, чтобы переплыть на остров. Но, простояв еще два дня, татары ничего не сделали и удалились***. Для вернейшего закрепления за собой Астрахани государству надо было обезопасить самый удобный путь к ней по Волге, где свободно разбойничали окрестные кочевники и казаки, — те самые казаки, которые пролагали государству путь в эти страны. Дженкинсон, приезжая в Астрахань в 1558 году, еще не видел по Волге военных поселений; Берроу, при-

* Hakluyt, Vol. I. P. 364.

** Ibid. P. 365.

*** Ibid. P. 473.

езжая туда же в 1579, насчитывает между Переволокой и Астраханью шесть таких поселений или караулов, расположенных по берегам и островам Волги: первый находился в семи верстах к югу от Переволоки и состоял из 50 стрельцов, охранявших это место в продолжение лета; второй находился в 113 верстах от первого, третий в 50 верстах от второго, четвертый в 120 верстах от третьего, пятый в 50 верстах от четвертого, наконец шестой в 30 верстах от пятого и в таком же расстоянии от Астрахани*. Скоро эти караулы один за другим стали превращаться в городки, не теряя своего прежнего значения сторожевых постов: двигаясь среди степей по течению Волги, государство выводило на правом ее берегу ряд этих городков и таким образом связывало с своим центром крайний пункт волжского пути. Не развитие промышленности и народонаселения в центральных областях, а чисто государственные соображения создали эти сторожевые поселения; здесь, как и на других окраинах государства, торговый человек и земледелец шли по следам стрельца и под его защитой. Любопытно сравнить приведенное известие английского купца о волжских караулах в последней четверти XVI в. с заметками, которые сообщает о городах по нижней Волге Олеарий, проехавший здесь во второй четверти XVII века. Саратов расположен на равнине в 4 верстах от Волги, и населен одними московскими стрельцами под начальством воеводы, которого посылает туда царь для охранения страны от калмыков, разбойничающих значительными толпами в степях между этим городом и Астраханью. В 350 верстах ниже, на холму, стоит городок Царицын, построенный в виде параллелограмма, с 5 деревянными башнями и башнями; все его население состоит из 400 стрельцов, которые сторожат страну от набегов татар и казаков и провожают суда, плывущие по Волге. В 300 верстах от Царицына, на высоком прямом берегу, построен городок Черный-Яр, обнесенный оградой из толстых досок, с 8 деревянными башнями; живут в нем одни ратные люди, числом от 400, которые охраняют страну от набегов казаков и калмыков. Городок имеет вид квадрата, и на каждом углу его возвышается караульня, построен-

* Первый находился на острове Tsaristna, второй назывался Cameni Sarawool, третий Stupino, четвертый Paloov (Polewon у Олеария), пятый Keezeuour (Копаный Яр у Олеария), шестой Ichkebre (на том же месте у Олеария остров Itziburiski). H a k l u y t. Vol. I. P. 472.

на на 4 высоких столбиках, откуда во все стороны открывается вид на беспредельные ровные и безлесные степи. Этот городок построен 9 лет тому назад*, с целью противодействовать разбоям казаков, которые незадолго перед тем разбили здесь торговый караван, состоявший из 1500 москвитян, несмотря на охранявший его конвой стрельцов**. Спустя 33 года после Олеария (в 1669 г.) по тому же пути проехал Штраус, который, повторяя известия Олеария о городках по Волге, добавляет, что в Черном-Яру гарнизон составляет половину населения этого города, и что при впадении реки Камышенки в Волгу за год до него построен городок того же имени, с целью прекратить разбой донских казаков, которые спускались по реке Камышенке в Волгу и разбивали здесь торговые суда. Казаки, впрочем, не унимались и умели обходить город, перетаскивая свои лодки сухим путем на колесах из р. Камышенки в Волгу***.

Иностранные известия бросают некоторый свет на жизнь кочевников этого края и на отношения, в которые становилось к ним государство, чтобы подчинить их своему влиянию. Вскоре после занятия Астрахани московскими войсками, в 1558 г., в приволжских степях вследствие междоусобий кочевников появился голод, сопровождавшийся страшным мором, который истребил, если верить Дженкинсону, до 100 000 человек; русские, добавляет тот же путешественник, были очень довольны этой смертностью, помогавшей им выгнать кочевников из занимаемых ими степей. Бедствие распространилось и на Астрахань. Дженкинсон, приехавший тогда в Астрахань, был свидетелем сцен, какие происходили в этом городе и около него. Мучимые голодом и язвой, ноги во множестве подступили к Астрахани, отдаваясь на волю русских и прося у них хлеба. Но в Астрахани приняли их дурно: многие из них были распроданы русскими, большая часть погибла от голода, не получив просимой помощи; жалко было смотреть, пишет Дженкинсон, на груды мертвых тел, лежавших по всему острову вокруг города; остальных прогнали назад в степи. В это время, добавляет тот же путешественник, было бы очень легко обратить

* Олеарий ехал по Волге в 1636 году.

** Olearius. P. 301, 307, 310.

*** Strays. P. 163, 164.

это злое племя в христианскую веру*. С течением времени Москва завязывала через Астрахань более дружелюбные сношения с приволжскими кочевниками, по крайней мере с некоторыми их ордами. Здесь, как и на других окраинах государства, кочевникам не позволяли селиться в самых городах, подле московских гарнизонов. Мирные ногаи летом кочевали по астраханским степям**, а с наступлением зимы подходили к Астрахани и располагались около нее ордами, неподалеку одна от другой, огораживая свои шатры плетнями, что давало населению вид отдельного города. Этот временный ногайский город, или юрт, по свидетельству Хр. Берроу, в 1580 году находился в трех четвертях мили от астраханской крепости и заключал в себе приблизительно до 7000 жителей. Зимой, когда замерзали реки, на этих ногаев часто нападали калмыки с Яика. Чтобы дать юртовым ногаям возможность защищаться от этих разбойников, астраханское начальство выдавало им на зиму оружие из царского арсенала, которое они обязаны были возвратить с наступлением весны, когда откочевывали в степи. Они не платили податей царю, но были обязаны служить ему на его недругов, что они исполняли охотно, в надежде поживиться на походе добычей. Они имели своих князей, или мурз, но в обеспечение верности царю некоторые из последних содержались в Астрахани заложниками***. В последней четверти XVII в. юрт мирных ногаев около Астрахани увеличился; в его ограде была одна мечеть; Авриль насчитывает в нем до 2000 шалашей, построенных из камыша; по островам и берегам Волги, в окрестностях Астрахани, также видно было много ногайских поселений. Москвитяне, по словам Авриля, обходились с этими ногаями скорее как с союзниками, нежели как с подвластными людьми. Москва завязывала дружественные сношения и с калмыками, мирила их с ногаями. При Авриле первые каждую зиму уже мирно приходили из-за Яика к Астрахани и кочевали со стадами в степях между Астраханью и Каспийским морем. Этим гостей бывало больше 100 000. Авриль

* Hakluyt. Vol. I. P. 364: «At that time had been an easy thing to have converted that wicked nation to the christian faith, if the Russes themselves had been good christians».

** Olearius. P. 319. «C'est pourquoi les Moscovites les appellent Poloutski, c'est à dire des vagabonds».

*** Hakluyt. Vol. I. P. 473; Olearius. P. 319, 320.

описывает, как астраханское начальство встречало «чудовищную» толпу этих «бродяг», шедших на зимовку к Астрахани. Едва заслышав об их приближении, воевода посылал к мурзам уверить их в скорой доставке гостинцев, а потом отправлял множество возов с хлебом, арбузами, водкой и табаком, что составляло как бы ежегодную дань кочевникам, к которой откупались от их разбоев. Зимой калмыки приходили в самую Астрахань и продавали здесь меха и лошадей с большой выгодой для астраханских купцов*.

Движение государства в степях, отдаленных от водных путей, шло, разумеется, медленнее, нежели по берегам больших рек. Направляясь из Астрахани к Москве, Аврий ехал от Саратова трое суток сухим путем, по пустыне, простиравшейся в длину миль на 40 или даже больше, в которой он нигде не встречал ни леса, ни человеческого жилья. Эта пустыня кончалась, не доходя несколько миль до городка Pinzer**. Но, начиная от этого места по направлению к Москве, путешественник встречал много городков и деревень. В этих местах, говорит Аврий, землю стали обрабатывать с недавнего времени. В последние войны с Польшей москвитяне брали множество пленных, которых и поселили в этом крае; им давали здесь нетронутые земли для расчистки и обработки, и теперь, добавляет Аврий, эти земли принадлежат к лучшим в государстве***.

Государство, а за ним и русское народонаселение утверждалось более и более в приволжских степях. Иностранцы путешественники XVI и XVII вв. живыми чертами рисуют этот полумагометанский, полужыгический приволжский мир: видно, что это был тогда еще первобытный, темный мир, которого едва начинало касаться влияние гражданственности и культуры. Во второй половине XVI в. приволжские татары смеялись над христианами за то, что они едят верхушки травы и пьют сделанные из них напитки****. Для нас особенно любопытны немногие указания на следы, которые оставляло здесь влияние завладевшего этим миром государства. В первой половине XVII в. самым

* Avrii. P. 100.

** Не Пенза ли, которая означена и на карте Аврия вместе с Verchnilomen, Саранском и Кадомом.

*** Avrii. P. 152, 153.

**** Nakluyt. I. P. 363.

употребительным языком в приволжском крае был русский. Астраханские ногаи были магометане, но, по свидетельству Олеария, было довольно и таких, которые принимали от москвитян христианство. Есть, впрочем, некоторые любопытные известия другого рода, показывающие, как дикие обитатели приволжских степей и лесов относились к обычаям и понятиям соседнего христианского народа. Олеарий передает свой любопытный религиозный разговор с черемисом, которого он встретил в Казани, — с человеком бывалым и неглупым, знавшим русский язык. Олеарий сказал ему, что безумно поклоняться животным и другим тварям, как делают его соплеменники. Черемис отвечал на это, что поклоняться животным все-таки лучше, нежели деревянным расписанным богам, которые висят на стенах у москвитян*. Проезжая из Саратова страню мордвы, иезуит Авриль жалуется на недостаток в москвитянах ревности к обращению этих язычников, на то, что мордва, спокойно живя в своих лесах, доселе остается погруженною во мрак идолопоклонства, и никто не даст себе труда извлечь ее из него. Но влияние соседнего народа проникло и сюда: накануне Николина дня мордва пьянствовала, как и москвитяне**.

* Olearius. P. 281, 283. Я спросил его, говорит Олеарий, может ли он сказать мне, кто создал небо и землю. Собеседник отвечал: «Zort tsnait».

** Avril. P. 154.156.

х. ГОРОДА ⁴⁸

Между тем как с распространением Московского государства и народа строились новые городки в пустынных отдаленных местах, иностранные известия показывают, в каком незавидном положении находился город в старых областях государства⁴⁹. Мы видели, какие особенности должны были броситься в глаза западному европейцу в северо-восточной Европе: в форме поверхности преобладание равнины и леса, в форме жилых мест преобладание села, деревни. Россию и доселе называют странюю сел и деревень; там лучше шло это название к Московскому государству XVI и XVII вв.: Когда-то скандинавские сказания называли полосу земли по водному пути «из варяг в греки» «странюю городов»; и в XVI в. эта речная полоса не теряла права на такое название; к ней присоединились еще другие речные полосы со многими городами, и иностранцы XVI в. не могли не заметить, что наибольшее количество городов, и наиболее значительных, лежит по большим рекам — Днепру, Оке, Волге; но назвать всю область Московского государства странюю городов в XVI в. было бы слишком неточно, как по отношению количества городов к пространству страны, так и по характеру самих городов, из которых многие и очень многие только носили громкое имя города, но имели вид и значение большого села. XV и XVI века были временем политического упадка старых русских городов вследствие новых исторических условий, среди которых они тогда очутились. Старинные веча этих городов давно замолкли; дольше всех слышался

их голос в Новгороде и Пскове; наконец пали и эти последние остатки вечевого быта, один в конце XV, другой в начале XVI в. В то же время в них происходит усвоение чужих форм устройства, различных по различию исторических судеб, которые они испытали. Эти исторические судьбы разделили их на две стороны: одни пристали к Литве и потом соединились с Польшей, другие отошли к Московскому государству. Этим определились и те формы устройства, которые они должны были принять волей или неволей со стороны, так как свои оказались несостоятельными или несогласованными с теми новыми началами, которым они должны были подчиниться. Западные и юго-западные города через Польшу принимают во второй половине XV и в первой XVI в. Магдебургское право⁵⁰; Новгород и Псков принимают устройство низовых городов Московского государства. Но одновременно с тем, как падают старые вечевые города, в северо-восточной России поднимаются новые, великокняжеские. Во главе последних явилась Москва, которая как по географическому положению, так и по значению стала центром государственного развития.

Почти все иностранцы, писавшие о Московском государстве, сообщают нам более или менее подробные известия о его столице, самое обстоятельное описание ее в XVI в. находим у Герберштейна, который приложил к своим комментариям и план Московского Кремля⁵¹. По словам последнего, город Москва лежит далеко на восток, и если не в Азии, то по крайней мере на самом краю Европы. Иовий говорит, что по выгодному положению своему в самой населенной стране, в середине государства, по своему многолюдству и удобству водяных сообщений Москва есть лучший город в государстве, преимущественно пред другими заслуживает быть его столицей и, по мнению многих, никогда не потеряет своего первенства. Так думали в XVI в. московские люди и думали справедливо; только относительно удобств водяных сообщений Герберштейн замечает, что судоходство по Москве-реке, между городами Москвой и Коломной затрудняется извилинами реки. Самый город весь почти деревянный и очень обширен, но издали кажется еще обширнее. Это происходит оттого, что почти при каждом доме есть обширный сад и двор; кроме того на краю города длинными рядами тянутся здания кузнецов и других

мастеров, употребляющих огонь при своих работах; между этими зданиями также находятся обширные поля и луга. Поссевин приблизительно определяет пространство, которое занимала Москва до сожжения ее татарами (в 1571 г.), в 8000 или 9000 шагов. По Флетчеру, она имела тогда до 30 миль в окружности. Этим объясняется, почему Меховский говорит, что Москва вдвое больше Флоренции и Праги, а англичанам, приезжавшим в Россию в 1553 году, она показалась с Лондон*. Флетчер считает Москву со слободой Наливки даже больше Лондона. С начала XVI в., кажется, стало заселяться и Замоскворечье: по словам Герберштейна, за несколько лет до его приезда в Москву великий князь Василий велел построить там новую слободу Нали (от слова «налей», infunde) для своих телохранителей, которым позволено было держать и пить водку, мед и пиво во всякое время, тогда как прочим жителям это разрешалось только в большие праздники; поэтому, чтобы другие не заражались примером государственных телохранителей, последним выстроили жилища за рекой, вне города. Гваньини прибавляет к этому, что здесь же имели пребывание наемные солдаты и приезжие иностранцы, которые пользовались тою же привилегией относительно питья. Город широко раскидывался большею частью по ровной местности, не сдерживаясь никакими пределами, ни рвом, ни стенами, никакими другими укреплениями. Улицы на ночь загораживались поперек положенными бревнами**, как только зажигались вечером огни, около этих загородок становились сторожа, которые никому не позволяли ходить по улицам позже урочного часа, а кто попадался, того караульные били и обирали или бросали в тюрьму. Но если шел ночью какой-нибудь известный и знатный человек, сторожа провожали его до дома. Ходить ночью по городу позволено было только по крайней нужде и непременно с фонарем. Такие же сторожа ставились по той стороне города, с которой находился открытый вход в него, потому что с других сторон город окружен реками Москвой и Яузой; через последнюю трудно было переходить, по высоте ее берегов; на ней стояло множество мельниц. На Москве-реке было несколько мостов. Зимой, когда она покрывалась твердым льдом, купцы

* Лондон в XV в. имел не больше 50 000 жителей.

** «Решетками», которые заведены в Москве в 1494 году.

ставили на нем свои лавки, прекращая почти совсем торговлю в городе. Сюда свозили на продажу хлеб, дрова, сено и битую скотину. Любо смотреть, восклицает Контарини, на это огромное количество мерзлой скотины, совсем уже ободранной и стоящей на льду на задних ногах. Здесь же происходили конские скачки и другие увеселения, откуда многие возвращались с сломанными шеями. Город в дождливое время был очень грязен, потому на площадях и улицах строились кое-где мосты. По словам Климента, улиц было очень много, но расположены они беспорядочно. Флетчер упоминает о мостовой, состоявшей из обтесанных бревен, положенных одно подле другого без всякой связи. Среди города стоит крепость, омываемая с одной стороны рекой Москвой, а с другой — Неглинной, которая вытекая из болот, у верхней части крепости разливалась в виде пруда, вытекая отсюда, наполняла рвы крепости, на которых стояли мельницы, и наконец под самую крепость впадала в Москву. Крепость очень велика: в ней, кроме обширных дворцовых зданий, находились дома митрополита, братьев великого князя (по известию Герберштейна), вельмож и многих других лиц; кроме того в ней было много церквей, так что все это вместе давало крепости вид отдельного, довольно значительного города. В XV в., по словам Барбаро, крепость со всех сторон окружена была рощами, но писатели XVI в. о них не упоминают. Путешественники XV в. не сообщают никаких известий о стенах крепости. Герберштейн говорит, что до Иоанна III она окружена была бревенчатыми стенами; но мы знаем, что каменную стену начали строить еще при Дмитрие Донском и после неоднократного обновляли. По известиям XVI в., крепость окружала кирпичные стены с башнями и бойницами, построенные итальянскими мастерами, о чем Поссевин прочитал надпись над одними из кремлевских ворот, под образом Богоматери. Во время пребывания Ченслера в Москве, здесь строились стены из кирпичей в 18 футов толщиной. По известиям конца XVI в., к главной крепости, называвшейся Большим городом, примыкал Китай-город*, также обнесенный стенами, в котором Поссевин видел новые лавки (вероятно, вновь построенные после 1571 года), расположенные улицами, по

* Построен в 1534 году.

родам товаров; но эти лавки были так малы, что, по выражению Поссевина, в одном венецианском магазине найдется больше товаров, нежели в целом ряду московских лавок. Барбаро и Контарини говорят, что все здания в Москве деревянные, хотя последний застал уже здесь Аристотеля⁵², и с конца XV века столица начала украшаться каменными зданиями. Впрочем, каменные постройки и распространялись медленно. В первой половине XVI в. на посаде было очень немного каменных домов, церквей и монастырей; даже в Кремле дома и церкви были большею частью деревянные; из церквей каменные были Архангельский и Успенский соборы. При Герберштейне начинали строить и другие каменные церкви. Во второй половине XVI в. их было уже довольно, но из домов вельмож было только три каменных. Всех церквей в Кремле, по показанию того же иностранца, было 16. На посаде было много церквей, и многие из них, по словам Поссевина, стояли, кажется, больше для украшения города, нежели для богослужения, потому что большую часть года были заперты. Дома были не очень велики и внутри довольно просторны, отделялись друг от друга длинными заборами и плетнями, за которыми жители держали весь домашний скот, что, говорит Поссевин, дает вид наших сельских домиков. Дома строились очень скоро и дешево; порядочный дом можно было построить рублей за 20 или 30. Герберштейну сказали, что в Москве всех зданий более 41 000; но он сам называет это число едва вероятным. Это показание повторяет и Флетчер. О числе жителей в Москве у Герберштейна нет известия; по показанию Поссевина, их считалось не более 30 000; но при Поссеvine, 11 лет спустя, после разгрома 1571 года⁵³, Москва была далеко не тем, что была она при Герберштейне. Вокруг города видно было несколько монастырей, из которых каждый казался издали небольшим городом. Город со всех сторон окружен был пространными полями, за которыми видны были обширные леса*.

С большими подробностями говорят о Москве путешественники XVII века. Иностранцы с любопытством осматривали этот большой город, давший имя

* Барбаро. С. 58; Контарини. С. 108 и след.; Кампензе. С. 23; Иовий. С. 33-37; Herberstein. P. 45, 46; Clemens Adam. P. 147; Guagnini. P. 155; Possevino. P. 14-17; Флетчер. Гл. 4.

целой стране, тянувший к себе всю ее жизнь. Наиболее полное описание Москвы в XVII в. находим у Олеария и Таннера. Москва лежала в самой середине государства, почти в равном расстоянии от всех границ, приблизительно во 120 милях, по показанию Олеария. Издали Москва производила выгодное впечатление на путешественника своими бесчисленными церквями и белыми стенами Кремля, возвышавшимися над громадной черной массой домов. Авриль замечает, что вид на Москву издали есть одно из прекрасных зрелищ, когда-либо им виденных, по величине и великолепию города. Но очарование исчезало, как скоро путешественник въезжал в самый город: ему представлялись здесь неправильные неопрятные улицы, маленькие церкви и множество невзрачных, бедных домиков; город, по замечанию Олеария, казавшийся издали великолепным Иерусалимом, внутри являлся бедным Вифлеемом. Улицы были широки, но неровны и большею частью немощены; в ненастное время на них вязли по колено в грязи, хотя кое-где клались, как ни попало, бревна и небольшие мосты. Некоторые улицы вымощены были досками и круглыми бревнами, положенными поперек улицы с насыпанной в промежутках землей; оттого по ним обыкновенно ездили на некованых лошадях. По замечанию Рейгенфельса, на этих улицах в летнее время было или пыльно, или грязно, но зато зимой — гладь. Только при кн. В. В. Голицыне⁵⁴ и по его распоряжению весь город был вымощен досками; он со времени опалы этого вельможи мостовая его, по словам Невиля, поддерживалась только на главных улицах. Неопрятность улиц заставляла иногда принимать меры, которые очень удивляли иностранцев: во время крестных ходов впереди духовенства и образов шло до 130 человек с метлами, которые расчищали улицы и усыпали их песком. Путешественники XVII в. говорят, что город наполнен деревянными домами. Дома казались иностранцам низкими и некрасивыми, строились обыкновенно в два жилья, из сосновых или еловых брусьев, крылись тесом или берестой, которую иногда обкладывали сверху еще дерном. Только у вельмож, некоторых богатых купцов и немцев были каменные дома, но с маленькими окнами, к которым приделывались жестяные или железные ставни, для защиты дома на случай пожара. С той же целью дома ставились на

большом расстоянии один от другого; при каждом был обширный двор и сад. Каменные постройки особенно усилились во второй половине XVII в. Мейерберг говорит, что с некоторого времени появилось в городе значительное число каменных зданий; особенно распространял каменные постройки в Москве В. В. Голицын; при нем, по свидетельству Невиля, построено было в Москве больше 3 000 каменных домов. Впрочем, распространению каменных домов мешало между прочим и то, что они считались нездоровыми; оттого каменные стены внутри комнат обшивали тесом, подкладывали под него мох. Украшением улиц и всего города были церкви. В начале XVII в., по свидетельству Маржерета, было еще очень много деревянных церквей, хотя, добавляет тот же иностранец, с некоторого времени построено довольно и каменных. Во второй половине XVII в., если верить Рейтенфельсу, почти все церкви были уже каменные. Каменные церкви были все круглые, пятиглавые с широкими куполами, покрытые жстью. Колокола помещались и на колокольнях, и внизу в церковной ограде, на столбах; Олеарий говорит даже, что чаще встречалось последнее. При каждой церкви было по крайней мере 6 колоколов, но большею частью они весили не более 4 или 5 пудов. Иностранцев изумляло множество церквей в Москве; весь город наполнен ими, говорит Таннер; сами жители сознаются, что они не знают точного их числа; по свидетельству Олеария, на каждые пять домов приходилось по церкви. Всех церквей в городе и предместьях с монастырями считали во время Олеария больше 2000*. Такое множество церквей Олеарий объясняет тем, что в Москве всякий сколько-нибудь знатный господин имел при доме свою церковь, где он один только со своими родственниками слушал божественную службу. Впрочем, церкви были очень небольшими; многие имели, по словам Олеария, не более 15 пядей в ширину. Не меньше изумляла иностранцев и обширность пространства, на котором раскинулась Москва. В XVII в. это пространство далеко не могло равняться тому, какое занимала Москва в половине XVI в.: такие годы, как 1571 и 1611, не могли не оставить на городе глубоких следов, которые трудно было загладить⁵⁵. С трудом поправлялась Моск-

* По Буссову по крайней мере 3000, по Петрею даже около 4500, по Таннеру и Штраусу 1700, по Корбу больше 200.

ва, но уже не достигала прежних объемов: до конца XVII в. мы встречаем у иностранцев замечание, что, по словам самих жителей Москвы, прежде она была гораздо обширнее и многолюднее. Несмотря на это, и в XVII в. город был очень обширен и принадлежал к числу самых больших городов Европы*; по свидетельству Олеария, он имел в окружности около 3 миль, а по Мейербергу — около 19 верст**. О размерах города можно заключить также по числу домов, какое показывают иностранцы XVII в., и по обширности пустых мест между домами и улицами. Несмотря на разгром 1611 года, уже во второй четверти XVII в. в Москве считалось более 40 000 домов. Писатели второй половины XVII в. показывают еще больше: по Лизеку, домов в Москве было больше 42 000, а по Штраусу — около 95 000. О числе жителей также имеем несколько несходных показаний; но все почти иностранцы говорят, что оно соответствовало обширности города. Из одного места в летописи Буссова видно, что до польского разгрома в Смутное время не только русские, но и поляки полагали в Москве около миллиона жителей. Позднейшие известия значительно уменьшают это число: по Рейтенфельсу и Аврилю, жителей в Москве было около 600 000, по Невиллю — от 500 000 до 600 000. Кроме русских, в Москве жило очень много греков, персиян, немцев, турок и татар, но жидов не было вовсе, ибо их не терпели не только в столице, но и в пределах государства.

История государства положила резкую печать на всю физиономию его столицы, на ее расположение и укрепления: видно было, что этот город рос медленно, расширяясь от центра во все стороны, захватывая окрестные селения, слагался под влиянием постоянных внешних опасностей. По описанию Олеария, город состоял из 5 главных частей; три из них имели вид особых городов, огибавших один другой: это были Китай-город с Кремлем, Белгород, и Земляной город. Китай-город занимал середину и был окружен толстою каменною стеной, которую называли Красной стеной. С юга эту часть омывала река Москва, а с севера — Неглинная. Почти половину Китай-города занимал

* Olearius: «Il est certain, que c'est aujourd'hui une des plus grandes villes de l'Europe».

** Буссов говорит, что до пожара в 1611 году столица имела в окружности больше 4 миль (Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. I. С. 208).

царский замок Кремль*, он расположен в самой середине города, составляя как бы его сердце, по выражению Таннера, и окружен был тройною толстою каменною стеною и глубоким рвом**. В Кремль вели 5 ворот; те, которые выходили в Китай-город и Белгород, затворялись каждые тремя дверьми. У этих ворот, с внешней стороны Кремля, сделаны были через ров мосты на сваях. Под одними из ворот, ведущих в Китай-город (Флоровскими), возвышалась башня с часами, показывавшими время по московскому счислению; когда царь уезжал из Кремля, эти ворота запирались. В самом Кремле внимание наблюдателя прежде всего останавливали на себе две башни, возвышавшиеся на середине его: одна из них, Иван-Великий, очень высокая, со множеством колоколов***, другая была замечательна по висевшему на ней громадному колоколу, слитому при Борисе Годунове и имевшему 346 центнеров веса; в него звонили только по большим праздникам и во дни придворных торжеств; его раскачивали 24 человека, которые стояли внизу, на площади****. В Кремле было два монастыря, мужской и женский, и больше 50 каменных церквей; Коллинс насчитывает их даже до 80; башенки на них, как на Ивановской колокольне, покрыты были густо вызолоченною медью, которая, блестя на солнце, представляла издали очень красивый вид. В углублении Кремля расположены были многочисленные царские палаты; перед ними, на Красной площади, Таннер видел до 200 пушек, составленных рядами; незадолго до Олеария построен был великолепный каменный дворец (Теремный) в итальянском вкусе, но царь продолжал жить в деревянных хоромах, находя их более здоровыми. В Кремле же находились дома многих бояр*****; но выше всех их поднимались великолепные каменные палаты патриарха, находившиеся подле царского двор-

* Иначе называемой у Олеария и других Крым-город.

** Таннер принял этот ров за другой рукав Неглинной.

*** По описанию Таннера, на этой колокольне было 37 колоколов, висевших по окнам четырех ярусов колокольни в гармоническом порядке; подробности см. у Таннера на с. 59—61.

**** При Алексее Михайловиче слит был другой колокол, еще больше, под которым, говорит Мъез, могли поместиться 40 человек. Из этого колокола при Анне Иоанновне слит был тот, который ныне лежит около Ивановской колокольни (Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. 5. Примеч. 59). Рейтенфельс видел второй колокол и говорит, что он весил 320 000 фунт.

***** При Коллинсе здесь были хоромы Черкасского, Морозова, Трубецкого, Милославского, Одоевского и др.

ца. Кроме того, в Кремле находилась царская казна, провиантский и пороховой двор и приказы, большая часть которых расположена была между Спасскими воротами и Архангельским собором; при В. В. Голицыне здесь построено было огромное здание для приказов, состоявшее из четырех корпусов, со множеством зал*. Вся крепость застроена была царскими и боярскими хоромами, церквями и другими зданиями, так что в ней почти не оставалось пустого места. Кроме царской придворной службы, в Кремле находилось постоянно, по свидетельству Лизека, до 20 000 царских телохранителей**.

Вне Кремля, в отделении Китай-города, внимание иностранцев прежде всего останавливала на себе церковь Св. Троицы (Василий Блаженный), которую московские немцы называли обыкновенно Иерусалимом; она удивляла иностранцев оригинальностью своей архитектуры, и некоторые называют ее очень изящной. Подле этого храма, на площади, лежали на земле две огромные пушки, обращенные на плавучий московский мост и на улицу, откуда обыкновенно нападали татары. Прямо перед замком находился обширный рынок, главный в городе, со множеством купеческих лавок. Этих лавок считали здесь до 40 000; они наполняли рынок и все соприкасавшиеся с ним улицы; для каждого товара назначены были особые места и лавки. Торговки холстом помещались на середине рынка***. Перед самым Кремлем, на обширной четырехугольной площади, не позволялось ставить лавки; но здесь кипела разносная торговля. Корб пересчитывает следующие ряды с товарами, расположенными один за другим по направлению от Кремля: 1) шелковый, 2) суконный, 3) серебряный (с золотыми и серебряными вещами), 4) меховой, 5) сапожный, 6) холстинный, 7) ряд, где продавались образа ****, 8) ряд готового

* Прежде приказы помещались «dans quelques granges», по выражению) Невилля

** Дома патриарха и бояр исчезали в массе дворцовых зданий, так что нам понятна неточность некоторых иностранцев, говоривших, что весь Кремль есть не что иное, как дворец царя: «Cremelinum civitas est, quam solus czarus inhabitat». Lyseck. P. 62.

*** Olearius, P. 108; «Ouisse trouve enconq une autre sonte de marchandes, qui tiennent des bagues dans la bouche et debitent avec leurs turquoises une autre marchandise que l'on ne voit point». Cp. Tanner. P. 64.

**** Таннер определяет положения последнего: «Est platea perampla, quam ipse dux quoquoersum pergat, petransit; haec a Krimogorod porrigitur, non aliis quam pictoribus habitata. Hi quia divorum effigies venales faciunt, platea Divina dici meruit a Moscicis». P. 64.

платья, 9) овощной, 10) рыбный, 11) птичий. Были и другие товары, для которых также назначены были особые места. На обширном ровном месте между храмом Св. Троицы и Красной стеной, по направлению к Москве-реке, находился обширный гостинный двор, называвшийся Персидским, который был наполнен лавками персиян, армян и татар, числом до 200, с золотыми и серебряными изделиями, драгоценными камнями и другими восточными товарами. Около этого двора, в Красной стене, находились ворота, которые вели к плавучему мосту на Москве-реке. Кроме этого Персидского двора, в Китай-городе было еще два гостинных двора для иностранных купцов: в одном, старом, продавались, по словам Рейтенфельса, товары для ежедневного употребления; в другом, новом и самом обширном, помещались немецкие товары и платилась весчая пошлина. Эти три двора были каменные. В другой части Китая, с той стороны, где он омывался рекой Неглинной, находилось до 200 погребов с медами и заграничными винами. Около Казанского собора Олеарий указывает ножевой ряд*. Здесь же, близ площади, находился городской суд. Неподалеку от Посольского двора находилось место, уставленное множеством хижинок и называвшееся вшивым рынком; здесь производилась стрижка волос, которые лежали тут кучами, так что, говорит Олеарий, проходя этим рынком, ступаешь точно по подушкам. На Красной площади всего стояло до 200 извозчиков с маленькими санями или тележками в одну лошадь. Площадь с утра до вечера кипела народом; более всего было на ней, замечает Олеарий, холопей и праздношатающихся. Особенно оживлены были те места, где продавали нитки, холсты, кольца и т. п. товары; женщины, продававшие и покупавшие эти товары, по словам Олеария, подымали такой шум, что с непривычки можно было подумать, что горит город или случилось что-нибудь необыкновенное. Иностранцы второй половины XVII в. говорят, что почти все здания в Китае были каменные; между ними особенно отличались размерами и красотой Посольский двор, здание типографии, Греческий двор, также вышеупомянутые гостинные дворы и дома некоторых вельмож, например князя Грузинского и др. В Китае жило много бояр, а также

* Olearius. P. 256: «Auprès de la rue, où les marchands coustelliers ont leurs boutiques».

гостей или лучших купцов. При Маскевиче Красная стена имела 6 ворот, а на ней было 10 башен; на башнях и по стене расставлено было множество пушек. Улицы в Китае, как и в других частях Москвы, вымощены были круглыми бревнами; только две главные — одна против Спасских ворот, по которой обыкновенно царь выезжал из города, а другая у посольского дома — выложены были обтесанными брусьями.

Вторую часть города составлял Белгород; по словам Таннера, прежде он назывался Царевым городом*. Белым же стал называться с того времени, как были поправлены и выбелены его стены. Эта часть Москвы огибала в виде полумесяца Китай-город с Кремлем и окружена была высокою и толстою каменною стеной, которая называлась Белой; эта стена шла от Москвы-реки вокруг Красной и Кремлевской стены, пересекая реку Неглинную, и наконец возвращалась к Москве-реке по другую сторону Кремля. По свидетельству Таннера, Белгород был впятеро больше Китая. В этой части города жило много князей и бояр, сыновей боярских, или дворян, значительных купцов и ремесленников, особенно булочников; каждый ремесленник вывешивал на окна вещь, указывавшую на его ремесло: сапожник вывешивал сапог, портной лоскутки разных материй и т. п. Между ремесленниками, делавшими обувь, особенно много было таких, которые плели лапти для простого народа. Здесь было много мясных лавок, распространявших невыносимый запах от множества испорченного мяса, которое лежало перед лавками на солнце непокрытым. Здесь находился скотный рынок и было много кружал с водкой, медом и пивом, а также множеством лавок с квасом, мукой и другими товарами. Кроме лавок здесь было два больших завода, один пороховой, другой литейный, на котором лили пушки и колокола; место на берегу Неглинной, где стоял этот завод, называлось Поганым прудом. Недалеко от него, на другой стороне Неглинной, находились две царские конюшни, в которых содержалось до 1000 лошадей; там же была аптека и две тюрьмы, в которых, по свидетельству Таннера, всегда сидело до 2000 пленных турок, татар и др. Остальное пространство Белгорода застроено было церквями, домами разных служилых

* Маскевич называет его еще Ивангородом. Ср. «Домашний быт русских царей» И. Забелина. С. 16.

и посадских людей, с обширными садами; между этими домами было много красивых каменных и деревянных, принадлежащих боярам и немцам; при Рейгенфельсе особенным изяществом архитектуры отличались палаты Артамона Сергеевича Матвеева*. Ряды зданий начинались на значительном расстоянии от стен; незастроенными оставались также небольшие площади у ворот, которые вели в Кремль и Китай-город.

Третья часть города называлась Скородомом; она огибала Белгород с востока, севера и запада; через нее протекала река Яуза. До пожара в 1611 году Скородом был обнесен деревянной стеной, тянувшейся миль на 7 (35 верст), как сказывали Маскевичу, и в три копья вышиной. Эта стена простиралась и за Москву-реку, так что последняя пересекала ее в двух местах. Эта деревянная ограда имела множество ворот, между которыми возвышались на ней по две и по три башни, и на башнях стояло по 4 и по 6 больших орудий, кроме полевых пушек, которых было на стене так много, что и перечеть трудно, по выражению Маскевича. Вся ограда была обшита тесом: башни и ворота, весьма красивые, стояли, вероятно, много трудов и времени, добавляет Маскевич. Церквей было здесь множество, каменных и деревянных, — и все это, самодовольно восклицает Маскевич, в три дня обратили мы в пепел! При царе Михаиле (в 1637) вместо сгоревших стен насыпан был высокий земляной вал, который, по словам Коллинса, обложен был досками и бревнами; с того времени Скородом стал называться Земляным городом. Подле вала шел глубокий ров, наполненный водой**. Таннеру сказывали в Москве, что этот вал простирался миль на 5. Скородом был самую большою частью города, но зато много уступал двум описанным частям и в красоте зданий и в зажиточности населения. Он был густо застроен бедными деревянными домиками, в которых жили мелкие ремесленники и другие посадские люди; кроме них в Скородоме жило очень немного служилых людей низших чинов. Здесь находились рынки, на которых продавали лес и готовые дома; эти рынки были завалены

* Любопытное описание внутреннего убранства палат Матвеева см. у Лизека на с. 75 и след.

** Следы прежних деревянных стен видны были еще при Таннере при Корбе Земляной город окружен был тыном и валом.

дровами, бревнами, досками, даже мостами, башнями и домами, совсем уже готовыми.

Три описанные части находились в прямой связи между собой и составляли собственно город. К ним примыкали еще две части, расположенные отдельно; это были слободы Стрелецкая и Немецкая. Основанием Стрелецкой слободы послужила слобода Налейки, или Наливки, построенная великим князем Василием Ивановичем для иностранных солдат; потом на другой стороне Москвы-реки, против Кремля и Китая-города; со стороны последнего к ней вел плавающий мост на судах. Стрелецкая слобода подразделялась на 8 частей; с одной стороны ее в виде полумесяца огибала Москва-река, а с других сторон она окружена была валом и деревянными укреплениями, которые соединялись с укреплениями Земляного города. Стрелецкая слобода была передовым укреплением Москвы против крымских татар, которые с этой стороны производили свои нападения на столицу. Кроме стрельцов, в Стрелецкой слободе жили мелкие торговцы и другие люди из простого народа. Подле слободы, по берегу Москвы-реки, тянулись длинные сады и обширные луга, на которых паслись царские кони.

В версте от Скородома, за Покровскими воротами, находилось другое предместье, составлявшее 5-ю часть Москвы и называвшееся Немецкою слободой, или Кокуем. Эта слобода отделялась от Скородома небольшим полем и состояла из деревянных домов немецкой архитектуры. Таннер передает слышанные им в Москве рассказы о возникновении этой слободы. Когда иноземные солдаты и мастера, привлеченные в Москву, не могли мирно ужиться с москвичами в самом городе, их поселили за Москвой-рекой в слободе Наливках. Но иноземцам и там не дали покоя: москвичи постоянно кололи им глаза названием их нового местожительства, упрекая их в пьянстве; чтобы избавиться от насмешек и оскорблений, иноземцы выпросили у царя позволение поселиться в другом месте подле города. Здесь они построили несколько красивых деревянных домиков, и это новое поселение названо было Немецкою слободой, которая, по словам Таннера, вполне имела вид и устройство маленького немецкого городка. Незадолго до приезда Олеария туда же переселены были, вследствие разных неприятностей, иноземные купцы и офицеры, жившие прежде

в Белгороде. Олеарий рассказывает, что жены иноземных купцов, не желая уступить женам иноземных офицеров, которые большею частью были прежде служанками, однажды подрались с последними в лютеранской церкви, находившейся в Белгороде, вследствие чего патриарх приказал перенести их церковь в Скородом. К этому присоединились и другие неприятности. Чтобы не подвергаться насмешкам и оскорблениям со стороны москвичей, иноземцы, по словам Олеария, стали одеваться по-русски; но патриарх, заметив при одном церковном торжестве, что иноземцы, вмешавшись в толпу русских, непочтительно относятся к обрядам православной церкви, испросил у государя указ, чтобы иностранцы ходили в своем, а не в русском платье. Тогда иноземцы стали подвергаться еще большим насмешкам и обидам со стороны русских, и чтоб избавиться от этого, выселились, с разрешения царя, из города и основали особое предместье, Иноземную слободу, подле старой Немецкой, с которой она скоро и слилась в одно предместье*. Население Немецкой слободы представляло довольно пеструю смесь наций и вероисповеданий. Больше всего было немцев-лютеран: Олеарий говорит, что их было больше 1000 семейств. Они пользовались свободой богослужения и имели два храма. Были также кальвинисты разных наций; у них был один храм**. Меньше было католиков, итальянцев и французов; они не пользовались правом публично отправлять свое богослужение и не имели храма. Иностранные писатели говорят единогласно, что в Москве ни к каким иностранцам не относились с таким отвращением и недоверием, как к католикам. Многие из иностранцев принимали в Москве православную веру. Рейтенфельс указывает около Немецкой слободы особое предместье Басмановку, где жили иностранцы, принявшие русскую веру, отчего это предместье и называлось «слободою перекрестов». По словам Таннера, большинство иностранцев Немецкой слободы носило платье немецких дворян; даже служанок своих русских или татарок они одевали по-немецки. Близ Немецкой слободы находились три завода — стеклянный, железоплавиль-

* О других причинах выселения немцев см.: Соловьев. История России. Т. IX. С. 423, 424.

** Так по Таннеру; Рейтенфельс говорит, что в Немецкой слободе было 3 лютеранских храма и 2 кальвинских.

ный и бумажный, последний на реке Яузе; на них работали иностранцы. На равнине около Немецкой слободы при Алексее Михайловиче были два больших красивых сада, куда царь, по словам Таннера, каждую неделю ездил гулять в хорошую погоду.

Иностранные писатели не сообщают нам подробностей об экономической жизни столицы, об интересах и отношениях различных классов ее населения; но у них есть заметки о повседневной жизни этого города, как она являлась на улице; они указывают на обычные явления этой жизни, которые помогают измерить уровень общежития и гражданственности в образцовом городе Московского государства. День начинался рано; летом с восходом солнца, а зимой еще до света пробуждалось городское движение; в Китай-городе раздавался уже среди толпы набат боярина, ехавшего в Кремль ударить челом государю. Москвитяне, замечает Невиль, любят ходить пешком и ходят очень быстро. Но это замечание могло относиться только к людям из простого народа: служилый человек считал неприличным для своего звания являться на улицу пешком; даже отправляясь недалеко, дома за три, он брал лошадь и если не ехал на ней, то приказывал вести ее за собой. Летом боярин ездил обыкновенно верхом, а зимой в саних, запряженных в одну рослую, обыкновенно белую лошадь, с сороком соболей на хомуте; ею правил конюх, сидя верхом без седла. Сани выстилались внутри медвежьей шкурой, у богатых белой, у других черной; о коврах не было и помину. Передки у саней были обыкновенно так высоки, что из саней едва можно было видеть голову конюха. Множество слуг провожало боярина; одни стояли на передках, другие посредине, боком к боярину, а некоторые сзади, прицепившись к саням. Летом впереди боярина, ехавшего верхом, также шло много слуг. Еще пышнее и наряднее являлась на улице благородная женщина, зимой в саних, летом в небольшой колымаге, покрытой красным сукном и запряженной также в одну лошадь, увешанную мехами или лисьими хвостами, что считалось лучшим украшением лошади, хотя, по отзывам иностранцев, это давало ей странный, безобразный вид. На лошади сидел парень в косматом полушубке и часто босоногий. В экипаже сидела дородная госпожа в широкой, нигде не стянутой одежде и так густо набеленная, что с первого

взгляда, по замечанию Таннера, можно было подумать, что лицо ее обсыпано мукой*. В ногах у нее помещалась служанка, заменявшая для нее скамейку**. Все это в соединении с тряской, какую производила московская мостовая, делало из поезда дородной госпожи картину, потешавшую иностранца***. Знатную бо-яриню провожала многочисленная толпа слуг, часто доходившая до 30—40 человек. Еще большей странностью поражало иностранца появление в городе царицына поезда. Когда, говорит Маржерет, царица прогуливается, за ее каретою следует несколько женщин, которые сидят на лошади верхом, как мужчины: на них белые поярковые шляпы, похожие на епископские клобуки, длинные платья из алой материи, с большими рукавами шириною более 3 футов. — Хотя, говорит Невиль, в Москве более полумиллиона жителей, однако ж найдется не более 300 карет (колымаг); но зато там по всем площадям стоит более 1000 извозчиков с маленькими тележками или санями в одну лошадь; за деньгу, говорит Маскевич, извозчик скачет, как бешеный, с одного конца города на другой и поминутно кричит во все горло: гись, гись, а народ расступается во все стороны. Но в известных местах извозчик останавливается и не везет далее, пока не получит другой деньги. Встретясь с другим извозчиком, он согласится скорее сломать у себя ось или колесо, нежели свернуть с дороги. В полдень, в обеденное время, движение стихало, лавки закрывались; перед ними видны были спящие купцы или их приказчики. В это время ни с кем нельзя было вести никакого дела, все засыпало, как в полночь; нет, говорит Олеарий, москвитянина, какого бы ни был он состояния, который не спал бы после обеда. Много некрасивых явлений замечал иностранец днем на московской улице; особенно поражало его постоянное употребление бранных слов, хотя это было запрещено царским указом. По словам Олеария, по рынкам ходили особые пристава, которые хватили и тут же на месте наказывали виновного; но и они уставали нака-

* *Olearius*; «Elles (женщины) n'oublent point de se farder le visage, le col et les bras».

** *Tanner*; «In curru serva scabelli munus peragit, cui prakpinguis domina pro libito et commoditate pedes sous supra caput et humeros superproint».

*** *Ibiv.*; «Spectaculum perjucundum fuit videre, quod ad minutis simum quemlibet curruc motum foemineae pondus pinguedinis assidu agitaretur».

зывать на каждом шагу ругающийся и бранящийся народ. Еще больше темных явлений совершалось ночью. День оканчивался рано, как рано и начинался; длинная ночь, при плохом устройстве городской полиции, давала широкий простор для промысла лихим людям, которых много было в огромной столице Московского государства. Ночью на площадях и перекрестках стояла стража, смотревшая за тем, чтобы никто не ходил без фонаря; всякий, ехавший или шедший ночью без огня, считается воров или лазутчиком и немедленно отправляется в Стрелецкий приказ для розыска и расправы. Всякий раз, как били часы на Спасских воротах, стоявшие здесь караульчики ударяли палками по доске столько раз, сколько пробило часов. При домах бояр и богатых купцов также стояли сторожа, которые с прочими городскими дозорами, услышав стук у Спасских ворот, вторили ему, давая этим знать, что они не спят. Между тем иностранцы единогласно говорят, что в Москве не проходило ночи без убийств и грабежей; они указывают и на главную причину этих беспорядков. Дворяне, говорит Маржерет, измеряют здесь свое богатство числом служни, а не количеством денег; поэтому каждый из них держит множество холопей: по свидетельству Олеария, число их в некоторых боярских домах доходило до 100. Но господа не давали своим холопам пища, а платили им кормовые деньги и в таком малом количестве, что холопы едва могли кормиться на них и оттого часто промышляли дурными средствами. Ночные сторожа служили плохой помехой лихим людям, напротив, даже помогали им и делили с ними добычу. Еще менее можно было обижаемому ждать помощи от обывателей: ни один домохозяин, говорит Олеарий, не решится высунуть голову из окна, а тем менее выйти из дома на помощь человеку, подвергнувшемуся нападению ночных разбойников, боясь, что последние сделают и с ним то же или еще хуже, подожгут его дом. Коллинс указывает и на другое явление: обыватель боялся подать помощь умирающему, которого находил на улице, зная, что если застанут его около мертвого тела, сейчас поволокут в Земский приказ, а там скоро не разделаешься. Оттого ночью по Москве нельзя было ходить без оружия и провожатых. Почти каждое утро на московских улицах поднимали несколько трупов; количество их страшно уве-

личивалось в праздники и особенно на масленицу, когда к разбоям присоединялись многочисленные смертные случаи от пьянства. По замечанию Коллинса, в Москве не проходило масленицы без того, чтобы не поднимали на улицах от 200 до 300 человек, погибших от той или другой причины*. В праздники множество пьяных валялось по улицам, никто не прибирал их и на другой день многие из них оказывались мертвыми. Поднятые на улице трупы отвозили на двор Земского приказа, где выставляли их на три или четыре дня, чтобы родственники или друзья погибших могли взять и похоронить их; когда же никто не являлся, трупы отвозили в один «из убогих домов, бывших в Москве**»; там их складывали в общую яму, в конце мая отпевали и хоронили всех вместе, иногда трупов по 300, по словам Коллинса. Лихие люди часто прибегали к особенному средству поживиться на чужой счет: они поджигали дома зажиточных людей, прибегали на пожар будто для спасения имущества и воровали в обширных размерах. Оттого пожары в Москве чаще случались по ночам, вспыхивали вдруг в нескольких местах. Ночные убийства, воровство и пожары — вот обычные явления московской жизни, отмеченные иностранцами***. Кроме злого умысла, пожары происходили и от неосторожности. Записки иностранных путешественников о Москве наполнены известиями о пожарах. Не проходило почти недели без того, чтобы не сгорали целые улицы. Пожары были, так сказать, привычным, ежедневным явлением, к которому относились довольно равнодушно; если пожар истреблял сотню или две домов, о нем и не говорили много; только тот пожар считался в Москве большим и оставлял по себе память, который истреблял по крайней мере 7000 или 8000 домов. Приехав в Москву в 1634 г., Олеарий увидел в Белгороде обширные пустыри с остатками сгоревших зданий; незадолго перед тем пожар обратил в пепел до 5000 домов; погоревшие жили на пепелище в шалашах и палатках. Для пре-

* *Neuville*: «Le desordre est si grand dans ce temps lá que les étrangers qui logent dans le faubourgs n'oseroient quasi sortir et venir á la ville; car ils (москвичи) s'assomment comme des bêtes sauvages».

** См. об этих домах «Сказания современников о Димитрии Самованце». . I. Примеч. 41 и *Adelung*. «Uebersich» etc. Vol. II. P. 69.

*** В дневнике Корба постоянно встречаются известия о Москве вроде следующего: «*Exitiali incendio multae aedes perierunt; inventi etiam publicis in plateis duo Mosci quibus capita nefando crimine erant abscissa*».

дупреждения подобных несчастий ночью ходили по городу стрельцы и сторожа с топорами, которыми в случае пожара ломали соседние здания, домов 20, пока не доходили до ближнего угла или площади, и отвозили дерево дальше от огня; если же какое-нибудь здание надо было сберечь, его покрывали воловьей кожей, которую поливали водой. Впрочем, о сгоревших домах и не жалели много: что было дороже из имущества, хранилось в подземных кладовых, а дома скоро покупались совсем готовые на рынке, где их продавали тысячами; в короткое время и без особенных издержек их разбирали, перевозили в назначенное место и опять складывали. В Москве были плотники, которые в одни сутки ставили и отделявали дом. Легко понять, что это были за дома*. Лизек даже видел на рынке продававшуюся старую колокольню. Кроме того, в обширных лесных рядах продавалось столько строевого леса, что из него можно было, по выражению Мьежа, выстроить целый город**.

Первое место между городами Московского государства после столицы в XVI в. принадлежало Новгороду Великому. Ланнуа еще застал его таким, каким был он в лучшее время своей жизни, и так описывает его наружный вид: «Город необыкновенно обширен, расположен на прекрасной равнине, окруженной лесами; но огорожен он плохими стенами, состоящими из плетней (de cloyes) и земли, хотя башни на них каменные; на берегу протекающей среди города реки расположена крепость, в которой находится главная в городе церковь св. Софии; здесь живет епископ города»***. Одерборн говорит, что некогда одно имя этого города приводило в страх соседей, и что новгородская поговорка «кто против Бога и Великого Новгорода» очень часто повторялась у саксонцев. Иностранцы говорят об огромных богатствах независимого Новгорода, бывших следствием его обширной торговли: по словам Кампензе и Герберштейна, московский государь, завоевав Новгород, вывез оттуда более 300 во-

* Neuville: «Chacune des ces maisons ne vaut guères plus qu'une étable à cochon en Allemagne ou en France».

** Avril. P. 158. Маржерет. С. 34. Буссов. С. 79, 95, 100; Mayerberg. Vol. I. P. 42, 99. Carlisle. P. 80, 286. Olearius. P. 106, 256, 269, 158, 167, 25; Lyseck. P. 62, 95. Straus. P. 117—120. Neuville. P. 185, 198, 179, 189, 14, 190. Корб. P. 194. Маскевич. С. 64, 70—74; Таппер. P. 52; Коллинс. С. 175; Рейтенфельс. С. 18—24.

*** G. de Lannoу. P. 19.

зов, наполненных золотом, серебром и другими дорогими вещами. Несмотря на страшные бури, которые пронесли над Новгородом во второй половине XV в., в XVI в., его продолжают называть знаменитейшим и богатейшим городом Московского государства после столицы. К нему с большою справедливостью, нежели к Москве, можно было приложить замечания Иовия об удобстве водных сообщений, а англичане не без основания называли его лучшим торговым гордом в государстве: хотя государь, пишет Ченслер, утвердил свой стол в Москве, но положение при реке, открывающей путь к Балтийскому морю, дает Новгороду первенство перед столицей в торговле, привлекая к нему больше купцов. О наружном виде его в XVI в. иностранцы сообщают немного сведений. По словам Иовия, Новгород славился бесчисленным множеством зданий; в нем было много богатых и великолепных монастырей и изящно изукрашенных церквей. Здания, впрочем, почти все деревянные. Англичане доносили, что, уступая Москве в достоинстве, он значительно превосходил ее обширность. Новгородский кремль имел почти круглый вид и был окружен высокими стенами с башнями*; кроме собора и зданий подле него в которых жил архиепископ с духовенством, в нем почти не было других зданий⁵⁶. За год до приезда Поссевина в Новгород, один иностранный архитектор окружил Кремль новой, земляной стеною, на которой поставил несколько бойниц с пушками. В письме к начальнику иезуитского ордена Поссевин прибавляет, что в кремле, кроме упомянутых зданий, было еще несколько деревянных хиженок, а около города по Ильменю и с других сторон было много монашеских обителей; Поссевин считает в Новгороде в мирное время не более 20 000 жителей: такова была разница между Новгородом XVI и Новгородом XIV века, когда в нем считали до 200 000 жителей. Кроме материальных потерь, понесенных им в XV и XVI вв., иностранцы указывают и потери нравственные: Герберштейн замечает, что жители его отличались прежде большою мягкостью нравов и прямою характером, но что с тех пор, как поселились в нем более грубые и криводушные жители из московских областей, нравы города сильно испортились. В XVII в. Новгород продолжал сохранять важ-

* Каменный детинец построен в Новгороде в 1491 г.

ное значение в торговле Московского государства; но о том, каким был он прежде, во время своего процветания, можно было только догадываться по скудным остаткам: вокруг города видны были еще следы прежних стен, а также развалины церквей и монастырей, бывших некогда в черте города*.

Псков, этот младший брат Новгорода, подобно ему много потерпел от Москвы, но и в XVI веке сохранял еще важное значение в Московском государстве. В конце этого века он особенно стал известен иностранцам благодаря знаменитой осаде его Ст. Баторием и считался первою крепостью в государстве. Ланнуа, проездом из Новгорода посетивший и Псков, ограничивается относительно последнего немногими словами, что он очень хорошо укреплен каменными стенами с башнями и имеет очень большой замок, в который никто из иностранцев не смеет входить, в противном случае подвергается смерти**. Затем о внешнем виде Пскова мы не встречаем у иностранцев известий почти до конца XVI в. Герберштейн замечает только, что Псков — единственный город в государстве, который весь окружен стенами. Более обстоятельное описание его сообщает Поссевин, долго живший в польском лагере пред Псковом. По его словам, Псков окружен каменной стеною, с башнями, материал для которой доставляло русло реки (Великой); посредине города, имеющего вид продолговатого треугольника, проходит другая стена, при которой расположены один за другим три замка***. Ульфелду сказывали в Пскове, что этот город имеет 300 церквей и 150 монастырей; и те и другие почти все каменные. По описанию Вундерера, посетившего Псков в 1589 году, город был очень многолюден и делился на 4 части, имевшие вид особых городов, окруженных каменными стенами. Здесь жило много иностранных купцов и ремесленников; люди каждого ремесла жили особо; жилища кузнецов и других мастеров, употребляющих огонь при своих работах, расположены были длинными рядами вдали от

* *Oderbornii. «Vita Ioanni Basilidi»*, в *«Rerum Moskoviticarum auctores varii»*. R. 243; Камленкае. С. 22; *Ibid.* P. 37; *Herberstein*. P. 54; *Possevino*. P. 15, 17 и след.; *Ulfeld*. P. 13; *«Supplementum ad historica Russia Monumenta»*. № CLXII *Olearius*. P. 90; *Carlisle*. P. 304.

** *G. de Lannoy*. P. 22: «Où nul franc crestien ne peut entrer qu'il ne lui faille murir».

*** Эти три замка были Кремль. Средний город в Большой город.

других. Дома простых граждан в Пскове были большей частью деревянные и окружались заборами, плетнями, деревьями и огородами; над воротами каждого дома висел литой или писанный образ. В этом городе, битком набитом, по выражению Поссевина, деревянными зданиями, по сомнительному показанию Вундерера, считалось до 41 500 домов. В одном из замков Вундерер видел очень красивый дворец государя, в котором все покои убраны были красным бархатом⁵⁷. Подле замка стоял большой каменный дом, называвшийся Раштаг, в котором иностранные купцы выставляли свои товары, продавали, покупали и меняли. Потом Вундереру показывали другое здание, в котором держали несколько белых медведей, белых волков и буйволов для боя*. Несмотря на множество зданий, какое показывают в Пскове Вундерер и Поссевин, последний и в нем, как в Новгороде, считает в мирное время не более 20 000 жителей. По словам Герберштейна, псковитяне отличались прежде обходительностью, торговые дела вели добросовестно, без хитрости и обмана; но со времени поселения между ними москвитян нравы в Пскове, как и в Новгороде, изменились к худшему**. В XVII в. Псков сохранял еще значительные размеры, имел в окружности, по свидетельству Штрауса, более 2 миль, но вблизи представлял жалкий вид; дома в нем были по-прежнему почти все деревянные, а стены хотя и каменные, но с плохими башнями, улицы нечистые и немощеные, кроме главной, выходящей на торговую площадь; эта улица вымощена была вдоль положенными бревнами***.

Москва, Новгород и Псков имели каменные крепости. К таким же крепостям причисляются во второй половине XVI в. Порхов, Старица, Нижний, Александровская слобода, Белозерская крепость и другие города. Построенная при Иоанне III каменная крепость на ливонской границе — Иван-город — во второй половине XVI в. отходила на некоторое время к шведам. Но большая часть крепостей и в XVI в. состояла из деревянных укреплений. В начале этого века Москов-

* «Darnach führt mann uns in ein ander Hausz, in dem unte der Erde ettlich weisz Beeren, weisz Wölff und Uhrochse zum Kempfen ernehret werden». «Frankf. Archiv für ältere deutsche Litter». etc., herausgegeb. von Fichard, B. II. S. 202.

** Possevino. P. 18; Herberstein. P. 56; Ulfeld. P. 12.

*** Strays. P. 106.

ское государство приобрело важную деревянную крепость Смоленск*, за которую шла давняя борьба между двумя соседними государствами; эта борьба продолжалась и после присоединения Смоленска к Московскому государству, весь XVI и даже XVII век. По описанию Герберштейна, город расположен в долине, окруженной со всех сторон холмами и лесами; в окрестностях его видны развалины многих каменных монастырей. Кобенцелю Смоленск показался величинной с Рим; здания в нем все деревянные, кроме соборного храма в крепости на горе. Крепость, расположенная на левом берегу Днепра, на возвышении, была застроена домами и имела вид отдельного города; с одной стороны она омывалась рекой, а с другой окружена была глубоким рвом и заостренными бревнами (тыном). Поссевин не упоминает о тыне, но говорит, что крепость окружена насыпью, обделанной плетнем, в отверстиях которой поставлены пушки. В правление Бориса Годунова крепость обведена каменной стеною; по описанию Маскевича, присутствовавшего при осаде Смоленска в 1609 году, эта стена имела три сажени толщины и 3 копья вышины; на ней было 38 четырехугольных и круглых башен на расстоянии 200 сажен друг от друга. В городе до польской осады в 1609 г. было около 8000 домов; но разорение, какое потерпел он во время этой осады, было так велико, что еще при Мейерберге он представлял одни развалины. Проезжая через Смоленск в 1678 году, Таннер заметил в крепости оживленную деятельность: достраивали новые каменные стены. В городе между товарами на рынке Таннер заметил больше всего горшков и деревянной, красиво выточенной посуды**.

Некоторые города, по свидетельству Поссевина, были окружены бревнами, сложенными в четырехугольники, которые наполнялись землей или песком, отчего их трудно было разбивать, а чтобы они не легко загорались, их обмазывали глиной***. Кроме упомянутых городов в XVI в. считались важными погранич-

* «Clavis Moscuæ», по выражению Таннера.

* Herberstein. P. 52; Кобенцель. С. 140; Possevino. P. 19; Бусов. С. 29; Маскевич. С. 19; Mayerberg. Vol. II. P. 154; Tanner. P. 32; Neuville. P. 4. Лизек называет Смоленск «inexpugnabile patriae totius antemurale et potentissimum Borysthenis frenum» (с. 26).

*** Possevino. P. 17.

ными крепостями Казань и Астрахань. По описанию Олеария и Штрауса, Казань — довольно большой город с деревянными укреплениями и домами; но крепость окружена толстыми каменными стенами и снабжена артиллерией и значительным гарнизоном; русло реки Казанки служит для нее очень хорошим рвом. В городе живут русские и татары; последним запрещено входить в крепость под страхом смертной казни*. Тверь, Рязань, Владимир и Нижний принадлежали к числу значительных городов, но не считались важными укрепленными местами, хотя и в них были крепости, а в Нижнем была даже каменная крепость, построенная великим князем Василием Ивановичем против черемис, как замечает Герберштейн. Тверь, по описанию Поссевина, казалась издали очень большим городом; она имела довольно большое количество домов, но населением много уступала Пскову и Смоленску, т. е. в ней далеко не было и 20 000 жителей. Город расположен на левом берегу Волги и, если верить показанию Меховского, имел 160 деревянных церквей; против него, на другом берегу реки, стояла деревянная крепость, в которой, по свидетельству того же иностранца, было 9 церквей, и из них только соборная была каменная. В Смутное время Тверь, подобно многим другим городам Московского государства, подверглась страшным опустошениям, от которых не могла долго оправиться; от прежних стен ее не осталось и следа. В половине XVI века она была маленьким городком, окруженным деревянными укреплениями и имела не более 150 домов**. К менее значительным по величине городам причисляются в XVI в. Вологда и Ярославль; последний Флетчер называет самым красивым по местоположению. Вологда имела крепость; но оба эти города были гораздо важнее в торговом отношении. Значение Вологды увеличилось особенно с того времени, как открылась торговля с англичанами чрез Белое море: выгодное положение на торговом пути между гаванью св. Николая и Москвой делало ее важным складочным пунктом в этой торговле. По описанию англичан, Вологда — довольно большой город; посад его весь

* Olearius. P. 287; Strays. P. 154.

** «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*». P. 207. Petrejus. P. 381; Mayerberg. Vol. II. P. 74.

состоит из деревянных зданий, не исключая и церквей; крепость окружена красивою и высокою каменною стеною; в ней много церквей, между которыми есть каменные. В городе живет много богатых купцов. Благодаря его торговому значению там всегда бывает большое стечение народа, особенно осенью, когда происходит движение товаров между Москвою и гаванью св. Николая; купцы, направляющиеся от Белого моря к Москве, доплыв до Вологды, ждут здесь открытия санного пути, чтобы двинуться к столице*.

В XVII в. на двух противоположных окраинах Московского государства важное торговое значение имели два города: один новый — Архангельск, другой старый — Астрахань. Архангельск, по описанию Олеария, построен при устье Двины, там, где она разделяется на два рукава и омывает остров Подеземский (Пудожерский). Сперва корабли входили в левый рукав Двины, при монастыре св. Николая; в этом месте, столь важном в торговле XVI в., было маленькое поселение, состоявшее, по описанию английского посла Рандольфа, из четырех русских домиков и одного, принадлежавшего английской компании; эти дома расположены были подле деревянных стен монастыря, в котором было не более 20 монахов. Но когда устье левого рукава обмелело от наносного песка, а правый рукав сделался глубже, то корабли стали входить в последний, и здесь в 1584 г. основан был новый город. Горсей, проезжая здесь в 1584 г., видел только небольшую крепость**, которой управлял князь Василий Андреевич Звенигородский; при нем было несколько стрельцов. Скоро около крепости образовался посад, благодаря торговому значению этого места. По описанию Олеария, город не велик, но знаменит обширною торговлей; ежегодно голландские, английские и гамбургские корабли приходят туда с разными товарами; к этому времени съезжаются сюда купцы со всего государства, особенно немцы из Москвы с русскими товарами***. Астрахань, по описанию того же Олеария, расположена на песчаном острове Долгом, при главном рукаве Волги, в 12 милях от ее впадения в море. Иоанн IV, завоевав Астрахань, обнес ее толстою каменною стеною; при Алексее Михайловиче

* Hakluyt. Vol. I. P. 348, 349, 423; Carlisle. P. 107.

**• The new castle called Archangel». Hakluyt. Vol. I. P. 530.

*** Hakluyt. Vol. I. P. 422; Olearius. P. 114.

город был распространен; в нем возникла новая часть, где поселены были стрельцы, отчего она и названа Стрелецким городом. Штраус называет Астрахань одним из лучших городов Московии, как по величине, так и по красоте. Она имела более 1000 сажень в окружности. Издали, с Волги, город представлял очень красивый вид, благодаря множеству каменных башен и колоколен; но вблизи впечатление переменалось, наблюдатель видел массу почти только деревянных зданий, дурно построенных. Крепость снабжена сильным гарнизоном и пушками, которых было более 500; гарнизон состоял из 9 стрелецких приказов, по 500 человек в каждом. Находясь на границе двух частей света, Астрахань служила средоточием обширной торговли; сюда стекались купцы из разных стран Европы и Азии; на гостином дворе в Астрахани Авриль встретил представителей почти всех наций мира. Армяне занимали в Астрахани целое предместье; кроме того, сюда приезжали бухарцы, персияне, черемисы, крымские и ногайские татары, даже индийцы*.

Большая часть крепостей Московского государства и в XVII в. имела деревянные укрепления; каменные укрепления имели, кроме столицы, следующие города, как их перечисляют Маржерет и Мейерберг: Борисов, Смоленск, Можайск, Иван-город, Новгород-Северский, Псков, Новгород Великий, Нижний, Коломна, Казань, Астрахань, Порхов, Вологда, Путивль и Тула**.

Чем более поражал своею громадностью и многолюдством главный город Московского государства, находившийся в центральной его области, тем заметнее был недостаток больших городов в других областях. Если и во внутренних областях было много городов, едва заслуживавших это название, то еще менее заслуживала его большая часть городов, бывших на окраинах государства. Мы имеем несколько указаний на то, каковы были эти города в северных областях. Пустозерск, по одному английскому известию, имел в XVII в. от 80 до 100 домов; в городке Печере было всего три церкви; другой городок Устьицльма состоял из 60 домов; в Коле была всего одна улица, состоявшая из низких деревянных домиков, покрытых рыбьими костями***.

* Olearius. P. 318 и след.; Straus. P. 165; Avril. P. 96, 103.

** Маржерет. С. 34; Mayerberg. Vol. II. P. 62, 63.

*** Мильтон. История Московии // «Отеч. Зап.» Т. СXXXI. Отд. I. С. 106, 107.

Что касается вообще до характера городов в Московском государстве, то иностранцы замечали, что количество населения в них гораздо меньше, нежели сколько можно было бы предполагать, судя по количеству зданий. Это происходило от того значения, какое имел город в Московском государстве: он был прежде всего огороженным местом, в котором окрестное население искало убежища во время неприятельского нашествия. Чтоб удовлетворить этой потребности, так часто возникавшей благодаря обстоятельствам, среди которых слагалось государство, города должны были иметь большие размеры, нежели какие нужны были для помещения их постоянного населения, — и мы знаем, что окрестные землевладельцы и монастыри имели в городах «осадные» дворы, куда они перебирались с своими пожитками в случае неприятельского нашествия. Поссевин, говоря о числе жителей в некоторых городах, делает оговорку, что столько бывает в них жителей, когда нет войны. Эта оговорка была необходима: в случае нападения неприятелей окрестное население с движимым имуществом сбегалось в ближний город, который вследствие этого непомерно наполнялся. Сколько собиралось в таких случаях народа в городах, видно из того, что одних погибших от пожара в Москве во время крымского разгрома в 1571 году полагали до 800 000 человек. Но мы напрасно стали бы искать в русском городе XVI или XVII века тех основных черт, которые мы привыкли соединять с понятием европейского города как центра, в котором сосредоточивается торговое и промышленное население известного округа. В Московском государстве, как стране преимущественно земледельческой, где в такой степени преобладала первоначальная промышленность и так слабо развито было ремесло, очень немногие города подходили сколько-нибудь под понятие города в европейском смысле; остальные вообще только тем отличались от окрестных селений, что были огорожены и имели большие размеры; но большинство населения их промышленяло теми же занятиями, как и окрестные сельские жители. В стране, где так еще слабо было разделение труда, где каждый старался по возможности сам удовлетворить своим ограниченным потребностям, ремесленный труд не мог достигнуть значительного развития и цениться дорого. Иностранцы говорят, что только в Моск-

ве можно было найти несколько опытных мастеров по разным ремеслам, да и те были большею частью немцы; в других городах почти не было никаких мастеров, кроме сапожников и портных. По свидетельству Герберштейна, промышленявшие ручным трудом по найму получали в Москве $1\frac{1}{2}$ деньги за день работы, мастера по 2 деньги; о золотых дел мастерах он говорит, что труд их вообще ценился очень дешево. Гваньини прибавляет к этому, что когда жизненные припасы дорожали, труд мастеров еще более падал в цене, так что усиленной работою они едва могли заработать себе хлеба на день*. Наконец, мы знаем, что большая часть новых городов и городков Московского государства возникла не вследствие экономических потребностей страны, но вследствие государственных соображений, по распоряжениям правительства. Эти причины и производили то любопытное явление, что даже в XVII в. в описях многих городов перечисляются двory служилых людей, пашенных людей, но о посадских, торговых и ремесленных людях говорится, что их нет.

* Buchau. P. 245; Herberstein. P. 40, 42; Guagnini. P. 179.

XI. ТОРГОВАЯ

Из неразвитости искусств и ремесел и из преобладания промышленности можно уже заключать, какие предметы торговли ставила на рынок страна и в каких сама нуждалась: ставила продукты земледелия, меха и вообще сырые произведения, нуждалась преимущественно в произведениях непервоначальной, мануфактурной промышленности, в предметах роскоши и культуры⁵⁸. Главными торговыми городами на севере и в XVI в. оставались Новгород и Псков, имевшие значение преимущественно как посредствующие рынки, чрез которые страна отпускала на Запад свои товары и получала иностранные. Во второй половине XVI в. важным торговым пунктом сделалась гавань св. Николая при устье Северной Двины, благодаря открытию торговых сношений с Англией. Затем следовали Вологда и Ярославль, имевшие важное значение и во внутренней торговле. На юге, во второй половине XVI в., государство приобрело важный для восточной торговли город Астрахань. В XVII в. Астрахань и Архангельск были главными пунктами внешней торговли Московского государства. Москва имела значение преимущественно как центр внутреннего торгового движения. В продолжение всей зимы привозили сюда из окрестных мест дрова, сено, хлеб и другие предметы; в конце ноября окрестные жители убивали своих коров и свиней и во множестве свозили их замороженными в столицу. Рыбу также привозили замороженной и твердой, как камень, что очень дивило

иностранцев*. Цены этих товаров, свозившихся в Москву, казались иностранцам необыкновенно дешевыми. Барбаро говорит, что говядину продавали не на вес, а по глазомеру; за один марк (marchetto) можно было купить 4 фунта мяса; 70 кур стоили червонец; по словам Иовия, курицу или утку можно было купить за самую мелкую серебряную монету. Во время пребывания Контарини в Москве 10 венецианских стар (30 четвериков) пшеницы стоили червонец; так же дешево продавался и прочий хлеб; три фунта мяса стоили один сольд, 100 кур или 40 уток — один червонец, а самый лучший гусь не более 3 сольдов**. Контарини видел на Московских рынках много зайцев, но другой дичи почти совсем не было видно. Герберштейн говорит, что мера хлеба продавалась в Москве по 4 и по 6 денег. Можно верить такому обилию припасов на московских рынках и их дешевизне, зная, что Москва была главным средоточием внутреннего торгового движения страны. Англичане писали, что по дороге от Ярославля к Москве они видели иногда до 700 или 800 возов с хлебом и соленой рыбой, направлявшихся к столице; туда же ехали за хлебом жители отдаленного севера и везли с собой на продажу рыбу, меха и кожи***. С другой стороны направлялись к Москве татары с юга по Волге, Оке и Москве-реке. До завоевания Астрахани из Москвы ежегодно ходило сюда несколько судов за солью и рыбой. С присоединением Астрахани к Московскому государству это движение по Волге должно было оживиться и принять большие размеры. В 1636 году Олеарий видел на Москве-реке много больших судов, шедших из Астрахани к столице с медом, солью и соленой рыбой. Из внутренних областей суда отправлялись к Астрахани весной, в полоую воду, когда судоходство по рекам не встречало таких затруднений в мелях, как летом. Около Саратова тот же путешественник встретил две большие барки, шедшие из Астрахани; на каждой было по 400 работников. Одна принадлежала патриарху и везла разные жизненные припасы; другая была царская с икрой****. По Волге шло самое оживленное торговое движение; в речной области Волги указыва-

* Контарини. С. 109; G. de Lannoy. P. 22.

** Сольд $\frac{1}{124}$ червонца и $\frac{1}{20}$ ливра.

*** Иовий. С. 49; Herberstein. P. 58; Clemens Adam в «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*». P. 150.

**** Olearius. P. 272, 278, 300.

ются и важнейшие пункты внутренней торговли. В двух милях от города Мологи, вверх по реке Мологе, по берегу ее, при церкви, которая вместе с развалинами крепости осталась от находившегося здесь прежде Холопьяго города, бывала самая многолюдная, по словам Герберштейна, ярмарка в целом государстве, куда, кроме шведов, ливонцев, русских, съезжалось много татар и других иностранцев из отдаленных северных и восточных стран. Торговля здесь была исключительно меновая: стрелы, ножи, ложки, топоры, готовые одежды и другие подобные вещи меняли преимущественно на меха. Ярославль славился своей торговлей, главными статьями которой были кожи, сало и хлеб; там продавался также воск кругами, хотя этот товар в большем количестве являлся на других рынках. Герберштейн говорит, что Дмитров лежит на р. Яхроме, впадающей в реку Сестру, а последняя впадает в Дубну, приток Волги; вследствие этого в Дмитрове жило много богатых купцов, которые привозили товары с востока Каспийским морем и Волгой и рассылали их по городам Московского государства. Агенты Английской компании писали, что из областей по Верхней Волге каждое лето ходило к Астрахани до 500 больших и малых судов за солью и рыбой. Некоторые из этих судов были в 500 тонн*. По значению в торговле первое место после Волги занимала Северная Двина, поддерживавшая торговые связи отдаленного северного края с внутренними областями государства. В системе Северной Двины также были пункты, важные во внутренней торговле России. Такова была Вологда, о которой один агент Английской компании писал, что нет города в России, который не торговал бы с ней. Преобладающими предметами на вологодском рынке были лен, пенька и сало. На значение Вологды, как средоточия торгового движения по Северной Двине, указывает и другое английское известие, что Вологодским купцам принадлежала большая часть насадов и дощаников, плававших по Северной Двине, на которых перевозилась соль от морского берега в Вологду. Одной из главных статей промышленности и торговли северного края были меха; важным рынком меновой торговли был Устюг Великий. По свидетельству Иовия, сюда съезжались

* Herberstein P. 50, 57; Hakluyt. Vol. I. P. 408.

промышленники из Перми, Печоры, Угории и других отдаленных краев, привозя с собою разные меха. Но первое место в торговле мехами и другими произведениями севера занимали Холмогоры: сюда на зимнюю Никольскую ярмарку привозили на оленях из Печоры, Пинеги, Лампожни и Пустозерска редкие и дорогие меха — собольи, куньи, лисьи белые, черные и рыжие, заячьи и горностаевые. Этот же город в изобилии снабжал северный край солью и соленою рыбой. Из поволжских городов значительную торговлю мехами производила Казань*. О меховой промышленности находим некоторые любопытные подробности у иностранцев XVI в., преимущественно у Герберштейна. Иовию объясняли прежнюю дешевизну мехов тем, что жители отдаленного севера по простоте своей прежде часто меняли их на самые дешевые вещи московским купцам; так жители Перми и Печоры, по его словам, еще недавно платили за железный топор столько соболей, сколько московские купцы, связав вместе, могли продеть их в отверстие топора, куда влагается топорнице. Собольи меха ценились по густоте, черноте и длине волоса, также по времени, в которое пойман был зверь. Герберштейн слышал, что в Москве бывали иногда собольи меха, продававшиеся по 20 и 30 золотых, или рублей, но ему самому не удалось видеть такие. В XVII в. некоторые собольи меха продавались в Москве рублем по 100 и более; самые маленькие стоили 1 рубль. Горностаевые продавались по 3 и 4 деньги за шкуру; лисьи, особенно черные, из которых преимущественно делали шапки, ценились очень дорого; иногда десяток продавали по 15 рублей. Беличьи меха привозили связками, по 10 шкурок в каждой; из них две были самые лучшие, три похуже, четыре еще хуже и одна, последняя, самая дурная; каждая порознь продавалась по 1 или по 2 деньги. Бобровые меха были в большой цене, ими обшивали полы верхнего платья. Меха домашних кошек носили женщины. Из теплого песцового меха делали преимущественно одежды для дальних зимних поездок. По известиям XVII в., в Москву привозили по Волге много барашковых шкурок, очень волнистых, которые ценились довольно дорого*.

* «Rerum Moscoviticarum auctores varii». P. 151; Hakluyt. Vol. I. P. 264; Барбаро. С. 60.

** Tanner. P. 104.

Герберштейн в географическом очерке страны указывает и торговые пути от Москвы на север. Из Москвы через Переяславль лежал путь к Костроме, Ярославлю и Угличу. Здесь не знали точно расстояний по причине множества болот и лесов; то же замечание постоянно повторяется при описании страны далее на север. От Ярославля шел прямой путь к Вологде, а оттуда к Устюгу, от которого по Двине шел прямой водный путь на север; но кратчайший путь из Вологды в Двинскую область был на реку Вагу. На Бело-озере из Москвы было два пути — кратчайший зимний чрез Переяславль на Углич и летний на Ярославль, но и тот и другой были очень неудобны, особенно летний, по причине множества лесов, болот и рек, чрез которые во многих местах надо было делать мосты и гати; трудность этих путей за Волгой увеличивалась еще тем, что они проходили большею частью по малолудной стране, где земли почти не обрабатывались и редко попадались жилые места. В Вятку было также два пути: один кратчайший чрез Кострому и Галич, но более трудный и опасный, по причине болот и лесов между Галичем и Вяткой и разбойничества бродивших здесь черемис; другой более длинный, но и более безопасный шел на Вологду и Устюг. В Пермь сухим путем ездили только зимой; летом ехали туда на Вологду и Устюг, откуда плыли по Двине в Вычегду*. Ехавшие из Перми в Устюг плыли вверх по Вышере и, прошедши чрез несколько рек, причем иногда надо было перетаскивать лодки из одной реки в другую сухим путем, приплывали наконец к Устюгу. Огромность расстояний и характер поверхности земли делали сообщения в северных странах крайне затруднительными и медленными. Летом ездить сухим путем было большею частью невозможно, потому должно было плыть реками, хотя от этого путь иногда очень удлинялся. Понятно, какое значение для торговли имела в этих странах зима с своими снегами и льдами. Кроме оленей, для перевозки тяжестей на севере употребляли, по свидетельству Герберштейна, больших собак, запрягая из в сани. Зимой, говорит Контарини, на русских санях, запряженных в одну лошадь, весьма

* В житии Стефана Пермского указывается последний путь: «Всякому хотящему шествование в Пермскую землю удобствен путь есть от града Уствыма рекою Вычегдою вверх, донеже внидет в самую Пермь». Соловьев. «История России». Т. IV. С. 264.

легко перевозить всякие тяжести, тогда как летом езда почти невозможна от большой грязи и множества мошек. Сани, по описанию того же путешественника, были очень похожи на дом и запрягались обыкновенно в одну лошадь, которая везла их с необыкновенною скоростью.

Торговое движение на юге едва ли встречало меньше затруднений, чем на севере; путь по безводной и безлесной степи был часто так же труден и опасен, как и путь по лесным и болотным пространствам севера. Ранние известия говорят нам о сильном развитии торговли по широкому водному пути, который представляла Волга; но те же известия говорят и о развитии разбойничества на ней. Со второй половины XVI в. юго-восточные степи начали населяться из Московского государства; при сыне Иоанна Грозного явились на Волге города: Шанчурин, Саратов, Переволока, Царицын; таким образом, путь к главному торговому городу на юге более и более очищался; но как медленно совершалось это, можно видеть из сравнения известий очевидцев о путешествии из Астрахани в Москву в конце XV и в конце XVI в. Контарини, проехавший в 1476 г. по этому пути с большим купеческим караваном, пишет, что ехали в большом страхе, поминутно ожидая нападения, особенно там, где Дон подходит на ближайшее расстояние к Волге, через которую переправлялись на плотках, наскоро сработанных в ближнем леску; в степи почти не было видно следов дороги; путники ограждались на ночь повозками в виде крепости и ставили караульных; ехали 47 дней. Очевидцы рассказывали Поссевину, что в обширных пустынях между Астраханью и Москвой путешественники иногда по целым месяцам остаются без хлеба, питаются рыбой и дичью*. От Астрахани до Казани плыли по Волге 10 дней. Другой водный путь для торговли Москвы с магометанскими странами шел по Дону. По словам Герберштейна, при Данкове, старом и разрушенном городе, нагружались суда, отправлявшиеся в Азов, Кафу⁵⁹ и Константинополь; эта нагрузка происходила обыкновенно осенью, в дождливое время года, потому что летом Дон здесь мелководен и не подымает значительных судов с грузом. До Азова плыли отсюда 20 дней. В Азове соби-

* Контарини. С. 91—104; Possevinо. P. 12.

рались купцы из разных стран. По словам Ласкаго, здесь турки и татары производили торговлю с московскими купцами, выменивая у них меха на шелковые и шерстяные материи и драгоценные камни*. От Азова в 5 днях пути находился Перекоп; но сюда из Москвы ездили другим путем, чрез Путивль; путь этот был сопряжен со многими неудобствами, затруднявшими торговое движение. По словам Герберштейна, в здешних пустынях при переправе чрез реки на путников часто нападали бродячие татары и уводили их в плен. Михалон также говорит, что когда купцы, для избежания двойной переправы через Днепр и платы литовской пошрины, оставив старую дорогу чрез Литовские владения, направляются из Тавриды прямо в Московию чрез Путивль или возвращаются оттуда непроходимыми степями, то часто делаются добычей бродячих в тех местах разбойников**. Михалон называет путь из Тавриды чрез Литовские владения «старою дорогою торговли с Крымом». Эта дорога шла на Киев, который, по своему положению на третьей главной реке восточной Европы, текущей на юг, имел важное значение в восточной торговле. По словам Михалона, Киев изобиловал иноземными товарами, ибо для всего, что привозилось из Персии, Индии, Аравии, Сирии на север в Москву, Псков, Новгород, в Швецию и Данию, не было, по его словам, другой более верной, прямой и известной дороги, как от порта Эвксинского моря⁶⁰, т. е. от Кафы через ворота Тавриды и Тованский перевоз на Днепре и потом через Киев. Этой дорогою часто ездили иноземные купцы, собираясь большими караванами человек по 1000, с повозками и верблюдами. Как иногда была верна и безопасна эта прямая дорога, как называет ее Михалон, можно видеть из его же замечания, что упомянутые караваны, приносившие большие выгоды киевским воеводам, купцам, менялам, лодочникам и прочим, были выгодны и тогда, когда проходили в зимнее время по полям и их заносило снегом; таким образом случалось, что грязные киевские жижины наполнялись дорогими шелковыми тканями, мехами, ароматами и проч., так что, добавляет Михалон,

* Herberstein. P. 49, 49; Historica Russiae Monumenta. Vol. I. № СХХІІІ.

** Михалон. С. 67.

я находил там шелк, продававшийся дешевле льна в Вильне, а перец дешевле соли*.

Навстречу торговому движению Крьма на Киев шло торговое движение из Московского государства по Днепру. Контарини говорит, что в Киев съезжалось множество купцов из Великой России с мехами, которые они отправляли в Кафу**. Герберштейн указывает сборные пункты этого движения по Днепру: на верхнем течении Днепра, там, где с ним соединяется Днепрец, нагружались суда товарами из Москвы и Холопъего городка и отправлялись в Литву; недалеко отсюда находился монастырь Св. Троицы, где купцы останавливались. Под Вязьмой течет речка того же имени, которая в двух верстах ниже впадает в Днепр; по ней одни суда, нагруженные товарами, отправлялись от этого города в Днепр, другие приходили сюда из Днепра, поднявшись вверх по течению***.

Иностранцы сообщают несколько известий о состоянии средств сообщения в Московском государстве. Сообщение между Москвой и пограничными городами производилось посредством ямов⁶¹. Это были местечки с одним или несколькими дворами, которые поставлены были по большим дорогам от важнейших пограничных пунктов к столице. По словам Горсея, при Иоанне Грозном построено было в пустынных и диких краях государства до 300 ямов. Каждому ямщику давался участок земли с обязательством держать известное число ямских лошадей; за то он был освобожден от прочих повинностей. Олеарий прибавляет, что ямщикам выдавалось еще денежное жалованье рублей по 30 в год. Ямские дворы становились на расстоянии 6, 10, даже 12 миль один от другого. Между Москвой и Вологдой, на расстоянии 500 верст, было 14 ямов. Ямские лошади предназначались собственно для государевых гонцов и вообще людей, ехавших по казенной надобности; но из донесений англичан, торговавших в России, видим, что этими лошадьми могли пользоваться и купцы, как русские, так и иностранные, имея при себе вид из приказа и платя известные прогоны. Рейтенфельс говорит, что почтовых лошадей мог брать всякий за небольшую плату. О почтовых прогонах находим известие у Герберштейна: за 10 или

* Там же.

** Контарини. С. 21.

*** Herberstein. P. 52.

20 верст платили обыкновенно 6 денег. Спафари рассказывает Невиллю, что при кн. В. В. Голицыне, для облегчения административных и торговых сношений с Сибирью, предпринято было провести кратчайшим путем от Москвы до Тобольска ряд ямов на расстоянии 10 миль один от другого, назначив в каждый ям на первый раз по 3 лошади, так чтобы этими лошадьми могли пользоваться и частные лица, проезжающие по своим делам в Сибирь или из Сибири, платя по 3 коп. за 10 верст. Ямщик выезжал летом на небольшой телеге, запряженной в одну лошадь, а зимой на небольших саниах, также в одну лошадь. Ездили очень быстро, особенно зимой: от Архангельска до Вологды ездили зимой на саниах 8 суток, а от Вологды до Москвы не более 5 суток; из Новгорода в Москву ездили на ямских лошадях летом 6 или 7 суток, зимой 4 или 5 суток; слуга Герберштейна проехал этот путь верхом в 72 часа; такая быстрота, добавляет Герберштейн, тем более удивительна, что лошади здесь очень малы и содержатся гораздо хуже, нежели у нас. Особенно быстро производилось движение по казенной надобности; благодаря этому, государь, по словам Петра, каждую неделю получал новые известия о том, что делалось на отдаленных границах его государства. Чтобы не было остановки при смене лошадей, ямщики, подвезая к яму, производили громкий свист, на который из двора тотчас выводили свежих лошадей. Когда Герберштейн в качестве иностранного посла ехал из Новгорода в Москву, на всех ямах ему выставляли по 30, 40, 50 лошадей, тогда как ему нужно было не более 12; потому каждый из его свиты мог выбирать себе любую лошадь. Если лошадь утомлялась или падала, не достигнув яма, можно было взять другую из ближайшего селения или у первого встретившегося проезжего, исключая государева гонца; ямщик должен отыскать лошадь, оставленную на дороге, также взятую у кого-нибудь лошадь возвратить хозяину, заплатив ему при этом прогонные деньги. Из слов Олеария видно, что кроме ямщиков извозом занимались и простые крестьяне; Олеарий говорит, что езда на обывательских лошадях очень дешева, что каждый крестьянин согласится везти 50 миль за 1¹/₂ или по большей мере за 2 рубля*. По словам Джен-

* Herberstein. P. 41; Buchau. P. 251; Hakluyt. Vol. I. P. 293, 349, 408; Горсей в «Биб. для Чт.» 1855 г. № 6. С. 7; Petrejus. P. 316; Olearius. P. 48, 117, 184; Рейтенфельс. С. 45; Tanner. P. 33; Nevill. P. 222.

кинсона, по русским дорогам зимой легко было проехать 500 верст в трое суток; зато летом езда была чрезвычайно затруднительна и медленна. Движение затруднялось обширными лесами, в которых дорога часто не была хорошо проложена, шла по пням недавно срубленных деревьев; но более всего затрудняли движение летом многочисленные топи и болота, на которых, и то не везде, делались плохие гати и мосты. На пути от Москвы до Смоленска Таннер насчитал 533 моста; в иных местах на протяжении 4 миль попадалось больше 40 мостов. Эти мосты делались из толстых бревен, плохо связанных между собою, и тянулись иногда целую милю; переезд по ним на тяжелом экипаже был очень опасен. Невиль встречавшиеся и чрезвычайно неудобные для езды. Нередко встречались на дороге болота и речки, на которых не было и таких мостов и гатей; путешественники должны были сами рубить лес и кое-как настилать мост. На больших реках большею частью делались плавучие мосты; при проезде польского посольства в 1678 г. по такому мосту в Дорогобуже тяжелые экипажи погружались в воду до половины. Понятно, как медленно совершалось движение по таким дорогам: Невиль говорит, что летом можно было проехать не более 4 или 5 миль в сутки*. При таком состоянии путей сообщения летом понятно значение, какое имели большие реки, идущие во все почти стороны из середины Московского государства и заменявшие для торгового движения те удобства, какие доставляла ему зима. Торговое движение по большим водным путям производилось посредством больших судов с двумя рулями, но с одним парусом, который действовал только при попутном ветре. На севере, между Холмогорами и Вологдой, товары перевозились летом на стругах, дощаниках и насадах. По описанию Дженкинсона, насады были длинные и широкие плоскодонные суда, погружавшиеся в воду фута на 4 и вмещавшие в себе до 200 тонн груза. Эти суда строили только из дерева, вовсе без железа; при сильном попутном ветре они плыли вверх по реке, шли бечевой, которую тянули до 70 дюжих работников, между тем как другие стояли на самом

* Lyseck. P. 29; Tanner. P. 38, 108, 113. Ср. «Дневник польских послов» в «Сказаниях современников о Димитрии Самозванце». Ч. IV. С. 116; Carlisle. P. 31; Neuville. P. 35.

насаде с длинными баграми в руках и направляли его ход. По Северной Двине и Сухоне ходило много таких судов; большая часть их принадлежала вологодским купцам. Подобные же суда ходили по Волге и ее большим притокам. По небольшим рекам, напр. Москве, ходили обыкновенно струги тонн в 30. По словам Рандольфа, английская компания построила для плавания по Волге барку в 27 тонн; ее постройка и снаряжение стоило компании не больше 100 марок. Во время Олеария по Волге ходили струги тонн в 800 и даже в 1000. Английские купцы ездили от гавани Св. Николая в Вологду водой 14 суток; от Вологды до Ярославля ехали сухим путем двое суток; от Ярославля до Астрахани по Волге 30 суток; таким образом, весь путь от Николаевской пристани при устье Северной Двины до Астрахани совершали летом в 46 суток. Движение по Москве-реке Герберштейн называет не совсем удобным; Олеарий проехал по ней к Коломне 120 верст в 24 часа, плывя безостановочно. Гораздо тяжелее и медленнее было плавание вверх по рекам; это происходило от того способа, которым двигали суда вверх по большим рекам, например по Волге: бросали якорь на четверть мили впереди; люди помещавшиеся на барке, которых на больших судах было человек по 200 и более, тянули за веревку, к которой был привязан якорь; таким образом им удавалось в день продвинуть барку не далее 2 миль вперед*.

Иностранные путешественники сильно жалуются на бесчисленные затруднения, с которыми соединено было путешествие по Московскому государству. Многие из этих затруднений происходили от редкого населения страны: постоянные дворы попадались редко; в селах не всегда можно было достать хлеба за деньги. На пути от Холмогор до Вологды по Двине Дженкинсону не пришлось побывать ни в одной избе; путешественники останавливались на берегу реки, под открытым небом, и здесь готовили пищу из запасов, взятых с собою. Дженкинсон советует всякому, предпринимающему поездку по России, непременно иметь при себе топор, огниво с трупом, котел и пищу на всю дорогу, потому что этого обыкновенно нельзя достать на дороге. Путешественнику грозила опасность от хищных зверей, а еще более от лихих людей, которые промыш-

* Hakluyt. Vol. I. P. 348, 408, 423; Strays. P. 146; Olearius. P. 272, 281; Neuville. P. 215.

ляли по большим дорогам. В лесах по дороге нередко встречали кресты на могилах путников, убитых разбойниками. Корб видел такой крест в лесу между Москвой и Можайском; под ним схоронено было 30 человек, погибших в одно время от разбойников. То же было и по рекам, особенно Волге; путешественнику указывали на Волге множество местностей, прославленных рассказами о разбоях степных кочевников и казаков; ему нередко приходилось испытывать на себе справедливость этих рассказов. На английскую барку, плывшую в 1658 году по Волге в Персию, напало недалеко от Астрахани до 300 ногаев, на 18 лодках, и только после двухчасового боя удалось англичанам, при помощи огнестрельного оружия, прогнать разбойников. На обратном пути из Персии в 1573 году близ устья Волги тех же англичан встретили русские казаки в числе 150 человек, вооруженных топорами и пищалями; они прикинулись мирными людьми, обманом взойшли на корабль и начали резню, которая окончилась тем, что англичане сдали им свой корабль со всеми товарами, взяв с разбойников клятву, что они отпустят их живыми*.

Стараясь завязать политические сношения с западно-европейскими государствами, московское правительство вместе с тем старалось завести с ними и деятельные торговые сношения. В половине XVI в. открылась торговля с англичанами⁶²; шведским купцам, которые во время Герберштейна могли торговать только в Новгороде, дано было право ездить не только в Москву, Казань и Астрахань, но через Россию в Индию и Китай, с условием, чтоб и русским купцам позволено было из Швеции отправляться в Любек, Антверпен и Испанию. Иоанн IV долго и упорно добивался гавани на Балтийском море и потратил огромные средства для достижения этой цели. Но если в Москве сознавали важность торговых связей с Западом и для упрочения их добивались приморской гавани, то так же ясно понимали выгоды от этого для Москвы и ее соседи, стараясь всеми мерами помешать ей в достижении ее целей. Московский государь, писал Сигизмунд-Август польский Елизавете английской, ежедневно увеличивает свое могущество приобретением предме-

* Корб. Р. 37; *Nakluyt*. Vol. I. P. 443—446.

тов, которые привозятся в Нарву; ибо сюда привозят не только товары, но и оружие, до сих пор ему неизвестное, привозятся не только произведения художеств, но приезжают и самые художники, посредством которых он приобретает средства побеждать всех; Вашему Величеству не безызвестны силы этого врага и власть, какую он пользуется над своими подданными; до сих пор мы могли побеждать его только потому, что он был чужд образованности и не знал искусств; но если нарвская навигация будет продолжаться, то что будет, ему неизвестно*.

В одно время с расширением западной торговли Московского государства усиливалась его торговля и на востоке, главным пунктом этой торговли была Астрахань. В 1395 г. Астрахань была разрушена Тамерланом, что нанесло сильный удар ее торговле. Еще в конце XV века, когда через Астрахань проезжал Контарини, она состояла из нескольких небольших мазанок и была окружена низкими стенами, хотя кое-где видны были еще следы гораздо больших зданий**. Открытие морского пути в восточную Индию, грозившее торговым городам южной Европы большими потерями, заставило их искать нового пути в Индию с другой стороны, более удобной для них, и при этом обратили внимание на забытую Астрахань. Примером того, какие планы строились по этому предмету, может служить рассказ Иовия об одном антрепренере, искателе восточного пути, генуэзском капитане Павле. Негодуя на португальцев за то, что они одни скупали все благоволия Востока и по непомерным ценам продавали их в Европе, и что благодаря им почти вовсе прекратилась выгодная для городов по Средиземному морю торговля с Востоком через Евфрат и Персидский залив, он построил план нового пути для торговли с Индией. В XV в. Европа потеряла устье Танаиса, где был ее давний складочный пункт в торговле с Востоком***, а потому Павел вел свой новый восточный путь от Риги на Москву, оттуда реками Москвой, Окой и Волгой в Астрахань, далее Каспийским морем к Страве (Астрабаду), оттуда рекою Оксом и через Паропамиз к ре-

* *Nakluyt.* Vol. I. P. 378.

** Контарини. С. 91.

*** Вслед за Астраханью в 1395 г. до основания разрушен был Тамерланом и Азов, а в 1471 г. он был завоеван турками.

ке Инду. Чтобы привести в исполнение свой план, предприниматель два раза ездил в Москву, просил у великого князя Василия поддержки, обещал его казне и подданным огромные выгоды, если этим путем удастся подорвать торговлю ненавистных Португальцев; но в Москве его не поддержали, и широкий замысел остался без исполнения, послужив только поводом к отправлению в Рим московского посла Дмитрия Герасимова в 1525 году*. Но если события на Востоке повредили торговым сношениям южных городов Европы с восточными странами через Азов и Астрахань, то восточная торговля Московского государства, вместе с утверждением и распространением его влияния на Востоке, приобретала большую твердость и большие размеры. Во второй половине XV в. из Москвы ежегодно ходили по Волге в Астрахань суда за солью**. По словам Контарини, хан астраханский ежегодно отправлял к великому князю московскому посла за подарками; с этим послом обыкновенно отправлялся целый караван татарских купцов с джеддскими тканями, шелком и другими товарами, которые они меняли на мечи, седла, и другие нужные им вещи***. Вообще Астрахань и в XV в. была для Москвы важным посредствующим рынком в торговле ее с Востоком. Из Дербента ездили в Астрахань купцы с сарачинским пшеном, шелковыми тканями и другими товарами Востока и меняли их там русским купцам на меха и другие предметы, требовавшиеся в Дербенте****. В княжение Василия относительно восточной торговли принята была московским правительством мера, имевшая важное значение как для московских, так и для восточных купцов: желая подорвать торговлю враждебной Казани, великий князь велел быть ярмарке в Нижнем и под страхом тяжелого наказания запретил московским купцам ездить на казанскую ярмарку, которая собиралась на Купеческом острове, недалеко от города. Казанцы, конечно, много потеряли от этой меры, но не менее их потеряла в первое время и Москва, потому что во всех товарах, доставлявшихся Каспийским морем и Волгой из Персии и Армении, оказался на московских рынках большой недостаток, и они

* Иовий. С. 14—18.

** Барбаро. С. 57.

*** Контарини. С. 91.

**** Там же. С. 83.

очень воздвужали; особенно поднялась в цене волжская рыба*. Восточная торговля Московского государства по Волге должна была значительно усилиться, когда все течение этой реки вошло в пределы государства. Поссевин говорит, что восточные купцы стали меньше посещать Астрахань после ее присоединения к Московскому государству; это событие могло подвергнуть астраханскую торговлю некоторым колебаниям, но нельзя принять, чтоб явление, указываемое Поссевином, действовало долго, как нельзя принять во всей силе английское известие, что Астрахань вовсе не такой значительный торговый город, как думают; что русские привозят туда одни безделицы, как то: кожи, деревянную посуду, узды, седла и проч. Магометанские владельцы еще в царствование Иоанна IV, стараясь побудить султана к отнятию Астрахани у царя московского, указывали на огромный доход, который получал этот царь в Астрахани от таможенных пошлин**. Кроме указанных товаров русские купцы отправляли в Астрахань хлеб и другие съестные припасы, также шерстяные и полотняные одежды, ножи, топоры, стрелы, зеркала, кошельки; оружие и железо можно было вывозить только тайком или по особенному разрешению начальства. В обмен на эти товары в начале XVI в. купцы джагатайские (из-за Аральского моря) снабжали русских в Астрахани множеством шелковых тканей, а татарские доставляли им лошадей и превосходные белые материи, не тканые, а сваланные из шерсти, из которых делались красивые и хорошо защищавшие от дождя епанчи. Лошадей они пригоняли в Москву и другие города табунами от 30 000 до 40 000. По английским известиям XVI в., из Бухарии привозили в Астрахань и Москву пряные коренья, мускус, серую амбру, ревень, хлопчатобумажные материи, шелк, краски, также меха, которые они скупали в Сибири. По известиям XVII в., с Востока шли в Московское государство, кроме шелковых и хлопчатобумажных материй, ковры, парча, шелк сученый разных цветов, драгоценные камни и широкие сабли из Бактрии; драгоценные камни привозились в Москву с Вос-

* Herberstein. P. 73.

** Ханы хивинский и бухарский доносили султану: «В Астрахань из многих земель кораблям с торгом приход великий, доходит ему (царю московскому) в Астрахани тамги в день по тысяче золотых» (С о л о в ь е в. «История России». Т. VI. С. 293); известие, без сомнения, очень преувеличенное, но показывающее, что было что преувеличивать.

тока в таком количестве, что иностранцы из Западной Европы дивились низким ценам, по которым они продавались в Москве: мелкие рубины, по словам Таннера, продавали фунтами, по 6 немецких флоринов фунт. Из товаров, шедших в Москву из Крима через Киев, Михалон упоминает драгоценные камни, шелковые и золотом шитые ткани, ладан, фимиам, шафран, перец и проч. С турками в XVII в. шла сухопутная торговля чрез Бессарабию⁶³: турецкие купцы привозили в Москву драгоценные камни и разные ткани и вывозили отсюда кожи, меха, белый моржовый зуб, из которого в Турции искусно делали рукоятки кинжалов. По английским известиям XVI в., купцы турецкие и армянские платили в Москве десятую деньгу со всех привозимых им товаров, кроме того за вес по две деньги с рубля. В Астрахани, по свидетельству Олеария, торговые пошлины были очень умеренны; однако ж их ежегодно собиралось там более 12 000 рублей. В заключение о восточной торговле укажем на известие о торговых сношениях русских с Китаем во второй половине XVII в.: по словам Коллинса, русские привозили из Китая через Сибирь чай и бадьян (*anisum indicum stellatum*), который пили с сахаром от стеснений в груди и желудке; эти растения привозили в бумажных пакетах, по 1 фунту в каждом*.

В западной торговле Московского государства во второй половине XVI в. произошли важные перемены. Возникавшее стремление Московского государства к сближению с Западной Европой, выразившееся в усилиях добиться берегов Балтийского моря, встретилось со стремлением морских западно-европейских государств в противоположную сторону — в богатые восточные страны; вследствие этого в западной торговле Московского государства образовались новые связи, явились новые деятели и новые рынки, давшие другое направление торговому движению. В конце XVI в. Ревельский совет жаловался, что торговля Ревеля с русскими падает, потому что ею завладели, ко вреду его и всех ганзейских городов, чужие нации. Кроме шведов и датчан, получивших право торговли в России, в Новгороде утвердились голландцы с правом бес-

* Иовий. С. 26; Herberstein. P. 43; Флетчер. Гл. 19; Михалон. С. 67; *Nakluyt*. Vol. I. P. 372, 352, 286; *Olearius*. P. 319; *Mayerberg*. Vol. I. P. 88, 89; Vol. II. P. 152; *Коллинс*. С. 574; *Neuville*. P. 228.

пошлинной торговли. Но, без сомнения, всего более тревожили ревельских купцов англичане. Известно, как начались торговые сношения с ними; сосредоточием этого торгового движения стала пристань в пустынном северном крае при устье Северной Двины. Компания лондонских купцов, составившаяся для торговли с Россией и утвержденная королем Филиппом и королевою Мариею в 1555 году, деятельно повела завязавшиеся сношения с отдаленною Московией и старалась надежными средствами обеспечить успех своего дела. Инструкции, которыми она снабжала своих агентов в России, всего лучше показывают, в каком духе и с какими целями она действовала. В инструкциях 1555 года агентам предписывалось изучить характер русского народа во всех его классах*, его нравы, обычаи, подати, монету, вес, меру, счет, товары, какие нужны этому народу и какие нет, чтобы вследствие незнания всего этого компания не потерпела какого-нибудь вреда или убытка; агенты обязаны были также остерегаться, чтобы никакой закон русский, ни религиозный, ни гражданский, не был нарушен ни ими, ни людьми их, ни моряками, ни кем-либо из англичан; смотреть, чтобы все пошлины были платимы исправно, дабы не навлечь конфискации товаров, чтобы все происходило покойно, без нарушения порядка в тех местах, где англичане будут торговать; агенты должны в Москве или другом каком-нибудь городе, или в нескольких городах, где будет выгоднее торговать, построить один или несколько домов для себя и всех своих людей, с магазинами, погребами и другими службами, и смотреть, чтоб никто из низших служителей не смел ночевать вне агентского дома без позволения. Агенты и факторы будут ежедневно собираться и советоваться вместе о том, что было бы всего приличнее и выгоднее для компании. Агенты должны подробно заметить все роды товаров, которые могут быть с выгодой проданы в России, должны иметь постоянно в уме, как бы всеми возможными средствами узнать дорогу в Китай, морем или сухим путем**.

* На к л у т. Vol. I. P. 289: «That all the said agents do well consider, ponder and weigh such articles as be delivered to them to know the natures, dispositions, laws, customs, maners and behaviours of the people of the countries where they shall traffic, as well of the novitiate as of the lawyers, marchants, mariners and common people».

** Ibid. P. 288—292. Копии льгот см. на с. 295—298.

В 1555 г. суда компании совершили второе плавание северным путем в Россию, и с тех пор компания ежегодно посылала к устью Северной Двины обыкновенно три корабля с английскими товарами в конце мая или в начале июня, чтобы к осени корабли могли возвратиться в Англию с русскими товарами. В 1582 г. отправлено было даже 9 кораблей. Один из агентов, Берроу*, советовал компании отправлять корабли из Англии в начале мая, потому что к концу этого месяца, когда корабли могли достигнуть гавани св. Николая, русские товары уже свозились туда по весеннему речному пути, а для тех товаров, которые появлялись на рынке позже этого времени, он советовал оставлять в Николаевской пристани один или два корабля. Приехав в гавань св. Николая, англичане помещали свои товары на английском дворе подле монастыря**. Из записок агентов компании видно, что торговое движение, открывшееся между Лондоном и гаванью св. Николая, произвело неблагоприятное действие на страны Западной Европы, прежде торговавшие с Россией, и они старались помешать этим новым сношениям. Отправляя в 1582 г. 9 кораблей к гавани св. Николая, компания снабдила их сильной артиллерией и военными людьми под управлением адмирала и вице-адмирала, которым дала подробные инструкции, как действовать в случае встречи на пути с неприятелем***; к этому присоединялись неудобства и опасности северного морского пути: по словам агента Лена, со времени открытия торговых сношений англичан с Россией северным путем в 1560 г. корабли компании впервые возвратились в Англию благополучно, без всяких потерь и повреждений, из своей ежегодной поездки к гавани св. Николая****. Врагов компания встречала и в самой России: когда Ченслер приехал в Москву и вступил в переговоры о торговле англичан с Россией, голландская компания в Новгороде обратилась к царю с письмом, взводя на англичан разные клеветы и между прочим стараясь уверить царя, что это — морские разбойники, которых следует задержать и посадить в тюрьму. Узнав об этом, англичане отчаялись даже возвратиться в отечество; но царь не поверил

* См. его записку у Гаклюйта. Т. I. I. С. 513.

** Ibid. P. 517.

*** Ibid. P. 511, 512.

**** Ibid. P. 525.

доносу и дело уладилось*. Пред приездом Бауса в Москву та же голландская компания хлопотала об уничтожении торговых льгот, данных англичанам московским правительством, и приобрела себе в Москве друзей — Никиту Романовича, Богдана Бельского и Андрея Щелкалова, ибо, кроме ежедневных подарков этим советникам царским, голландцы заняли у них столько денег под 25 процентов, что платили одному из них ежегодно по 5000 рублей; английские же купцы не имели в это время при дворе ни одного доброжелателя**. С своей стороны, и англичане старались иногда не совсем чистыми средствами помешать утверждению в Москве постороннего влияния, которое находили для себя невыгодным. В 1582 г. Поссевин писал, что в бытность его в Москве английские купцы, 'здесь жившие***, подали царю записку, в которой «какой-то еретик» старался доказать, что римский первосвященник — антихрист; это заставило и Поссевина подать царю записку с целью оправдать папу от еретического обвинения. Агенты посылали компании донесения о ходе ее дел в России; письма, посылавшиеся с нарочными чрез континент и содержавшие в себе секретные извещения о мерах, которые могли бы дать компании в торговле с Россией перевес над купцами другой стране, агенты должны были писать цифирью****. Компания прежде всего хлопотала о том, чтобы привлечь к себе русских торговых людей и захватить в свои руки все важнейшие товары России. Компания писала агентам, чтобы они предлагали русским купцам по возможности выгодную цену за их товары, чтобы эти купцы охотнее везли свои товары в Вологду к англичанам, чем в Новгород к купцам ганзейским. Компания недаром хлопотала об этом; во время мира между Москвой и ее западными соседями оживлялись и торговые сношения между ними, конкуренция для англичан усиливалась, вследствие чего цены на русские товары, особенно на воск, поднимались; на это именно жаловалась компания, указывая агентам своим, что все эти обстоятельства поведут к понижению цен на

* «Rerum Moscoviticarum auctores varii». P. 150.

** H a k l u y t. Vol. I. P. 517.

*** Possevino. «Moscovia». P. 194. «Supplementum ad historia Russiae Monumenta». № CLXII: «Qui (Anglii) in ea civitate commercia continenter exercent, a vectigalibus ea lege immunes (?), ut semper eorum XII in Moscovia vivant».

**** H a k l u y t. Vol. I. P. 336.

английские товары. Потому компания находила нужным обратиться к московскому царю с просьбой запретить движение русских товаров к Ревелю и Риге и направить его к Вологде и Холмогорам, за что компания готова была обязаться брать русские товары и продавать свои по выгодной для русских купцов цене; иначе, заключает компания в письме от 1560 года, нам не остается надежды на выгодное ведение дел в России*. Компания уговорила в Лондоне русского посла согласиться на ее просьбу о дозволении агентам ее покупать в России товары в долг и приказывала последним закупать этим или другим способом как можно более воску, не заставляя его долго лежать на руках продавцов, чтоб, с одной стороны, захватить весь этот товар в свои руки и снабжать им не только свою страну, но и чужие, а с другой — привлечь к себе русских купцов, облегчая им сбыт их товаров; слыша, что наибольшее количество воска, получавшегося в Данциге, Любеке и Гамбурге, идет из России чрез Новгород, Ригу и Ревель, компания надеялась таким образом отвлечь этот товар от помянутых рынков и направить его к Николаевской пристани и другим пунктам, где господствовали англичане**. С тою же целию компания предписывала агентам дать ей знать, какого рода шерстяные ткани привозятся в Россию из Риги, Ревеля, Польши и Литвы, с подробным описанием их ширины и длины, цвета и цены, и какое количество их можно сбыть в год, чтоб такое же могла заготавливать компания; также выслать всякого рода кожи, ибо компания слышала, что немцы и голландцы закупают их в России больше количество***. Таковы были цели и приемы, с которыми английская компания вела свои дела в России.

Англия снабжала Россию чрез компанию не только своими, но и чужими произведениями. Из счета, представленного Иоанну IV агентами компании, видно, какие товары поставляли они ко двору: в 1574 году взято было у английских купцов для царя 12 пудов сахара, по 8 руб. пуд, и 200 стоп бумаги, по 20 алтын стопа; в 1576 г. взято меди на 1082 руб., в следующем

* Hakluyt. P. 342.

** Ibid. P. 335.

*** Hakluyt. P. 333, 336. «We must procure to utter good quantity of wares, especially the commodities of our realme, although we afford a good penyworth, to the intent to make other that have traded thither, weary, and so to bring our selves and our commodities in estimation» etc.

году взято сукна разных сортов несколько кусков, в 1580 г. взято свинцу на 267 руб. и 15 кусков толстого сукна на 210 руб.*. В 1557 г. компания отправила в Россию 4 корабля с товарами, между которыми было 25 тюков толстого сукна, один тюк фиолетового и один алого, 40 тюков бумажной материи, 518 кусков гемпширской каразеи, именно: 400 синей, 43 голубой, 53 красной, 15 зеленой, 5 коричневой и 2 желтой, и 9 бочек олова. Компания обозначает цены и этих товаров: кусок толстого сукна — 5 фунт. стерл. 9 шил., тонкого фиолетового — 18 фунт. 6 шил. 6 пенс., алого — 17 фунт. 13 шил. 6 пенс., тюк бумажной материи по 7 кусков в каждом — 9 фунт. 10 шил., кусок каразеи — 4 фунт. 6 шил.**. Из письма компании к агентам от 1560 г. узнаем, что она послала в Россию бастры, изюм, чернослив и миндаль***. Англичане привозили в Россию оружие и лошадиную сбрую****. Горсей пишет, что он закупил в Англии для царя львов, позолоченные алебарды, пистолы, ружья и другое оружие, разные аптекарские снадобья, органы, клавикорды и другие музыкальные инструменты, кармин, нитки жемчуга, посуду вычурной работы; в 1585 г. накупил таких вещей на 4000 ливров*****. Агент Гасс писал в 1554 г., чтобы компания доставляла русским такие товары, которыми снабжали их Голландцы, именно: голландские фландрские сукна, указывая на то, что английская компания может доставлять их через гавань св. Николая с меньшими расходами, нежели купцы голландские чрез Ригу, Ревель или Дерпт*****.

Согласно с инструкциями компании, агенты ее скоро указали в России города, которые могли служить главными складочными пунктами для ее товаров и вместе с тем лучшими рынками для покупки русских товаров. Джон Гасс доносил в 1554 г., что лучшим местом для склада английский товаров он считает Вологду, потому что этот город большой, находящийся на удобном водном пути, в сердце России, окружен многими большими и хорошими городами, изобилу-

* Ibid. P. 522, 523.

** Ibid. P. 332.

*** Ibid. P. 334.

**** Ibid. P. 340.

***** Записки Горсея в «Библ. для Чит.» 1865 г. № 6. С. 19.

***** Nakluyt. Vol. I. P. 287.

ет хлебом, вообще жизненными припасами и всеми русскими товарами, особенно льном, пенькой, воском и салом, все вещи здесь вдвое дешевле, чем в Москве или Новгороде; нет города в России, который не торговал бы с Вологдой; даже Москва не так удобна для компании в этом отношении, ибо там, благодаря пребыванию двора компании придется тратить половину своих барышей на подарки царским чиновникам и другие расходы*. На основании этого донесения Гасса, компания устроила в Вологде контору. Другой важный пункт северной торговли находился почти на конце водного северо-двинского пути: это были Холмогоры. Здесь сосредоточивалось торговое движение северного поморского края. Сюда, по словам Гасса, на большую ярмарку в зимний Николин день свозились все роды товаров, какие производил северный край России, как то: тюлений жир, соль, рыба (семга и треска), ворвань, меха; ворвани, замечает Ченслер, в Двинском крае добывалось больше, чем в других местах России. Рыбу привозили сюда из Мурманского моря**, а меха — с Пинеги, из Лампаса и Пустозерска; промышленники этих мест скупали их у самоедов и меняли холмогорским купцам на сукно, олово, медь и другие товары. Из Холмогор меха отвозили в Новгород, Вологду или Москву; в Новгород возили также с Холмогорской ярмарки в большом количестве тюлений жир и вяленую рыбу и сбывали там эти товары голландским и ливонским купцам***. Холмогоры, по словам Ченслера, снабжали Новгород, Вологду, Москву и все окрестности страны солью, добываемую из морской воды, и соленую рыбу. Жители Пустозерска и других приморских местностей промышленяли ловлей моржей, из которых добывали ценный моржовый зуб; его вместе с другими произведениями севера возили на оленях в Лампас, а из Лампаса в Холмогоры****. Холмогоры так же, как и Вологда, скоро сделались важным складочным пунктом английских купцов, имея свою землю и прекрасные дома*****. Кроме дворов в Вологде, Холмогорах и у пристани Св. Николая,

* Ibid. P. 286.

** Hakluyt. Vol. I. P. 286: Their stock-fish and salmon comment from a place called Mallums, not far from Uardhouse.

*** Ibid. P. 286.

**** Ibid. P. 264.

***** Мильто н. «История Московия» (в «Отеч. Зап.» Т. СXXXI. Отд. II. С. С. 107).

у англичан был еще двор в Ярославле; этот город был важным торговым пунктом на пути между Москвой и Вологдой; главные товары его были хлеб, кожи, сало и воск*. В Лампасе, откуда привозилось много товаров в Холмогоры, два раза в год бывала большая ярмарка, на которую съезжалось множество разноплеменного народа — русских, татар, самоедов и проч.**

Приведенные известия о северной торговле уже определяют отчасти, какие товары могла компания вывозить из России с наибольшими удобствами: это были преимущественно произведения северного края России, преобладавшие на упомянутых рынках Вологды и Холмогор. Компания скоро обозначила своим агентам, какие из этих товаров имели наибольший сбыт в Англии: это были воск, сало, ворвань, лен и пенька. Последнего товара компания предписывала не посылать в Англию в необработанном виде, потому что перевозка его обходилась компании слишком дорого, по 6 фунт. стерл. за тонну; но компания послала в Россию 7 канатных мастеров, которых агенты должны были тотчас посадить за работу в Вологде или Холмогорах, снабдив их работниками и материалами; компания предписывала заготавливать как можно больше канатов, потому что, добавляла она, это главный русский товар, и приготовление канатов таким образом обойдется компании дешевле, нежели выписывание их из Данцига. Согласно с этими предписаниями построен был дом в Холмогорах для канатного производства, и 8 мастеров ежегодно передельвали в канаты более 90 000 фунтов пеньки***. Из мехов наибольший сбыт имели в Англии беличьи, лисьи и куньи; компания предписывала высылать из России больше дешевых мехов и меньше дорогих, потому что последние трудно сбывались в Англии. Вообще меха далеко не составляли главной статьи в торговле компании с Россией; как на причину малого сбыта мехов в Англии компания указывала в 1560 г. на распоряжение правительства не носить иноземных мехов. Напротив, увеличивался спрос на сало, и компания в том же году предписывала увеличить присылку этого товара, хотя бы пришлось возвысить несколько покупную цену его; она требовала, чтоб агенты ежегодно отправляли в Англию по

* Hakluyt. Vol. I. P. 264.

** Ibid. P. 338.

*** Ibid. P. 332, 338.

3000 пудов сала*. Второстепенными статьями вывоза были махты, смола и некоторые другие товары, перевозка которых обходилась компании слишком дорого. Но кроме товаров, появлявшихся в изобилии на русских рынках, компания старалась отыскать и захватить в свои руки такие товары, которые дотоле не имели важного значения во внешней торговле России, но о которых компания слышала, что их можно добывать там в изобилии; так, компания предписывала агентам выслать образцы меди и железа, ибо она слышала, будто в России и Татарии добывается большое количество этих металлов; также прислать на пробу известное количество земель или трав или чего бы то ни было, чем русские красят свои льняные и шерстяные материи, кожи и т. п., а равно выслать и те красильные вещества, которые турки и татары привозят в Россию, с описанием, как употреблять их при крашении; наконец, она послала знающего человека для отыскания тиса в Пермской и Печорской областях, указывая на то, что эта статья хорошо пошла бы в Англии**. Соли компания не вывозила из России: предписывая агентам высылать из России значительное количество соленого мяса, компания посылала для этого соль из Англии, находя ее лучше русской***.

Мы видели, какие цены назначала компания некоторым английским товарам, которые она отправляла в Россию. О том, какие выгоды получала она от продажи здесь этих товаров, можно отчасти составить себе понятие по донесению агента Гудсона, который продавал в Нижнем Новгороде сукно, стоившее на месте 4 фунт. стерл., по 17 руб. за кусок, что, по его словам, составляло почти тройную цену****; в Москве товары, стоившие 6608 фунт., проданы были за 13 644. Другой агент не согласился продать русскому купцу сукно, стоившее компании около 5¹/₂ фунт. за кусок, по 12 руб., надеясь получить больше*****. В донесениях агентов компании находим несколько указаний на цены, по которым она покупала русские товары. Агент

* *Nakluyt.* P. 333, 342.

** *Ibid.* P. 333, 335.

*** *Ibid.* P. 345. Ср. жалобу вологодских и белозерских купцов в «Истории России» Соловьева. Т. XII. С. 63.

**** Компания принимала русский рубль за 16 шиллингов 8 пенсов, хотя и замечала, что он стоит не больше 134 шиллингов, *Nakluyt.* Vol. I. P. 337.

***** *Ibid.* P. 293.

Келлингворт покупал воск по 7 пенс. за фунт; пенька продавалась в Вологде в 1557 г. по 2¹/₂ руб. за берковец, но в то же время другие агенты купили в Новгороде пеньки на 700 руб. по 1¹/₂ руб. за берковец; белый новгородский лен продавался по 3 руб. за берковец. В том же году англичане купили в Вологде 400 пудов сала за 77 руб., 17 берк. 6 пуд. 6 фунт. небеленого льна и пеньки за 28 руб. 11 алт. 2 деньги; в Холмогорах куплено в 1558 г. 13 пуд. 7 фунт. пеньки за 2 руб. 28 алт. 4 деньги. На цену ворвани в России нет указаний в донесениях агентов: но в 1560 г. компания жаловалась в письме к агентам, что в Англии цена на ворвань была не так хороша, как прежде, именно, бочка продавалась по 9 фунт. стерл.*

Утвердившись в гавани Св. Николая, англичане простерли отсюда свои торговые предприятия в страны, лежащие на восток и запад от Белого моря, и оставили нам любопытные известия о промышленности и торговле на отдаленных северных окраинах Московского государства. Выше мы привели известия агентов о торговом движении в стране на восток от устья Северной Двины; другие агенты сообщают известие о торговле на Мурманском берегу. Начало сношений компании с жителями этого края сделано было в 1557 году: агент ее Стефан Берроу, отыскивая пропавшие английские корабли, приплыл летом этого года в залив, недалеко от местечка Кегора, к северу от устья р. Колы, и встретил здесь несколько норвежских и голландских судов, пришедших сюда для менового торга с русскими и туземцами, лопарями и корельцами. Голландцы привезли сюда серебряную посуду, ложки, позолоченные кольца, украшение для поясов, ожерелья с серебряными цепочками, сукна разных цветов и очень выгодно обменивали на эти товары или покупали у туземцев треску и семгу. Голландцы не хотели сказать английскому агенту, по какой цене покупали они здесь эту рыбу, но он узнал, что они брали по 100 штук трески за 1 доллар. Голландские купцы сказывали английскому агенту, что они ежегодно приезжали к Кегору, где добывалась лучшая треска, и с большою выгодой нагружали здесь свои суда этою рыбой. Корельцы и лопари предлагали и англичанину купить

* Ibid. P. 295, 337, 338, 344. См. цены привозных и вывозных товаров в Архангельске по отпискам 1604 и 1605 годов у Карамзина. Т. X. С. 234, 235. Примеч. 435.

у них рыбы, и когда последний сказал им, что он не за тем прибыл сюда, они просили его побывать у них на следующее лето. Берроу заметил им, что тогда у них не достанет рыбы, чтобы удовлетворить запросам голландских и английских купцов; но туземцы отвечали, что если больше будет приходить к ним кораблей, то и у них больше народа будет заниматься рыболовством, что и теперь для этого некоторые из них приезжают сюда на оленях издалека, но жалеют, что некому сбывать рыбу, и потому должны отдавать ее голландцам по цене, какую назначат последние. Русским они продавали 24 рыбы (семги или трески) за 4 алтына. То же сказал агенту и московский чиновник, который собирал подать с лопарей и пригласил Берроу в свою палатку. Он советовал англичанам начать торговые сношения с туземцами, и на вопрос агента, какие товары всего лучше привозить сюда, отвечал: серебро, жемчуг, сукно, муку, крепкое пиво, вино, олово и золото. Агент обещал, что в будущем году сюда прибудет английский корабль, — и сношения завязались. Тот же агент в другом донесении писал, что в Кегор к 29 июня сбиралось множество русских, норвежцев, корельцев и лопарей, и происходил большой меновой торг; туземцы выменивали на рыбу, рыбий жир и меха товары приезжих купцов. Главный надзор и сбор пошлины на этом торгу принадлежал московскому чиновнику; но, кроме того, здесь присутствовали с тою же целью чиновники датский и шведский. Прежде чем открывался торг, московский чиновник осматривал товары у лопарей и корельцев, подвластных московскому государю, и давал им разрешение на продажу; то же делали и другие чиновники. Берроу добавляет, что за право рыболовства у Лапландских берегов, от монастыря на Печенге до монастыря Св. Николая, поданные московского царя платили значительные суммы в казну. Добыванием рыбы и рыбьего жира у Лапландского берега занимались и англичане: в 1577 г. рыболовы компании, имея при себе одну рыболовную лодку, поймали около 10 000 штук трески, что вместе с добытым из нее жиром доставило компании 320 фунт. стерл.; кроме того, английский корабль выменял у туземцев рыбьего жира и других товаров на 100 кусков сукна. Однако ж агенты жаловались компании, что она не обращает достаточно внимания на торговлю с Лапландией и этим уступа-

ет преобладающее значение в той стране другим европейским промышленникам; один агент писал, что в 1574 году два английские корабля вывезли из Лапландии только 300 бочек рыбьего жира, тогда как другие купцы, преимущественно голландские, купили там у русских, корельцев и лопарей 1183 бочки*.

В конце царствования Иоанна IV льготы английской компании были ограничены, но в царствование Феодора, благодаря приязни Бориса Годунова к англичанам, последние опять добились позволения торговать в России вольною торговлей, освободившись от платежа пошлин, простиравшихся со времени ограничения льгот более чем на 2000 фунт. стерл. в год**. Но англичане добивались не одной свободы от пошлин; они добивались права исключительной торговли в России. На предложение об этом со стороны королевы Елизаветы из Москвы отвечали, что дело несложнее указывать царю в его государствах тому торговать, а иному не торговать. За старания компании вытеснить из России других иноземных купцов, даже англичан, не принадлежавших к компании, последние преследовали ее суда и агентов, на что она сильно жалуется в своих инструкциях и письмах к агентам; но она и сама прибегала к подобным же средствам с целью избавиться от соперников. В Москву приходили жалобы других иностранных купцов, что англичане не пропускают их кораблей к Московскому государству***. Вытеснить соперников компании не удалось: Горсей пишет, что летом в гавани Св. Николая всегда можно было найти кроме английских суда немецкие, голландские и французские****. Но во внутренних областях государства англичане не встречали таких сильных соперников, как на пограничных рынках России. Агенты компании доносили, что англичане пользуются большим доверием русских купцов, что последние с особенною охотой предлагают им свои

* Hakluyt. Vol. I. P. 329, 467, 469, 464; Флетчер. Гл. 20

** Hakluyt. Vol. I. P. 521.

*** По поводу этих жалоб царь писал Елизавете: «Если так делается в самом деле, то это твоих гостей правда ли, что за наше великое жалованье иноземцев отгоняют? Вожию дорогу. Океан-море как можно перенять, унять и затворить». Соловьев. «История России». Т. XII. С. 335.

**** Из переговоров с Боусом узнаем, что к Николаевской пристани приходил известный антверпенский купец Иван Белобород (John de Wale), а Кольскую пристань посещали купцы французские. Соловьев. «История России». Т. VI. С. 400.

товары, зная их как хороших покупателей и исправных плательщиков; но из инструкций компании видно, какими соображениями руководилась она, стараясь привлечь к себе русских торговых людей: ей хотелось вытеснить иноземных конкурентов и господствовать на русских рынках, потому что конкуренция возвышала цены русских товаров и понижала цены английских. Действуя таким образом с помощью льгот, испрошенных у московского правительства, компания давила русских торговых людей; последние чувствовали свое бессилие пред богатыми и ловкими английскими купцами, которые действовали соединенными силами, систематически; русские торговые люди не могли стянуть с ними и ненавидели их за их привилегированное положение в России. Горсей рассказывает, что когда Боус ехал на аудиенцию во дворец, народ в Москве, догадываясь о цели его приезда в Россию, поносил его обидными прозвищами*. В начале царствования Михаила Федоровича англичане получили грамоту на свободную беспощлинную торговлю в России; русские торговые люди жаловались на стеснения и потери, которым они подвергаются от иноземных купцов, преимущественно англичан, желали удаления этих купцов из внутренних областей государства**;

но Спафари сказывал Невиллю, что англичане сохраняли преобладающее значение в русской торговле до смерти короля Карла I***. В 1649 году наконец исполнено было давнее желание русских торговых людей: англичане, по царскому указу, высланы были из внутренних областей государства, а им позволено было торговать только у Архангельского города. В объяснение этой меры Карлилю говорили в Москве, что англичане продавали в России табак вопреки царскому запрещению и не доставляли в царскую казну английских товаров: сукна, олова, свинца по цене, по какой продавались они в Англии, о чем постановлено было условие в царствование Михаила****. По высылке из внутренних областей и уничтожении льгот англичане платили в казну пошлины 6000 руб.

* Горсей в указан. месте. № 4. С. 62.

** См. об этих жалобах: Соловьев. «История России». Т. IX. С. 416 и след.

*** Neuvillie. P. 210.

**** О другом побуждении, которым правительство объясняло высылку англичан, см. Соловьев. «История России». Т. X. С. 161.

ежегодно*. После этого преобладающее значение в торговле на севере Московского государства получили купцы голландские, несмотря на то, что платили царю 15 % пошлины с привоза и вывоза; по словам Невилля, они держали в Архангельске более 200 агентов, которые зимой ездили в Москву и другие города для закупки русских товаров. К Архангельску приходили также суда из Гамбурга и других ганзейских городов. В XVII веке Архангельск был главным местом сбыта хлеба за границу, который покупали преимущественно голландцы**. По известиям XVII века, по Северной Двине ходило вверх и вниз множество судов; русские купцы свозили по ней к Архангельску воловьи и лосиные кожи, пеньку, смолу, льняное семя, золу, разные меха, меняя все это на товары, привозившиеся голландскими и английскими купцами из Испании, Италии, Франции, Голландии и Англии, как то: пряные коренья, сахар, шафран, соленые сельди, вина, разные ткани, голландские сукна и полотна, зеркала, ножи, шпаги, ружья, пистолеты, мушкеты, медь, свинец, олово, серебро и золото, тафту, атлас, бархат, парчу, шерстяные и бумажные чулки, волоочное золото, жемчуг, алмаз и другие драгоценные камни, наконец большое количество серебряной и золотой монеты***. Купцы фламандские и гамбургские, по свидетельству Невилля, вывозили из России чрез Архангельск преимущественно воск и железо. Иноземные корабли приходили к Архангельску в июле и уезжали в сентябре. Ежегодно приходило сюда до 30 иностранных кораблей****. Северная иностранная торговля чрез пристань Св. Николая и потом Архангельск имела важное влияние на северо-двинский край: ей приписывали увеличение народонаселения и развитие промыслов в этом крае*****. Кроме западных купцов, сюда приезжали и восточные — татары, бухарцы, персияне*****. О значительности архангельской торговли в XVII веке можно судить по величине таможенной пош-

* Carlisle. P. 189, 200, 257.

** Carlisle. P. 72. Продажа хлеба за границу была монополией казны. См. грамоту об этом в «Истории России» Соловьева. Т. IX. С. 419.

*** Mayerberg. Vol. II. P. 56, 57. Иногда на одном корабле привозилось до 80 000 ефимков, с которых платили пошлину, как с товаров. Карамзин. Т. X. С. 235.

**** Neuville. P. 213.

***** Mayerberg. Vol. II. P. 55.

***** Рейтенфельс. С. 43.

которой, по свидетельству Олеария, в иные годы собиралось в Архангельске больше 300 000 руб.*

Перемена, начавшая обнаруживаться в торговле Московского государства с Западною Европой с половины XVI века, состояла в том, что движение этой торговли стало более и более отклоняться от прежних своих средоточий и направляться в другую сторону — на север, к устью Северной Двины. Но прежние средоточия западной торговли и после открытия северной торговли не потеряли своего значения. Мы упоминали о торговом движении по Днепру, передававшем в Литву русские товары из Москвы и Холопьяго города. Ланнуа встречал в Литве русские вещи, именно: шубы, постели, перчатки и чашки**; по известию Герберштейна, в Калуге искусно вырезывали из дерева чарки и другую домашнюю посуду, которую отправляли на продажу в Литву***. В торговле Московского государства с Польшей важное значение имела Люблинская ярмарка, куда вместе с купцами из Пруссии, Ливонии, Германии, Венгрии, Литвы, Татарии приезжало много и московских купцов****. Но главное место в торговле с Западом занимали города, находившиеся в стороне от больших речных систем, на реках сравнительно менее значительных, но зато имевших прямую и близкую связь с Балтийским морем: это были Новгород и Псков. В начале XVI века купцы московские, особенно из Новгорода и Пскова, складывали свои товары на правом берегу реки Нарвы, в деревянном городке того же имени близ Иван-города, и потом отправляли их рекой к морю*****. Во второй половине XVI в. Нарвская пристань была некоторое время во власти московского царя; но и после того, как она отошла к шведам, торговое движение к ней из России не прекращалось. Из Пскова и Новгорода отправляли туда лен, пеньку, сало, воск и кожи; в торговле этими товарами Новгород и Псков занимали первое место в России. Особенно славился между иностранными куп-

* Olearius. P. 221.

** G. de Lannoy. P. 35, 37.

*** Herberstein. P. 50.

**** Ibid. P. 102.

***** О положении Русской Нарвы Олеарий пишет: «Au pied de ce chateau (Иван-города) se voit un bourg que l'on nomme la Nerva Moscovite, pour la distinguer d'avec la Nerva Teutonique ou Allemande. Ce bourg est habite par des Moscovites naturels». P. 86. Следовательно, Русскою, или Московскою, Нарвой называли посад Иван-города.

цами новгородский лен; по словам одного английского агента, в Новгород привозили лучший русский лен и продавали связками; было два сота льна: 100 связок высшего сорта продавались 4-мя рублями дороже такого же количества низшего сорта. Лен высшего сорта был длинее и чище; пуд его выходил из 22-24 связок, тогда как пуд низшего сорта выходил из 27 или 28 связок*. Англичане отдавали Новгороду решительное преимущество пред Москвой в торговом отношении. В первой половине XVI века голландцы имели в нем свой двор и торговали беспощадно; незадолго до открытия сношений России с Англией они потеряли свои льготы за какие-то противозаконные поступки и снова возвратили их, заплатив 30 000 руб.** Псков и в конце XVI века был наполнен иностранными купцами, по выражению Вундерера. О значении Пскова для прибалтийских городов можно составить себе понятие из того, что писал в Любек в 1593 г. ревельский совет; он писал, что торговля с русскими чрез Псков всегда составляла для жителей Ревеля и других ганзейских городов один из главных источников пропитания и благосостояния. Расширение западной торговли Московского государства во второй половине XVI века чрез Нарву, появление в Нарвской пристани кораблей из отдаленных морских государств Западной Европы грозило ганзейским городам большими потерями, и совет города Ревеля, жалуясь в упомянутом письме на эти перемены, указывает на необходимость перевести торговый порт из Нарвы в Ревель, чтобы удалить чужих купцов из России или, по крайней мере, заставить их действовать в интересах Ревеля и других ганзейских городов***. Соображения, высказанные в письме ревельского совета, объясняют нам известие агента английской компании Лена, который пишет, что англичане давно имели торговые сношения с Ригой и Ревелем, но до 1560 г. ничего не знали о нарвской торговле, которую тщательно скрывали от них купцы Данцига и Любека****. В 1560 г. корабли

* Hakluyt. Vol. I. P. 468, 287.

** Ibid. P. 286. «Rerum Moscoviticarum auctores varil». P. 150.

*** Wir aber nun mit höchsten Schmerzen vernehmen, wie zu dieser Zeit derseble Handel zur Pleskow der erbaren Stetters Inwohner und Bürgers je lenger je mehr durch die frembde Nationen zu Schaden, Verderb und Untergang getrieben werden etc. В 1596 г. совет опять жалуется, что торговля Ревеля с Россией падает и торговый порт по-прежнему в Нарве. «Supplementum ad historica Russiae Monumenta». № XXXVII—XCIV.

**** Hakluyt. Vol. I. P. 525.

английской компании в первый раз посетили нарвский порт, и с тех пор начались постоянные сношения англичан чрез этот порт с важнейшими торговыми городами Московского государства, которые ссуждали приходявшие к Нарве корабли своими товарами. Какие выгоды получала компания от этой торговли, можно заключать по известию о торговой поездке агента ее Гудсона, который в 1567 г. приплыл в Нарву с товарами на 11 000 фунт. стерл.; товары эти состояли из сукна, каразеи и соли; при продаже их компания получила 40 % прибыли. Но и нарвская торговля англичан соединена была с такими же затруднениями, как и беломорская. В 1569 г. тот же агент Гудсон приплыл из Лондона в Нарву на трех кораблях и писал компании, чтобы на следующую весну она прислала 13 кораблей, которые все он надеется нагрузить товарами; но при этом он писал, что корабли надобно хорошо снабдить огнестрельным оружием на случай встречи с корсарами. Действительно, английские корабли встретили 6 кораблей польских корсаров; бой был неравный: один корсарский корабль ушел, другой был сожжен, остальные 4 были приведены в Нарву и 82 человека пленных выданы были московскому воеводе*. Несмотря однако ж ни на жалобы ревельцев, ни на разбой польских корсаров, Нарва и в XVII веке продолжала быть важным посредствующим рынком в торговле ближайших к ней городов Ливонии и Московского государства с приморскими странами Западной Европы. По известию, сообщенному Олеарием, туда привозили водным путем товары из Дерпта и Пскова; в 1654 году к Нарве приезжало более 60 судов, которые нагрузили здесь товаров более чем на 500 000 экю**. — Кроме Нарвы, товары из России шли по Западной Двине к Риге; это были: мыло, кожи, хлеб, смола, лен, пенька, мед, воск, сало и меха; эти товары шли чрез Ригу в Пруссию, Швецию, Данию и Германию***. По словам Рейтенфельса, русские купцы имели складочные дворы в Риге, Ревеле и Вильне; если им нужно было вести товары за море, они нанимали суда у иностранцев за высокую плату****.

Сличая изложенные известия о восточной и запад-

* Hakluyt. Vol. I. P. 451.

** Olearius. P. 85.

*** Mayerberg. Vol. I. P. 50.

**** Рейтенфельс. С. 43.

ной торговле Московского государства, мы находим любопытную разницу между той и другой относительно предметов вывоза; в товарах, отпускаявшихся на Восток, преобладали произведения не первоначальной промышленности, продукты более или менее обработанные; на Запад, напротив, Московская земля отпускала почти исключительно сырые произведения — мед, воск, сало, меха, кожи, лен, пеньку, лес. Во время Иовия меха по значительному спросу на них до такой степени возвысились в цене, что мех для шубы стоил не менее 1000 золотых; западные купцы вывозили из России в большом количестве дуб и клен, высоко ценившиеся в Западной Европе; Кампензе, учитывая обилие меда и леса в Московском государстве, думает, что все количество воска и смолы, а также мехов, потребляемое Европой, вывозится из Московских владений*. Мед и воск Олеарий называет лучшими вывозными статьями внешней торговли России; за внутренним потреблением, весьма значительным, воску, по свидетельству Флетчера, вывозилось за границу в его время до 10 000 пуд., но прежде гораздо больше, до 50 000 пуд.; по показанию Олеария, воску вывозилось в XVII веке ежегодно более 20 000 центнеров**. За указанными статьями вывоза следовали меха; московские купцы сказывали Флетчеру, что за несколько лет до его приезда в Москву купцы турецкие, персидские, бухарские, грузинские, армянские и из разных христианских стран вывозили мехов на 400 000 или 500 000 руб. В XVII в. вывоз мехов усилился: Олеарий пишет, что в иные годы русские купцы продавали за границу мехов более чем на миллион рублей***. Относительно других статей вывоза Флетчер оставил нам цифры, показывающие, насколько уменьшился вывоз разных товаров в его время в сравнении с прежним, при этом Флетчер ссылается на свидетельство людей знающих, говоря, что от них так слышал. Сала вывозилось прежде до 100 000 пуд., а теперь, во время Флетчера, не более 30 000; льном и пенькой ежегодно нагружалось в Нарвской пристани до 100 больших и малых судов, а теперь не более 5. Здесь

* Иовий. С. 40. Относительно смолы и воска это известие не совсем точно, ибо воск и смола шли в Европу и из Литовских владений, но оно указывает, откуда привозилось наибольшее количество этих товаров.

** Флетчер. Гл. 3; Olearius. P. 120.

*** Флетчер. Там же; Olearius. P. 121.

Флетчер не определяет ясно, что понимает он под словом «прежде»; из приводимых им причин уменьшения вывоза, именно отнятия Нарвской пристани у Москвы и закрытия сухопутного сообщения через Смоленск и Полоцк по случаю войны с Польшей (которой в царствование Федора не было), можно заключить, что он разумел время до царствования Иоанна IV или по крайней мере всю первую половину XVI века*

Между тем с половины XVI века торговые связи Московского государства расширяются; видим со стороны московского правительства попытки завести деятельную торговлю с западными европейскими государствами, открыть русские рынки большому числу иностранных купцов, с условием, чтобы и русским торговым людям открыто было больше заграничных рынков. В первой половине XVI века в Москву могли приезжать для торговли купцы польские, литовские и из некоторых восточных стран; во второй половине XVI века туда допущены были еще купцы шведские и английские; но купцам из Ливонии и Германии открыты были только рынки в Новгороде и Пскове. В первой половине XVII века по всему государству вели деятельную торговлю купцы голландские, ганзейские, английские, датские, шведские, немецкие, татарские, польские, персидские, армянские и другие. По словам Невилля, в Москве, в Немецкой слободе жило в его время больше 1000 купцов голландских, гамбургских, английских и итальянских**. Впрочем, и в XVI в. бывали случаи, когда всякий иностранный купец мог попасть в Москву с товарами: когда, говорит Герберштейн, отправляются в Москву послы из какого-нибудь государства, к ним обыкновенно пристают купцы из разных стран, потому что под покровительством послов всякие купцы могли свободно приезжать в Москву и торговать здесь беспощинно; иногда они получали в Москве даже содержание от государя как члены посольства, с которым они приехали***. Привезенные в Москву заграничные товары тотчас предъявлялись таможенным приставам, которые осматривали и оценивали их; но и после того нельзя было еще продавать эти товары, пока их не показывали государю или на-

* Флетчер. Там же; ср. Carlisle. P. 72.

** Neuville. P. 211.

*** Possevino. P. 26. «Nec alliquid pendunt et aluntur a Principe». Ср. «Rerum Moscoviticarum auctores varii». P. 156.

значенным для этого сановникам; при этом осмотре лучшее покупалось в государеву казну. Отсутствие прямых и правильных торговых сношений производило иногда странные явления в торговле с иностранцами. Своевременный привоз даже дешевых товаров непомерно обогащал продавцов; но нелегко было рассчитать эту своевременность. Часто случается, пишет Герберштейн, что является сильный спрос на какой-нибудь товар, и кому первому удавалось привезти его, тот получал непомерные барыши; но потом, когда другие купцы навозили много этого товара, он так падал в цене, что первые купцы, которые продали свой товар по высокой цене, опять скупали его по гораздо меньшей цене и возвращались на родину с большими барышами. Мы видели, как выгодно отозвался Герберштейн о торговых обычаях жителей Пскова. Совсем иначе отзывается тот же иностранец о торговых людях других городов, особенно Москвы. Они, говорит Герберштейн, ведут торговлю с величайшим лукавством и обманом. Покупая иностранные товары, они всегда понижают цену их наполовину, и этим поставляют иностранных купцов в затруднение и недоумение, а некоторых доводят до отчаяния; но кто, зная их обычаи и любовь к проволочке, не теряет присутствия духа и умеет выждать время, тот сбывает свой товар без убытка. Иностранцам они все продают дороже, так что иная вещь стоит им самим 1 дукат, а они продают ее за 5, 10, даже за 20 дукатов, хотя случается, что и сами покупают у иностранцев за 10 или 15 флоринов какую-нибудь редкую вещь, которая не стоит и одного флорина. Если при сделке неосторожно обмолвишься, обещаешь что-нибудь, они в точности припомнят это и настойчиво будут требовать исполнения обещания, а сами очень редко исполняют то, что обещают. Если они начнут клясться и божиться, — знай, что здесь скрывается обман, ибо они клянутся с целью обмануть. Я просил одного боярина, рассказывает Герберштейн, помочь мне при покупке мехов, чтобы купцы не обманули меня: тот сейчас обещал мне свое содействие, но потом поставил меня в большое затруднение: он хотел навязать мне свои собственные меха, а тут еще начали приставать к нему другие продавцы, обещая заплатить за труд, если он спустит мне их товар по хорошей цене. Есть у них обычай ставить себя посредниками между продавцом и покупателем, и взяв

подарки особо и с той и с другой стороны, обеим обещать свое верное содействие. Есть у них обширный двор недалеко от Кремля, называемый Гостиным двором (*Curia dominorum mercatorum*), в котором купцы складывают свои товары; здесь перец, шафран, шелковые материи и т. п. товары продаются гораздо дешевле, чем в Германии. Причину этого надобно полагать в преобладании меновой торговли. Если московские купцы назначают очень высокие цены своим мехам, приобретенным ими очень дешево, то и иностранные купцы, чтобы не быть в убытке, дают им в обмен на эти меха дешевые товары, назначая им высокие цены; но в этой мене московский купец выигрывает столько, что может продавать иностранные товары, вымененные на меха, по такой низкой цене, по какой не мог бы продавать их иностранный купец, привезший их в Москву. Из всех этих известий видно, что торговля московских купцов с иностранцами носила на себе в сильной степени характер игры. Олеарий указывает на другие операции московских купцов, которые еще лучше характеризуют дело: я изумлялся, пишет он, видя, что московские купцы продавали по $3\frac{1}{2}$ эку аршин сукна, которое они сами покупали у англичан по 4 эку; но мне сказывали, что это им очень выгодно, потому что, купив у англичан сукно в долг и продавая его за наличные деньги, хотя и дешевле своей цены, они обращают вырученные деньги на другие предприятия, которые не только покрывают потери, понесенные ими при продаже сукна, но и доставляют сверх того значительные барыши. Московские купцы, по словам Олеария, высоко ставили в купце ловкость и изворотливость, говоря, что это — дар Божий, без которого не следует и приниматься за торговлю; один голландский купец, самым грубым образом обманувший многих из московских торговых людей, приобрел между ними такое уважение за свое искусство, что они, нисколько не обижаясь, просили его принять их к себе в товарищи, в надежде поучиться его искусству*. Один Герберштейн оставил нам известие о росте; он называет его невыносимо большим; брали, по его словам, обыкновенно не менее 20 процентов, и только церкви соглашались давать ссуды по 10 процентов**.

* Herberstein. P. 42, 43; Olearius. P. 145.

** Herberstein. P. 44.

ХИ. МОНЕТА

Оканчивая изложение известий иностранцев о промышленности и торговле Московского государства, изложим некоторые сообщаемые ими сведения о монете. Рубруквис, проехавший по южной России в XIII в., говорит, что обыкновенная русская монета состоит из кожаных пестрых лоскутов*. Эти кожаные деньги еще ходили на Руси в начале XV в., и их видел Ланнуа, бывший в Новгороде в 1412 году. Этот путешественник пишет, что монетой в Новгороде служат куски серебра** окло 6 унций весом, без всякого изображения; золотой монеты нет, а мелкою монетой служат головки белок и куниц***. С этим известием согласно и свидетельство Герберштейна, который говорит, что за сто лет до него в России отливали продолговатые кусочки серебра ценою в рубль, без надписи и изображения; он прибавляет, что в его время таких рублей уже не было в обращении****. В то же время, продолжает Герберштейн, оставили мордки и ушки белок и других зверей, употреблявшиеся до того времени вместо денег*****.

* Карамзин. Т. IV. С. 60.

** Рубли или прежние гривны серебра. Счет гривнами заменился счетом рублями в первой половине XIV века.

*** G. de Lannoу. P. 20.: «Et est leur monnoye de keucelles d'argent, pesans environ six onces, sans empreinte; et est leur menue monnoye de testes de gris et de martes».

**** Герберштейн говорит, что до этого времени на Руси вовсе не было серебряной монеты: «Vix centum annis utuntur moneta argentea, praesertim apud illos cusa». Но существование серебряной монеты до XV века доказывается неоспоримыми свидетельствами. Соловьев. «История России». Т. III. С. 53.

***** Об отмене кожаных денег и переменах в звонкой монете в Пскове и Новгороде в первой половине XV века см. «Поля. Собр. соч. Р. Лет.» Т. V. С. 21, 24; Соловьев. «История России». Т. IV. С. 262, 263.

В первой половине XVI в. в Московском государстве ходила монета 4 родов: московская, новгородская, тверская и псковская. Низшею монетною единицею была деньга. Московская деньга имела овальную форму с различными изображениями. Герберштейн различает в этом отношении древние и новейшие деньги; древние имели на одной стороне изображения розы, а на другой надпись; на новейших по одну сторону изображался человек на коне, а по другую была надпись. Из сложения денег составлялись высшие счетные единицы: 6 денег московских составляли алтын, 20 — гривну, 100 — полтину, 200 — рубль; во время Герберштейна чеканились новые монеты (полденьги), с надписями по обе стороны; в рубле их было 400. Тверская деньга имела надписи по обе стороны и по цене равнялась московской. Новгородская деньга по цене была вдвое больше московской, на одной стороне ее изображался государь на престоле и преклоняющийся перед ним человек, а на другой была надпись; в новгородской гривне считалось 14 денег, а в рубле 222. Псковская деньга имела на одной стороне изображение увенчанной головы быка, а на другой надпись. Золотой монеты в Московском государстве не делали; но в обращении было много золотых венгерских и рейнских. Ходили еще рижские рубли, из которых каждый равнялся двум московским. Московская монета делалась из хорошего чистого серебра. Почти все золотых дел мастера в Москве, Новгороде, Пскове и Твери, по свидетельству Герберштейна и Гваньини, чеканили монету. Желавший обменять кусок серебра на деньги приносил его к мастеру и получал равное по весу количество серебряной монеты, платя мастеру указанную, очень незначительную сумму за труд. В правление Елены (в 1535 году) произошли перемены в монетной системе: счетная единица рубль понизилась в значении, стала обозначать меньшее количество металла. При Герберштейне в рубле считалось 200 московок, или московских денег; во второй половине XVI века, по словам Гваньини и других иностранцев, в рубле считалось 100 денег. На степень понижения рубля указывают известия о цене венгерского золотого в Москве: при Герберштейне обыкновенная цена его была 100 денег московских, т. е. полурубли; во время Гваньини венгерский золотой стоил 60 денег, т. е. больше нового полурубли. Монетная единица также уменьши-

лась в достоинстве: при Герберштейне за московку давали 60 медных пул, а во время Гваньини только 40*. Герберштейн, Гваньини и англичане XVI века пишут, что в Московском государстве не чеканили золотой монеты; в обращении были только иностранные золотые, но Бухау говорит, что попадались, хотя очень редко, и золотые монеты, деланные в Московском государстве, с таким же изображением и надписью, как на серебряных деньгах; эти золотые монеты были несколько меньше венгерских золотых. Все упомянутые иностранцы XVI века указывают на употребление в Московском государстве маленьких медных монет, называвшихся пулами; при Герберштейне их ходило за московскую деньгу 60, а при Гваньини 40; но таких монет было немного в обращении; по свидетельству Гваньини и Бухау, они делались преимущественно для бедных и употреблялись на мелкие покупки и на милости нищим**. Таким образом, ходячую серебряною монетою были полденьги, или полушки; деньги, или прежние московки, и копейки, или прежние новгородки; из сложения копеек составлялись высшие счетные единицы — алтын, гривна, полтина, рубль, которые не имели соответствующих им металлических знаков***.

В первой половине XVII века в достоинстве монеты не произошло перемены, по крайней мере значительной. По словам Петрея, 36 денег (т. е. новгородских,

* Эти известия о перемене в денежной системе объясняются словами летописи: «Повеле Великий Князь делати новые леньги на свое имя без всякого примеса из гривенки из каловые 300 денег новгородских, а в московское число три рубля равно; а по указу отца его из гривенки делали 250 денег новгородских, а в московское число полтретья рубли с гривною. А при Великом Князе Василии Ивановиче бысть знамя на деньгах князь великий на коне, а имея меч в руке; а князь великий Иоанн Васильевич учини знамя на деньгах князь великий на коне, а имея копие в руке, и оттоле прозвашася деньги копейные». Карамзин. Т. VIII. Примеч. 67. Из этого видно, что название копейки перешло на новгородскую деньгу, только уменьшенную в количестве металла, название же деньги, как половины копейки, удержалось за московской деньгой. Этим объясняется, какие деньги разумел Гваньини, говоря, что в новом рубле 100 московских денег. Московки и в XVII в. имели прежнее изображение человека на коне с саблею. Котошихин. Гл. VII. Ст. 9.

** Herberstein. P. 41, 42; Guagnini. P. 157, 158; Printz a Buchau. P. 243—245. Агент английской компании Гасс прибавляет: «There is a coin of copper, which serve for the relief of the poor in Moscow any no where else». Nakluyt. Vol. I. P. 285. Таких медных монет, или пул, ходило 13 за полденьгу, т. е. почти столько же, сколько показывает Гваньини. В торговле медные монеты, по словам Гасса, не обращались: «It is no current money among merchants».

*** Мелкий денежный счет был такой: в рубле 400 полушек, 800 полуполушек, 1600 пирогов, 3200 полупирогов, 6400 четв. пирогов. Карамзин. Т. X. Примеч. 435.

или копеек) весили немного менее 2 лотов; следовательно, в рубле было немного менее 16 золотников серебра; по указу 1535 года, из полуфунта серебра велено чеканить ровно три рубля*. Ходячей серебряной монетой в первой половине XVII века продолжали быть копейки, ценою около 16 денариев, по Маржерету и Олеарию, московки и полушки; последние были так мелки, что, по словам Петрея и Олеария, русские на рынке горстями кляли их в рот, чтоб не потерять, и это нисколько не мешало им говорить. Чеканили монету по-прежнему в 4 городах — Москве, Новгороде, Пскове и Твери (где право на это, по Петрею и Оларию, иногда отдавалось на откуп богатым купцам). Серебряная монета чеканилась из привозного серебра, особенно «ефимочного», т. е. из перелитых рейхсталеров, привозившихся в Россию, как мы видели, во множестве чрез Архангельск в виде товара**; на то же употреблялись, по свидетельству Олеария, и испанские реалы. Ефимки, по свидетельству того же иностранца, были по весу немного более полурубля***, но в Москве принимали их от иностранных купцов по гораздо низшей цене. По словам Маржерета, цена их иногда падала до 12 алтын, или 36 денег****; как видно из иностранных известий, мена иностранных монет была для московских торговых людей предметом настоящей биржевой игры; в которой большею частью проигрывали иностранцы. Герберштейн говорит, что, как скоро иностранец покупал что-нибудь на свою монету, московские купцы понижали ее цену; но если иностранец продавал свой товар московским купцам или, уезжая из Москвы, искал иностранной монеты, ему предлагали ее по возвышенной цене. Особенно сильно колебалась цена иностранной золотой монеты,

* Маржерет говорит, что московский рубль его времени равнялся 6 ливрам и 12 су; на этом основании Карамзин ценит рубль второй половины XVI в. в 5 серебряных рублей своего времени. «История Государства Российского». Т. X. Примеч. 404. Но г. Устрялов, на основании известия петрея, считает рубль начала XVII в. почти равным 3 руб. 30 коп. серебром по курсу 30-х годов текущего столетия. «Сказания современников о Димитрии Самозванце». Ч. 3. Примеч. 63.

** Ефимками, по Олеарию, назывались в Москве рейхсталеры потому, что некогда на них делалось изображение Св. Иоахима и эту монету сперва чеканили в Богемии, в городе Joachimsthal. См. Олеарий. С. 183.

*** Именно рубль весил на 1/2 лота менее 2 ефимков: «Mais d'autant qu'il s'en faut deux gros que les cent copes ne present deux rixdalers, les Moscovites etc.». Olearius. P. 182.

**** Царская казна принимала от иностранцев ефимки в уплату за свои товары по 40 или по 42 коп. К о т о ш и х и н. Гл. VII. Ст. 9.

даже во внутреннем обращении; по словам Маржерета, русские покупали и продавали золотую монету, как и прочие товары; иногда за червонец платили 24 алтына, а иногда 16; обыкновенная же цена им была 18—21 алт. Но бывали случаи, когда цена червонцев возвышалась до 2 рублей, и тогда сильно наживались купцы, успевшие вовремя запастись ими: такая дороговизна случалась во время царского коронавания или брака, также при крестинах, ибо тогда много червонцев шло на подарки царю и царице. То же было и за несколько дней до Пасхи, ибо на Пасху русские, христосуясь с боярами и другими влиятельными людьми, подносили им вместе с красными яйцами и червонцы*. Вследствие этих колебаний цен на иностранную монету заграничные купцы в Москве предпочитали меновую торговлю, платя за русские товары своими товарами, а не деньгами. Во время Петра медных денег в Московском государстве уже не было в обращении. В царствование Алексея Михайловича выпуск медных денег по одинаковой цене с серебряными не удался, и только в царствование Петра медная монета вместе с другими нововведениями в денежной системе вошла в обращение.

* Маржерет. С. 50, 51; Petrejus. P. 309; Olearius. P. 182.

Moscousta
sacerdos

КОММЕНТАРИИ

«Сказания иностранцев о Московском государстве» представляют собой первое научное сочинение В. О. Ключевского, вышедшее в виде отдельной книги в 1866 г. Новое издание исследования появилось лишь полвека спустя — в 1916 г. и было подготовлено Я. Л. Барсковым, а затем вновь опубликовано в 1918 г. Как свидетельствует Барсков, на перепечатку «Сказаний» Ключевский не соглашался, считая необходимым переделать или значительно исправить книгу. В издании Барскова текст был оставлен без перемен, лишь в примечаниях под строкой изменена нумерация. В дополнение к примечаниям были внесены заметки, сделанные автором в печатном экземпляре «Сказаний», так как рукопись сочинения, по свидетельству Барскова, не сохранилась. Издатель сообщал также, что «согласно желанию Василия Осиповича, выраженному в последний год его жизни, в дополнениях помещены также сведения о новых переводах Герберштейна, Мейерберга, Олеария, Флетчера и др. и составлен указатель личных и географических имен» (Барсков Я. Л. Приложение — В кн.: Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг., 1918. С. 310). С того времени книга Ключевского не переиздавалась, не вошла она и в известное собрание его сочинений — восьми-томник под редакцией М. Н. Тихомирова: В. О. Ключевский. Сочинения. М., 1956—1959. Т. I—VIII. Между тем интерес к книге всегда был велик. Первое и последующие издания разошлись в свое время очень быстро и давно уже стали библиографической редкостью. Настоящее издание книги снабжено необходимыми комментариями, имеющими цель дать более полное представление о содержании и значении труда Ключевского для современного читателя.

Первая книга Ключевского была написана им в качестве «кандидатского сочинения» (была представлена студентом выпускного IV курса Московского университета в конце 1864—65 академического года «для получения степени кандидата по историко-филологическому факультету». Аттестат на эту степень был выдан ему 25 июня 1865 г. В следующем году «Сказания» были напечатаны в «Известиях Московского университета» (приложение № 7, с. 3—80; № 8, с. 81—160; № 9, с. 161—264), тогда же они появились отдельно, в оттисках (М., Университетская типография. С. 1—264) и в

издании Общества распространения полезных книг (М., 1866. С. 1—264). Спустя пять лет Ключевский представил эту работу в совет Московской духовной академии в качестве диссертации и защитил ее на публичном диспуте в присутствии профессора церковно-исторического отделения. 8 июня 1871 г. он прочел пробную лекцию, необходимую для начала преподавательской деятельности, на тему «О житиях русских святых как источнике сведений для русской гражданской истории». Защита кандидатского сочинения и пробная лекция дали Ключевскому возможность быть избранным, по баллотировке, на должность приват-доцента и приступить к чтению лекций. В эти годы Ключевский завершал уже работу над книгой «Древнерусские жития святых как исторический источник» (М., 1871), которая была им защищена в качестве магистерской диссертации 26 января 1872 г.

История работы над текстом «Сказаний» может быть лучше понята при обращении к тем работам, которые были ему известны и использовались при изучении записок иностранцев о России. Во введении к книге Ключевский ссылается прежде всего на суждение К. Мейнерса о тех представлениях, которые имелись в Западной Европе о России XVI в. Немецкий исследователь К. Мейнерс является автором двухтомного труда, изданного в Лейпциге в 1798 г. и основанного на свидетельствах зарубежных путешественников по России. Книга Мейнерса содержит обзор основных источников и сводку их сведений по таким вопросам, которые освещались в записках иностранных авторов. Рассматриваются размеры и границы Московского государства, соседи России в XVI—XVII вв., климат страны и ее природа. Приводятся также данные о внешнем облике, нравах и обычаях населения, образе жизни. Специально рассматриваются вопросы управления, военного дела в русском государстве, положение двора и придворный церемониал. Meiners C. Vergleichung des ältern und neuen Russlandes, in Rücksicht auf die natürlichen Beschaffenheiten der Einwohner ihrer Cultur, Sitten, Lebensart und Gebräuche so wie auf die Verfassung und Verwaltung des Reichs. Nach Anleitung älterer und neuerer Reisebeschreiber. B. I—II. Leipzig, 1798.

Другим предшественником Ключевского в изучении темы был Ф. П. Аделунг (1768—1843) — русский историк, библиограф, член-корр. Петербургской Академии наук, оставивший ценное, хотя и незаконченное исследование записок иностранцев, носящее библиографический характер. Изданное первоначально на немецком языке и удостоенное в 1845 г. Демидовской премии, сочинение Аделунга было затем переиздано на русском языке в 1848 г. В труде Аделунга находим многочисленные данные об источниках — свидетельствах иностранцев о России. Приводятся сведения об авторах записок, наличии и месте хранения рукописей, характеризуется содержание каждого из памятников, причем наиболее важные из них становятся предметом особенно подробного изложения. Важно отметить, что автор стремился определить источники информации иностранных писателей о России. Adelong F. Kritisch-literarische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind. В I—II. St. — P., Leipzig, 1846. (Русский перевод А. Клеванова: Чтения ОИДР, 1848, кн. 9 (22), с. III—VIII, 1—48; кн. 1 (23), с. 49—104; 1863, кн. 1 (44), с. 105—174; кн. 2 (45), с. 175—301; кн. 3 (46), с. 1—86; кн. 4 (47), с. 87—168; 1864, кн. 1 (48), с. 169—264, I—V). Наряду с этими основными трудами по теме исследования Ключевского существовали также отдельные работы о Герберштейне,

Горсее, Флетчере и других путешественниках по России.

Работа В. О. Ключевского основана на детальном изучении весьма широкого круга исторических источников. Важнейшие из них указаны в самом его труде со ссылками на те издания, которыми он пользовался.

Изучение первой книги Ключевского в русской и советской исторической науке имеет давние традиции. Большое внимание уделяли книге молодого историка его современники и ученики, приступившие к анализу его исторических взглядов, источников и методов исследования. В этом отношении много ценных историографических свидетельств находится в сборнике: В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912 г. Одним из первых оригинальность замысла труда Ключевского, его стремление изучать не только быт народа, но прежде всего развитие народного сознания, социальной психологии эпохи понял выдающийся русский юрист и общественный деятель А. Ф. Кони (1844—1927). По его свидетельству, основанному на воспоминаниях о годах совместной учебы, Ключевский именно эти вопросы стремился рассмотреть в своем первом труде. «Определяя историческую стоимость источников, — рассказывает Кони, — Ключевский совершенно справедливо находил, что правильно оценивать и объяснять многие явления русской жизни иностранец, чуждый русским понятиям и привычкам, не мог, но описывать их, выставлять их выдающиеся черты, высказывать непосредственное впечатление, производимое ими, он мог лучше и полнее, нежели люди, к ним приглядевшиеся и притерпевшиеся... Поэтому домашняя жизнь и нравственный быт общества ускользали от наблюдений иностранцев, но зато внешние явления и наружный порядок общественной жизни, а также ее материальная сторона с особой верностью и полнотою укладывались в эти наблюдения. И картина, изображаемая нашим историком на основании таких наблюдений, почерпнутых из 35 иностранных источников, отличается яркостью и полнотою именно в отношении внешних проявлений русской жизни с XV по XVII век» (Указ. соч. С. 149). Вспоминая настроения этого послереформенного времени, Кони отмечал, что «Ключевский не идеализировал прошлого и с беспристрастием историка и скорбью родного и близкого человека указывал на слабое развитие и рабскую приниженность личности, на подавленность и случайность проявления общественных сил, на грубость нравов и восточную хитрость приемов в этой самой Москве Грозного и Тихайшего (Алексея Михайловича. — А. М.), отводя среди причин всего этого справедливое место печальной и скудной природе, так мало дававшей опоры для свободного развития общезжития» (Там же, с. 148). Представители школы Ключевского, напр., М. К. Любавский, М. М. Богословский и другие часто отмечали исследовательский характер первого труда Ключевского, введение им в научный оборот новых источников, их критическую переработку и систематизацию. Некоторые историки (как, напр., А. С. Лаппо-Данилевский) уже тогда замечали, что уже в «Сказаниях» просматриваются основы его будущей концепции русского исторического процесса. М. Н. Покровский, в целом критически относившийся к русской дореволюционной исторической науке и В. О. Ключевскому как ее представителю, выделял, однако, в его творчестве работу о сказаниях иностранцев за интерес автора к экономике. В последующий период стремление дать более объективную, чем Покровский, оценку творчества Ключевского, в том числе и начального его этапа, отразилось в работах В. И. Лебедева, А. И. Яковлева, Н. Л. Рубин-

штейна. (См.: Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941.) Новый этап в изучении творчества Ключевского связан с изданием сочинений историка, в котором впервые были привлечены новые архивные документы из его личного фонда. Это позволило лучше раскрыть методы работы Ключевского над материалом источников, его источниковую базу. Однако, «Сказания иностранцев о Московском государстве» в это издание не вошли. В то же время в исследовании Л. В. Черепнина о творчестве Ключевского эта работа получила высокую оценку (Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. II. С. 150). На основании первоисточников, в том числе и архивных, написана статья А. А. Зимина о начальном этапе творчества Ключевского, где автор подчеркнул влияние революционно-демократической идеологии на формирование его мировоззрения (Зимин А. А. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е гг. XIX в. — Исторические записки. 1961. Т. 69. С. 169—196). Рассматриваемая нами книга Ключевского стала предметом специального изучения в контексте анализа творчества Ключевского как историографа (Киреева Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966) и источниковеда (Чумаченко Э. Г. В. О. Ключевский — источниковед. М., 1970). В исследовании истории жизни и творчества Ключевского М. В. Нечкина оценивает студенческие годы и создание первой книги как важный самостоятельный этап в формировании ученого. «Сказания» анализируются на фоне социальной борьбы пореформенной России и с позиций перспективы дальнейшего развития историка (Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974). Результатом исследований архивных материалов о Ключевском, находящихся в разных хранилищах, явилась ценная публикация, включающая его переписку, дневники и дневниковые записи, а также афоризмы и мысли об истории. Большая часть документов публикации, особенно писем, относится к раннему периоду творчества, что позволяет полнее воссоздать обстановку написания книги и отношение автора к этой проблеме (Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968).

1. Источниковая база работы В. О. Ключевского и его методы могут быть представлены более подробно благодаря появлению специальных исследований по этому вопросу. В архиве Ключевского сохранились документы (конспекты сочинений, черновики, выписки из источников), имеющие первостепенное значение для характеристики методов работы историка. Они подтверждают свидетельства очевидцев о том, что Ключевский при написании данного сочинения обращался непосредственно к первоисточникам. Многие из них приходилось использовать в иностранных изданиях, поскольку русских переводов не существовало. При этом характерным приемом, впоследствии использованным и в работе с другими источниками, явилось составление конспекта с собственными замечаниями по ходу его составления. О широте охвата источников свидетельствует, в частности, тот факт, что, хотя часть выписок не сохранилась, в фонде имеется 33 конспекта. Сам Ключевский дал краткую характеристику своих источников, расположив их по векам, в хронологическом порядке. Среди них сочинения XV в. Ж. де Ланноа, И. Барбаро, А. Контарини. Для XVI в. выделяются сочинения М. Меховского, С. Герберштейна, А. Кампензе, Н. Новомосковско-

го, Р. Ченслера, А. Дженкинсона, А. Гваньини, Я. Ульфельда, Кобенцеля, А. Поссевина, Дж. Боуса, Дж. Горсея, Дж. Флетчера, И. Давида и др. XVII в. представлен сочинениями Маржерета, Г. Паерле, С. Маскевича, П. Петрея, А. Олария, А. Мейерберга, Карлейля, С. Коллинса, Я. Стрейса, Я. Рейтенфельса, А. Лизека, Б. Таннера, Ф. Авриля, Невилля, И. Корба и ряда других авторов. Как показывают письма Ключевского его студенческого времени, историк большое внимание уделял изучению иностранных языков. Он имел возможность работать с источниками на древних (латынь и греческий), а также новых европейских языках, специально занимаясь рядом славянских языков. Все это и позволило привлечь к исследованию такие сочинения иностранных путешественников, которые представляли определенный интерес с точки зрения их содержания, безотносительно к тому, на каких языках они были написаны или опубликованы.

2. Оценка Ключевским записок путешественников как ценнейшего исторического, историко-психологического и этнографического источника, пронизывающая всю его работу, находит полное подтверждение в современной науке. В настоящее время мы являемся свидетелями необыкновенного возрастания интереса к данному жанру исторических сочинений. Одним из проявлений этого является рост числа публикаций записок иностранных путешественников по России за рубежом. При изучении истории культуры и культурного взаимодействия России с другими народами в современной зарубежной историографии традиционна тема европеизации, и многие исследователи рассматривают степень европейского влияния в России на различных этапах развития, причины, предпосылки и формы проникновения западно-европейской культуры, результаты и последствия её.

Другой темой является изучение общественной мысли и социальной психологии, что объясняет интерес к запискам современников, мемуарам, публицистике. Они являются ценным источником по истории социальной борьбы, культуры, прежде всего правящего класса. Так, при изучении русского государства XV—XVII вв. важна информация, которую эти источники дают о формировании нового образа жизни и социальных представлений верхушки господствующего класса и происходящих в нем изменениях. Эти проблемы привлекают наибольший интерес в современной историографии, что находит отражение в археографической практике — публикации источников. В поле зрения современных публикаторов все чаще попадают записки иностранных путешественников о России XVI—XVIII вв. Этому способствует доступность данного вида источников для издателей, интерес к изучению взаимных контактов представителей различных стран и культур, преимущественное внимание к информации, содержащейся в сочинениях европейцев. Характерна в этом отношении сама география современных западных публикаций записок иностранных путешественников по России: напр., переиздание дневника Патрика Гордона в Эдинбурге (Шотландия), записок И. Корба — в Австрии, голландского путешественника Н. Витзена — в Нидерландах, огромный интерес к запискам английских путешественников — Ченслера, Горсея, Флетчера, Перри и других авторов — в Англии, к путешествию Юста Юля — в Дании. Подробнее см.: Медушевский А. Н. Зарубежные документальные публикации по истории России. — В кн.: Современные вопросы историографии советской археографии. М., 1986.

3. В источниковедении русской истории большое внимание уделяется запискам иностранных путешественников рассматриваемого периода. Так, М. Н. Тихомиров в своем учебнике по источниковедению посвятил этому специальную главу. Он отмечает, что под так называемыми «сказаниями иностранцев» понимаются различного рода описания путешествий и посольств в Московское государство и в другие страны Восточной Европы и Азии, главным образом, из Западной Европы. Путешественники оставили нам рассказы о странах, которые они посетили как иностранцы: если летописи, акты, другие отечественные источники редко упоминают о различных подробностях образа жизни, который был для их авторов привычным, то иностранцы обращают особенное внимание как раз на эти стороны жизни стран, в которых они побывали, и которые были для них неожиданными, необычными или неприемлемыми. В соответствии с целями своего путешествия иностранцы отмечали важные для них сведения о торговых путях, географии страны, ее природных богатствах или товарах, которые представляли с их точки зрения интерес для обмена. С большим интересом относились они к сведениям о военных силах страны, численности войска, финансах и денежной системе, положении различных слоев населения, городах, различных чертах образа жизни. Высоко оценивая этот вид источника, историки (Ф. Аделунг, С. Р. Минцлов, К. Н. Бестужев-Рюмин, М. Н. Тихомиров и другие) в то же время обращали внимание на необходимость критического подхода к этим свидетельствам. Еще Бестужев-Рюмин, например, указывал, что в сказаниях иностранцев содержится много преувеличений и различного рода ошибок. Как видим из текста книги В. О. Ключевского, вопросу о достоверности сказаний иностранцев о России он уделяет специальное внимание, подчеркивая, что стремится использовать именно ту информацию источников, которая является достоверной для решения поставленной им задачи. Источниковеды обращали внимание на такие особенности источника, которые могли приводить к вольному или невольному искажению действительного положения дел. К ним относятся прежде всего незнание многими иностранными авторами языка народа, в среду которого они попадали. Фамилии и имена людей, названия городов, рек, особенно специальные термины оказывались по этой причине переданными неточно, в особенности в случае трудности произношения слова. Нередко особенностью сказаний является пристрастность их авторов, связанная с религиозными и политическими разногласиями. В то же время, по словам М. Н. Тихомирова, недостатки источника «не мешают пользоваться сказаниями иностранцев, представляющими собой первоклассный материал не только для бытовой, но и для политической истории. В ряде случаев иностранцы рассказывают о таких деталях событий, которые без них остались бы тайной для позднейших поколений» (Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940. Т. I. С. 190). (См также.: Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. Спб., 1872. Т. I («сказания иностранцев»), с. 165—208; Минцлов С. Р. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем, путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Новгород, 1911.

4. Для XV в., от которого дошло небольшое число записок, Ключевский отобрал наиболее важные и интересные. Среди них — сочинение Гильбера де Ланноа. Его автор — рыцарь из Фландрии,

совершивший большое путешествие по Восточной Европе в начале XV в., побывал в Литве, владениях Ливонского ордена и посетил Новгород. Источник содержит ценные сведения о посещении Новгорода, в том числе о громадных владениях новгородского боярства, его богатстве и могуществе. Два других привлекаемых Ключевским источника относятся ко второй половине — концу XV в. и представляют собой записки двух итальянских путешественников — И. Барбаро и А. Контарини, посетивших большую часть Восточной Европы и Кавказ. Первый из них — Иосафат Барбаро — был родом из Венеции, ведшей торговлю с Востоком прежде всего через черноморские порты. В 1471 г. он был отправлен с венецианским посольством в Персию, посетил двор шаха и вернулся в Европу в 1479 г. через Москву. Поэтому сочинение Барбаро содержит сведения о Кавказе, районах, прилегающих к Черному и Азовскому морям, а также о Московии. Практически в то же время другой венецианский представитель был направлен к персидскому шаху через Германию, Польшу, Крым и Кавказ. Это был Амброджио Контарини. На обратном пути, возвращаясь в Европу, он побывал в Москве и затем вернулся в Венецию. Его записки о путешествии (1474—1477 гг.) содержат много ценных историко-географических известий. Подробнее см.: Путешествие А. Контарини. — В кн.: Библиотека иностранных писателей о России. Спб., 1836; См. также: Тихомиров М. Н. Итальянцы в России XIV—XV столетий. — В кн.: Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 342—347. Тихомиров, в частности, отмечает, что итальянцы смотрели на Москву как на город, тесно связанный с Западной Европой, и, возвращаясь с Востока, воспринимали ее как начало Европы.

5. Записки иностранных путешественников XVI в. представлены в книге Ключевского разнообразными и чрезвычайно содержательными, хотя и непростыми с источниковедческой точки зрения, памятниками. Наиболее ранним из них является сочинение профессора, а позже ректора Краковского университета Матвея Меховского (или Матвея из Мехова) «Трактат о двух Сарматиях» (1517 г.). Это географическое сочинение представляет большой интерес, в частности, сведениями по истории ханств, образовавшихся после распада Золотой орды. Широкую известность получило сочинение епископа из города Комо в Италии — Павла Иовия Новокомского. В 1523 г. он получил сведения о государстве у переводчика русского посольства в Риме Д. Герасимова, а в дальнейшем использовал эти данные для краткого описания Московии. Одним из наиболее важных источников по истории Московского государства Ключевский справедливо признает «Записки о Московитских делах» Сигизмунда Герберштейна (1486—1566 гг.). Барон Герберштейн — немецкий дипломат, который дважды был в Москве (1517 и 1526 гг.). Его содержательный труд почерпнут из личных наблюдений, а также памятников русской письменности, так как Герберштейн с детства знал славянские языки. Значение записок Герберштейна как источника по социальной, политической и особенно дипломатической истории периода царствования Василия III становится все более очевидным. Его сведения широко используются современной историографией, особенно в связи с изучением становления русского централизованного государства. О самом Герберштейне и его сочинении имеется большая литература. См., в частности: Замысловский Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. Спб.,

1884. Большое значение придавал запискам Герберштейна М. Н. Тихомиров в своем труде по источниковедению. Труд Герберштейна широко использован в книге А. А. Зимина, который приводит и большую западную литературу о нем (Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. Очерки политической истории России первой трети XVI в. М., 1972. С. 55).

Большой интерес к запискам Герберштейна прослеживается и в современной западной историографии. Понятен интерес к этому источнику о России: история страны, географические условия и пути сообщения, военные силы, русский суддебник, посольский церемониал стали объектом наблюдений и размышлений в этом сочинении. Только за последние годы появился ряд новых публикаций источника; Herberstein S. Notes upon Russia being. Translation of the Carliest account of that Country, entitled Rerum Moscovitarum Commentarii. New-York, 1963; Herberstein S. Reise zu dem Moskovitern. München, 1966; Herberstein S. Beschreibung Moskaus der Hauptstadt in Russland. Graz, 1966; Herberstein S. Moskovia. Weimar, 1975. Одной из специфических трудностей изучения записок иностранных путешественников являются проблемы перевода. Идеальным является издание текста источника с параллельным переводом, однако это не всегда возможно. Эта проблема встает, в частности, и в связи с изданием записок Герберштейна, причем в особой форме. Книга его написана по латыни (изд. 1549 г.), а впоследствии переведена как самим автором — на немецкий язык (изд. 1557 г.), так и другими издателями. Текстологические проблемы соотношения ранних изданий латинского и немецкого вариантов записок о Московии Герберштейна (в Вене и Базеле в XVI в.) стали предметом специального исследования: Leitsch W. Herbersteins Ergänzungen zu Moscovia in späteren Auflagen und die beiden zeitgenössischen Übersetzungen ins Deutsche. In.: Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1980, vol. 27. Как справедливо отметил Ключевский, значение записок Герберштейна состоит, в частности, еще и в том, что они во многом определили общие черты в последующем развитии всего жанра записок о Московии, а его конкретные данные заимствовались многими другими писателями. Таковы, например, многократно повторенные описания суровых зим, внешнего вида Москвы, данные о числе домов в городе, другие колоритные детали.

Особую группу источников составляют записки английских путешественников о России второй половины XVI в. Экспедиция 1553 г., открывшая для англичан Россию, была снаряжена «обществом купцов, искателей открытия стран, земель, островов, государств и владений, не известных и доселе не посещаемых морским путем». Путь в Россию через Белое море был уже известен Западной Европе, но англичане первые воспользовались этим путем для торговых отношений. Из трех кораблей, составлявших экспедицию, лишь один благополучно прибыл в устье Северной Двины 24 августа 1553 г. под командой Ричарда Ченслера. Ченслер и его свита, приглашенные в Москву, были хорошо приняты Грозным, англичанам не только было разрешено торговать в России, но и пожалованы значительные привилегии. По возвращении Ченслера в Англию там образовалась Московская компания, получившая монополию на торговлю с Россией. Имея своих представителей в ряде городов страны, купцы жили в России по много лет, многие из них знали русский язык, условия и обычаи русской жизни. Именно поэтому английские

известия о России второй половины XVI в. занимают особое место в качестве исторического источника.

Первое описание Московского государства для своих сограждан сделал Р. Ченслер. Автор сообщает сведения о географии страны, хотя она изложена неполно (главным образом он называет города, лежащие к северу от Москвы, а из рек знает только Северную Двину и Москву). Главным предметом его внимания являлся тот круг явлений, который был непосредственно связан с торговлей — добыча мехов, воск, мед, лен, конопля, кожи, сало, соль, хлеб и рыба. Взгляд на страну первых английских путешественников в известной мере определил тот круг вопросов и явлений, которые затем становились предметом более пристального рассмотрения. На них произвели впечатление обширность государства и его столица, пышность и великолепие царского двора. Однако наибольшее внимание привлекали военные силы страны, прежде всего их организация. Особенно интересно указание иностранцев на связь землевладения дворянства с военной службой, т. е. понимание ими помещной системы. С другой стороны, именно с этого времени становится традиционным описание некоторых характерных свойств русского войска, его боевых качеств. Пять раз в Московском государстве был А. Дженкинсон, который, по-видимому, вел записи своих путешествий, чем объясняется большая конкретность его сведений. Первое путешествие включает, в частности, описание основного торгового пути того времени — от Холмогор по Северной Двине и Сухоне до Вологды и сухопутного пути от Вологды до Москвы, где Дженкинсон был принят Грозным. Во время второго своего путешествия Дженкинсон, пытаясь достичь Индии по Волге, добрался до Каспийского моря и оттуда караваном до Бухары. Этот отчет представляет поэтому интерес прежде всего для истории Средней Азии. В записках Дженкинсона находим не только подробные географические данные, но и измерения широт многих мест Московского государства, Средней Азии и Персии. Таким образом, Московское государство с 1553 г. (путешествие Ченслера и Дженкинсона, первое путешествие в 1557 г., последнее — в 1571 г.) нашло отражение в ряде записок английских авторов. Так, в 1568 г. в Россию был направлен видный дипломат Т. Рандольф, имевший целью улучшение отношений Англии с Россией в области торговых и политических вопросов. Он оставил описание своего путешествия и пребывания в Московии, некоторых сторон быта и нравов народа. Последним послом от английской королевы Елизаветы к Грозному был Дж. Босус, приезжавший в Россию в 1583 г. Особый интерес его записок состоит в описании придворных интриг в конце царствования Грозного и политической борьбы в последующий (после смерти царя) период. Здесь мы находим характеристики наиболее видных деятелей этого времени — Б. Годунова, Б. Бельского, А. Щелкалова. Сведения записок подтверждаются данными статейного списка его посольства, который был опубликован (Сб. РИО, т. XXXVIII, с. 72—144).

Особый интерес представляют записки англичан, посетивших Московское государство в конце XVI в., прежде всего Дж. Горсей и Дж. Флетчера. Купец Дж. Горсей побывал в Москве в 1584 и 1596 гг., причем явился свидетелем последних дней жизни Грозного. Сочинения Горсея существуют в различных редакциях, подчас существенно различающихся друг от друга. Среди них выделяется сюжетно путешествие, описание коронации Федора Иоанновича, повествования о втором и третьем посольствах от английской коро-

левы Елизаветы в Россию, о причинах отправления Горсея в Россию, письма к лорду Берли из России, оправдательная записка Горсея и другие. Сличение различных редакций сочинений Горсея, проведенное еще Середониним, обнаружило значительные противоречия в его известиях. В отличие от многих других английских авторов, Горсей был близок к царю Грозному, неоднократно беседовал с ним, вращался в среде боярской аристократии. Поэтому его свидетельства о правящей олигархии и личности самого Грозного заслуживают пристального внимания исследователей. В его сочинениях содержатся ценные сведения о ходе Ливонской войны, Земских соборах, обстоятельствах смерти Грозного. (Подробнее об этом: Севастьянова А. А. Записки Джерома Горсея о России в конце XVI — начале XVII веков. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974, с. 63—124.) Особый интерес представляет обзор хода политических событий при переходе власти к Годунову, которого англичанин называет «лордом-протектором». В то же время он рассказывает о существовании тайного заговора бояр против Годунова. Непосредственное участие автора во многих современных ему событиях, особенно связанных с деятельностью иностранных торговых компаний в Москве, делает его записки ценным источником и в то же время требует критического отношения к их достоверности из-за субъективизма, с которым автор описывает свою деятельность. Ценнейшим источником по истории Русского государства XVI в., сопоставимым лишь с записками С. Герберштейна, является сочинение английского посланника Дж. Флетчера («О государстве русском»), который был направлен английской королевой Елизаветой к царю Федору Ивановичу (1588 г.) Книга была впервые напечатана в Лондоне в 1591 г. и является в то же время отчетом о посольстве. Записки являются источником по очень широкому кругу вопросов и представляют собой по существу развернутое описание многих важнейших сторон жизни государства: автор приводит историко-географические сведения о России, ее почвах и климате, природных богатствах, важнейших городах. Другой круг вопросов отражает систему правления страны, дает сведения о роде русских царей, а также о сословных учреждениях — заседаниях Земского собора и царской Думы, системе управления и финансах, организации гражданского и уголовного судопроизводства. Значительное внимание Флетчера привлекли данные о военной силе Русского государства, положении других народов, церкви, быте и образе жизни различных слоев русского общества. Представляют интерес, в частности, данные о боярском и монастырском землевладении, организации патриаршества, положении дворянства, политической борьбе в верхах.

Записки английских авторов о России XVI в. представляют собой, таким образом, целостный комплекс источников, объединенных их происхождением, замыслом, условиями создания, наконец, определенным единством традиции взгляда на Россию. Эту мысль хорошо выразил уже В. О. Ключевский, поставив в центр своего исследования не чисто источниковедческие проблемы, а скорее вопросы социо-культурного характера. В последующее время взгляд на записки английских путешественников о России как целостный комплекс источников стремился обосновать известный историк, специалист по исторической географии С. М. Середонин (1860—1914), написавший ряд исследований на эту тему и подготовивший

публикации этих источников. См.: Середонин С. М. Известия англичан о России XVI в. (Ченслер, Дженкинсон, Рандольф, Боус). М., 1884 (публикация источников в переводе Середонина). Специальное источниковедческое исследование, посвященное запискам английского посланника Д. Флетчера, раскрывает его значение среди других английских известий о России второй половины XVI в.: Середонин С. М. Сочинение Джильса Флетчера как исторический источник. Спб., 1891. Источниковедческий подход позволил автору раскрыть, с одной стороны, то новое, что дают записки, а с другой — показать существование определенной традиции и заимствований в описании и восприятии страны в источниках данного вида. Середонину удалось провести анализ содержания записок Флетчера и показать их значение для освещения таких вопросов, как историко-географические сведения, география страны, известия о ее населении (быт социальный и экономический, нравственные и умственные силы народа, внешний быт), известия о власти и власти предрержащих, известия об управлении. Книга Середонина вызвала дискуссию, в ходе которой, в частности, обсуждались вопросы о критериях изучения и оценки записок иностранцев как исторического источника. Известный историк С. Ф. Платонов в отзыве на книгу Середонина упрекал ее автора за то, что в центре его исследования оказался источник, а не исторические факты. Недостатком труда Середонина он считает неравномерное, а порой недостаточное освещение тех сторон истории России XVI в., о которых шла речь в книге (см.: Платонов С. Ф. Отзыв на книгу С. М. Середонина «Сочинения Джильса Флетчера как исторический источник». Спб., 1892). Такой упрек, на наш взгляд, не совсем правомерен, поскольку Середонин ставил своей целью не раскрытие фактической истории России изучаемого периода, но определение информативности записок иностранцев по этим вопросам, а отчасти изучение стереотипов, устойчивых образов их восприятия. В этом отношении работа Середонина может рассматриваться как продолжение труда Ключевского, который как раз ставил в центр внимания генезис представлений о стране, складывавшихся под влиянием исторических, политических и идеологических воззрений данного периода. Характерно, что именно так понимал суть дела Ключевский, полемизировавший с С. Ф. Платоновым по вопросу о критериях оценки информации свидетелей современников как источников. В отзыве на книгу С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник» Ключевский оспаривал положение Платонова о том, что сказания не дают фактического материала для истории данной эпохи. Аргументируя свою точку зрения, он писал: «Что называть фактическим материалом для историка? Исторические факты — не одни происшествия; идеи, взгляды, чувства, впечатления людей известного времени — те же факты и очень важные, точно так же требующие критического изучения» (Ключевский В. О. Соч. М., 1959. Т. VII. Исследования, рецензии, речи. С. 441.). Данный подход к проблеме характерен и для современной историографии: Краснобаев Б. И. В. О. Ключевский о русской культуре XVII—XIX веков // История СССР, 1979, № 5. Исследование записок иностранцев в плане их собственной истории как остатков социально-психологической среды своего времени проводится в работе: Карацуба И. В. Некоторые источниковедческие аспекты изучения записок английских путешественников по России (Стереотипы их восприятия и оценка российской действительности) // История СССР, 1985, № 4. Другие использованные Ключевским источники по XVI в. не

представляют собой такой цельной совокупности, как записки англичан. Среди них выделяются записки А. Гваньини, которые имели распространение не только в Западной Европе, но были переведены на русский язык уже в XVII в. Итальянец по происхождению, Гваньини находился на службе польского короля Сигизмунда III, а в самом описании Русского государства пользовался различными источниками, в том числе сведениями об опрличине и внутренней политике вообще. В своем труде «Описание всей страны, подчиненной царю Московии» (напечатанном в 1582 г. на итальянском, а позже на латинском языке) автор следует за Герберштейном, но сообщает некоторые дополнительные сведения. Некоторые сведения о России сообщает А. Поссевино — иезуит, посланный папской курией для выяснения возможности обращения России в католицизм. В его записках имеются данные о переговорах по этому поводу с Грозным, что делает их ценным источником. В настоящее время появилось новое издание памятника — Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983 (Рецензию на эту публикацию см.: История СССР, 1985, № 1). Обстоятельства пребывания и переговоров А. Поссевино в Москве подробно см.: Лихачев Н. П. Дело о приезде в Москву Антония Поссевино. Спб., 1903.

Работа Ключевского о сказаниях иностранцев послужила импульсом их дальнейшего изучения и введения в научный оборот. В советской историографии продолжается как изучение, так и публикация источников. Таковы публикации: Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Перевод Ю. В. Готье. М.—Л., 1937 (здесь представлены Ченслер, А. Дженкинсон, Т. Рандольф, Дж. Бус, Дж. Горсей, Д. Флетчер), Барбаро и Контарини в России. К истории итало-русских связей в XV в. Л. 1971; Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л. 1986 (записки А. Контарини, С. Герберштейна, Д. Горсея, а также ряда авторов последующего времени). Из обобщающих работ по теме можно назвать следующие: Алпатев М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973. Т. I. (в гл. VI рассматриваются сказания иностранцев о России в период формирования централизованного русского государства, в том числе сочинения Барбаро и Контарини, Герберштейна, П. Иовия, Р. Ченслера, А. Дженкинсона, Р. Барберини, Т. Рандольфа, А. Поссевино, Дж. Боуса, Дж. Горсея и др. с указанием имеющихся изданий); Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII вв. Л., 1978.

6. Особенно большое число сочинений иностранных авторов использует Ключевский применительно к истории России XVII в. Среди них выделяются записки иностранцев, которые провели в стране значительное время, наблюдали переломные события, имели возможность общаться с довольно широким кругом людей и владели русским языком. К ним относится в первую очередь Жак Маржерет, француз по национальности, служивший в личной гвардии Бориса Годунова. В эпоху войны Генриха IV с Католической лигой он служил при королевском дворе, затем через Венгрию и Польшу приехал в Россию около 1601 г., где получил командование над отрядом конницы. После свержения Б. Годунова он перешел на службу к Лжедмитрию, а позднее, в июле 1606 г., выехал через Архангельск во Францию. Уже в 1607 г. в Париже было издано его сочинение «Состояние Московской державы и великого княжества Московского с присовокуплением известий о достопамятных

событиях, случившихся в правлении четырех государей с 1590 г. по сентябрь 1606 г.» Записки включают в себя общее описание Русского государства, написанное под большим влиянием предшествующих авторов (Герберштейна), изложение событий царствования Грозного и последующих политических изменений, освещение тех фактов, которые автор непосредственно наблюдал, напр., рассказ о голоде 1601 г., убийстве Самозванца и др. Содержание записок, подача в них материала и оценка политических деятелей становятся более понятны при рассмотрении событий гражданской войны во Франции. Как подчеркивает публикатор нового издания памятника Ю. А. Лимонов, восприятие Маржеретом событий Смутного времени, в частности личности Лжедмитрия, определялось политической борьбой во Франции и личностью самого Генриха IV, при котором книга увидела свет (см.: Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982). Немецкий купец из г. Аугсбурга, прибывший в Москву в 1606 г. на предполагаемую коронацию Лжедмитрия, в своем сочинении «Описание Московского государства, составленном в 1608 г.», подробно останавливается на событиях этого царствования. Его повествование доведено до января 1608 г., когда он выехал из Москвы на родину. Ряд лет служил в Московском государстве, скорее всего у Василия Шуйского, швед Петр Петрей из Эрлезунда. После возвращения в Швецию он принимал участие в посольствах в Россию 1608 и 1611 гг. Данные своих наблюдений он обобщил в сочинении, опубликованном в Лейпциге в 1620 г. — «История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, нравах, правлении, вере и обрядах, которые собрал и обнародовал Петр Петрей из Эрлезунда». Новое издание источника: Реляция Петра Петрея о России начала XVII в. М., 1976. Особенно ценным источником из числа использованных В. О. Ключевским по истории России XVII в. было сочинение Адама Олеария (1603—1671) — немецкого путешественника, бывавшего в России в 30-х гг. XVII в., автора «Описания путешествия в Московию». Олеарий был придворным математиком и библиотекарем в герцогстве Гольштинском; в Московском государстве был дважды, в 1633 и 1635—39 гг. с посольством из Гольштинии, которое стремилось наладить торговлю через Московию с Персией. Сочинение составлено на основании ряда личных впечатлений и других источников. Оно сообщает ценные сведения о Московском государстве и сопредельных с ним странах. Большое внимание уделяется автором характеристике столицы государства и, в частности, приема, который был здесь оказан посольству, и описанию многих других городов. При этом приводятся рисунки городов и крепостей. Сочинение Олеария включает также сведения по политической истории государства — о событиях времени Грозного, городских восстаниях середины XVII в. Особенно подробно освещаются Олеарием торговые пути, которыми он следовал, в том числе в Персию, через Казань, Астрахань, Дербент, Баку, что делает сочинение ценным источником по истории ряда нерусских народов. Для второй половины XVII в. ценные сведения сообщаются в сочинении барона А. Мейерберга. Автор был послом германского императора к царю Алексею Михайловичу в 1661—1662 гг. и сообщил много сведений о Московском дворе. Особую ценность представляют данные источника о городах, их населении, образе жизни и архитектуре. К сочинению был приложен альбом рисунков, содержащий изображения Москвы, Пскова, Новгорода, боярских усадеб, отдельных деревень, а также зарисовки жителей Московского госу-

дарства из различных социальных слоев в характерной для них одежде. Эти рисунки, несмотря на определенную стилизацию, представляют большую ценность, особенно в отношении тех архитектурных памятников, предметов быта, одежды, представление о которых в настоящее время трудно, а подчас и невозможно получить из других источников. Голландский путешественник Ян Янсон Стрейс (1630—1694) побывал в России в конце 60-х годов XVI в. Страстный путешественник, посетивший страны Дальнего и Ближнего Востока, Стрейс в 1668 г. нанялся на службу в Россию в должности парусного мастера и оказался в Астрахани во время восстания Разина. Его краткий рассказ с описанием Астрахани, внешности Разина, восстания в городе содержит ряд существенных деталей, о которых мог рассказать только очевидец. Бежав из города во время восстания, он затем попал в плен к иноверцам и был выкуплен христианином. Лишь после ряда приключений, посетив множество стран, он возвратился в Нидерланды, где в 1676 г. опубликовал свое сочинение: «Три достопамятных и исполненных превратностей путешествия по Италии, Греции, Лифляндии, Московии, Татарии, Индии, Персии, Ост-Индии, Японии и различным другим странам». Рассчитанное на широкий круг читателей, сочинение изобилует множеством ярких, возможно не всегда достоверных, подробностей, свойственных в значительной мере вообще жанру приключенческой литературы. Записки иностранных авторов о восстании Разина представляют собой самостоятельную исследовательскую тему. Они отражают не только непосредственные факты, но и то впечатление, которое крестьянское восстание произвело на современников в Западной Европе. Подробнее об этом см.: Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968; Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования. Л., 1975. Имеются и другие издания записок Стрейса. Для понимания быта и нравов русского государства и характеристики царя Алексея Михайловича определенный интерес представляет сочинение Я. Рейтенфельса, жившего в России в 1671—1673 гг. и написавшего «Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Косме III о Московии». Конец XVII в. представлен у Ключевского записками Б. Таннера, Ф. Авреля, Невилля и И. Г. Корба. Они отразили многие из тех перемен, которые предвещали эру петровских реформ первой четверти XVIII в. Особый интерес представляет, в частности, рассказ Невилля о планируемых князем В. В. Голицыным реформах социального строя и войска при царевне Софье. Все использованные записки говорят о постепенном и неуклонном проникновении западного влияния как в области идейных влияний, так и в отношении технических изобретений и новшеств, особенно в военном деле. Особое значение при этом имеет сочинение И. Г. Корба «Дневник поездки в Московское государство в 1698 г.», ставшего свидетелем начала петровских преобразований; автор знал Петра и многих из его окружения.

В отечественной историографии изучению записок иностранцев этого периода посвящена значительная литература. Сводные данные о сказаниях иностранных авторов, использованных Ключевским, а также и многих других, ставших известными или изученных позднее, содержатся в следующих изданиях: Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872. Т. I; Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940. Т. I; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XVII — первая четверть XVIII века. М., 1976

(гл. 1—2). Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.

Из обобщающих западных изданий можно назвать следующие библиографические указатели записок путешественников: Cox E. Reference Guide to the Literature of Travel. Vol. I. The Old World. — Washington, 1935; Nerhood H. To Russia and Return: An Annotated Bibliography of Travellers English Language Accounts of Russia from the Ninth Century to the Present. Ohio, 1968.

7. Тема изучения истории культуры и культурного взаимодействия России с другими народами, столь удачно угаданная Ключевским, остается одной из актуальных и в современной науке. Не случайно она стала одной из главных проблем последнего XVI Международного конгресса исторических наук в Штутгарте, где была образована для ее обсуждения специальная секция «Образ других: иностранцы, меньшинства, маргинальные группы», в докладах которой использовались данные различных наук — социологии, этнографии, психологии: Arweiler H. L'image de l'autre et les mecanismes de l'alterité. — Rapports. 1986. Применительно к истории России рассматриваемого периода данная тематика рассматривается прежде всего в контексте исследования процесса европеизации. Многие исследователи рассматривают степень европейского влияния в России на различных этапах развития национального самосознания, причины, предпосылки и формы проникновения западно-европейской культуры, результаты и последствия европеизации. Другой стороной данной темы является изучение общественных настроений, социальной психологии, что объясняет интерес к запискам современников, прежде всего иностранных авторов. Зарубежные публикации такого рода источников XVI—XVII вв. не представляют однородной совокупности, они посвящены конкретным источникам, причем некоторые из них представлены только за последние годы несколькими переизданиями. Среди них есть издания различного научного уровня и назначения, от специализированных, детально разработанных источниковедчески и археографически публикаций до хрестоматий учебного типа. Представлены следующие типы изданий: научные публикации на языке подлинника с подробным историографическим, историческим и археографическим введением, научными комментариями и указателем; факсимильные воспроизведения более ранних публикаций; издания с параллельным текстом на языке подлинника; переводы полного текста памятника; тематические публикации произведений различных авторов, данные в извлечениях; хрестоматии учебного типа или иллюстративные подборки с упрощенной передачей текста. Путевые записки и сочинения путешественников по России XV—XVII вв. представлены в настоящее время всеми этими типами изданий. Использование путевых записок и дневников в качестве исторического источника дает много ценных сведений о стране, ее географических условиях и истории народа. Информативность источника для современного читателя значительно возрастает, если научно-справочный аппарат публикации дополняет наши сведения об авторе, его социальном положении и деятельности, целях путешествия в страну и истории создания произведения. Так, например, Иоганн Георг Корб, посетивший Россию в 1698 г. в качестве секретаря посольства австрийского императора Леопольда I, оставил интересные записки, для которых характерно стремление разобраться в политической системе Московского государства. Именно с этой стороны они заинте-

ресовали, вероятно, Ключевского. Кorb сообщал новые данные о таких крупных государственных деятелях, как Л. К. Нарышкин, Б. А. Голицын, Ф. Ю. Ромодановский, А. Д. Меншиков, думный дьяк Е. И. Украинцев. Новейшее издание записок Корба интересно прежде всего тем, что публикатор — Герард Корб привлек из фамильного архива много новых данных о деятельности и сочинениях дипломата. В предисловии издатель прямо связывает необходимость издания с общим ростом числа книг и исследований по русской истории, отмечая ценность свидетельств Корба как источника по русской истории рассматриваемого периода. Появление современного, впервые выполненного перевода книги Корба на немецкий язык (первый раз она издана в Вене на латинском языке в 1700 г.) — важный факт, открывающий возможность широкого использования ценного источника по истории культуры петровского времени. Для введения источников в научный оборот используются различные формы публикаций. В факсимильном воспроизведении с издания 1859 г. (подготовленного Д. Робертсоном в Эдинбурге) опубликован дневник русского генерала и контр-адмирала шотландца Патрика Гордона. *Gordon P. Passages from the Diary of General Patrick Gordon of Auchleuchies in the Years 1635—1699.* London — Edinburgh, 1968. *Johann Georg Korb. Tagebuch der Reise nach Russland.* Herausgegeben und eingeleitet von Gerhard Korb. — Graz Austria, 1968. На языке подлинника издано описание путешествия в Москву голландского автора Н. Витзена. Одним из достоинств этого фундаментального трехтомного издания являются ценные приложения картографических источников XVII в. К сожалению, отсутствие параллельного текста на других европейских языках ограничивает возможности использования этого ценного источника.

Из публикаций записок иностранных путешественников особенно часто переиздают книгу Дж. Флетчера. Рецензент Б. Урофф, отмечая появление четырех переизданий записок Флетчера с 1964 г., объясняет интерес к его сочинению тем, что «он попытался дать систематическое описание и объяснение того, как Россия управлялась» в период правления Ивана Грозного. В свою очередь, Р. Крамми отмечает некоторое упрощение в понимании и интерпретации русской действительности XVI в. Флетчером, что наталкивает на мысль о необходимости более глубокого источниковедческого исследования этого памятника. *On the Rus Commonwealth* by Giles Fletsher 1591. New-York, 1966. Uroff B. — In.: *Slavic Review.* Vol. 29, No. 2, June 1970.

Интерес читателей к запискам иностранных путешественников вызывает к жизни тематические издания этого вида источников. Издан сборник фрагментов многих записок иностранных, преимущественно английских путешественников, побывавших в России XV—XVIII вв. Издатель — А. Кросс указывает, что материал отбирался по наиболее ранним, а часто и единственным изданиям источников. Эта публикация может служить справочным пособием по наиболее редким и ставшим антикварными английским изданиям памятников. Она суммирует по тематическим разделам наиболее яркие факты и высказывания источника по важным вопросам русской истории. В то же время издание носит популярный характер и рассчитано на широкий круг читателей, научно-справочный аппарат сведен до минимума. Тексты приводятся по английским изданиям или английским переводам записок С. Герберштейна, Р. Ченслера, Д. Флетчера, Д. Горсея, Д. Перри, А. Олария и других иностранных путешественников по России, иллюстрируются

значительным изобразительным материалом. Благодаря этой публикации тексты ранних и уникальных памятников становятся доступны для широкого читателя. *Russia under Western Eyes 1515—1825. Edites with an Interpretation by A. Cross.* — London, 1971.

Тематический сборник фрагментов наиболее важных сочинений английских путешественников, торговцев и дипломатов о России XVI в. подготовлен Л. Берри и Р. Крамми. Публикация состоит из сочинений о путешествиях Р. Ченслера (в изложении К. Адамса), А. Дженкинсона, Т. Рэндольфа, Д. Турбервилля, Д. Флетчера и Д. Горсея. Публикуемые тексты основаны на подлинных рукописях или первых изданиях записок с использованием вариантов текстов. В издании имеется историческое предисловие и введения к каждой отдельной публикации источника. Научный аппарат включает также комментарии по тексту, указатели и карты. Отбор источников для данной публикации был положительно оценен рецензентами. *Berry L. and Crumme R. — Rude and Barbarous Kingdom. Russia in the Accounts of Sixteenth Century English Voyagers.* — Madisson, 1968. *Uroff B. In.: Slavic Review. Vol. 29. No. 2. June 1970.*

Публикации записок иностранных путешественников по стране можно рассматривать как своего рода новый историографический факт. Это явление отражает потребность в культурном обмене между народами. Для примера можно привести записки Джона Перри — английского корабельного мастера, приглашенного на службу в Россию Петром I во время его зарубежной поездки. Продолжительность жизни Перри в России, его непосредственное участие в строительстве плотины в Воронеже, знание русского языка, а также объективность восприятия русской жизни помогли автору создать произведение, являющееся ценным источником. Интерес современников к событиям, происходившим в России петровского времени, нашел выражение в появлении почти синхронных переводов книги Перри на ряд иностранных языков — английский, французский и голландский. Сходные вопросы встают в связи с новым изданием книги А. Олеария (А. Эльшлегера), посетившего Россию в составе голштинского посольства в 1633—1635 гг.; этот труд содержит ценные сведения по истории и географии страны. Современный перевод источника на английский язык был сделан со второго немецкого издания книги Олеария. Составитель-переводчик учитывает сведения об изданиях книги в различных странах в немецком, английском, итальянском и русском переводах и высказывает ряд соображений о трудностях перевода сочинения Олеария. В их преодолении ему помогли сведения из трудов русских историков, изучавших этот источник, прежде всего В. О. Ключевского и С. М. Середонина: *The Travels of Olearius in seventeenth Century Russia. Translated and edited by S. Baron.* — Stanford Univ. Press. California. 1967. P. IX—X.

8. Придавая большое, если не решающее, значение географическому фактору в развитии русского исторического процесса, Ключевский вполне последовательно начинает анализ записок иностранных путешественников по России XV—XVII вв. с изложения их представлений о пределах русского племени и московской государственной области. Однако, в отличие от последующих своих трудов и прежде всего «Курса русской истории», который открывался характеристикой реального географического положения страны и

продолжался размышлениями о влиянии его на ход исторических событий и характер русского народа, в этой книге Ключевский ставит перед собой другую задачу. Историк рассматривает здесь не столько реальное географическое положение страны, сколько представления о нем иностранных путешественников. Не случайно глава начинается с эмоциональной ноты: как воспринимался иностранцем «переход в другой мир, отличный от того, который он оставлял позади себя»? Поэтому конкретные географические факты предстают в том виде, как их впервые увидел и воспринял путешественник. При такой постановке вопроса, когда в центре внимания оказывается миф, стереотип, представление, наиболее информативными оказываются как раз те данные историков, которые либо вообще не соответствуют действительности, либо отражают ее наиболее искаженной. Этим объясняется тот факт, что Ключевский большое место отводит в главе интерпретации мифических представлений, как, напр., о скифах и сарматах, и даже гипербореях, о которых писали еще античные авторы, приводит легенды путешественников о населяющих эти дикие равнины народа, вроде густинцев, серпоновцев, других диких людей, засыпающих на зиму и оживающих весной, а также таких, из которых одни покрыты шерстью, другие имеют собачьи головы, третьи говорят по-птичьи. Стремясь найти источник этих представлений, Ключевский обращается к мифической традиции, восходящей к античным авторам — Плинию, Птолею, Геродоту и др. С другой стороны, он пытается вскрыть реальную основу мифических представлений. Так, в частности, он приводит остроумную догадку Олеария о том, что мифы о песьеголовцах или людях, покрытых шерстью, могли возникнуть как результат впечатлений южан от необычной для них меховой одежды северных народов. Трудность изложения материала в этой главе состоит еще и в том, что реальные очертания границ Московского государства с соседними политическими образованиями в XV—XVII вв. быстро и сильно изменялись, а государственная территория в процессе централизации государства быстро расширялась.

Расширение территории Русского государства в рассматриваемый период шло по ряду основных направлений. В первой половине XVI в. важнейшими из них были западное и юго-западное направления. С конца XV в. ряд княжеств, входивших ранее в Литву, отошел к Московскому государству. В начале XVI в. присоединяются чернигово-северские земли, в 1514 г. — Смоленск, а в 30-х гг. XVI в. — приграничные к Пскову территории. Изменение территории государства во второй половине XVI в. связано прежде всего с ликвидацией Казанского и Астраханского ханств. В 1552 г. территория Казанского ханства была присоединена к России, что означало вхождение в состав государства большого числа народов Поволжья. С присоединением Казани и Астрахани был открыт путь на Восток. Это привело к ликвидации Сибирского ханства и присоединению Сибири. Большие территориальные изменения произошли в XVII в. на Западе в связи с воссоединением Украины. В течение всего XVII в. идет дальнейшее освоение Сибири. К середине века русские выходят к побережью Тихого океана. В книге Ключевского эти важные изменения и динамика размещения населения, освоения новых территорий, возникновение новых границ с соседними государствами находят лишь опосредованное выражение: автор показывает, каким образом представления иностранцев о данном круге явлений постепенно совершенствуются, уточняются, приближаются к реальности. Вопросы исторической географии России XV—XVII вв., а также развитие географических знаний в

этот период см. в следующих книгах: Муравьев А. В., Самаркин В. В. Историческая география эпохи феодализма. М., 1973; Яцунский В. К. Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV—XVIII веках. М., 1955.

9. Плиний Старший (23 или 24—79 гг.) — римский писатель и ученый. Его труд — «Естественная история» в 37 книгах представляет собой энциклопедию естественно-научных знаний античности, содержит богатые сведения по истории и географии. Он оказал значительное влияние на формирование историко-географических представлений средних веков и эпохи Возрождения в Западной Европе. Птолемей Клавдий (ок. 90 — ок. 160 гг.) — древнегреческий астроном, создатель геоцентрической системы мира, написавший также труд «География», где дана сводка географических представлений его времени. Страбон (64 или 63 до н. э. — 23 или 24 н. э.) — древнегреческий географ и историк, путешественник. Его «География» обобщала географические знания греческого мира Труды греческих и римских географов, особенно Плиния, Птолемея и Страбона, благодаря их переводам и многочисленным переизданиям в Италии, Германии и других странах Западной Европы стали доступны образованным людям XV—XVII вв. и сделались популярными. Этим объясняется частое использование этих классических авторов в записках иностранцев о России, хотя они уже далеко не соответствовали уровню географических знаний Нового времени. Об этом подробнее см.: Яцунский В. К. Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV—XVIII вв. М., 1955. С. 61—62 и др.

10. В рассматриваемый период Русское государство выходит на международную арену. Настойчивое стремление русской дипломатии добиться международного признания нового государства было непосредственно связано с борьбой за статус и престиж царствующего дома, титул монарха. По мере роста государства, расширения его территориальных границ, формирования предпосылок и становления абсолютизма, происходило изменение внешних обрядов и атрибутов царской власти. Это изменение, являясь выражением развития идеологии, доктрины абсолютизма, находило свое самое непосредственное воплощение в титуле монарха, а также том содержании, которое вкладывали в него современники, как русские, так и иностранные. В. О. Ключевский уделял этому кругу вопросов большое внимание. Так, в «Курсе терминологии русской истории» он показывает, как развитие титула государя отражает эволюцию типов верховной власти на Руси. Он прослеживает смену основных этапов этой революции — «князь», «великий князь», «князь-государь» и наконец, «государь-царь и великий князь всея Руси». «Подобно тому как титул, которым обозначался этот последний тип верховной власти, есть свод предшествующих титулов, — пишет Ключевский, — так и в политическом содержании этого типа сведены черты предшествующих ему типов той же власти» (Ключевский В. О. Соч. М., 1959. Т. VI. С. 140). О развитии учения о царской власти, влиянии различных идеологических представлений на оформление абсолютистской идеологии в России подробнее см.: Дьяконов М. А. Власть московских государей. Очерки из истории политических идей древней Руси до конца XVI в. Спб., 1889; Савва В. И. Московские цари и визан-

тийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901; Вальденберг В. Е. Дрезнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916.

Вопрос о титуле русских царей имел большое международное правовое значение, и ему поэтому придавалось особенно большое внимание в ходе развития дипломатических отношений Русского государства XV—XVII вв. Частью этого вопроса, его конкретного выражения являлся придворный церемониал, в том числе при приеме иностранных дипломатов. Только с этой точки зрения можно понять то большое внимание, которое уделяется в записках иностранцев детальному описанию посольского церемониала, поведению русских и иностранных дипломатов, самого царя, обмену посланиями, речами, дарами и т. п. Уже первые иностранцы, посетившие Россию с целью наладить политические и торговые отношения, отметили сложный характер переговоров по этому вопросу, находившему яркое и колоритное выражение в сложных перипетиях дипломатического ритуала. Свидетельства иностранных путешественников — Герберштейна, Горсея, Флетчера, многих других являются первостепенными источниками по этому вопросу. В связи с изучением посольского церемониала в литературе высказывались различные точки зрения. Ряд авторов склонялся к мысли о существенном своеобразии русского посольского обычая в сравнении с западно-европейским. Они указали в этой связи на влияние византийских обычаев, а также церемониалов стран Востока. Другие рассматривают эту проблему главным образом в связи с развитием русско-западно-европейских дипломатических отношений. Подробнее см.: Веселовский Н. И. Татарское влияние на русский посольский церемониал в Московский период русской истории. Спб., 1911; Индова Е. И. Русская посольская служба в конце XV — начале XVII в. — В кн.: Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972; Никитина Л. А. Английские хроники о титуле русских царей. — В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975; Юзефович Л. А. Русский посольский обычай XVI в. // Вопросы истории. 1977. № 8. Комплексное изучение делопроизводства Посольского приказа расширяет круг источников по данной теме. Отметим в этой связи издание Институтами истории СССР такого ценного источника, как посольские книги по связям с различными странами.

11. Дополнительные сведения о деятельности Посольского приказа и формуляре важнейших дипломатических документов сообщает в своем сочинении подъячий Посольского приказа Г. К. Котошихин. Он принимал участие в переговорах с представителями ряда иностранных держав, в частности при заключении Кардисского мира, завершившего русско-шведскую войну (1661 г.). В 1664 г. он бежал в Литву, а затем в Швецию, где по заказу шведского правительства написал сочинение о России, известное под названием «О России в царствование Алексея Михайловича» (Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. Спб., 1911). Хорошо знавший приказные и посольские порядки, Котошихин приводит в своем сочинении ряд очень конкретных и ценных сведений, в том числе по организации дипломатической службы Московского государства рассматриваемого периода (вторая половина XVII в.). Им приводятся образцы титулов, которые применялись в посланиях

московскому государю, а также в русских грамотах, направляемых в другие государства — «цесарскому величеству Римскому», «королевскому величеству Свейскому», королям польскому, английскому, датскому и другим. Котошихин сообщает подробности об организации посольств, о том, в каких случаях отправляются высшие чины московской иерархии — бояре и стольники, сколько с ними подъезжих и переводчиков, а также какие дары посылаются обычно с послами и гонцами. О том, что посольский ритуал в это время регламентировался достаточно жестко и был весьма устойчив, свидетельствуют данные Котошихина о приеме послов и посланников, прибывающих в Московское государство. Таким образом, сочинение Котошихина служит ценным источником для сопоставления с данными записок иностранцев по этому вопросу. Не случайно в этой связи Ключевский и использует его свидетельство. Отметим, что интерес к этому памятнику велик и в современной западной науке. Примером научного издания, учитывающего интересы не только историков, но и лингвистов, является новая фундаментальная публикация сочинения Котошихина в Англии с текстом и комментариями А. Э. Пеннингтон. В этом издании Оксфордского университета содержится введение, характеризующее биографию и деятельность Котошихина по данным русских исследователей А. Л. Маркевича, А. Ф. Бычкова, Я. Грота, Ф. Морошкина и опубликованным ими документам, дается описание рукописи, характеризуются принципы передачи текста. Воспроизведение русского текста источника сопровождается большим научно-справочным аппаратом, в состав которого входят комментарии, относящиеся к языку текста, орфографии и каллиграфии, предметный указатель, библиография, перечень предшествующих русских и шведского изданий источника. В приложении приведены челобитные Котошихина по предшествующим изданиям А. Барсукова и А. Бычкова. Публикация рассчитана не только на изучение памятника как исторического источника, но и как образца русского делового языка второй половины XVII в. Этому способствует передача языковых особенностей текста, заново выверенного по рукописи, хранившейся в библиотеке Упсальского университета в Швеции. В рецензии на это издание Х. Лееминг отмечает, что это обстоятельство придает публикации дополнительную ценность для исследователей. Рецензент дал высокую оценку публикации и комментариям, качеству передачи текста источника на языке оригинала, хорошему переводу на английский язык. Grigoriy Kotošixin. O. Rossii v Carstvovanie Alekseja Mihajloviča. Text and Commentary A. E. Pennington. Oxford, 1980. Leeming H./In: The Slavonic and East European Review. Vol. 60. No. 1. 1982.

12. Государство и власть в России XV—XVII вв. Ключевский, представитель государственной школы, рассматривает в книге как одну из центральных проблем. Следуя общему замыслу своего исследования, он освещает ее путем анализа восприятия иностранцами путешественниками этой сферы общественной жизни. Целенаправленный отбор свидетельств имеет целью подчеркнуть отличия государственного устройства России от стран Западной Европы. При этом на первое место выдвигаются централизация, всемогущество государственной власти в России, ее деспотические черты. Тем самым в центр внимания он ставит проблему становления самодержавия, абсолютизма как формы государственной власти. Действитель-

но, проблема абсолютизма вообще и русского абсолютизма в частности принадлежит к числу наиболее сложных и дискуссионных как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Рассмотрим основные подходы к ней на современном этапе.

В советской историографии проблема абсолютизма рассматривается в связи с изучением феодального способа производства, генезиса капитализма и классовой борьбы. При изучении социально-экономической истории России принципиальное значение имеет вопрос, каким образом общие для всех стран социально-экономические процессы развивались в конкретно-исторических условиях России, и в чем состояла специфика их проявления. Для этого было необходимо изучить возникновение, этапы развития и особенности русского феодализма, решить вопрос о предпосылках, времени зарождения и параметрах измерения буржуазных отношений в недрах феодального способа производства. Важно понять, каковы качественные признаки, свидетельствующие о появлении капиталистических отношений, в чем специфика их проявления в промышленности, сельском хозяйстве, рыночных отношениях, как влияла на развитие буржуазных отношений крепостническая система. Решение этих вопросов позволяет уяснить социально-экономические предпосылки утверждения и последующей эволюции русского абсолютизма. См.: Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. М., 1980; Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX века. М., 1974; Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. Проблемы, поиски, решения. М., 1974.

Дискуссия об абсолютизме в историографии 1968—1975 гг. сосредоточила внимание на вопросе о его социальной и классовой природе. В центре ее оказалась проблема соотношения феодальных и буржуазных элементов в его социальной природе. В ходе дискуссии большинство историков не поддержало тезис предшествующей историографии 50-х гг. о «равновесии сил» между дворянством и буржуазией как необходимым и достаточном условии существования абсолютизма вообще и русского абсолютизма в частности. При рассмотрении социальной природы русского абсолютизма и оценке его места в русском историческом процессе по этому вопросу выявились различные точки зрения. Исходя из тезиса об отсутствии баланса классовых сил дворянства и буржуазии в России XVII—XVIII вв., А. Я. Аврех сделал вывод о том, что «абсолютизм — это такая феодальная монархия, которой присуща, в силу ее внутренней природы, способность эволюционировать и превращаться в буржуазную монархию» (Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России//История СССР. 1968. № 2. С. 87; Он же. Утраченное равновесие//История СССР. 1971. № 4). Он отстаивал далее точку зрения о насаждении буржуазных отношений государством «сверху», причем определял абсолютизм как «дита предбуржуазного периода» развития, социальной опорой которого является крестьянство. В свою очередь, М. П. Павлова-Сильванская предложила интерпретировать русский абсолютизм как восточную деспотию, которая «формируется в борьбе с монгольской империей и ее наследниками на базе натурального хозяйства и общинной организации деревни, а затем укрепляется в процессе создания поместной системы, закрепощения крестьянства и перехода к внешней экспансии» (Павлова-Сильванская М. П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России//История СССР. 1968. № 4. С. 83). Суммировав, таким образом, черты сходства русского абсолю-

тизма и азиатских форм правления, она, однако, не показала некоторых существенных черт его сходства с европейским абсолютизмом, на что указывали другие участники дискуссии: наличие отдельных, хотя и слабо выраженных, элементов сословного представительства в виде Земских соборов, влияние христианской религии и характер ее отношений с государством, несколько более сильное влияние так называемых «предбуржуазных» отношений, чем это было на Востоке, наконец, сильная европеизация, выразившаяся в перестройке дворянского мировоззрения на западный манер и реформах государственного аппарата абсолютизма по европейскому образцу. Кроме того, неизвестно, до какой степени социально-экономическое развитие России периода позднего феодализма может быть приравнено к азиатскому способу производства и восточным формам производственных отношений, которые, как считают специалисты, лежали в основе государства типа восточной деспотии: по этим вопросам в историографии нет полного единства взглядов. Подчеркнем в связи с этим, что Ключевский считал русский абсолютизм безотносительно к его социальной природе европейски ориентированным, что, по его мнению, находило яркое выражение в стремлении к восприимчивости европейской культуры и готовности для этого «прорубить окно в Европу» (Ключевский В. О. Западное влияние в России после Петра. — В кн.: Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983).

Рассматривая вопрос о социальной природе и классовой базе русского абсолютизма, Н. И. Павленко (вслед за В. В. Воровским) пришел к выводу о противоречиях между дворянством и боярством как социальной основе для самостоятельности абсолютистского государства. По его мнению, «оппозиционной силой по отношению к самодержавию и абсолютизму выступали княжеско-боярские группировки в XVI в., боярство в XVII в. и земельная аристократия в XVIII в.» (Павленко Н. И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России // История СССР. 1970. № 4. С. 72). Эту точку зрения поддержал и признал перспективной А. А. Зимин (История СССР. 1972. № 4). А. Л. Шапиро связал вопрос о социальной природе абсолютизма и ее изменении с проблемой его прогрессивности. Абсолютизм, по его мнению, был исторически прогрессивен до тех пор, пока он способствовал ликвидации феодальной раздробленности, и регрессивен с того момента, когда он начал тормозить развитие буржуазных отношений (Шапиро А. Л. Об абсолютизме в России // История СССР. 1968. № 5). Большая группа историков объясняла русский абсолютизм, исходя из констатации наличия в России XVII в. двух социально-экономических тенденций (две стадии — восходящая и нисходящая, по М. В. Нечкиной): укрепления феодальных и крепостнических отношений с одной стороны, и генезиса капитализма — с другой.

Л. В. Черепнин — исследователь русского централизованного государства — в ряде работ и выступлений предлагал социальную природу абсолютизма в общен исторической перспективе понимать как баланс классовых сил дворянства и буржуазии, но не вкладывать в термин «баланс» представления о механическом равенстве сил двух классов. По его мнению, «баланс сил» не обязательно означает их равновесие (ибо равновесие в смысле равенства сил вообще не существовало даже в эпоху классического французского абсолютизма), а должен пониматься как их соотношение, исторически изменяющееся и находящееся в развитии (Черепнин Л. В. К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI—

XVIII вв.) — В кн.: Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981). В этом отношении классовых сил важнейшее место занимает дворянство как класс, органически связанный с абсолютизмом в истории и составляющий его классовую базу. Именно поэтому противоречия между дворянством и буржуазией, некоторое время примиряемые абсолютизмом, могут быть разрешены окончательно лишь в ходе буржуазной революции, когда победоносная буржуазия свергает абсолютизм как дворянскую диктатуру. А. А. Преображенский отметил значение классовой борьбы в процессе утверждения и развития абсолютизма, показал значение борьбы посадского населения России XVII в. для развития сословного представительства и утверждения абсолютизма. По его мнению, источники подтверждают наличие генезиса капитализма в России XVII в. и влияние его на утверждение и последующее развитие абсолютизма (Преображенский А. А. О некоторых спорных вопросах начального этапа абсолютизма в России//История СССР. 1971. № 2). По мнению С. М. Троицкого, переход от сословно-представительной монархии к абсолютизму был прямым следствием роста буржуазных отношений и формирования буржуазии как класса (Троицкий С. М. О некоторых спорных вопросах истории абсолютизма в России//История СССР. 1969. № 3). М. Я. Волков поставил вопрос о наличии альтернативы социально-экономического развития России в XVII в. — по феодально-крепостническому или буржуазному пути. По его мнению, в обществе шла борьба за выбор пути социально-экономического развития, и утверждение абсолютизма в России петровского времени следует рассматривать как результат и фактор этой борьбы (Волков М. Я. О становлении абсолютизма в России//История СССР. 1970. № 1). Логическим выводом из этой концепции было положение о реакционности петровского абсолютизма, затормозившего развитие России по буржуазному пути и насадившего крепостное право в интересах дворянства. Автор, однако, сильно преувеличил степень развития буржуазных отношений в России XVII в. и, как следствие этого, переоценил возможность альтернативы социально-экономической эволюции и реакционность абсолютизма в эту эпоху.

Дискуссия об абсолютизме показала, что вопросы складывания предпосылок, утверждения и развития абсолютизма в России вызывают различные трактовки в историографии и нуждаются в дальнейшем изучении. Как историческое явление, абсолютизм имел место и в Европе, и в России. Однако, если в Западной Европе он в значительной степени являлся продуктом баланса классовых сил дворянства и буржуазии, то в России существовала большая специфика: абсолютизм формируется здесь еще до появления буржуазных отношений или, в лучшем случае, в период их зарождения. Это привело к громадной относительной самостоятельности государства в России и сделало его субъектом исторического процесса в большей степени, чем это было в Европе. Отсюда происходил целый ряд особенностей абсолютистского государства в России, делавших его непохожим на абсолютизм Европы. Материал, собранный В. О. Ключевским в его книге, хорошо показывает, что современники ощущали и отмечали эту непохожесть, специфику Московского государства, хотя и не всегда находили подходящее объяснение тому, что они наблюдали. Сравнение русского и европейского вариантов абсолютной монархии представляет поэтому большой интерес.

Намеченные в работах В. О. Ключевского пути сравнительного изучения проблем абсолютизма России и Западной Европы находят отражение и в современной историографии. Совсем недавно эта

тема стала вновь предметом активного обсуждения на Международном конгрессе историков. Исследователи стремятся раскрыть черты сходства и различия русского государства с абсолютистскими режимами Запада и Востока. (Подробнее см.: Шмидт С. О., Гутнова Е. В., Исламов Т. М. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (опыт сравнительного изучения)//Новая и новейшая история. 1985. № 3.) В последние годы обсуждение проблем сравнительного анализа и типологии абсолютистских режимов приобрело новый импульс и в западной исторической мысли. Показательна в этом отношении серия работ видного английского историка Э. Дж. Хобсбома, а в последующее время — П. Андерсона, Т. Скокпол, а также М. Фулброк. Hobsbawm E. The Age of revolution 1789—1848. London, 1962; Anderson P. Lineages of the absolutist State. London, 1974; Skocpol T. States and social Revolutions. Cambridge, 1979; Fulbrook M. Piety and politics. Religion and the rise of Absolutism in England, Wurttemberg and Prussia. Cambridge, 1983.

Наиболее подробную теоретическую разработку проблемы находим в работе английского историка П. Андерсона «Пути развития абсолютистского государства». Абсолютизм, считает он, это не столько баланс сил между классами, сколько новая форма правления на старой основе, аппарат феодального господства дворянства. Исходя из этого общего понимания абсолютизма, автор дает характеристику двух основных исторических типов абсолютизма — западноевропейского и восточноевропейского, критерий подразделения которых состоит в специфике развития феодальных отношений в этих регионах. В Западной Европе с переходом от натуральных форм ренты к денежной социально-экономический контроль феодалов над крестьянством ослабевал, что потребовало от них укрепления своей власти — отсюда ее направление развития в сторону централизации, утверждения абсолютизма. Из хаоса феодальных войн (Алой и Белой Роз, Столетней, Кастильской гражданской войны) появились «новые» монархии во время правления Людовика XI во Франции, Фердинанда и Изабеллы в Испании, Генриха VII в Англии и Максимилиана в Священной Римской империи. Это нашло выражение в укреплении аппарата королевской власти, чьей постоянной политической функцией было подавление крестьянства и плебейских масс у подножия социальной иерархии. Государственная машина, кроме того, предназначалась для подавления групп и индивидов в рамках самого господствующего класса. Великий кризис, потрясший экономику Европы в XIV—XV вв., имел свои последствия на востоке Европы (к востоку от Эльбы). На протяжении XVI в. в результате этого началась сеньориальная реакция, выражавшаяся в более интенсивной феодальной эксплуатации крестьянства. Политическим результатом этого в Пруссии и России стал восточный абсолютизм, современный западному, однако принципиально отличный по своему происхождению. Если абсолютистское государство на Западе было развернутым политическим аппаратом феодального класса, который принял коммутацию повинностей (замену натуральных на денежные), то на Востоке оно, напротив, было репрессивной машиной феодального класса в условиях консолидации крепостничества и скудного развития городской автономии. Сводку новейшей отечественной и западной литературы по этому вопросу см. в наших примечаниях к книге датского историка: Х. Ваггер. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985.

13. Государев двор представляет собой корпоративную сословную организацию правящего класса, точнее его верхних слоев, принимающих непосредственное участие в управлении. Будучи своеобразным резервуаром, из которого черпались кадры управления высшего уровня для гражданской и военной администрации, Государев двор имел четкое деление по чинам, фиксировавшееся в специальных учетных документах — разрядных книгах, боярских книгах и боярских списках. Государев двор складывается в самостоятельный институт социально-политической структуры правящего класса примерно к концу XV в., развивается и усложняется в XVI и XVII вв. и, наконец, отмирает в конце XVII — начале XVIII в. Основной чиновного деления Государева двора на всем протяжении его существования являлась знатность, родовитость служилых людей, бывшая важнейшим условием назначения на должности соответствующего уровня и закрепления в системе местничества. В условиях консолидации правящего класса к концу XVII в. и перегруппировки составляющих его слоев и групп эта традиционная и специфически феодальная иерархическая система перестает отвечать потребностям управления развивающегося абсолютистского государства и постепенно отменяется. Выражением этого процесса явилась отмена местничества в 1682 г., а в дальнейшем — в целом ряде петровских реформ, получивших окончательное закрепление в Табели о рангах 1722 г.: принцип знатности при выдвижении на должность окончательно заменяется принципом выслуги. Структура Государева двора изучаемого периода подробно рассмотрена В. О. Ключевским в «Истории сословий в России». Входящие в Государев двор и другие чины подразделялись на три основных категории: высший служилый класс составляли думские чины — бояре, окольничие, думные дворяне и думные дьяки, а также — печатник, конюший, оружейничий, ловчий, стольники и стряпчие, постельничьи или спальники, московские дворяне и жильцы; средний служилый класс включал дворян и детей боярских; низший служилый класс составляли служилые люди по прибору — стрельцы, пушкарки, казаки на государственной службе, а также солдаты, драгуны, копейщики, гусары и рейтары. Различались служилые чины «по отечеству» и «по прибору». К первой группе принадлежали лица, которые несли государственную службу по своему происхождению, как наследственную повинность. Они в свою очередь распадалась на чины думные (бояре, окольничие и думные дворяне) и собственно служилые чины (чины московские — стольники, стряпчие, дворяне московские, т. е. столичные и жильцы (дворцовые)). Чины городовые — дворяне выборные, дети боярские дворовые и дети боярские городовые. Другая группа — чины служилые «по прибору», включала ратных служилых людей низших разрядов (стрельцы, пушкарки, затинщики, казаки, рейтары, драгуны, солдаты и т. д.). Помимо служилых чинов, остальные сословные группы общества подразделялись на чины «тяглые» — посадские (горожане) и уездные (крестьяне), а также гости, «черные» слободы и т. д., и «нетяглые» (Ключевский В. О. История сословий в России. — Соч. М., 1959. Т. IV Лекция X — «Классификация чинов в Московском государстве»). В настоящее время состав и структура Государева двора в связи с историей русского государства XV—XVII вв. стали предметом изучения в ряде работ: Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962; Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Боярские списки конца XVI — начала XVII в. как исторический источник // Советские архивы. 1973. № 2; Наза-

ров В. Д. О структуре «Государева двора» в середине XVI в. — В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975; Медушевский А. Н. Боярские списки первой четверти XVIII в. — В кн.: Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1982.

14. В истории русской политической мысли XVI—XVII вв. мы также находим обращение к сравнению Московского государства с Турцией, а монарха с турецким султаном. Однако, в то время как у иностранных путешественников это сравнение носит характер осуждения деспотизма как формы правления, русские публицисты апеллировали к режиму султана для обоснования идеологии самодержавного государства. В обоих случаях сравнение носило скорее характер метафоры, риторического приема, чем реального сопоставления, однако бросается в глаза различная направленность использования одного и того же образа у западных и русских писателей. Так, на примере Магмета-салтана И. С. Пересветов рисует образ идеального с его точки зрения правителя (Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958).

15. Стремление Ключевского объяснить быстрый процесс укрепления централизованной власти, силы и самостоятельности государства, внешние проявления которого подмечали иностранцы, нашло выражение в развиваемой им концепции служилого государства. Следуя здесь за своими предшественниками — историками государственной школы Соловьевым, Кавелиным, Чичериным и другими, Ключевский дает специфическую модель отношения сословий и государства в изучаемый период. Он исходит при этом из представления о функциональном, чисто служебном происхождении и развитии сословий: каждое из них имеет право на существование лишь постольку, поскольку выполняет определенную функцию, несет определенную служилую повинность государству. Таким образом, «каждый класс отличается от другого двумя признаками: политическим и экономическим. Политическим признаком служила известная специальная повинность, падавшая на этот класс, экономическим — имущественное состояние лиц этого класса. По двум таким признакам можно и различить отдельные мелкие разряды друг от друга и свести их в крупные классы, установить некоторый порядок в их классификации» (Ключевский В. О. Соч. Т. VI. С. 353). В соответствии с этим дается интерпретация социальной основы чиновного строя и деления рассматриваемого периода: «Чином в Московском государстве называется общественный слой, который нес свою специальную государственную повинность, соответствующую его экономическому состоянию». В соответствии с концепцией служилого государства строятся и ряд последующих глав, прежде всего посвященных войску и управлению.

16. Свержение татарского ига в 1480 г. явилось важным этапом в создании русского централизованного государства. Важнейшие вехи этой борьбы Ключевский рассматривал в контексте становления народного и государственного самосознания (Ключевский В. О. Значение преподобного Сергия для русского народа и государства. — Очерки и речи. М., 1912. С. 199—215).

17. Личность Грозного со времен Н. М. Карамзина привлекала внимание отечественных и зарубежных историков, порождала споры и различные интерпретации. В одной из последних книг по этой теме А. А. Зимин писал: «Иван IV был сыном блистательного, но жестокого века, когда бурное развитие гуманистических теорий совпало с истреблением тысяч инакомыслящих во время религиозных войн и с деспотическим правлением взбалмошных монархов. Это было время тиранов, убежденных в неограниченности своей власти, освященной церковью; оно порождало моральных уродов, прикрывавших маской ханжества и религиозности безграничную жестокость к собственным подданным» (Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 102). Наиболее отчетливо характер Грозного и его идеология выразились в его посланиях и переписке с князем А. М. Курбским. Публикацию памятника и обзор различных точек зрения на него см. в кн.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979; *The Correspondence between prince A. M. Kurbsky and Tsar Ivan IV of Russia 1564—1579*. Cambridge, 1955; Andreyev N. // *Slavonic and East European Review*. Vol. 59. No. 2. 1981.

18. Русское государство, быстро набиравшее силу в XV—XVII вв., и особенно его вооруженные силы, становились объектом пристального внимания иностранных путешественников. Именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что в их сочинениях мы находим большой и ценный фактический материал об этой стороне жизни государства. Среди вопросов, которые вызывали их наибольший интерес, были система организации вооруженных сил, их численность, материальное обеспечение, боевые качества и обученность, тактика ведения боевых действий. Записки иностранцев служили одним из источников по этим вопросам в трудах Карамзина, Соловьева, Иловайского, самого Ключевского и ряда последующих историков. В то же время именно В. О. Ключевский в своей книге о сказаниях иностранцев впервые дал сводку данных источника о русском войске. Организация материала в главе подчинена общей концепции сословного государства, согласно которой место каждого сословия в социальной структуре определяется его функциональным назначением и служилой ролью. Исходя из этого, общество предстает в виде пирамиды сословных отношений феодальной иерархии, вершину которой составляет абсолютизм. Именно поэтому большое место в главе занимает характеристика поместной системы, которая, согласно концепции Ключевского в условиях натурального хозяйства и отсутствия материальных ресурсов явилась универсальным и единственно возможным средством обеспечения содержания служилых людей за счет крестьянского сословия. Одним из важнейших факторов, ускоривших образование и развитие государственности и связанной с этим системы управления и организации вооруженных сил, стала, по мнению Ключевского, внешнеполитическая обстановка, требовавшая постоянной мобилизации людских и материальных ресурсов. Этим объясняется в значительной мере тот факт, что Ключевский в рассматриваемой главе подошел к своей задаче очень широко: в организации войска он видит отражение организации системы в целом, причем ее общих и наиболее существенных черт.

19. В книге суммированы показания иностранцев о численности вооруженных сил Московского государства в изучаемую эпоху. Эти данные использовались позднее в ряде работ, в том числе иностранных. В последующее время этой проблеме специальную работу посвятил Середонин (Середонин С. М. Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI в. Спб., 1891). Используя ранее неизвестные архивные источники (данные Разрядов и другие делопроизводственные документы государственных учреждений), он подверг источниковедческой критике данные иностранных авторов, прежде всего Флетчера, Горсея и Маржерета. В результате он пришел к выводу о том, что численный состав Московского войска в этот период был следующий: около 75 000 конницы дворян, детей боярских и их слуг; не более 10 000 татар, 20 000 стрельцов и казаков, и 4 000 иностранцев, всего около 110 000 человек. В случае надобности собирались даточные, посошные, число которых было очень различно. А. В. Чернов в книге «Вооруженные силы русского государства в XV—XVII вв.» (М., 1954) при рассмотрении этой проблемы в свою очередь приходит к выводу о необходимости уточнения данных Середонина. Середонин считал, исходя из общего числа дворян и детей боярских в конце XVI в. — 25 000 чел., причем с учетом того, что каждый приводил с собой по 2 человека, общую численность в 75 000 чел. конницы. На самом деле помещик должен был приводить не два, а одного человека, и, следовательно, общее число дворянской конницы составляло 50 000 человек, что значительно меньше цифры, указанной как Ключевским, так и Середининым. Отметим, что Ключевский, вообще говоря, не ставил своей задачей установление собственно численности войска в абсолютных цифрах. Для этого ему бы потребовались другие, более точные источники (напр., различные делопроизводственные документы). В сказаниях иностранцев его интересовало скорее представление западноевропейцев о военной мощи русского государства, а также степень их информированности о ней.

20. В течение длительного времени уже после свержения ордынского ига русское государство вело почти непрерывную изнурительную войну на степной южной границе с агрессивными татарскими ханствами, которые образовались после распада Золотой Орды и предпринимали грабительские набеги на русские земли. На степных просторах Дикого поля складывалась сторожевая и станичная служба, система обороны «Крымской украины». Продвигая на юг «засечные черты», русское государство опиралось на Большую засечную черту, созданную в XVI в. (Каргалов В. В. На степной границе. Оборона «крымской украины» русского государства в первой половине XVI столетия. М., 1974; Санин Г. А. Сношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987).

21. Стефан Баторий (1533—1586 гг.) — польский король с 1576 г., крупный полководец, удачно завершивший Ливонскую войну. Он укрепил южные границы татарских степей, нанес поражение Грозному. Вмешательство папы и иезуитов заставило его заключить невыгодный для победителей мир.

22. В результате военных реформ середины XVI в. и общего роста вооруженных сил состав русского войска расширился. С середины века ратные люди делились по способу комплектования на две основные группы: служилых людей «по отечеству» и служилых людей «по прибору». К первой группе принадлежали дворяне и дети боярские (выборные, дворовые и городовые), составлявшие поместное ополчение, а также служилые люди думные (бояре, окольные, думные дворяне) и московские (стольники, стряпчие, дворяне, московские, жильцы). Вторую группу составляли: стрельцы, казаки, пушкарники, затынщики, воротники, казенные кузнецы и плотники и т. д. К этой же группе можно отнести сборных и посошных людей. Все служилые люди «по отечеству» должны были являться на службу «конно, людно и оружно», т. е. на конях, с оружием и людьми. Дворяне должны были приводить с собою на военную службу необходимое число людей в соответствии с размерами поместной и вотчинной земли. Вторую, основную группу по способу комплектования в составе войска составляли служилые люди «по прибору» (стрельцы, казаки, люди пушкарского чина и др.). Стрельцы и пушкарники набирались преимущественно из посадских людей, а казаки — из вольных казаков (волжских, донских, запорожских). В мирное время приборные люди выполняли городовую службу (военную и полицейскую), стрельцы, преимущественно в центральных и северных городах, а казаки в южных городах. Казаки, кроме того, несли и пограничную службу. Во время войн часть приборных людей включалась в полки дворянского ополчения и принимала непосредственное участие в военных действиях. Стрельцы выполняли службу главным образом в пешем строю, а казаки составляли конницу. Первое место по численности и значению среди служилых людей «по прибору» занимали стрельцы. Появление стрелецкого войска относится к середине XVI в. В 1550 г. был образован трехтысячный отряд «выборных» (московских) стрельцов, являвшихся личной вооруженной охраной царя. К концу века стрелецкое войско насчитывало до 20—25 тысяч человек. По месту своей основной службы стрельцы делились на московских и городовых; городовые стрельцы были расположены гарнизонами от 20 до 1000 человек в городе, в зависимости от его значения. Стрельцы формировались в самостоятельные административные и тактические единицы — «приказы», численностью в 500 человек. Во главе приказа стоял стрелецкий голова, подчиненный местному городскому воеводе. Появление стрельцов явилось новым этапом в организации вооруженных сил русского государства, с этого времени начало существовать постоянное пешее войско в России. Заинтересованное в усилении защиты границ, правительство принимало казаков на свою постоянную службу, поселяя их в пограничных городах. Так появился особый разряд ратных людей под именем городовых казаков. Городовые казаки не имели единой военной организации, там же, где они поступали служить целыми отрядами (станицами), у них сохранились свои выборные атаманы, подчиненные казацкому голове или непосредственно городскому воеводе. Привлекались к военной службе и тяглые люди: среди них — боярские люди, которых помещики и вотчинники приводили с собой; сборные люди, которых высылали на службу в города (с тяглых дворов) и духовенство (с земли); посошные люди, набиравшиеся преимущественно из числа сельского тяглого населения и составлявшие в службу с сохи (земельной окладной единицы). В составе войска к концу XVI в. имелось около 2500 наемных иноземцев (поляков, греков,

немцев и др.). Общая численность ратных людей в конце XVI в. достигала 110 тыс. человек, кроме даточных и посошных людей. В 30-х гг. XVII в. началось, с преодолением последствий Смутного времени, восстановление и дальнейшее развитие войска. Новым этапом стало формирование солдатских, драгунских и рейтарских полков (полков нового строя). Введение полков нового строя привело к ликвидации старой организации армии, причем ведущее место в войске заняла пехота (солдаты). Стрелецкое войско при этом постепенно теряло свое значение боевой силы, превращаясь во внутреннюю охрану государства. Полки нового строя в целом комплектовались старыми способами. Основным источником комплектования стало принудительное привлечение населения к ратной службе, которая являлась обязательной для всех классов населения. Таким образом, русская армия развивалась по пути, отличному от западноевропейского; не наемничество, а обязательная служба коренного населения стала основой комплектования полков нового строя. Как считает большинство специалистов, такие полки явились новой, более совершенной организацией вооруженных сил Русского государства. Из всех родов войска нового строя особое значение имели солдаты, рейтары и драгуны, которые составили пехотные и конные войска. Пехоту составляли солдаты, конницу — рейтары, гусары и копейщики. Пехотные войска составляли основу армии и значительно преобладали по численности над конницей. Ценные данные о военной организации и службе XVI в. содержатся в книге Чечулина, которая получила положительную оценку в рецензии В. О. Ключевского: Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI века. Спб., 1889; См. также: Середонин С. М. Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI века. Спб., 1891; Чернов А. В. Образование стрелецкого войска. — Исторические записки. Т. 38; Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. М., 1955; Hellie R. Enserfment and Military Changes in Moscovy. Chicago, 1971.

23. Организация войска, его подразделения и материальное обеспечение в рассматриваемый период стали предметом специального исследования С. М. Середонина. Используя делопроизводственные источники (Разрядные росписи трех походов Грозного — Полоцкого похода 1563 г., походов 1577 г. и 1578 г.), историк приводит количественные данные об основных подразделениях русского войска XVI в. В Полоцком походе 1563 г., когда были развернуты все силы Московского государства в борьбе за Ливонию, армия разделялась на полки в следующем составе: царский полк состоял из 41 человека бояр, окольничьих и приказных людей, 20 человек с царем Александром, 4965 человек дворян и детей боярских и 1165 человек сборных людей и городов. Второй — Большой полк — состоял из 2929 детей боярских, не считая сил князя Владимира Андреевича, 1629 человек татар и 1215 казаков. Полк — Правая рука — 1922 человека боярских детей, 105 человек царя Симеона, 966 татар и 1009 атаманов и казаков. Передовой полк — 1990 человек боярских детей, 360 татар, 940 человек, собранных из городов, 1046 голов и казаков. Левая рука — 1900 человек боярских детей, 108 человек с царевичем Кайдулою, 825 кадомских мурз и казаков и 605 атаманов и казаков. Сторожевой полк — 1915 человек детей боярских, 1111 человек татар, мордвы и мещеры, 569 человек казаков и сотников. У наряду — 1433 человека детей боярских, 1048 атаманов, голов и сотников. В Ертоуле — особом отряде —

1016 человек детей боярских, 383 человека татар, 482 человека атаманов и казаков. Всего — 17995 детей боярских, 2165 человек, собранных из разных городов, 6054 человека казаков, 5854 человека татар. (Середонин С. М. Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI века. Спб., 1891. С. 4—6).

Материальное обеспечение войска проводилось следующим образом. Оклады поместные и денежные (жалованье) были различны в зависимости от происхождения, имущественного состояния и службы дворян и детей боярских. В среднем поместные оклады колебались от 100 четвертей (150 десятин в трех полях) до 300 четвертей (450 десятин) и денежные — от 4 до 7 руб. в год. За выслугу в процессе дальнейшей службы поместные и денежные оклады повышались в среднем до 700 четвертей земли и 14 руб. денежного жалованья. Приборные люди за свою службу получали денежное, хлебное или земельное жалованье. Наиболее распространенным видом было наделение землей, которая давалась приборным людям на время службы, причем в коллективное пользование на целую сотню или приказ. Из общей земли приборные люди получали в личное пользование участки (жеребья) под пашню; леса же, сенные покосы и другие угодья оставались в общем пользовании. Безземельным приборным людям давалось денежное и хлебное жалованье, хотя размеры окладов, а также их выплата были неопределенны. Это обстоятельство способствовало распространению в их среде (особенно у стрельцов) торгово-ремесленной деятельности, которая становилась дополнительным источником дохода. При организации полков нового строя в 30-х гг. XVII в. была сделана попытка привлечения на военную службу беспоместных детей боярских, которым было обещано жалованье по 5 руб. в год, однако она кончилась неудачей, и к записи в солдаты стали привлекаться другие категории населения (служилые татары, казаки, позднее другие вольные «охочие люди»). В рейтарских конных полках комплектование шло более успешно, чему способствовала большая престижность рейтарской службы для дворян и более высокие оклады рейтар по сравнению с солдатами: рейтары получали 3 руб. в месяц жалованья и 2 руб. на корм коней. Как показано в ряде исследований, в основе организации войска в XVI—XVII вв. лежала поместно-вотчинная система, крепостническая система, натуральный (а не денежный) характер материального обеспечения служилых людей. Войско, благодаря этому, дешевле обходилось государству, однако было недостаточно профессиональным. Эти особенности русского войска не проходили мимо внимания современников, особенно иностранцев. С целью преодоления этих недостатков государство в XVII в. предпринимает ряд реформ войска, одной из которых явилось создание полков нового строя, послуживших прообразом петровских преобразований армии.

24. Ногайская Орда — феодальное государство кочевников к Северу от Каспийского и Аральского морей, от Волги до Иртыша. Выделилась из Золотой Орды в конце XIV — начале XV в. с центром в г. Сарайчик. Во второй половине XVI в. Ногайская орда распалась на Ногаи Большие, Ногаи Малые, Алтыульскую орду.

25. Боевое устройство русского войска XVI в. прослежено Середониным по разрядам: войско делилось на пять полков, каждый из которых имел свои военно-оперативные функции: Большой, Правая рука, Передовой, Сторожевой и Левая рука. В небольших походах использовались три полка, а в особо важных случаях, напр., Казанском походе или Полоцком и Ругодивском походах Ливонской войны, когда во главе войска находился царь, добавлялись еще царский или государев полк и ертоул — передовой отряд, в задачу которого входила разведка и подготовка путей для выдвижения главного войска. Самостоятельными частями были также наряд (артиллерия) и обоз (или гуляй-город). Разведка лежала главным образом на служилых татарах. Гуляй-город представлял собой особое сооружение, которое возили за войском в разобранном виде, а при необходимости очень быстро ставили в виде двух деревянных стен, защищавших воинов спереди и сзади, причем в стенах были сделаны отверстия для стрельбы из орудий и пищалей. Одной из характерных черт развития вооруженных сил второй половины XVI в. стало усовершенствование огнестрельного оружия, особенно артиллерии, которая достигла крупных успехов в техническом отношении и в своем боевом применении. Создание многоствольных орудий, известных по документам XVI в. под именем «сорок», позволило обеспечить усиление огневого залпа. Совершенствовалось и ручное огнестрельное оружие, наиболее распространенными видами которого до XVII в. были нарезная (винтовальная) пищаль и пистолеты (пистолы).

Со времени образования полков нового строя вводится более единообразное и совершенное вооружение. Все полки были вооружены огнестрельным оружием, тяжелые пищали постепенно заменялись более удобными и дальнбойными мушкетами в пехоте и карабинами в коннице. Высокого развития достигла артиллерия. Кованые железные орудия постепенно заменяются литыми орудиями из меди и чугуна. Литье пушек удешевляло их производство и сокращало время изготовления. Одновременно с ремесленным производством оружия развивается его мануфактурное изготовление, появляются чугунолитейные и железоделательные заводы и пороховые мельницы.

26. Ведрошское сражение — крупнейшая победа русского оружия в 1500 г., когда литовские войска были наголову разбиты на реке Ведрошь (недалеко от Смоленска), а командовавший ими полководец князь Константин Острожский попал в плен Ивану III.

27. Битва при Орше 1514 г. состоялась между польско-литовскими и русскими войсками, когда, оправившись после потери Смоленска, польско-литовские войска сумели нанести русским серьезное поражение.

28. Василий Иванович Шуйский (1552—1612) — русский царь Василий IV в 1606—1610 гг. возглавлял тайную оппозицию против Бориса Годунова, поддерживал Лжедмитрия I, а затем вступил в заговор против него. Став после его свержения царем, подавил восстание И. И. Болотникова. В ходе борьбы с польско-шведской интервенцией и Лжедмитрием II был низложен.

29. Из анализа законодательных источников XVII в. становится очевидно, что центр тяжести политики государства приходился на регулирование поземельных отношений и важнейшим своим результатом имел сближение правового статуса поместья и вотчины, на базе которого происходили консолидация господствующего (правлящего) класса-сословия и перегруппировка различных его слоев (отмена местничества). Этот процесс слияния поместий и вотчин завершился уже в петровское время (закон о майорате 1714 г.). Переломным этапом в этом процессе стали Уложение 1649 г., в котором правовому регулированию поместно-вотчинных отношений уделено значительное внимание, и серия последующих «новоуказных статей».

30. Проблемы истории и теории управления принадлежат к числу наиболее актуальных в современной науке. В связи с этим растет интерес к концепции государственной школы, в которой они занимают центральное место. В историографии наметилось два подхода к данной теме — историко-учрежденческий (изучение правового статуса, структуры, функций учреждений и институтов государственного аппарата) и историко-социологический, ставший своей задачей анализ социальных слоев (классов и групп), непосредственно обеспечивающих различные уровни и функции управления. Заслуга В. О. Ключевского и новизна его метода в подходе к проблемам истории управления состоит как раз в том, что он одним из первых в историографии наметил переход от первого историко-учрежденческого подхода ко второму — социологическому, реализовав данный подход в «Боярской думе». В этом отношении данная глава «Сказаний иностранцев» может рассматриваться как первый опыт в указанном направлении.

Функции и структура государственной администрации России допетровского времени в дореволюционной историографии рассматривались прежде всего в связи с историей государственных учреждений. В этой связи отметим фундаментальную работу Б. Н. Чичерина о местном управлении России в XVII в. и ряд исследований К. А. Неволлина, М. Ф. Владимирского-Буданова, И. И. Дяткина, П. Мрочек-Дроздовского, А. Романовича-Славатинского, В. Н. Латкина, П. Н. Милюкова и других русских историков по отдельным отраслям государственного управления, отдельным приказам. В специальных работах о приказной системе администрации сообщались некоторые данные о статусе и функциях учреждений, составе приказной администрации, штатах, оплате труда чиновничества. Среди них выделяются работы Н. Н. Оглоблина, Н. П. Лихачева и особенно С. Б. Веселовского о приказном строе Московского государства. Подробнее см: Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII в. М., 1866; Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. Спб., 1888; Заозерский А. И. Царь Алексей Михайлович в своей вотчине. Пг., 1917; Веселовский С. Б. Приказный строй управления Московского государства. — В кн.: Русская история в очерках и статьях. Киев, 1912. Т. III.

Богатый фактический материал о личном составе администрации XVII в. обобщен в работах: Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. М.-Л., 1946; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. Изучению приказного строя Русского государства XVII в. посвящена работа Н. В. Устюгова, в которой прослеживается его изменение в сравнении с предшествующим периодом и вы-

явлены предпосылки перестройки государственного аппарата в петровское время; Устюгов Н. В. Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в. — В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964. Система центральных и местных государственных учреждений XVII в. освещается в кн.: Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.

В последние годы внимание исследователей привлечено новый аспект проблемы: исследование состава государственных учреждений — бюрократии, вопросов ее возникновения, развития и становления в качестве самостоятельного социального слоя. Особый интерес представляет новейшая монография Н. Ф. Демидовой, в которой исследуется процесс бюрократизации государственного аппарата в период перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму, на широкой источниковой базе исследована внутренняя структура управления государством, анализируется процесс превращения приказных людей в многочисленный социальный слой (Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987). Для последующего периода петровских преобразований выявлена связь развития бюрократии с утверждением абсолютизма (Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (формирование бюрократии). М., 1974; Медушевский А. Н. Развитие аппарата управления России в первой четверти XVIII в. // История СССР. 1983. № 6.)

Данная тема стала предметом изучения и в новейшей западной историографии. Предметом обсуждения в ней стал, в частности, вопрос о применимости к русскому чиновничеству этого периода самого понятия «бюрократия», разработанного в современной социологии на более позднем материале. Возник ряд вопросов о степени социальной дифференциации русского чиновничества, его институционализации (распределении по учреждениям), социальной мобильности и источниках рекрутирования, правового обеспечения, функционирования и корпоративной психологии. См.: Clarkson J. Some notes on Bureaucracy and Autocracy in Russia. 1500—1800 // Entstehung und Wandel der modernen Gesellschaft. Berlin, 1970; Russian Officialdom. Chapel-Hill, 1980; Raeff M. Comprendre l'ancien Regime Russe. Etat et société en Russie imperiale. Paris, 1982. Подробнее см.: Медушевский А. Н. К вопросу об источниковой базе современной буржуазной историографии русского феодализма // Советские архивы. 1985. № 5.

31. Приказы — центральные правительственные учреждения Руси XV—XVII вв. — получили свое наиболее полное развитие ко второй половине XVII в. Общее их число достигало 80—90, однако некоторые существовали недолго, возникали и исчезали спорадически; постоянно существовавших приказов в XVII в. насчитывается до 40. Такое большое число центральных правительственных учреждений, часто с параллельными или переплетавшимися функциями, объясняется их происхождением и назначением. Приказная система складывалась постепенно в течение длительного времени, вырастая из нужд первоначального управления великокняжескими землями в процессе образования централизованного государства. Наиболее важное значение имели административные приказы с общегосударственной компетенцией. К ним относятся Разряд, Поместный приказ, Ямской, Каменных дел, Монастырский и Тайных дел. Разрядный приказ имел своей компетенцией управление служилыми

людьми, определение их на службу, назначение жалования (денежного и поместного), а также их учет. Поместный приказ обеспечивал функционирование поместной системы — он непосредственно ведал фактическим распределением земель (с крестьянами) среди служилых людей, оформлял и регистрировал все сделки на поместные земли и крестьян, а в XVII в. получил также и судебные функции по вопросам землевладения. Ямской приказ обеспечивал важнейшую функцию организации путей сообщения на огромной территории, для чего существовал специфический институт ямской гоньбы, а с тяглого населения взимался особый налог — ямские деньги, поступавшие в приказ. Казенным каменным строительством ведал Приказ каменных дел, в ведении которого находились особые ремесленники. Монастырский приказ (созданный по Уложению в 1650 г.) предназначался для управления всем хозяйством церковных корпораций и сборов налогов с них. Приказ Тайных дел, руководимый непосредственно царем, осуществлял контроль за деятельностью высших государственных учреждений, послов и воевод; в его функцию входило также управление царским хозяйством. Организация финансов государства находилась в ведении ряда учреждений, среди которых были Приказ Большого прихода, ведавший сбором таможенных пошлин; Приказ Новой четверти, ведавший кабацкими сборами, и Приказ Большой казны, ведавший казенной промышленностью, торговлей и торговыми людьми. Судебная власть осуществлялась также рядом приказов. Среди них — Разбойный приказ, в функцию которого входило уголовное судопроизводство, Владимирский судный и Московский судный приказы ведали гражданским судопроизводством дворянства. Приказ Холопьяго суда занимался делами о несвободных людях, Челобитный приказ ведал судом должностных лиц приказов и был в то же время высшей апелляционной инстанцией для судебных дел всех других приказов. Дипломатическими отношениями ведал Посольский приказ; военной службой помимо Разряда, занимался ряд специальных учреждений — приказы Стрелецкий, Пушкарский, Иноземский, Рейтарский и Казачий, ведавшие соответствующими родами войск. Ряд дворовых приказов занимался специально обслуживанием царского двора, но их функции порой расширялись до общегосударственных. Это были Приказ Большого дворца, Казенный приказ, Конюшенный приказ, Аптекарский, а также Мастерские палаты, Оружейный приказ, Постельный приказ и ряд других. К числу приказов с региональной компетенцией относились пять Четвертей — Владимирская, Галицкая, Костромская, Нижегородская (Новгородская) и Устюжская, Приказ Казанского дворца, Сибирский, а также Земский приказ, ведавший управлением столицей.

История возникновения и развития приказной системы освещена в ряде исследований. Возникновение приказов А. А. Зимин поставил в связь с реформами Грозного в середине XVI в. Другой исследователь — А. К. Леонтьев — относит складывание системы приказов к первой половине XVI в. Развитие приказной системы и отдельных приказов в XVII в. освещается в исследованиях И. Я. Гурлянда, А. И. Заозерского, А. Н. Сперанского, Н. В. Устюгова, Н. Ф. Демидовой, Н. П. Ерошкина, других ученых. Подробнее см.: Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960; Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961; Устюгов Н. В. Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в. — В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964; Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата

абсолютизма в XVII—XVIII вв. — Там же. Как в отечественной, так и в зарубежной историографии дебатруется вопрос о степени эффективности приказной системы и причинах ее ликвидации в петровскую эпоху. В связи с этим ряд авторов подчеркивает преимущества, а другие — недостатки этой администрации, продолжая тем самым традиционный спор между славянофилами и западниками. Преимущества коллегиальной системы администрации по сравнению с приказной можно сформулировать следующим образом: коллегиальная система предполагала систематическое разделение администрации на определенное количество ведомств. При этом каждая коллегия имела общегосударственную компетенцию, что само по себе означало более высокий, чем в приказах, уровень централизации. Коллегиальная система предусматривала коллективное принятие решений большинством голосов, что исключало имевший место в приказах режим личной власти. Важное преимущество коллегий по сравнению с приказами состояло в лучшей организации разделения труда, что повышало эффективность работы административного аппарата. Наконец, в коллегиях существовал четкий иерархический порядок. Благодаря введению Табели о рангах, способность к службе, а не родовитость стала высшим критерием продвижения по службе. Подробнее см.: Баггер Х. Реформы Петра Великого. М., 1985 (глава II); Медушевский А. Н. К изучению государственного аппарата в период утверждения абсолютизма в России. — В кн.: Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985.

32. Вопрос о Боярской думе, затронутый здесь Ключевским, стал, как известно, темой одной из его важнейших работ последнего времени. Намеченный им социологический подход к этой теме оказал значительное влияние на последующую историографию, в том числе на современные западные исследования. Проблема соотношения служилой знати и центральной власти вообще в Русском государстве XVI—XVII вв. стала предметом рассмотрения целого ряда новых конкретных исследований Г. Алефа, А. Клеймолы, Р. Крамми, других западных историков на основе просопографического метода. Просопографический метод, или метод коллективной биографии, состоит во всестороннем изучении личного состава какого-либо учреждения или страта общества за определенное время его существования для получения выводов о самом этом учреждении или социальном слое. Практическое осуществление этой методики выражается в том, что самые разнообразные сведения о личном составе или штатах какого-либо учреждения (напр., Боярской думы), полученные из всех возможных источников, группируются по определенным вопросам или рубрикам (напр., экономическое положение, статус, чин, образование и т. п.) и затем обрабатывают на ЭВМ для установления взаимосвязи между этими показателями. Таким образом, в рассматриваемой историографии изучаются главным образом верхи правящего класса и состав важнейших государственных учреждений.

Аlef G. *Aristocratic Politics and Royal Policy in Muscovy in the Late Fifteenth and early Sixteenth Centuries.* — *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte.* — Berlin, 1980; Kleimola A. *Military Service and Elite Status in Muscovy in the Second Quarter of the Sixteenth Century.* — *Russian History*, vol. 7, part. 1—2, 1980; *Russian Officialdom.* — Chapel Hill, 1980.

В центре внимания находится при этом изучение Боярской думы и боярской аристократии. Новейший исследователь Боярской думы при Иване IV Г. Кампхаузен подчеркивает, что она является «своего рода микрокосмом, в видоизмененном виде отражающим господствующие политические тенденции и группировки Московского государства». Он ставит вопрос о социальной основе Избранной рады, политических группировках в Думе и боярских заговорах, целях политики Грозного на различных этапах его правления, опричнине как реформе по проведению государственной централизации и как политическом инструменте борьбы за безопасность короны и наследования престола, преобразовании Боярской думы из феодальной курии в орган государственного управления, наконец, социальном характере Московского государства к концу правления Ивана IV. Исходя из того, что социальная сущность и функционирование Думы в период правления Грозного лучше всего проявляются во время переломных событий, автор обращается к изучению политических кризисов, которые приводят к размежеванию и открытому конфликту противоборствующих сил и поэтому представляют наибольший интерес для исследователей. Camphausen H. Die Bojarenduma unter Ivan IV: Studien zur altmoskauer Herrschaftsordnung. Frankfurt am Main, 1985.

Как подчеркивает другой новейший исследователь этой проблемы, американский историк Р. Крамми, в своем специальном труде о Боярской думе XVII в. — «Аристократы и служилые: боярская элита в России 1613—1689 гг.», она представляла собой «высший консультативный орган Московской политической системы и центр царской администрации и судебной системы. По существу это была неформальная группа выдающихся советников и чиновников царя». Боярская аристократия рассматривается как своего рода властвующая элита изучаемой эпохи, поскольку решения царя и Думы, а точнее узкого круга советников, служили директивой для всего военно-бюрократического аппарата как в центре, так и на местах, где они проводились в жизнь местными властями. Признается целесообразным рассмотрение состава Боярской думы как единого социального слоя, обладающего определенным статусом и привилегиями в рамках политической системы формирующегося самодержавного государства. Боярская аристократия представляется достаточно гомогенной социальной группой, имеющей определенный статус, престиж и благосостояние, традиции и корпоративную психологию. Однако, если рассматривать ее как властвующую элиту, считает Крамми, то необходимо выделить в ее рамках собственно две различные элиты: традиционную группу знати, занимающую, как правило, высшие военные должности, и бюрократию, порожденную развитием административного аппарата. Исследование доводится до конца XVII в., когда Дума постепенно утрачивает свой статус, хотя еще остается центром власти. Crummeу R. Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia 1613—1689. Princeton, 1983.

В отечественной историографии проблемы социальных сдвигов в Думе и эволюции ее состава в рассматриваемый период освещены в следующих трудах: Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. Спб., 1898; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV-начала XVII в. М., 1962, Станиславский А. Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа. — В кн.: Актовое источниковедение. М., 1979; Медушевский А. Н. Вопросы источниковедческого изучения соци-

33. В основе местного управления долгое время лежала система кормления. Она представляла собой систему содержания должностных лиц (наместников, волостелей и др.) за счет местного населения. Ликвидирована по земской реформе 1555—1556 г. как формально-юридический институт, однако сохранявшаяся фактически еще очень долгое время вплоть до XVII в. Уточняя смысл этого понятия, В. О. Ключевский писал: «Кормлениями... назывались в Древней Руси судебно-административные должности, соединенные с доходом в пользу должностных лиц, который получался ими прямо с управляемых... Этот доход носил общее название корма, соответствовавшего нынешнему канцелярскому термину «содержание», отсюда и доходная должность получила название кормления». Ключевский В. О. По поводу статьи Д. Голохвастова «Историческое значение слова «кормление». Соч. Т. VII. С. 429.

До середины XVI в. управление на местах возглавляли наместники и воеводы: наместник был руководителем гражданского управления, а воевода ведал военным делом. Изменения в центральном правительственном аппарате, произошедшие во второй половине XVI в., сопровождалась перестройкой местного управления. Происходит постепенная замена наместничьего управления воеводским, что означало сосредоточение в руках военного командования всего гражданского и военного управления. Свои функции воеводы осуществляли через особые учреждения — съезжую (приказную) избу как центральный орган местного управления. В результате губной реформы (1555 г.) были созданы местные губные и земские учреждения, во главе которых стояли губные старосты. После отмены кормлений в 1555 г. судебные функции и сбор податей были переданы выборным старостам. Доходы, раньше получавшиеся кормленщиками, поступали теперь под названием кормленного откупа в царскую казну. Введение земского управления было мероприятием по ликвидации наместнического управления, находившегося в руках знати, и способствовало централизации управления и финансов.

В XVII в. идет процесс дальнейшей централизации местного управления, которое сосредоточивается в руках воевод, как глав администрации уезда. Воевода ведал сбором денежных налогов и других повинностей, был главным судьей в уезде и представлял военную власть. Воеводское управление по мере централизации власти почти поглотило все другие виды прежней местной администрации. Земские выборные органы были подавлены воеводской властью. Объем власти на местах был очень широк и практически не был ограничен (другими институтами власти), что означало дальнейшую централизацию местного управления (Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII в. М., 1856; Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. М., 1902; Богоявленский С. К., Веселовский С. Б. Местное управление. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955).

34. Речь идет о важнейших памятниках юридического характера XV—XVII вв., в которых наиболее полно отражены основные нормы права Русского государства: Судебник Ивана III (1497 г.)

и Судебник 1550 г. Первый из них — великокняжеский судебник 1497 г. — включает статьи о центральном и местном судах, по гражданскому судебному процессу и праву. В нем, в частности, были установлены законодательные ограничения крестьянских переходов (Юрьев день), когда допускался переход крестьян от одного помещика к другому. Данная статья Судебника являлась исходной для дальнейших правовых норм по закреплению крестьян. Второй судебник — царский 1550 г. — содержал наряду с предыдущими также ряд новых статей и дополнений. Введены, в частности, новые статьи о судопроизводстве, а также холопстве и крестьянском выходе (Памятники русского права. М., 1956. Вып. III—IV). См. также: Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952; Российское законодательство X—XX вв. Л., 1980.

Важнейшим законодательным памятником XVII в. является Соборное Уложение 1649 г. Оно представляет собой свод законов Русского государства, в котором впервые появляются статьи, законодательно закрепившие крепостное право, и систематизировано поместно-вотчинное право. Подробнее см.: Памятники русского права. М., 1957; Маньков А. Г. Уложение 1649 г. — кодекс феодального права. М., 1983; Российское законодательство X—XX вв. Т. 3; Уложение 1649 г. М., 1987.

35. Недостатки управления и судопроизводства стали предметом обсуждения на Земских соборах XVI—XVII вв. Ключевский практически не останавливается на истории этих учреждений в рассматриваемом сочинении, хотя иностранные наблюдатели обращали на политическую систему государства значительное внимание. Отметим, что проблема Земских соборов является одной из центральных для понимания российской государственности. Вопрос этот рассматривается в историографии с противоположных позиций. Либеральные историки в период расцвета конституционных идей в России пореформенного периода и особенно конца XIX — начала XX в. стремились найти историческое обоснование ограничению самодержавия. В этом отношении наиболее характерно внимание ко всякого рода сословным и сословно-представительным учреждениям, Земским соборам, истории местных сословных учреждений. Данный взгляд получил особенно четкое выражение в трудах В. И. Сергеевича, В. Н. Латкина и Н. П. Павлова-Сильванского. Они отстаивали концепцию, согласно которой Земские соборы в России могут рассматриваться как учреждения, по своему социальному происхождению и функциональному назначению близкие или даже аналогичные сходным учреждениям на Западе — генеральным штатам, парламентам, кортесам и т. д. Данная постановка вопроса обусловила обращение к сравнительно-историческому методу для его решения. Обоснованный в правовой литературе Ф. В. Тарановским, этот метод был использован Н. И. Кареевым и особенно Н. П. Павловым-Сильванским для сравнительного изучения сословно-представительных учреждений феодального периода. Окончательный вывод формулировался следующим образом: «Наше Московское государство с его Земскими соборами, — писал Павлов-Сильванский, — было таким же сословным государством, как западные сословные государства с их генеральными штатами, ландтагами, кортесами и т. д. И наш государственный порядок московской эпохи XVI—XVII веков вырос, так же как на Западе, из порядка феодального». Подробнее см.: Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории

русского права. Спб., 1910; Латкин В. Н. Земские соборы древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. Спб., 1885; Тарановский Ф. В. Феодализм в России. Критический очерк. — Варшавские университетские известия. 1902 Кн. 4; Кареев Н. И. Поместье-государство и сословная монархия средних веков. Очерк развития социального строя и политических учреждений в Западной Европе. Спб., 1906; Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. Спб., 1907.

Известная идеализация сословно-представительных учреждений вызывала уже в то время стремление противопоставить сословно-представительные учреждения Западу сословной монархии России. Данный взгляд получил наиболее полное выражение в трудах В. Н. Чичерина, В. О. Ключевского, а также С. Ф. Платонова. Исходя из концепции формирования сословного строя в России, закрепощения и раскрепощения сословий государством, противопоставления их в этом отношении западноевропейским, В. О. Ключевский (следуя за В. Н. Чичериным) пришел к выводу о слабости сословно-представительных учреждений в России, а также об их существенной специфике в сравнении с однотипными представительными учреждениями Западной Европы — «земское представительство возникло у нас из потребностей государства, а не из усилий общества, являясь по призыву правительства, а не выработалось из жизни народа, наложено было на государственный порядок действием сверху, механически, а не выросло органически, как плод внутреннего развития общества» (Ключевский В. О. Состав представительства на Земских соборах древней Руси. Соч. М., 1959. Т. VIII. С. 71). Чичерин В. Н. О народном представительстве. М., 1865; Платонов С. Ф. К истории московских земских соборов. — В кн.: Статьи по русской истории. Спб., 1912.

В современной западной историографии сравнительное историческое изучение сословно-представительных учреждений эпохи абсолютизма является одной из центральных тем. Об этом свидетельствует тот факт, что работа исследователей координируется на международном уровне, охватывая историю сословно-представительных учреждений всех стран Европы эпохи абсолютизма, а литература по этой теме непрерывно растет. Согласно большинству западных авторов, в изучении данного вопроса характерно противопоставление Западной и Восточной Европы, и в частности России, где сословно-представительная система (Земские соборы) не получила развития. Проводится также сопоставление Земских соборов с рядом восточных учреждений типа курултая. *Ständische Vertretungen in Europa im 17 und 18 Jahrhundert*. Göttingen, 1969; Myers A. R. *Parliaments and Estates in Europe to 1789*. London, 1875; Torke H.-J. *Autokratie und Bergiffskärung und Periodisierung*. In: *Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen*. Stuttgart, 1986.

Дискуссия о социальной природе и характере деятельности Земских соборов продолжается и в советской историографии, где также имеют место полярные точки зрения, В трудах С. В. Юшкова, К. В. Базилиевича, М. Н. Тихомирова, И. И. Смирнова, А. А. Зимина, В. И. Корецкого, С. О. Шмидта, Р. Г. Скрынникова, других советских историков поднимались вопросы о Земских соборах как арене политической борьбы различных социальных слоев, как средстве консолидации общественных сил для достижения общенациональных целей во внутренней и внешней политике государства, как инструменте правительства для упрочения его позиций. Анализируя эти взгляды, Л. В. Черепнин в своем сводном труде при-

ходит к выводу о том, что Земские соборы и сословно-представительные учреждения других европейских государств представляют собой явления одного порядка, подчиняющиеся общим закономерностям исторического развития, хотя в каждой стране были свои специфические особенности. Подробнее см.: Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978.

36. Военно-административные нужды XVI—XVII вв. диктовали необходимость увеличения налогов. В 50-е гг. XVI в. была проведена реорганизация финансовой системы. Для обеспечения взимания прямых налогов правительство провело реформу сошного письма. С середины XVI в. соха как окладная единица посошного обложения стала приобретать поземельное выражение. Размеры сохи определялись владельческой принадлежностью земель (служилые, т. е. поместьи-вотчинные, церковно-монастырские, дворцовые и черные) и их качеством (добрые, средние и худые). Эта реформа была проведена прежде всего в интересах служилого дворянства, т. к. больше всего податей взималось с черносошных крестьян, а также с крестьян церковных земель. Реформа сошного письма сопровождалась увеличением размеров старых прямых налогов (прежде всего дани) и введением ряда новых податей и повинностей. Большое значение для укрепления финансов имела отмена кормлений: налоги, составлявшие прежде доходы наместников, стали собираться в пользу государства. Непосредственную связь с финансовым положением имела политика правительства по отношению к феодальному иммунитету. Она выражалась в пересмотре и проверке, а в последующем и ограничении выдачи тарханских грамот феодалам. Судебник 1550 г. был первой попыткой законодательным путем ликвидировать систему тарханских льгот (в соответствии с принципами феодального иммунитета, закреплявшимися в жалованных тарханских грамотах, землевладелец имел право сбора пошлин и судопроизводства на территории своих владений). В XVII в. постепенно подготавливался переход к подворному обложению (от посошного). Окладной единицей становился двор — была введена новая окладная единица «дворовое число». Наряду с прямым обложением, значительную часть бюджета русского государства XVII в. составляли косвенные налоги, среди которых главными были таможенные пошлины и кабацкие доходы. О состоянии финансового управления свидетельствует уже тот факт, что на протяжении всего XVII в. отсутствовало единое финансовое учреждение (Веселовский С. Б. Сошное письмо. М., 1915; Милюков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. Спб., 1892; Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967; Аграрная история северо-запада России (вторая половина XV — начало XVI в.). Л., 1971).

37. Согласно концепции Ключевского, природные условия оказывали прямое воздействие на направление, в котором развивалась экономика страны. В то же время он считал, что равновесие между природно-климатическими условиями и типом хозяйственной деятельности установилось не сразу. По его мнению, для Киевского государства наиболее характерным направлением хозяйственной деятельности населения были охота, бортничество и торговля, несмотря на обилие плодородных земель. Для северо-восточной Руси, наборот,

главным видом хозяйственной деятельности признается земледелие, хотя земли этого региона гораздо менее плодородны. Уже в современной Ключевскому историографии (Н. А. Рожков, М. С. Грушевский) его взгляд на характер хозяйственной жизни восточных славян был оспорен, причем высказана была идея о гораздо более раннем развитии земледелия. Для решения этого вопроса большое значение имели данные археологии, позволившие показать связь природно-климатических условий с исторической сменой форм земледельческого производства и их влияние на общественно-экономические отношения. Подробнее см.: Третьяков П. Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе. — ИГАИМК. Л., 1932. Т. XIV, Вып. I.; Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.—Л., 1946; Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории XIV—XVI вв. Л., 1977.

В то же время в отечественной историографии о Ключевском недостаточно учитывается факт определенной эволюции его взглядов на вопросы экономики страны. В этом отношении очень интересна одна из ранних и малоизвестных работ историка — его дополнения к книге П. Кирхмана «История общественного и частного быта», изданной в переводе с немецкого языка в 1867 г. Книга содержала ряд глав, характеризующих образ жизни народов Западной Европы. В русском издании книга была дополнена новыми разделами, специально посвященными России. Автором их был В. О. Ключевский. Среди них выделяются разделы о земледелии, горном деле, металлургическом производстве, строительном деле и шелководстве в России, а также о торговле и монетном деле, быте, одежде и образе жизни русских. Эти разделы представляют самостоятельный интерес еще и тем, что они написаны были молодым историком, только что окончившим работу над «Сказаниями», и, следовательно, продолжает ее тематически. Использование дополнений Ключевского к книге Кирхмана позволяет лучше представить фактическую основу его суждений по вопросам экономики и этнографии России изучаемого периода. См.: Кирхман П. История общественного и частного быта. Доп. В. Ключевским. М., 1867.

38. Взгляд Ключевского на развитие земледелия — сельского хозяйства, представленный в данной главе, дополняется его очерком по этому вопросу в книге Кирхмана. Прежде всего обращает на себя внимание его противопоставление германцам славян, рано начавших заниматься земледелием: «Славяне не разделяли взгляда древних германцев на земледелие как на занятие, недостойное свободных мужей: хлебопашество издавна было у них лучшим занятием мужчин, как приготовление одежды было занятием женщин. В VI в. славяне занимались уже земледелием и скотоводством: просо, гречиха и молоко составляли их обыкновенную пищу. Подобно прочим славянам, рано стали заниматься земледелием и те славянские племена, которые поселились в нынешней России и из которых образовался русский народ. Уже в X в. мы встречаем известия о значительном развитии земледелия даже у тех из этих племен, которые наиболее отличались дикостью и жили в местностях, наименее благоприятствовавших успехам земледелия». Ключевский называет важнейшие культуры славянского земледелия: «употребительнейшим хлебным растением, какое разводили русские славяне в XI в., была рожь, за нею следовала, по крайней мере в Киевской стране, пшеница, о которой упоминается еще в X в. ...В XI в. разводили

ли также овес, просо, ячмень и горох... разводили также лен, из которого, как из конопли, печерские иноки били масло; но о разведении гречихи у русских не упоминается до XIV в. Ключевский характеризует сельскохозяйственные орудия, упоминая плуг, борону, соху, серп, косу и топор. Он останавливается на причинах, по которым благоприятные для земледелия земли Приднепровья и вообще обширных степей южной России не могли полностью использоваться для земледелия, приводя слова Владимира Мономаха о необходимости обороны земледельцев от половцев. Подробно описывается далее система землепользования — подсечного земледелия. «От привычки уходить с занятого места при первом неудобстве происходила в земледельческом населении полуоседлость, отсутствие привязанности к одному месту, и это приучало к исканию легкого труда, к безрассчетливости, к жизни день за день. Поэтому в земледельческом хозяйстве России долго господствовали самые простые, первобытные приемы, и улучшения вводились крайне медленно». Описывается подсечная форма земледелия, пашня наездом, перелог и констатируется появление трехпольной системы в XV в. Все эти формы земледелия, подчеркивает Ключевский, сохраняют свое значение и в последующий период: «Еще в начале нынешнего столетия уральские казаки не разделяли полей и не оставляли их под паром, а севали на одном месте до тех пор, пока земля не истощалась; тогда они оставляли ее и обрабатывали новую. В Пермской губернии лет 10 тому назад продолжалась еще (а может быть продолжается и теперь) расчистка лесов под пашни, называемая там редкою. Земледелец уезжает верст за 10 или 15 от своего селения в дикий лес, выбирает удобное место, очищает его от леса, отгораживает жердями, строит себе там двор и перебирается туда на летнюю пору с семейством, запахивает и засеивает землю, сколько может, немало не заботясь об удобрении, а по уборке хлеба возвращается на зиму в селение». Ключевский выделяет три этапа в развитии сельского хозяйства на Руси: «Первоначально господствовал простой порядок расчистки из-под леса новой земли по мере истощения земель, прежде расчищенных: так ранние известия, указывая на состав вотчин, упоминают о пахотной земле с притеребами, т. е. с землями, вновь расчищенными для пашни. Потом, когда несколько ограничилась возможность заменять разработанную и уже истощенную землю новой, непочатой, и явилась необходимость возвращаться на оставленную землю, уже успевшую собраться с новыми силами, тогда вошло в обычай хозяйство переложное. Наконец, при дальнейшем занятии земель утвердилось хозяйство трехпольное; оно явилось на Руси не раньше XV века, по крайней мере, ясные указания на такое хозяйство встречаются не прежде начала XVI века».

Данные современной историографии о развитии материальной культуры XVI—XVII вв., с учетом сведений археологии, этнографии и фольклора, письменных и изобразительных источников, можно найти в следующих работах: Очерки русской культуры XVI века. М., 1977; Очерки русской культуры XVII в. М., 1979.

39. История освоения Сибири и развития сибирского земледелия рассмотрена в известных трудах С. В. Бахрушина, В. Н. Шерстобова, В. И. Шункова. Подробнее см.: Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири. М., 1956.

40. Собираение меда диких пчел, или бортничество, является, как отмечает Ключевский, одним из важнейших промыслов славян с древних времен. «Еще в XVI в., — говорит он, — в России видели леса, простирившиеся миль на сто, в которых пчелы водились без всякого ухода людей; стоило только пойти в такой лес, чтобы набрать в дуплах меда, не составлявшего ничьей собственности. Приготовлявшийся из меда напиток был оригинальным и любимым питьем в России». Меды были вареные и ставленные, первые варились, вторые только наливались. По способам приготовления и разным приправам меды имели разные названия: мед простой, мед пресный, белый, красный, обарный, боярский, ягодный, разделявшийся по сортам ягод на вишневый, смородинный, малиновый и т. д. В XV веке и позже медоварение составило монополию казны.

41. Солеварение в XVI—XVII вв. составляло важную отрасль добывающей промышленности и имело особенно большое значение, поскольку соль являлась одним из важнейших предметов торговли и потребления и благодаря этому становилась источником косвенных налогов для государства. Общая добыча соли в XVII в. исчислялась миллионами пудов в год. Крупные соляные варницы принадлежали монастырям и представителям высшего слоя купечества — гостям и торговым людям гостинной сотни. Как показал в своем специальном исследовании по этому вопросу Н. В. Устюгов, важнейшими районами солеварения было Поморье, соляные промыслы в Старой Русе, месторождения самосадочной соли под Астраханью. В Поморье наибольшее промышленное значение имели промыслы Соловецкого монастыря. На северо-востоке, в бассейнах Сухоны, Вычегды и Камы, богатые соляные рассолы добывались со значительной глубины и поэтому требовали крупных капиталовложений. Крупнейшими предпринимателями здесь, начиная с XVI в., являлись именитые люди Строгановы и виднейшие купеческие фамилии государства. Широкое распространение в солеваренной промышленности, особенно на Соликамских промыслах, получил наемный труд (работные люди), что, по мнению Устюгова, позволяет говорить о солеваренной промышленности XVII в. как одной из областей развития процесса генезиса капитализма (Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. К вопросу о генезисе капитализма в русской промышленности. М., 1957).

42. Центрами металлургии в XVII в. являлись прежде всего уезды, лежащие к югу от Москвы: Серпуховский, Тульский, Каширский, Дедиловский, Алексинский. Тульское железо производилось не только на заказ, но и на рынок. Центрами металлообработки являлись посады и уезды, лежащие к северо-западу от Москвы, прежде всего Устюжна Железопольская и Заонежье. Железодельная промышленность была ведущей отраслью на Тихвинском посаде в XVII в., в чем ряд историков также усматривает зачатки капиталистических отношений. В то же время отмечается, что крупным заказчиком продукции железодельного производства выступала казна. См.: Сербина К. Н. Крестьянская железодельная промышленность центральной России XVI — перв. пол. XIX в. Л., 1978.

43. Марселис Петр Гаврилович (ум. 1672) — сын купца из Гамбурга, ставший русским промышленником и предпринимателем, реконструировал металлургические заводы в Туле, основал ряд новых в других регионах, а также занимался организацией разведки железных и медных руд.

44. С. Ф. Платонов в своем известном труде «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)» (М., 1937) дает описание основных областей Московского государства, отличавшихся значительным разнообразием географических свойств и бытовых особенностей. Основная территория бывших московских удельных княжеств и великого княжества Владимирского была представлена под новым общим названием «Замосковных городов». Замосковными они были со стороны южного и юго-западного рубежей Московского государства, от которых Москва была их военным прикрытием. Новгород с пригородами и пятнами и Псков с пригородами составляли особый район «города от немецкой Украины». Северные новгородские земли, расположенные по берегам Белого моря, Онеги, Северной Двины и далее до Урала, составляли «Поморье» или поморские города. К ним часто причисляли Вятку, затем Пермь Великую, значение которой возрастало на пути за «Камень» (Уральские горы), в Сибирское царство. На юг от центральных городов различалось также несколько регионов. Среднее и нижнее Поволжье, вошедшие в состав Московского государства с присоединением Казанского и Астраханского ханств, имели общее название «Низа», или понизовых городов. Бывшее Рязанское княжество с его старыми городами и новыми пограничными поселками так и называлось «Рязанскими городами». На западе они соприкасались с городами «украинными» и «польскими», стоявшими на границах «Дикого поля» на «Польской Украине». Дикое поле — это историческое название украинских и южнорусских степей между Доном, Верхней Окой и левыми притоками Днепра и Десны. Они стихийно осваивались в XVI—XVII вв. беглыми крестьянами и казаками. «С государственных земель Москвы и Речи Посполитой на юг, к Черноморью, через линии пограничных укреплений постоянно просачивалось население, выжимаемое тисками того общественного порядка, который в обоих государствах одинаково приводил к закреплению за льготным землевладельцем земледельческого класса». Еще дальше на запад, за Окою в ее верхнем течении, лежала группа городов «заоцких», в которую входили мелкие удельные центры, бывшие ранее предметом спора Москвы с Литвою. Другая часть этой территории, лежавшая по верховьям Днепра и Западной Двины, называлась «городами от Литовской Украины». Эти группы городов составляли первый южный пояс, окружавший Москву. За ним к концу XVI в. образовался второй пояс из «Северских городов», далее на восток по осваиваемому Дикому полю шли вновь построенные города и, наконец, «донские казацки городки». Все указанные области постоянно упоминаются в Разрядных росписях и других документах XVI—XVII вв. как общепринятое деление страны (Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937; См. также: Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937).

45. Камень — старинное название гор Урала (Каменный Пояс).

46. Влияние колонизации — освоения новых территорий как фактор, во многом определивший специфику классово-сословного строя русского государства, — традиционная тема отечественной историографии со времен государственной школы. В XVII в. процесс колонизации достигает своей кульминации с освоением Сибири и выходом русских землепроходцев к берегам Тихого океана. Подробнее см.: Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984. В западной историографии этому фактору истории страны придается важное, если не решающее, значение при объяснении специфики социального строя, формирования крепостного права и государственности в России XVII в. Harrison J. A. *The Founding of the Russian Empire in Asia and America*. — Miami, 1971; Helle R. *Enserfment and Military Changes in Muscovy*. — Chicago, 1971; Smith N. R. *The Enserfment of the Russian Peasantry*. — Cambridge, 1968; Idem. *Peasant Farming in Moskovy*. — Cambridge, 1977.

47. Астрахань представляла собой главный город края, основанный в 1558 г. как военная пограничная крепость после присоединения Астраханского ханства к России, на Долгом острове, окруженном Волгой и ее протоками. С момента своего основания Астрахань стала главными воротами России в страны Востока и быстро превратилась в важный торгово-промышленный и военно-административный центр. Город был также центром промышленной округи, связанной с ним в административном и хозяйственном отношении. Кроме Астрахани в Волго-Ахтубенской пойме располагались Царицын, Черный Яр и Красный Яр, возникшие как военные крепости, сооруженные для охраны границ и волжского пути. Самым крупным среди них был Царицын, основанный в 1589 г. в северной части дельты на «Переволоке», где Волга ближе всего подходила к Дону. В этом месте волжский речной путь скрещивался с сухопутной дорогой, ведущей из заволжских степей на Дон и далее в Крым и на Украину. Им неоднократно ходили на Волгу крымские татары, ногаи и калмыки. Там же переходили с Дона на Волгу отряды «воровских казаков». От Переволоки до ближайших донских станиц было около 60 верст. Вначале Царицын был поставлен на Царицынском острове, семью верстами ниже Переволоки, но после разрушения этой крепости в Смутное время она была восстановлена в 1615 г. на правом берегу Волги, на мысу, образованном Волгой и впадающей в нее Царицей. Местоположение Царицына способствовало тому, что в XVII в. город стал не только военно-административным, но и оживленным торговым и перевалочным центром. Калмыки пригоняли в Царицын лошадей и рогатый скот, купцы перепродавали восточные товары, а с Украины везли сюда хлеб. Прямая почтовая дорога шла отсюда на Москву. Основными занятиями жителей были ремесло, торговля, рыбный промысел, бахчеводство. Черный Яр основан в 1626 г. на правой нагорной стороне Волги; основную массу его населения составляли служилые и посадские люди, а основным занятием жителей были рыбный промысел и торговля. Торговлю вели с казаками и калмыками, продавая им продукты ремесла, рыбу и привозные товары. Через Красный Яр, располагавшийся в 30 верстах к северо-

востоку от Астрахани, шла старая степная дорога в Хиву и Бухару, по которой ходили верблюжьи караваны. Гурьев лежал у устья Яика, в 8 верстах от Каспийского моря и 500 верстах от Астрахани, с которой был связан морским и сухопутным караванным путем. В 1645 г. М. Гурьеву правительство отдало на откуп рыбные промыслы с условием постройки каменной крепости в этом регионе. Противопоставив Гурьев-городок яицкому казачеству, правительство подчинило его астраханскому воеводе, и он оказался в составе астраханского края. Не случаен интерес к городам Астраханского края со стороны иностранных путешественников — А. Оллария, А. Дженкинсона, Я. Стрейса и других, вызванный прежде всего географическим положением региона, обусловливающим ключевое положение Астрахани в торговле со странами Востока. Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII — начала XVIII в. М., 1982. К тем запискам иностранцев, которые использовал Ключевский, следует прибавить сочинение Я. Стрейса, находившегося в Астрахани как раз во время восстания Разина. См.: Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935).

48. Вопросы экономического развития городов, торговли, рыночных отношений изучаемого периода занимают важное место в общей концепции русского исторического процесса В. О. Ключевского. Он считал XVII век переломным, называя его «новым периодом русской истории», причем отмечал новые явления в экономике, социальной структуре и общественном сознании данной эпохи. Тезис о «новом периоде русской истории», выдвинутый Ключевским, получил дальнейшее развитие в отечественной историографии, увидевшей природу этих новых явлений прежде всего в целом ряде экономических сдвигов. В то же время природа этих сдвигов в экономике понимается неоднозначно и стала предметом дискуссии.

Дискуссия о генезисе капитализма в России в советской историографии выявила три различных точки зрения по этому вопросу, нашедшие выражение, в частности, в различной датировке этого процесса. Одна группа историков — сторонники ранней датировки генезиса капитализма в России — считала возможным отнести его начало к XVI в. Д. П. Маковский, собрав большой материал о росте товарного производства в деревне, стремился обосновать наличие новых капиталистических явлений в экономике страны. Это положение развивал также Н. Е. Носов, используя данные о крестьянских торгово-промышленных капиталах на русском Севере. См.: Маковский Д. П. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI в. Смоленск, 1963; Носов Н. Е. Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Вып. I. Большинство историков не согласилось, однако, с такой постановкой вопроса.

Другая концепция относит начало процесса генезиса капитализма к XVII в. и связывает его с определенными сдвигами в развитии социально-экономических отношений, связываемых советской историографией с понятием «нового периода русской истории». Эта точка зрения была выдвинута Н. М. Дружининым, получила конкретизацию в работе Н. В. Устюгова, а в последующее время и ряде других исследований. Согласно данной концепции, расширение в этот период товарно-денежных отношений в связи с ростом внут-

ренного рынка и втягиванием страны в мировую торговлю, развитие имущественной и социальной дифференциации в городе и деревне, развитие предпринимательства и мануфактуры свидетельствуют о формировании буржуазных отношений в это время. Историки отмечали, однако, что процессы эти развивались в рамках феодальной формации, проходили в специфических условиях поступательного движения феодализма: роста площади феодального землевладения, расширения и углубления феодальной эксплуатации, распространения ее на новые территории и категории населения, законодательного оформления крепостного права. Рост социальных противоречий проявился в усилении классовой борьбы, характерными чертами которой в XVII в. стали широкие народные движения, связь антифеодальных выступлений в центре с движениями на местах, волнения крестьян с городскими восстаниями, участие в движении наряду с крестьянами и холопами казаков, стрельцов, работников людей, а также нерусского населения. Подробнее об этой концепции см.: Дружинин Н. М. Генезис капитализма в России. — X Международный конгресс историков в Риме. Доклады. М., 1956. Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. К вопросу о генезисе капитализма в русской промышленности. М., 1957; Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. М., 1980; Феодализм в России. М., 1987.

Третья точка зрения состоит в отнесении начала процесса генезиса капитализма к более поздней эпохе и связывает его с разложением феодальной формации. Она исходит из того, что отдельные признаки развития товарно-денежных, рыночных отношений, сельского хозяйства, увеличения числа мануфактур и объемов капиталов в условиях господства и поступательного движения феодализма не могут сами по себе явиться доказательством генезиса буржуазных отношений. Они становятся доказательными лишь в том случае, если приобретают устойчивую тенденцию перерастания в новый уклад, а затем и формацию. Исходя из этого, временем начала генезиса капитализма признается вторая половина — конец XVIII в. или даже начало XIX в. Применительно к рассматриваемой эпохе — XVII в. — данная точка зрения дает возможность говорить лишь о развитии феодальных отношений. Подробнее: Ялунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв. М., 1973; Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX в. М., 1974.

Таким образом, социально-экономическое развитие России в XVII в. оказывается, как и считал В. О. Ключевский, в центре основных дискуссий о «новом периоде» русской истории, конкретных исследований историков безотносительно занимаемой ими позиции. В историографии прошли дискуссии по таким ключевым проблемам, как социально-экономическая природа расслоения крестьянства, мануфактуры, характер труда на них (крепостной или вольнонаемный), первоначальное накопление, степень развития рыночных отношений в XVII в. В связи с этим предметом обсуждения стояли также вопросы помещичьего, крестьянского и монастырского хозяйства, общины, феодальной ренты, торговли. Решение этих вопросов находится в тесной связи с изучением проблем социальной основы народных движений — крестьянских войн и городских восстаний, а также процессов развития и утверждения абсолютизма. Назовем некоторые новейшие исследования по данным проблемам: Общество и государство феодальной России. М., 1975; Панеях В. М. Холопство в первой половине XVII в. Л., 1984; Кобрин В. Б. Власть и

собственность в средневековой России. М., 1985; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986; Буганов В. И. Очерки истории классовой борьбы в России XI—XVIII вв. М., 1986; Милов Л. В. О Российском типе генезиса капитализма // Новая и новейшая история. 1987. № 2.

49. Период с конца XV в. ознаменовался развитием товарного производства и возрастанием экономического значения города в социально-экономической жизни страны. В первой половине XVI в. в Русском государстве было, по данным Н. Д. Чечулина, более 200 городов, большинство которых имело экономическое значение. Крупные города достигали значительных размеров, превосходя в ряде случаев современные им западные города. Сплошная застройка Москвы занимала уже к 1504 г. почти всю территорию внутри современного Бульварного кольца, а за пределами ее, вдоль главных дорог, по обоим берегам реки Москвы вырастали слободы, впоследствии вошедшие в состав города. Во второй половине XVI в. усиливается значение городов как центров ремесла и торговли. В состав государства в ходе расширения его территории вошли крупнейшие города Поволжья — Казань и Астрахань, а с колонизацией Сибири были построены города Тюмень, Тобольск, Пелым, Верхотурье и другие. Во вновь вошедших в состав Московского государства территориях построен ряд городов — Свияжск, Чебоксары, Самара, Саратов. Развитие морской торговли вызвало быстрый рост Архангельска (который первоначально назывался Новым Холмогорским). На пути из Москвы к Белому морю получила большое развитие Вологда, большими ремесленно-торговыми центрами стали Ярославль и Переяславль-Залесский. На южной окраине государства наиболее крупной крепостью являлась Тула, на месте старого поселения на южной окраине русских земель построен город Орел, возникли Воронеж, Кромы, Белгород, Оскол. Построенные как крепости против татар, эти города, расположенные на водных и сухопутных путях, вскоре приобрели значение ремесленных и торговых центров. В конце XVI в. на южной окраине были восстановлены древние русские города Курск и Ливны. В результате Ливонской войны, oprичнины, а позднее Смуты города вступают в полосу замедления своего развития. Примером может служить крупнейший из них — Новгород, разгромленный Грозным. Источники содержат сведения о тяжелом разорении и даже запустении многих городов, сокращении количества жилых дворов в них, посадского населения, замедлении развития ремесел и торговли в конце XVI — начале XVII вв. В последующий период, однако, вновь наблюдается рост городов и посадского населения. В связи с этим историки спорят о числе городов, количестве дворов и посадского населения во второй половине XVII в. Так, по подсчетам В. О. Ключевского, общее число дворов тяглого населения по переписным книгам 1678—1679 гг. составило 888 000 дворов, из которых число дворов посадского и черносошного населения составляло 92 000 или 10,4 %. П. Н. Милуков приводит меньшую цифру тяглых дворов по переписным книгам 1678—1679 гг. — 833 000 дворов для государства в целом. Это уточнение было принято Ключевским. М. М. Богословский установил общее число дворов черносошных крестьян по переписным книгам, дав тем самым информацию о возможном числе посадских дворов — около 42 000. П. П. Смирнов, в свою очередь, считает эту цифру посадского населения заниженной. По его данным на всей территории русского государства к концу

XVII в. насчитывалось предположительно около 52 000 посадских дворов, что означает медленный, но неуклонный рост их числа в рассматриваемый период. Литература вопроса: Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. Спб., 1889. В отзыве на это исследование В. О. Ключевский обратил главное внимание на методы изучения основного источника по теме — писцовых книг. Он исходит из того, что писцовые книги необходимо брать как единый цельный источник, подвергать его, как таковой, источниковедческой критике, и только после этого проводить подсчеты по истории городов (Ключевский В. О. Соч. Т. VIII. С. 184—222). П. Н. Милюков уточнил данные переписных книг XVII в. на основании источников XVIII в.: Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Спб., 1905; Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1909; Представление В. О. Ключевского о русском городе как главным образом административном (а не экономическом) образовании получило развитие в работах представителей его школы; Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII ст. М., 1903; В последующее время проблема освещалась в работах: Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Киев, 1917—1919. Вып. 1—2; Он же. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.—Л., 1947; Клокман Ю. Р. Город в законодательстве русского абсолютизма во второй половине XVII — XVIII вв. — В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964. О современных концепциях истории русского города в западной историографии см. статью А. Л. Хорошкевич в «Истории СССР» (1986. № 4).

50. Магдебургское право — система городского феодального права, сложившаяся в Западной Европе в XIII в. и состоящая главным образом в юридическом закреплении прав и свобод горожан, их права на самоуправление.

51. Новые данные по истории строительства Москвы, образа жизни ее населения, развития промыслов и торговли изучаемого времени позволяют получить археологические раскопки. См.: Латышева Г. П. и Рабинович М. Г. Москва и Московский край в прошлом. М., 1973.

Большой вклад в изучение истории Москвы в XVI—XVII вв., ее строительства, важнейших улиц, зданий (Кремля, дворцов, церквей), изменений быта и нравов населения города, а фактически всех сторон материальной культуры и хозяйства внес фундаментальный труд историка и археолога, фактического руководителя Исторического музея в Москве И. Е. Забелина (1820—1909). См.: Забелин И. Е. Домашний быт русский царей в XVI и XVII ст. М., 1872; Он же. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 1872.

52. Речь идет об итальянском архитекторе и знаменитом мастере инженерного дела Аристотеле Фиораванти, который был приглашен в Россию в 1475 г., где под его руководством строился Успенский собор, законченный в 1478 г. Успенский собор предназначался не только для церковных, но и важнейших государственных церемоний, прежде всего торжественного посажения на трон московских великих князей.

53. В мае 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей неожиданно напал на русские земли, дошел до Москвы, и 24 мая столица в своей значительной части была сожжена, а Грозный бежал из города.

54. Голицын Василий Васильевич (1643—1714 гг.) — князь, боярин, фаворит правительницы Софьи. В разное время возглавлял ряд важных государственных учреждений (Посольский приказ), заключал «вечный мир» с Польшей в 1686 г., возглавлял русскую армию в Крымских походах 1687 и 1689 гг. При Петре в 1689 г. отстранен от власти и сослан в Архангельский край. Иностранные авторы (Невиль) обращали внимание на интерес Голицына к Западу и стремление к проведению реформ, европеизации.

55. Речь идет о двух крупнейших разорениях Москвы, вызванных нашествием татар Девлет-Гирея (в 1571 г.) и событиями польско-литовской интервенции (1611 г.).

56. Отметим здесь новые данные по истории новгородского градостроительства XVII века. В истории города этот период до сих пор являлся недостаточно освещенным, поскольку культурный слой города не сохранил археологических памятников этого времени, а делопроизводство Новгородской приказной избы было утрачено. Решить проблему позволяют делопроизводственные документы центральных учреждений XVII в. Они дают детальные сведения об архитектуре городских укреплений, освещают принципы и традиции строительного дела, реформы в нем в рассматриваемый период, деятельность мастеров Москвы и Новгорода, а также характер управления городским строительством. Подробнее см.: Новгород Великий в XVII в. М., 1986 (вып. 1—2).

57. Вопросы городского строительства рассмотрены Ключевским специально в дополнениях в книге Кирхмана. Он описывает, в частности, устройство домов представителей различных слоев русского общества от крестьян до бояр: клеть как летнее и избу как зимнее, теплое жилище, различая при этом черную (курную) избу у бедных и белую у зажиточных людей, загородные боярские терема, каменные здания, церкви и дворцы (Кирхман П. История общественного и частного быта. М., 1867); очень детально освещает эти вопросы и И. Е. Забелин.

58. Проблемы истории торговли решаются большинством исследователей главным образом в соответствии с тем, как они подходят к интерпретации «нового периода русской истории» в социально-экономическом развитии страны. Одной из сторон известной дискуссии о генезисе капитализма в России явился спор об уровне развития рыночных отношений в XVII в. Те исследователи, которые являются сторонниками концепции генезиса капитализма в XVIII в., склонны считать, что именно в это время формируются условия складывания единого всероссийского рынка. При этом подчеркивается усиление торговых связей между регионами страны, специализация самих этих регионов по производству определенных видов про-

дукции, поступающей на рынок, рост торгового капитала. Наоборот, те исследователи, которые датируют генезис капитализма более поздним временем, относят формирование единого всероссийского рынка к концу XVIII — началу XIX в., когда можно констатировать унификацию цен на однотипные виды продукции (прежде всего хлебные цены) в различных регионах страны, независимо от специфики их географического и социально-экономического положения. Подробнее об этой дискуссии см.: Тихонов Ю. А. Проблема формирования всероссийского рынка в современной советской историографии. — В. кн.: Актуальные проблемы истории России периода феодализма. М., 1970; Ковальченко И. Д., Милов Л. В. О принципах исследования процесса формирования всероссийского аграрного рынка (XVIII—XIX вв.) // История СССР. 1969. № 1.

Характерной чертой торговли в Русском государстве XVI—XVII вв. является образование и развитие областных рынков. Их специализация во многих случаях наметилась уже в XVI в., а в последующее время они расширились и возникали новые. В XVII в. большое значение в качестве хлебного рынка приобрела, например, Вологда. Она находилась в начале Сухоно-Двинского водного пути и сюда направлялся товарный хлеб из внутренних районов страны, который затем переправлялся в местности Северного Поморья и на вывоз за границу через Архангельск. Во второй половине XVII в. на первое место выдвинулась Вятка, имевшая прямую водную связь с центром страны и с малоплодородной Пермской землей. Вятский край с его плодородными почвами сделался центральным хлебным рынком Севера. Крупными хлебными рынками были также Устюг Великий, Кунгурский уезд, а на юге страны — Орел и Воронеж. Благодаря прямому водному пути орловский хлеб направлялся в столицу, а часть его посылалась в южные районы. Наряду с хлебным, выделялись также соляной рынок Соли Камской, пушной рынок Соли Вычегодской, расположенной на Сибирской дороге, крупными центрами сбыта льна и пеньки были Новгород, Псков, Тихвин и Смоленск. Важнейшим рынком сбыта железоделательных изделий были Тула, Устюжна Железопольская, Тихвин. Уже в XVII в. всероссийское значение приобретают некоторые ярмарки, прежде всего Макарьевская в районе Нижнего Новгорода, Ирбитская, столичный рынок в Москве, где производились крупные оптовые торговые операции. В торговле участвовали практически все слои населения, однако господствующее положение занимали купцы-профессионалы. Исследователи констатируют также процесс роста торгового капитала.

Важным направлением развития рыночных отношений являлась внешняя торговля с западноевропейскими и восточными странами. Эта сторона дела более подробно изложена у Ключевского, поскольку она нашла более полное отражение в записках иностранцев, многие из которых приехали в Россию с целью торговли. Наиболее крупными работами по этому вопросу являются: Базилевич К. В., Устюгов Н. В. Торговля. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955; Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. (по материалам внутренних таможен). М., 1958; Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка XVII в. М., 1960; Города феодальной России. М., 1966; Феодализм в России М., 1987.

59. Кафа (или Каффа) — название Феодосии со второй половины XIII в. Переименована в 1783 г.

60. Понт Эвксинский — древнее название Черного моря, восходящее к грекам.

61. Ям — в XIII—XVIII вв. селение на почтовом тракте, жители которого несли дорожную (ямскую) повинность. Отсюда происходит и слово «ямщик». См.: Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900.

62. Вопросы истории русско-английской торговли и организации английских компаний для торговли с Россией наиболее подробно освещаются С. М. Середониным в ряде его работ. См.: Середонин С. М. Сочинение Джильса Флетчера как исторический источник. Спб., 1981. Отметим, что в современной западной историографии истории торговых отношений Запада с Россией, свидетельствам путешественников также уделяется значительное внимание: Kirchner W. *Western businessmen in Russia: practices and Problems.//Commercial relations between Russia and Europe 1400—1800.* — Bloomington, 1966.

63. Новым ценным источником по этому вопросу является публикация Эвлия Челеби — «Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.)», М., 1961. Вып. 1; 1979. Вып. 2.

64. История денежного обращения на Руси привлекла внимание Ключевского уже в первой его работе о сказаниях иностранцев. Он уделил ей немалое внимание и в дополнениях к книге Кирхмана. Подчеркивая, что русские уже с XI в. имели свою металлическую монету, он далее рассматривает, как в первой половине XIV в. счет гривнами постепенно заменяется счетом на рубли. Отмечая, что в XV — первой половине XVI в. имела хождение серебряная монета московской, тверской, псковской, и новгородской чеканки, Ключевский не только характеризует их различные изображения, но и останавливается на вопросе о реальной стоимости монеты и денежном счете.

Наметившееся уже на раннем этапе направление изучения истории хозяйства, города, торговых отношений, цен нашло свое выражение в последующей работе историка. Вопросы эволюции реальной стоимости денег в России, поставленные уже в первой книге, нашли свое решение в известном специальном труде — «Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему. Опыт определения меновой стоимости старинного рубля по хлебным ценам (материалы для истории цен)». Ключевский В. О. Соч. Т. VII. С. 170—236.

EQVES MOSCOVITICUS.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Василий Осипович Ключевский — выдающийся ученый и педагог, оказавший огромное влияние на развитие русской исторической мысли. Его сочинения и лекции были, как удачно отмечал Л. В. Черепнин, «совершенно блестящи по своему художественному оформлению, по своему содержанию. Кроме того они были проникнуты чувством протеста против деспотизма, против самодержавного режима...»¹. Интерес Ключевского для современности состоит поэтому прежде всего в том, что он был историк социологического типа мышления, стремящийся отыскать в истории истоки тех проблем и трудностей, которые возникли перед обществом его времени. «Научный интерес к истории нашего общества, — подчеркивал Ключевский, — был возбужден его недавней перестройкой; вот почему мы еще так мало знаем эту историю»².

Философское мировоззрение, научные и социально-политические взгляды историка определялись в значительной мере той неповторимой интеллектуальной атмосферой второй половины XIX — начала XX вв., которая сложилась в краткий, но очень емкий период от реформы 60-х гг. до демократической революции 1905 г. Это была переломная эпоха, требовавшая переосмысления исторического прошлого страны, определения ее будущего пути. Концепция русского исторического процесса, созданная Ключевским, поэтому может быть понята только на фоне развития всей научной мысли, условий и характера основных течений историографии той эпохи. Ключевский принадлежал к государственной (или юридической) школе русской историографии, поэтому определение его места в ней, специфики его взглядов по отношению как к предшествующим, так и последующим ее представителям необходимо для понимания его взглядов на историю вообще и русский истори-

¹ Феодализм в России. М., 1987. С. 88.

² Ключевский В. О. История сословий в России // Соч. М., 1959. Т. 6. С. 304.

ческий процесс в частности. Отношение Ключевского к главным своим предшественникам и учителям — С. М. Соловьеву и Б. Н. Чичерину особенно важно для выявления того нового, что он дал в сравнении с ними.

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ШКОЛА РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Государственная школа — центральное научное течение русской исторической мысли второй половины XIX в., во многом определившее последующее развитие исторической науки. Государственная школа имеет ярко выраженные признаки самостоятельного научного направления: специфический предмет и метод исследования, наличие длительной традиции. Предметом ее изучения являлся главным образом русский исторический процесс, методом — философия немецкого идеализма, а традиция представлена рядом поколений историков, философов и юристов. Наиболее видными представителями этого направления за все время его существования явились С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, В. О. Ключевский, А. Д. Градовский, В. И. Сергеевич, Н. М. Коркунов, П. Н. Миллюков, Г. В. Вернадский и ряд других. Сформулированная государственной школой концепция русского исторического процесса является высшим достижением историографии того времени, представляет собой по существу социологическую концепцию, адекватно объясняющую факты и не утратившую своего эвристического значения до настоящего времени. Целесообразно рассмотреть генезис, развитие и значение основных положений государственной школы, оказавших значительное влияние на мировоззрение В. О. Ключевского как мыслителя и историка. Рассмотреть эволюцию воззрений государственной школы можно по трем основным направлениям, тесно взаимосвязанным между собой: философские, правовые и исторические взгляды государственников прежде всего при разработке ими концепции русского исторического процесса.

Государственная школа в лице своих наиболее видных представителей рассматривала философскую систему Гегеля как высшее достижение и принимала, иногда с оговорками, все его учение, включая и самую консервативную его часть — философию права. Это позволяет говорить о единстве метода рассматриваемого направления. Вместе с тем в отношении к философским взглядам Гегеля у различных представителей государственной школы не было полного единства, и они эволюционировали на протяжении времени. Эта эволюция в целом шла в русле науки того времени: она состояла в постепенном переходе от классической немецкой философии Гегеля к неокантианству, позитивизму. Это проявилось прежде всего в отношении к основным положениям гегелевской философии — феноменологии духа, науке логики, теории познания. Центральной проблемой взглядов государственной школы на начальном этапе ее существования явился вопрос о ее отношении к диалектическому методу, который представляет собой ядро гегелевской философии, ее важнейший вывод. Анализ взглядов государственников показывает сложный и противоречивый характер освоения диалектического метода в философской традиции

изучаемого направления. Революционный характер гегелевского учения о противоречиях часто представал эволюционным, а диалектическая триада — логическим кругом (главным образом у Б. Н. Чичерина). Вместе с тем речь идет о первых попытках интерпретации Гегеля в России, которые в силу ряда объективных и субъективных причин не могли не носить несколько схоластического характера. В философских работах представителей государственной традиции (К. Д. Кавелин, Т. Н. Грановский, А. Д. Градовский) находим изложение диалектического метода, понятого в духе фундаментальной гегелевской идеи о тождестве бытия и мышления. Диалектика мира и диалектика познания рассматривалась в соответствии с существом гегелевского учения. Характерно, что в отличие от многих западных современников русские ученые оценили значение идеи диалектического противоречия как источника движения и развития бытия и мышления. Это объясняется как состоянием философской мысли этого времени, так и накалом социальной борьбы, дававшей пищу размышлениям о сущности мира, общества, месте человека в нем. В 40-е гг. XIX в. объективно возникла связь между гегельянством и изучением права, истории: существовала настоятельная потребность отказаться от традиционных объясняющих схем и выработать новые, дающие предельно абстрактную картину развития исторического процесса. По свидетельству С. М. Соловьева, «время проходило не столько в изучении фактов, сколько в думании над ними, ибо у нас господствовало философское направление: Гегель кружил всем головы»³. Эта большая внутренняя работа особенно хорошо прослеживается в трудах Б. Н. Чичерина, разделявшего основные положения гегелевского учения на протяжении всего своего творчества и стремившегося интерпретировать их применительно к русской истории. Можно отметить и другую характерную черту отношения Чичерина к гегельянству — стремление с течением времени интегрировать в философскую систему взглядов достижения различных новых областей знания — права, сравнительной истории, а также естествознания (биологии, химии и т. д.) с целью ее модернизации. Об этом, в частности, свидетельствуют такие его историко-правовые исследования, как «Собственность и государство», «Курс государственной науки», «О народном представительстве» и др., которые впоследствии оказали столь большое влияние на формирование взглядов В. О. Ключевского. Эволюционная концепция диалектического метода, столь характерная для Б. Н. Чичерина и применявшаяся им в праве и истории, не была, однако, типична для всего рассматриваемого направления. Так, Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, А. Д. Градовский, а в последующее время, напр., С. А. Муромцев, Н. М. Коркунов и П. И. Новгородцев стремились интерпретировать философию права Гегеля главным образом в связи с анализом общественных противоречий. Относительный оптимизм гегельянства 40-х гг. сменился пессимизмом и растущей неуверенностью в будущем у государственников последующего периода. Это чувство, которое Гегель назвал бы отчуждением, было, вероятно, самым сильным признаком идейного кризиса, стремлением найти новую философскую теорию. Проявлением этого процесса стала переоценка философии Гегеля и познавательных возможностей ее метода. «Наши теории 40-х годов, — писал К. Д. Кавелин, — исходили из общих начал, взятых извне, из идеа-

³ Соловьев С. М. Записки. С. 60.

листической немецкой философии или из фактов западно-европейской политической и общественной жизни. Поэтому они были оторваны от почвы, были слишком априористичны для русской жизни»⁴. В трудах государственников более позднего периода (Муромцева, Коркунова и Новгородцева) намечился отказ от «предвзятых общих идей», что в русле данного направления фактически означало переход к неокантианской критике гегелевской философии, позитивизму.

Правовые взгляды государственников, многие из которых были юристами, охватывают широкий круг вопросов общественного развития и по существу могут рассматриваться как социологическая теория. Раскрытие этой теории состояло в последовательном логическом выведении основных социальных институтов — общества, государства, семьи из гегелевской идеи органического развития. Центр тяжести интерпретации философии права у государственников приходится на анализ права как социального явления, выражающего диалектику общества и государства, причем с сильным креном в сторону последнего. Реформы 1860-гг. создали объективные предпосылки для теоретического и исторического переосмысления права и правовых отношений в истории. Реформы, стимулировав интерес к изучению права и институтов, дали новый импульс развитию специального научного направления. Оно было представлено именами таких выдающихся ученых, как А. Д. Градовский, С. А. Муромцев, Н. М. Коркунов, В. И. Сергеевич, В. Н. Латкин, А. Н. Филиппов, М. Ф. Владимирский-Буданов и др. Центральной фигурой в этом ряду является А. Д. Градовский, заложивший основы так называемой юридической школы, представляющей собой определенную модификацию основных положений, свойственных государственной школе в целом. В рассматриваемый период особенно осязаемой стала потребность в реформе права и его изучении. По существу, речь шла о коренном изменении самой науки юриспруденции, состоявшем прежде всего в переходе ее с метафизических, абстрактно-идеалистических позиций на научно-позитивные. Осмысление данной историографической ситуации находим прежде всего у Градовского, Муромцева и Коркунова. Новые явления в юриспруденции и историографии стали отражением важной общеевропейской тенденции развития науки в направлении позитивизма. Уже в начале XIX в. в Германии, наряду с философской революцией, происходят важные перемены в понимании права — смена учений о естественном праве известной исторической школой Савиньи и Пухты, важнейшими принципами которой стали идея закономерного развития права и историзм в подходе к его изучению. Вместе с тем в объяснении генезиса права и причин его поступательного развития историческая школа во многом осталась на прежних метафизических позициях, видя источник права в «народном духе», который понимался совершенно абстрактно и вне коренной связи с исторической действительностью. В результате правовой порядок (у Пухты) получал самобытное существование, причем народно-правовое убеждение понималось как нечто данное, а не как убеждение конкретного народа. С этих позиций давалась интерпретация римского и современного гражданского права, делались попытки интерпретации истории права. Характерно, что именно эти метафизические стороны учения исторической школы были восприняты последующей консервативной юридической историографией. Новый шаг в развитии правовой мысли сделал немецкий ученый Р. Иеринг. Он

⁴ Вестник Европы. 1887. Кн. 2. С. 629, 633.

стремился интерпретировать уже собственно реальный исторический процесс развития права, определить степень воздействия на него ряда факторов, в том числе и социально-экономических. Главная идея состояла при этом в интерпретации права как процесса борьбы: люди борются из-за отношений, которые нуждаются в правовом закреплении, и из-за норм, которые задвигают эти отношения. Эта новая доктрина означала, что в изучении и объяснении права наступил новый этап: центр тяжести исследования приходился уже не на поиск вечных и неизменных параметров развития права, а на конкретное изучение тех отношений, прежде всего социально-экономических, которые обуславливают развитие права в каждую данную эпоху у определенного народа.

Именно с таким новым подходом мы и сталкиваемся у государствоведов позднего периода. Переход от абстрактных философских доктрин 40-х гг. к позитивизму означал определенный разрыв традиции: «абсолютному он (позитивизм) противопоставлял относительное, диалектическому развитию — развитие реальное, личному — социальное»⁵. Это означало проявление ряда новых теорий права: оно понимается теперь и как социальная защита (Муромцев), и как разграничение интересов (Коркунов), и как нравственность (Петражицкий), и как порядок социальных отношений. Несмотря на различие подходов и определений, это был все же единый процесс переосмысления традиционных установок в отношении права с позиций «позитивной науки». «Мы, — писал Муромцев, — исходим из того воззрения на задачи правоведения, которое сложилось под влиянием позитивизма. С точки зрения этого воззрения задача правоведения как науки состоит в том, чтобы изучать законы определенной группы социальных явлений, которые своей совокупностью образуют право. Поставленное таким образом правоведение должно стать отделом социологии; как вообще законы социологии, так и законы правоведения были бы законами сосуществования (статика) и преемственности (динамика)»⁶. Истории при этом отводилась роль поставщика фактов для обеих указанных частей социологии. В связи с этим подчеркивалась, и вполне справедливо, большая познавательная роль сравнительно-исторического метода, который как раз и призван выявить общие, типичные и повторяющиеся явления в жизни различных народов для установления степени закономерности их существования.

Философско-правовые взгляды государственной школы определили ее подход к русскому историческому процессу, роли государства в нем. В качестве основной проблемы выдвигалось соотношение общества и государства в русской истории на отдельных ее этапах. В трудах историков государственной школы — С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина, К. Д. Кавелина, В. О. Ключевского, А. Д. Градовского, В. И. Сергеевича, М. Ф. Владимирского-Буданова, А. А. Кизеветтера, П. Н. Милюкова, а также историков государственного права — Н. М. Коркунова, П. И. Новгородцева, А. Н. Филиппова, В. Н. Латкина рассматривались основные теоретические вопросы изучения русского исторического процесса, была дана его центральная концепция, проведено конкретно-историческое исследование⁷.

* Развитие исторической мысли в середине XIX в. настоятель-

⁵ Муромцев С. А. Статьи и речи. М., 1910. Вып. 5. С. 128—130.

⁶ Муромцев С. А. Что такое догма права? М., 1885. С. 1.

⁷ Милюков П. Н. Юридическая школа в русской историографии (Соловьев, Кавелин, Чичерин, Сергеевич) // Русская мысль, 1886. Кн. 6.

но требовало концептуального осмысления русского исторического процесса. Теория рассматривалась ведущими представителями государственной школы не как извне навязанная интерпретирующая схема, но как отыскание внутренней закономерности саморазвития процесса русской истории, ее внутреннего смысла: «теория русской истории, — писал К. Д. Кавелин, — есть обнаружение законов, которые определили ее развитие». Этот поиск теоретического подхода обуславливался не только потребностями собственно исторической науки, накопившей к этому времени значительный запас фактических данных, но и общественным движением эпохи реформ, когда «русская история становится предметом общего любопытства и деятельного изучения». Важнейшее значение приобретал подход к истории общества как развитию целостного, взаимосвязанного социального организма, взятого во всей его сложности и единстве. Раскрывая общую идею главного труда своей жизни, С. М. Соловьев писал: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм; не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию»⁸. Новизна рассматриваемой исторической концепции состояла в последовательном изучении соотношения общества и государства в их историческом развитии; выявлении объективных условий, в которых протекал русский исторический процесс; анализе состояния общества; характеристике роли государства в русском историческом процессе. Эта триединая задача реализовалась в исторической концепции, объяснявшей географический фактор, колонизацию страны, формирование сословно-государственного строя. В соответствии с этим мы и рассмотрим воззрения государственной школы на русский исторический процесс.

Само обращение к проблеме влияния природных условий на жизнь общества явилось новым и плодотворным направлением в исторических исследованиях, далеко опередившим свое время. О ее плодотворности говорит, в частности, тот факт, что создатель современной экологической теории В. И. Вернадский несомненно находился под влиянием идей государственной школы по этой проблеме⁹. Имеются прямые свидетельства как о научных, так и о личных связях ученого с представителями этого исторического направления. К их числу относится его переписка с историком А. А. Корниловым, в которой В. И. Вернадский рассказывает о своих научных планах и исследованиях. Ряд современных направлений западной исторической науки, как, например, школа «Анналов» и «евразийская теория» Г. В. Вернадского, несомненно обнаруживают определенную преемственность по отношению к этим идеям, разработанным государственной школой впервые на русском материале. Уже С. М. Соловьев придавал географическому фактору решающее значение, подчеркивая, что в русской истории «ход событий постоянно подчиняется природным условиям». Он выделяет, в частности, такие особенности природных условий страны, как обширность и равнинность русской государственной области, роль рек как

⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Спб. Т. 1. С. 2.

⁹ Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. М., 1977.

важнейшего условия освоения земель и складывания социально-экономических взаимосвязей между регионами. Он подчеркивает далее, что Россия как «ворота из Азии в Европу» породила специфический тип цивилизации. Сильной стороной такого подхода явилось взаимосвязанное рассмотрение естественно-географических и социально-политических, демографических процессов развития общества. Именно в этом состоит научная ценность синтезирующего (на междисциплинарном уровне) понятия «колонизация», на что в нашей литературе не обращалось должного внимания.

Колонизация предстает решающим фактором русской истории, обусловившим в конечном счете характерные черты социального и государственного развития. Известный тезис В. О. Ключевского, а впоследствии М. К. Любавского о том, что «история России есть история страны, которая колонизируется», представляет собой конкретизацию концепции Соловьева. Важно, однако, обратить внимание на то, что концепция Соловьева была во многом шире и более монистична, чем у его последователей. Дело в том, что влияние географического фактора и колонизации на общественное развитие рассматривалось им через призму такого важного фактора, как отношения собственности на землю, т. е. выступали в качестве материальной, экономической основы. Традиционный тезис о географическом факторе и роли колонизации у А. Д. Градовского обогащается новой чертой — им подчеркнута неоднозначность взаимодействия (не только сотрудничество, но и конфликт) между государством и колонизацией. Интересно, что решающая роль в процессе колонизации отводится именно народу, а не государству. Процесс вольной колонизации («народное движение») рассматривается как первичный и противопоставляется вторичному — колонизации государственной («правительство едва успевало следовать за этим народным движением»). В трактовке географического фактора и колонизации Н. М. Коркуновым имеется определенная специфика: особенности русской колонизации выясняются в сравнительной перспективе. Если западные государства приобретали колонии прежде всего в целях экономической их эксплуатации (решение метрополиями проблем избытка населения, рост обрабатывающей промышленности, получение удобных рынков сбыта товаров), то русская колонизация, считает он, носила прежде всего политический характер, в частности для обеспечения границ государства. В то же время он обращает внимание на специфику развития демографических процессов на Западе и в России.

Представители государственной школы позднего периода придали интерпретации географического фактора несколько иной смысл, связав его более тесно с процессом закрепощения крестьян, развитием производственных и вообще социальных отношений на Руси. Географический фактор изучался, например, Г. В. Вернадским в связи с особенностями развития русского феодализма «вширь». В рукописи, посвященной «движению русского племени к Востоку», подчеркивается, что «движение на Восток составляет существенную черту всей русской колонизации»; подобно тому, как англосаксонская раса начинает свое историческое бытие с движения на Северо-Запад, на самой заре русской истории мы встречаемся с восточным направлением русского племени, причем «этот первоначальный толчок явился определяющим для последующих передвижений», в том числе на Юг и на Запад. Когда этот процесс дошел до логического завершения и привел к объединению западного и восточного путей колонизации, «круг замкнулся, дальше

идти было некуда. Пределы движения русских на Восток были ограничены. Оставалась внутренняя колонизационная работа, предстояло заполнить готовые рамки». Постоянная борьба леса со степью в русской истории определила ход формирования социальных отношений и государственности. В русле этой общей концепции предметом специального внимания ученого стало освоение Сибири. В работе на эту тему был сформулирован вывод о том, что вся сибирская колонизация — промышленное предприятие, в котором цель — добыча драгоценных мехов, а орудие для этого — служилые люди. Подобную социально-экономическую трактовку географического фактора находим и у других историков, например у А. А. Корнилова. Интерес к роли географического фактора прослеживается в трудах и рукописных материалах П. Н. Милюкова. Так, в «Лекциях по исторической этнографии» 1888 г. со всей определенностью подчеркивается «значение географии для русской истории», первостепенное влияние ее как на «процессы историко-этнографические», так и на «процессы колонизации страны», определившее движение славянского племени, его направление и способствовавшее в конечном счете «созданию народности». В то же время географический фактор все более тесно связывается с экономической, хозяйственной историей страны, эволюцией социальных отношений и сословного строя¹⁰.

Новым подходом в историографии явилось рассмотрение общества и государства в их противоречии, диалектическом развитии. Если для Н. М. Карамзина сами понятия общества и государства были тождественны, то уже само их разграничение, постановка вопроса об их отношениях и противоречиях у государственной школы открывали новые возможности исторического исследования. При рассмотрении данной проблематики в качестве определяющей идеи была взята идея государственного управления. Как известно, социальное управление есть воздействие на общество с целью его упорядочения, сохранения качественной специфики, совершенствования и развития. Была сконструирована своеобразная модель процесса становления и эволюции социальных структур и их значимости в процессе государственного управления. Эта модель, основанная на всей известной совокупности правовых источников, содержала рациональный принцип объяснения сословной структуры, ее специфики и связи с государственным управлением. При таком подходе каждый социальный слой рассматривался прежде всего с точки зрения его места в обществе и функционального назначения в нем. Общие основы такого подхода были заложены С. М. Соловьевым, К. Д. Кавелиным, Б. Н. Чичериным; в последующее время они стали модифицироваться от абстрактно-юридической к социологической их трактовке. Одной из характерных черт рассматриваемой концепции явилось сопоставление истории сословий в Европе и России, причем с выявлением специфики последней.

Специфика социальных процессов в России в отличие от Западной Европы виделась в особенностях ее геополитической ситуации: на Западе из-за отсутствия свободных пространств и высокой плотности населения фактор колонизации не играл такой значительной роли, как в России. В результате социальные противоречия не снимались, а, наоборот, приобретали острый характер, решались путем борьбы. Это, как считал, например, Коркунов, вело к постепенному складыванию населения в «определенные, резко обособлен-

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 3385, 3386, 3493 и др.

ные сословия», которые объективно противостояли государственной власти и ограничивали ее, добивались от нее гарантий сословных и личных прав подданных. Совершенно иной представлялась ситуация в России, где широкий простор земли, степи окружающих ее окраин давали возможность недовольным элементам общества избежать борьбы с властью за счет освоения все новых земель. В результате «недовольные у нас не брались за оружие, а разбегались». Это развитие «вширь» приводило к снятию конфликтных ситуаций, отсутствию выраженных социальных противоречий, что в свою очередь вело к запаздыванию по сравнению с Западной Европой развития социальных отношений, формирования сословной организации общества. «Отсутствие скучности и простой оседлости населения делало невозможным и образование сколько-нибудь организованных сословий»¹¹. Сословные различия при этом предстают как результат деятельности государственной власти, а не ее ограничение. В соответствии с этим и задачи самого государства в России были специфичны: они состояли не в утверждении светской власти против враждебных сословных притязаний, а в чисто хозяйственной функции — «чтобы собрать полуоседлое население и как-нибудь устроить его». Из противопоставления Европы и России исходил и Градовский. Если в Европе, считал он, феодальный строй объективно вел к формированию сословий как больших корпораций с определенными социально-экономическими интересами и выраженной самостоятельностью по отношению к государственной власти, то в России, где не было феодализма (в западном смысле), процесс этот шел совершенно по-другому¹². Градовский, исходя из роли географического фактора и колонизации при объяснении процесса образования сословий, их закрепощения, решающую роль отводит государственному принуждению — тяглу. «Действительно, — считает он, — повинность, тягло создали и поддерживали у нас существование сословий; с постепенным освобождением от тягла, крепости, сословное деление теряет свой смысл, и старый земский дух с неудержимой силой пробивается вперед»¹³. Все сословия предстают как «продукт государственной деятельности, последние разнообразных тягл, положенных на общество». Большой интерес в связи с этим представляет решение центральной проблемы — о крепостном праве в России и закономерности его возникновения. В этом процессе Градовский различает две стороны — экономическую (организацию налогообложения) и социальную (организацию службы и специального служилого сословия). Размышляя над судьбами крепостного права в России, ученый приходит к выводу о его объективно прогрессивном значении. Прикрепление крестьян к земле ограничивало начавшийся процесс их полного обезземеливания, превращения в голопов, переход всех земель в руки служилого сословия. В длительной исторической перспективе, подчеркивал Градовский, это делало возможным освобождение крестьян с землей. Городское сословие также рассматривается как продукт деятельности государственной власти, направленной на обеспечение ее финансовых нужд, тягла. В том же русле функционального подхода анализируется дворянство. Ограничение прав его собственности в рам-

¹¹ Коркунов Н. М. Русское государственное право. Спб., 1893. Т. 1. С. 167.

¹² Градовский А. Д. Начала русского государственного права // Собр. соч. Спб., 1901. Т. 7 и др.

¹³ Градовский А. Д. История местного управления в России // Собр. соч. Спб., 1899. Т. 2. С. 239.

как поместной системы выступает как инструмент обеспечения его военной и служилой функции.

Сама направленность исследований определялась интересом к государственно-правовой тематике. Попытка разрешить вопрос о генезисе русской государственности привела к анализу раннего периода истории, когда, по Эверсу, складывались родовые отношения, «когда начальники отдельных племен, возникшие из патриархального быта семейств, начинают основывать государства, — времени, на которое мы везде должны обращать внимание, чтобы уразуметь древнее право»¹⁴. С этих позиций подходил Б. Н. Чичерин к разработке концепции русского исторического процесса. Определяющую роль в ней играло «государственное начало». С ним прежде всего связывалась история общественных отношений древнего и нового времени: возникла «родовая теория» и связанная с ней теория «закрепления сословий государством»¹⁵. Строительство государства потребовало создания специального военно-служилого сословия, а его материальное обеспечение сделало необходимым закрепление других сословий: «Все подданные укреплены, таким образом, к местам жительства или к службе, все имеют своим назначением служение обществу. И над всем этим господствует правительство с неограниченной властью»¹⁶. Как подчеркивал К. Д. Кавелин, «в Европе все делалось снизу, а у нас сверху»¹⁷.

Специфику русского сословного строя государственники видели прежде всего в положении и судьбах крестьянства. Обосновывая концепцию закрепощения и раскрепощения сословий государством, С. М. Соловьев делал упор на объективном характере и исторической обусловленности этих мер: «Прикрепление крестьян — это вопль отчаяния, испущенный государством, находящимся в безвыходном экономическом положении»¹⁸. Необходимо подчеркнуть связь исторических взглядов представителей государственной школы и тех вопросов, которые ставило время. Все они — Кавелин, Чичерин, Соловьев, а позднее Ключевский, Градовский и др. — были связаны с общественной и публицистической деятельностью, преподаванием в университетах. Концепция закрепощения сословий государством выступала в условиях преобразований в качестве исторического обоснования необходимости проведения крестьянской реформы. В концепции государственной школы подчеркивалось, что закрепощение сословий, бывшее исторически обусловленным и необходимым в предшествующий период, затем, начиная с петровского времени и в течение XVIII в., сменяется постепенным раскрепощением, прежде всего дворянства. Освобождение крестьян должно было завершить цикл освобождения сословий, открывавший новые основы гражданственности русского общества. В преддверии реформ это положение означало призыв правительства к решительным действиям. В наиболее общем виде эта концепция представлена в лекции К. Д. Кавелина в Бонне в период проведения реформ: речь шла об освобождении крестьян как главной проблеме,

¹⁴ Эверс И. Ф. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835. С. 19.

¹⁵ Чичерин В. Н. О развитии древне-русской администрации // Опыты по истории русского права. М., 1855.

¹⁶ Там же. С. 383.

¹⁷ Кавелин К. Д. О книге г. Чичерина «Областные учреждения России в XVII в.» // Монографии по русской истории. СПб., 1904. С. 566.

¹⁸ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. СПб., 1903. С. 212.

причем была поставлена «цель — объяснить это событие исторически». В этой связи несомненный интерес представляет автобиографическое свидетельство об этом событии, содержащееся в письме Кавелина известному французскому историку Альфреду Рамбо 1873 г., где он на первое место выдвигает вопрос об исторической миссии крестьянства в России. «Я, — вспоминает Кавелин, — удивил немецкую публику в Бонне в 1863 г., доказывая, что четвертое сословие (*der vierte Stand*) не есть безземельный и бездомный рабочий, а мужик, владеющий землей. Россия есть и долго будет для европейцев страной сюрпризов всякого рода, потому что история у нас совсем особенная, непохожая на европейскую, а ее-то европейцы не знают вовсе, думая, что прочитав Карамзина, они все узнали»¹⁹. Подъем интереса к реформам Петра также следует рассматривать в этой исторической ретроспективе.

Обращает на себя внимание, каким образом государственная школа подходила к ограничению понятий «класс» и «сословие». Анализ взглядов ведущих ее представителей по этому вопросу позволяет констатировать, что если первое понималось как органически выросшее социальное образование, то второе — как государственно-правовое. Центральной проблемой при этом является вопрос об объективной связи отношений собственности с их правовым закреплением. В этой перспективе представляется актуальным по-новому взглянуть на «родовую теорию» С. М. Соловьева. Обычно, говоря о теории Соловьева, в качестве ее основного положения выдвигают концепцию родового быта, родовых отношений (откуда и сама теория получила свое название). Однако суть теории не ограничивается, на наш взгляд, этим подходом: ее основу составляет диалектика трех основных компонентов — рода, семьи и государства (согласно тому, как они представлены в гегелевской философии права), причем важно подчеркнуть, что каждой из этих форм общезжития соответствует определенный тип собственности на землю. Именно эти отношения собственности и их постепенная эволюция в истории (под влиянием главным образом географических условий) составляют ее содержание. Теория Соловьева есть, следовательно, экономико-правовая модель возникновения государственности на Руси. Из такого понимания вытекает логика развития этой теории. Образование государственности, говорит Соловьев уже в первой (магистерской) своей диссертации, могло произойти только тогда, «когда понятия собственности, наследственности владения начали господствовать над понятиями семейными, когда родовые отношения князей заменились отношениями их как правителей к своим подданным, когда земля, область, город привязали к себе князя тесными узами собственности, сделали его оседлым»²⁰. Выступая против традиционного в науке того времени положения о господстве удельного строя в древней Руси и считая возможным говорить лишь о родовом строе в этот период, Соловьев аргументирует эту свою позицию тем, что характерные для удела отношения собственности — владения еще не имели места и можно говорить только о собственности определенного рода²¹. Последующая эпоха раздробленности также выводится ученым из господ-

¹⁹ ЦГАЛИ, ф. 264, оп. 1, д. 13, л. 3—3 об.

²⁰ Соловьев С. М. Об отношении Новгорода к великим князьям. М., 1843. С. 35.

²¹ Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями рюрикова дома. М., 1847. С. III.

ства своеобразных отношений собственности. Соловьев прослеживает, как постепенно, с разложением родовых отношений (и, следовательно, родовой, неделимой собственности) возникают отношения семейные (которым свойственно представление об индивидуальной собственности и отдельном собственнике) и как, наконец, через их посредство формируются отношения государственные (при которых князь или государь становится единственным собственником всей земли государства). Отношения и противоречия двух форм собственности — родовой и государственной — становятся стержневой идеей объяснения Соловьевым всего русского исторического процесса. Родовые отношения, охватывающие экономический быт городов, княжеско-боярской аристократии, других категорий населения (в рамках права перехода), и обеспечивающая их форма собственности объективно сменяются государственными (с новой формой собственности). В этом историк видит, в частности, суть конфликта эпохи Грозного, «когда оба порядка вещей, родовой и государственный, дали друг другу последнюю отчаянную битву». В этом в значительной степени объяснение Смуты, которая оказалась своеобразной проверкой на прочность нового государства со стороны традиционных антигосударственных сил, представляющих родовое начало (боярство и казачество). Наконец, здесь причина последующей прочности боярской аристократии, отношений местничества вплоть до его отмены, а также той борьбы между дворянством и боярством, которая шла в петровскую эпоху и пронизывает собой весь XVIII в. К. Д. Кавелин, принимая рассмотренную периодизацию в целом, отмечал, однако, что в концепции Соловьева переход от родовых начал (родовая собственность, основанная на личных отношениях князей) к государственным не нашел достаточного обоснования; откуда взялись государственные начала, он не объясняет. Вклад Кавелина состоял в том, что он выделил в качестве особого, самостоятельного — вотчинный период. В его триаде родовой этап переходит в вотчинный, а с начала XVIII в. — в государственный, когда Московское царство стало государственным, политическим целым. Несомненный интерес представляет попытка Кавелина связать проблему власти и земельной собственности: удельное право предстает как семейное, частное право, разрушающее постепенно общее родовое владение княжеского рода. Б. Н. Чичерин, в свою очередь, применительно к истории русского государства и права выделяет три эпохи: XVI в. — установление общественных повинностей (земское начало); XVII в. — правительственное начало; эпоха Петра открывает третий этап, когда «весь организм получил правильное, систематическое устройство». Поиск внутреннего смысла и связи различных периодов народной жизни выдвигается как главный принцип исторического исследования. «Только предыдущие периоды жизни народа раскрывают нам смысл последующих», — подчеркивал Чичерин. В этом отношении характерен рукописный отзыв Чичерина на магистерскую диссертацию В. И. Сергеевича «Вече и князь». В качестве принципиального недостатка этой хорошей работы Чичерин называл отсутствие анализа самого процесса развития, когда «самый народ как будто не живет внутренней жизнью. Исторического движения нет»²². В свете рассмотренных идей может быть более полно представлено отношение государственников позднего периода к проблеме феодализма.

Известно, что, признавая наличие феодальных отношений в Евро-

²² РО ГБЛ, ф. 334, к. 21, д. 21 (Отзыв Б. Н. Чичерина на диссертацию В. И. Сергеевича «Вече и князь»), л. 1 об.

пе, Соловьев, Чичерин, Кавелин и Градовский отрицали его существование в России. Постановка вопроса о феодализме в русском историческом процессе, сделанная Н. П. Павловым-Сильванским, вызвала дискуссию,²³ в которой приняли участие представители государственной школы позднего периода. Так, Г. В. Вернадский сделал попытку синтеза концепции государственной школы предшествующего периода с новыми представлениями о русском феодализме. Рассматривая вопрос о феодализме в Киевской Руси, он выделяет следующие два момента междукняжеских отношений: тесная связь всякого междукняжеского договора с поземельными отношениями, причем нельзя установить точной грани между государственным и частным характером землевладения; влияние западных политических понятий на русские. Эти два момента, по его мнению, позволяют сблизить междукняжеские отношения Киевской Руси с феодальными отношениями Запада. Но эти феодальные отношения, считал Вернадский, находились еще в неразвившемся состоянии: «В политическом отношении Киевская Русь находится еще только в процессе феодализации». При этом он исходил из определения феодализма П. Г. Виноградова, по которому этот строй общества характеризуется политической окраской территориальных отношений и территориальной окраской политических отношений: «В Киевской Руси феодализация быстро шла сверху, и это задерживало феодализацию снизу». По мнению Вернадского, выраженному наиболее четко в его рукописных материалах, «в удельной Руси существовали зародыши феодального строя. Павлов-Сильванский, однако, идет слишком далеко, желая открыть на Руси феодализм. Его ошибка в том, что он принял зародыш и зачатки феодальных отношений за законченную картину феодального быта»²⁴. Отталкиваясь от этой точки зрения, Вернадский подчеркивает условия, неблагоприятствующие феодализму, причем видит их в обширности земельных запасов и крайней редкости и бродячести населения. Отсюда, по его мнению, проистекает отсутствие на Руси развитой городской буржуазии и собственно «политического феодализма», выражавшегося на Западе в ленной системе, основанной на связи землевладения с системой вассалитета и службой.

Рассмотрим подробнее эти направления исследований, поскольку они хорошо демонстрируют общую для русской исторической мысли тенденцию развития, тенденцию, которая, как увидим в дальнейшем, впервые наиболее отчетливо выступила в трудах В. О. Ключевского. Процесс образования и развития централизованного государства, отдельных эпох его существования все более связывается с социально-экономическим положением и направленностью деятельности основных сословий. Такой подход прослеживается, например, в одном из ранних сочинений С. А. Муромцева «Дружина и ее отношение к земщине до конца XII столетия». К сходным идеям приходили П. Н. Милюков, Г. В. Вернадский. По мнению последнего, раньше, чем успело сложиться нечто вроде феодализма, боярство было уже уничтожено Грозным, а остатки его были развеяны Смутой. В самый драматический момент борьбы боярства с царем оно «переживало страшный экономический кризис благодаря массовому отливу населения на южные «дикие поля». Отметим в этой связи полемику Г. В. Вернадского с Н. А. Рожковым по вопросу о причинах сельскохозяйственного кризиса в России XVI в., имеющую много общего с

²³ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. М., 1923.

²⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1137, оп. 1, д. 32, л. 55—57; д. 63, л. 117 об.

критическим выступлением В. О. Ключевского по этому вопросу (Вернадский ссылается на его рецензию)²⁵. По мнению Вернадского, «взгляд, что среднее землевладение было в хозяйственном отношении хуже крупного, представляется недостаточно обоснованным. Причин кризиса можно, таким образом, искать лишь в росте монастырских земель и поместий и быстрой мобилизации земли». В последующее время, считает Вернадский, в течение XVII в. разгромленное крупноземлевладельческое боярство окончательно заменяется новым общественным слоем — служилым дворянством — землевладельцами средними и мелкими. Из него складывается думская и приказная бюрократия. Поместье при этом выступает как уже принципиально другой специфический вид землевладения, обусловленного исключительно службой. «Одновременно с тем, — считает он, — как землевладение вступает в связь со службой, от землевладения отнимаются всякие намеки и зародыши феодальных суверенных прав», а само дворянство становится исключительно служилой корпорацией. Перегруппировка дворянского сословия к концу XVII в. мало что изменила. Исходя из данного концептуального подхода, Вернадский, следуя здесь, вероятно, за Ключевским, предлагает свой вариант известной теории закрепощения сословий государством. Очевидно, что это по-прежнему подход государственной школы, но с учетом «элементов хозяйственного быта».

В данном русле вслед за Ключевским дается специфическое объяснение сословного строя — закрепощения и раскрепощения государством под влиянием осознанной экономической необходимости. Исходя из представления о постепенном, безуклазно закрепощении крестьянства, ряд историков — М. А. Дьяконов, В. И. Семевский, А. А. Корнилов, Г. В. Вернадский — строили новую схему процесса, хотя и на основе традиционной концепции государственной школы. Так, Г. В. Вернадский полагал, что все элементы прикрепления (зadolженность, старина по переписи, вотчинная власть землевладельца) были налицо уже в XVI в. Но Смутное время привело к качественному перелому в этом отношении — окончательному закреплению крепостного права. В свою очередь освобождение крестьянства от крепостной зависимости стало возможно в эпоху, когда эта реформа была подготовлена экономически. При объяснении эволюции господствующего класса — дворянства в центре внимания также находятся его отношения с монархической властью: закрепощение дворянства обязательной государственной службой при Петре сменилось его освобождением при Екатерине II, что определило направление развития правящего сословия в последующий период. Данный подход определил взгляд на российский абсолютизм, социальную природу государственности: «Общественное движение XVIII в. проходило в рамках социальной монархии, — пишет Г. В. Вернадский. — В Европе было два типа такого движения — французское и английское. Во Франции процесс кончился союзом короны с горожанами против феодальной знати. В Англии — союз горожан и дворянства против короны. В России корона соединяется с дворянством, чтобы сообща держать в своих руках всю остальную массу населения, еще слабо дифференцированную. Благодаря тому, что буржуазия не являлась политической силой — социальное движение не окончилось политическим переворотом»²⁶. Две темы — история хозяйства и государст-

²⁵ Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899. Отзыв Ключевского В. О. см.: Соч. М., 1959. Т. 8. С. 368—389.

²⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1137, оп. 1, д. 63, л. 59—74 и др.

венности — стали центральными и для понимания П. Н. Миллюковым истории России, определили разработку его главной исследовательской темы — реформ Петра I. Работа над этой проблематикой отразила преимущественный интерес к «материальной истории России, до сих пор мало разработанной», но при сохранении традиционного государственного-правового подхода к ее интерпретации. Отметим, что многие из этих взглядов оказали существенное влияние на концепцию современной западной историографии истории России.

Оценка историографического значения государственной школы, данная ее позднейшими представителями, показывает, что они считали ее завершенным направлением науки, давшим единую концепцию русского исторического процесса. П. Н. Миллюков в своих «Воспоминаниях» сформулировал отношение к основным этапам эволюции государственной школы следующим образом: «Соловьев был мне нужен, чтобы противопоставить схему историка, считающегося с внешней обстановкой исторического процесса, схемам юристов, постепенно устраняющим этот элемент среды и сводящим конкретный исторический процесс к все более отвлеченным юридическим формулам. Идеализация гегелевского государства у Чичерина, докторально противопоставлявшего эту высшую ступень — низшей, частному быту; спасение от тисков государства свободной личности (с Петра) — у представителя прогрессивного лагеря, Кавелина; наконец, окончательно опустошенная внутренне схема, с устранением элемента неюридических отношений и подчинения событий юридическим формулам у петербургского антагониста Ключевского, Сергеевича, — это сопоставление, вытянутое в логический ряд, представляло в оригинальном свете эволюцию одной из глав новой русской историографии»²⁷.

Таким образом, рассмотрение философских основ, генезиса, развития и значения основных положений государственной школы приводит к заключению, что это научное направление представляет собой самостоятельный этап развития русской исторической мысли. Сформированная государственной школой концепция русского исторического процесса позволяет лучше понять многие его существенные особенности. Государственная школа явилась выдающимся достижением отечественной науки прошлого, оказавшим огромное влияние на современную западную науку.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО

Для оценки оригинальности научных взглядов ученого всегда важно понять характер его отношения к предшествующей научной традиции, определить, в чем он видел ее сильные и слабые стороны. При анализе исторической концепции Ключевского особенно интересно проследить его отношение к ведущим представителям государственной школы — С. М. Соловьеву и Б. Н. Чичерину. В историческом методе Соловьева Ключевский видел прежде всего представление об истории как целом, органически развивающемся процессе и идею его закономерного характера. Изучая явления истории одного народа, подчеркивает Ключевский, «он не терял из вида общих законов, правящих жизнью человечества, коренных оснований, на которых строятся людские общества. Мыслитель скрывался в нем за повествователем; его рассказ развивался на историко-философской основе, без которой история становится забавой праздного любопытст-

²⁷ Миллюков П. Н. Воспоминания (1859—1917). Нью-Йорк, 1957. Т. 1. С. 127.

ва»²⁸. Вклад Соловьева он рассматривает в контексте развития всей европейской исторической мысли с начала XIX века, видя ее главное достижение в том, что она стала «внимательнее всматриваться в то, что можно назвать механизмом человеческого общежития»²⁹. В то же время Ключевский отмечал преимущественное внимание Соловьева к анализу политических форм, их возникновению и развитию³⁰. Влияние Соловьева на формирование своих исторических взглядов Ключевский подчеркивал неоднократно. В этом отношении ценны свидетельства ряда его учеников. Отношения Соловьева и Ключевского были отношениями двух последовательных поколений ученых со свойственными им особенностями развития философских и исторических взглядов. Соловьев, писал М. М. Богословский, вступил на научное поприще, когда «в передовом русском обществе царил философия Гегеля и Шеллинга, когда увлекались отвлеченными началами, когда всему многообразию явлений стремились отыскать единое основание и когда историки начинали не с того конца, откуда привыкли начинать ее мы, не с фактов, восходя затем к обобщениям, а с какого-нибудь отвлеченного начала, набирая затем в подкрепление этого начала кое-какие подходящие факты...»³¹. Хотя Богословский как позитивист не разделяет, как видим, философского метода Соловьева, его память сохранила ценное свидетельство об оценке Ключевским исторического труда Соловьева: «Там, — говорил своим ученикам Ключевский, — вы найдете те же взгляды; я передаю вам то, что получил от Соловьева; я — ученик Соловьева, вот все, чем я могу гордиться как ученый»³². М. К. Любавский в свою очередь отметил некоторую преемственность развития философских взглядов: «Некоторые отзвуки этого отраженного гегельянства можно подслушать и у Василия Осиповича». Это влияние Любавский усматривает в представлениях Ключевского об истории как органическом процессе, имеющем эволюционный характер и раскрывающемся постепенно в истории разных народов. Общим для Соловьева и Ключевского он считает взгляд на основные факторы исторического процесса — человеческую личность, людское общество и природу страны. Полемизируя со взглядами, противопоставлявшими Соловьева и Ключевского, Любавский считал, что дело здесь не в различии подходов, а в последовательности решения одной задачи: если Соловьев разрабатывал социально-политическую сторону русского исторического процесса, то Ключевский на этой основе получил возможность углубиться в изучение народной жизни: «В этом смысле «экономист Ключевский не отрицал, а только дополнял юриста Соловьева»³³. Любавский, вероятно, лучше многих других представителей школы Ключевского понял их действительное соотношение как представителей двух последовательных этапов развития науки. Именно в этой перспективе, на наш взгляд, следует рассматривать те критические положения, которые часто служат основанием для противопоставления двух ученых. Разделяя общую концепцию Соловьева, Ключевский ясно видит вопросы, которые требуют дальнейшей разработки и конкретизации. П. Н. Милоков, слушавший обоих профессоров в Московском университете, также пришел к такому выводу: «Влияние это было

²⁸ Ключевский В. О. Соч. М., 1959. Т. 8. С. 354.

²⁹ Там же. Т. 7. С. 132.

³⁰ Там же. С. 464.

³¹ Ключевский В. О. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 33.

³² Там же. С. 31.

³³ Там же. С. 54.

огромное. Невозможно перечислить здесь всех отдельных вопросов, в которых оно сказалось. Можно сказать только, что «История» Соловьева была общей канвой, по которой работал Ключевский»³⁴.

Другим направлением идейного развития, которое прослеживается по целому ряду свидетельств, явилось мощное влияние на Ключевского другого его учителя — В. Н. Чичерина. «Бесспорно, — отмечал Б. И. Сыромятников, — после Соловьева, среди университетских учителей Ключевского В. Н. Чичерину принадлежит самое почетное место. Мы сказали бы даже, что в умственном складе В. О. Ключевского было что-то «чичеринское». Та ясность и острота мысли, сила логики и мастерство конструкции, законченность формы и точность языка, которые так привлекательны в Чичерине, несомненно роднят с ним нашего великого историка»³⁵. Влияние Чичерина выразилось прежде всего в направлении научного интереса Ключевского, выборе им целого ряда тем специальных исследований. Особенно это влияние прослеживается в работах, посвященных характеристике определенных социальных слоев, сословий, государственных и представительных учреждений. Большинство учеников Ключевского приходили, таким образом, к выводу о преемственности его взглядов по отношению к предшествующему этапу развития отечественной историографии и рассматривали его, говоря словами Богословского, как «члена той историко-юридической школы в русской историографии, к которой принадлежит немало славных имен, каковы Неволин, Кавелин, Чичерин, Соловьев, Сергеевич, Градовский, Дятлин»³⁶.

Перед нами встает следующая историографическая проблема: в какой мере Ключевский продолжал традиции государственной школы Соловьева-Чичерина-Кавелина, и в чем, с другой стороны, состоит новизна, оригинальность его научной концепции? Для ответа на этот вопрос проанализируем основные элементы историко-социологической концепции Ключевского.

Философские воззрения Ключевского, как это отмечалось уже в историографии, не представляли собой цельного монистического мировоззрения. Если Чичерин, Кавелин и Соловьев на протяжении всего своего научного творчества оставались последовательными гегельядцами, то Ключевский, напротив, с самого начала своей деятельности ставил учение Гегеля, равно как и других представителей классической немецкой философии, под сомнение. Его не устраивает объективный идеализм Шеллинга и Гегеля, который «сквозь все вещи смотрит, как сквозь прозрачные формы, на лежащую в них идею. Вещь развивается не для себя и не сама по себе, а по требованию и мере развития этой идеи»³⁷. Спорным представлялся ему и субъективный идеализм Фихте, «поставляющий центром и точкой исхода всех вещей наше внутреннее «я». Ключевский выступает убежденным противником идеалистической философии уже в начале своего научного пути: «Возьмем, — говорит он в одном из своих студенческих писем, — самого Гегеля. Как он объяснил историю? Он скомкал и по-своему начертил программу для прошедшего и заставил его выстроиться и идти по этой программе. Он мало обращал внимания на порядок фактов... словом, захотел вытянуть историю в ровную фило-

³⁴ Там же. С. 197.

³⁵ Там же. С. 76—77.

³⁶ Там же. С. 37.

³⁷ Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 75.

софскую струнку»³⁸. Критическое отношение к Гегелю, как мы уже видели, не было столь уж редким явлением в это время. Новые условия привели к модификации философских оснований государственной школы. Осмысливая этот переломный этап развития исторической науки, ученик Ключевского Б. И. Сыромятников писал: «Старые боги при таких условиях были окончательно низложены: на место непререкаемого авторитета Шеллинга, Гегеля, Кузена, Гердера, Савиньи и др. теперь водворились новые не менее деспотические «властители дум» — Конт, Милль, Спенсер, Маркс и пр. Создалась совершенно особая идейная атмосфера, которой все дышали и которая оказывала могущественное давление на общественное сознание и научную мысль»³⁹. В этих условиях у Ключевского появляется интерес к материализму Фейербаха и «реализму» Гербарта, а впоследствии к философии Риккерта и всему позитивистскому течению в ней.

В связи с этой общей философской направленностью вполне понятен подход Ключевского к историографии его времени. В характеристиках Гизо, Мишле, Тэна, других западных историков он формулирует свою приверженность к изучению общества, его структур, типологии социальных процессов, интерес к социальной психологии и личностям в истории. Постепенно складывался тот общий методологический подход к историческому процессу, который получил название историко-социологического. Наиболее полно он изложен во вступительной лекции известного «Курса русской истории».

В соответствии с господствующими в науке того времени представлениями позитивистской социологии исторический процесс определяется ученым вполне материалистически как процесс развития человеческого общества во времени, т. е. «ход, условия и успехи человеческого общежития или жизнь человечества в ее развитии и результатах»⁴⁰. Такое определение могло быть дано Гизо или Боклем, но Ключевский рассматривает его по-своему. В подходе к изучению исторического процесса проглядывает известное противопоставление социальной статики (результатов исторического развития) и социальной динамики (движения исторического процесса). В соответствии с этим выделяются две научные дисциплины, имеющие свои особые задачи. Это история культуры или цивилизации, призванная определить степень, результат исторического развития человеческого общества, и историческая социология, в задачу которой входит объяснение самого процесса исторического развития. Предметом исторической социологии становится поэтому «историческое изучение строения общества, организации людских союзов, развития и отправления их отдельных органов, — словом, изучение свойств и действия сил, созидающих и направляющих людское общежитие...»⁴¹. Исходя из такого выделения двух основных подходов к изучению общества, Ключевский противопоставляет и их задачи: историю общую и местную. Первая стремится понять определенный круг явлений как стадию развития всего человеческого общества, которую в той или иной степени проходят все народы на протяжении своего развития. Вторая, напротив, сосредоточивает свое внимание на историческом процессе определенного народа, взятом в ограниченных географических и хронологических рамках. Тем самым достигается цель более глубокого

³⁸ Там же. С. 76.

³⁹ Ключевский В. О. Характеристики и воспоминания. С. 84.

⁴⁰ Ключевский В. О. Курс русской истории // Соч. М., 1956. Т. 1. С. 14.

⁴¹ Там же. С. 15.

проникновения в структуру общества, определения скрытых пружин его развития. В этом смысле, подчеркивает Ключевский, «изучение местной истории дает готовый и наиболее обильный материал для исторической социологии». Здесь перед нами встает важная проблема соотношения общего и особенного в исторической концепции Ключевского. Ее решение позволит нам определить общее направление его размышлений об историческом процессе, а вместе с тем покажет специфику его взглядов. Проанализируем с этой целью отношение Ключевского к сравнительно-историческому методу, типологии социальных процессов и явлений, а также к характеру образования понятий в исторической науке.

К тому времени, когда Ключевский выступил по этим вопросам, наука опиралась на вполне оформившуюся традицию в их разработке и решении. В исторической науке, прежде всего западной, четко обозначилось несколько основных направлений в их изучении. Прежде всего можно выделить сравнительную историю права и институтов. Это направление, представленное трудами Дайси, Гнейста, Мана, Ковалевского, сделало очень много для понимания общих черт развития государства и права разных стран. Другим направлением стал переход от чисто правовых исследований к социологии. Сформированные О. Контом и Д. С. Миллем основы этой науки получили свое дальнейшее развитие в трудах главным образом немецкой школы — работах В. Дильтея, Риккерта и, наконец, Макса Вебера, по существу создавших современный социологический метод. Исходя из представления об истории как науке, изучающей индивидуальные, неповторимые явления, они видели перспективный путь в построении обобщающих конструкций, моделей изучаемых явлений, получивших название «идеальных типов». Этот метод был положен ими и в основание сравнительно-исторических исследований, задача которых состояла теперь в анализе экономических процессов, общественных структур и политических институтов различных стран с тем, чтобы интегрировать их затем в рамках единой социологической теории. Следует подчеркнуть, что, будучи ориентирован на объяснение общественных отношений и структур, этот метод в то же время являлся историческим по характеру своих обобщений и обработки материала, на который он опирался. К этому следует добавить складывание в самостоятельное научное направление социально-психологического метода, который оказал свое влияние (в лице Тарда и Вундта) как на право, так и на историческую науку рассматриваемого периода.

Определенной закономерностью рассматриваемого этапа развития исторической науки явилось появление исследований, интегрирующих как традиционно-правовые, так и социологические и конкретно-исторические методы изучения. Примером такого рода исследований могут служить труды Фюстель-де-Куланжа, ряда других историков. В России историком такого типа является В. О. Ключевский. «Конечно, — говорит он, — для всестороннего познания предмета желательно совмещение обеих точек зрения в историческом изучении. Но целый ряд соображений побуждает историка при изучении местной истории быть по преимуществу социологом»⁴². В то же время подход Ключевского к поставленным наукой его времени проблемам имеет специфический характер. Во-первых, Ключевский в большей степени, чем другие ученые его времени, был историком-прагматиком, исходил из риккертянской идеи об уникальности и непо-

⁴² Ключевский В. О. Курс русской истории // Соч. М., 1956. Т. 1. С. 17.

вторимости исторического факта. Исходя из этого, он, во-вторых, довольно скептически относился к историко-сравнительному методу, хотя сам часто пользовался им в своих работах. Наконец, в-третьих, вопрос о типологии решался им крайне своеобразно. Ключевский широко пользовался этим методом, однако его типология, ставящая перед собой цель обобщения конкретно-исторического материала, далеко не всегда отвечала этой задаче. Очень часто выведение социологического понятия «идеального типа» подменялось у Ключевского каким-либо художественным образом, метафорой, афоризмом. «Идеализация, — гласит афоризм Ключевского, — один из способов эстетического и нравственного познания. Телескоп в астрономии: иные вещи надобно страшно преувеличить, чтобы вернее разглядеть»⁴³. Отсюда происходит и та, непонятная на первый взгляд для ученого настойчивость, с которой Ключевский занимался литературной отделкой своих сочинений, постоянно шлифовал фразы, искал емкие образы. С этой точки зрения, кстати говоря, становится более понятной идея Ключевского о художнике как своеобразном посреднике между источником и историком. Идея эта, на наш взгляд, весьма спорная, позволяет во всяком случае лучше понять метод Ключевского, характер его обобщений. «Пушкин, — говорил он, например, — не мемуарист и не историк, но для историка большая находка, когда между собой и мемуаристом он встречает художника»⁴⁴. Познавательный смысл «образа» как средства построения идеального типа явления или процесса проявляется прежде всего в конструировании модели, схемы, логической формулы. Подобные схемы, по мысли Ключевского, «сводят известные однородные явления в формулу, которая указывает внутреннюю связь этих явлений, отделяя в них необходимое от случайного, т. е. устраняя явления, обусловленные только достаточной причиной, и оставляя явления необходимые. Историческая схема или формула, выражающая известный процесс, необходима, чтобы понять смысл этого процесса, найти его причины и указать его последствия. Факт, не приведенный в схему, есть смутное представление, из которого нельзя сделать научного употребления»⁴⁵. Известный специальный курс Ключевского «Терминология русской истории», обычно толкуемый как источниковедческое исследование, на самом деле представляет собой своеобразную попытку применить такой инструмент познания прошлого, как использование понятий, взятых непосредственно из источника. Ключевский анализирует этимологию понятий и терминов исторических документов, которые рассматриваются при этом как готовые первичные понятия, обобщения первого уровня, из которых затем методом индукции историк создает обобщения более высокого порядка. В связи с этим Ключевский может рассматриваться как один из предшественников современных семантических направлений в исторической науке. Все эти особенности познавательного метода Ключевского всего отчетливее проявляются в тех местах его сочинений, где он стремится дать логическую формулу исторического процесса.

Особенности мышления Ключевского, его познавательного метода находили наиболее яркое выражение в устных выступлениях и лекциях историка, придавали им особую конкретность и выразитель-

⁴³ Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы... С. 356.

⁴⁴ Ключевский В. О. Речь в день открытия памятника Пушкину // Соч. М., 1959. Т. 7. С. 152.

⁴⁵ Ключевский В. О. Терминология русской истории // Соч. М., 1959. Т. 6. С. 143.

ность. Если С. М. Соловьев ставил в центр внимания логическую схему исторического процесса, развитие которой и составляло главный предмет курса, требовало полной мобилизации умственных сил (он даже читал лекции с закрытыми глазами), то Ключевский, наоборот, ставил в центр образность восприятия, стремился взглянуть на прошлое в его конкретном выражении, причем у слушателей создавалось впечатление, что лектор сам побывал в той эпохе, о которой рассказывал. «Отвлеченная работа мысли, — вспоминал его ученик М. М. Богословский, — была ему чужда; он обладал слишком ярким воображением, он был слишком художник для абстракций: самый его язык был слишком образным для передачи отвлеченных понятий. Высшие отвлеченные понятия его не занимали, высшими философскими вопросами он, по-видимому, очень мало интересовался... Как топливо для огня, для его мысли всегда нужен был конкретный, реальный фактический материал. Фактами как бы заменялись для него логические понятия»⁴⁶. Как считали ученики Ключевского (А. А. Кизеветтер, М. М. Богословский и др.), «тайну его синтетического мастерства надо искать в его ярком художественном таланте, в силе его воображения и чувства».

Не учитывая этих особенностей метода Ключевского, трудно понять специфику применения им сравнительного метода. В известном и, вероятно, наиболее концептуальном труде «История сословий в России» ученый дает следующее обоснование сравнительного метода: «Изучая эти сословия, встречаем отношения и формы, которые дают много материала для приложения сравнительного исторического изучения. Истинное назначение этого метода состоит не в том, чтобы искать сходства в различных явлениях, а в том, чтобы находить различия в сходных явлениях»⁴⁷. Высказав такую парадоксальную идею, которую, вероятно, не поддержали бы ни Соловьев, ни Чичерин, Ключевский дает ей следующее применение: сопоставляя сословный строй России и Западной Европы, он приходит к заключению о том, что в отличие от Запада, где «более сложные общественные формации достигались более быстрым и простым путем», в России, напротив, «более простые общественные формации создавались процессом более продолжительным и сложным. У нас общественный процесс всегда сложнее, но общественные формы проще и сословные очертания менее резки». Как видим, сравнение скорее описательное, чем аналитическое. В результате возникает вывод — метафора, которая дает заверченный художественный образ: «Наше общество, — говорит Ключевский, — кажется, шло путем, напоминающим наши проселочные дороги: чтобы ими пройти незначительное расстояние между двумя пунктами, надобно благодаря извилинам пути сделать столько шагов, сколько при более прямой дороге потребовалось бы, чтобы пройти расстояние вдвое большее»⁴⁸.

В отличие от многих современных ему историков-юристов, Ключевский при проведении сравнительного анализа не считал возможным опираться лишь на одну правовую норму, но видел необходимость в установлении ее соотношения с действительностью, причем понимал эту действительность достаточно широко. В отличие от ведущих представителей государственной школы первого поколения — Соловьева, Чичерина, Кавелина и даже Градовского, Ключевский в

⁴⁶ Ключевский В. О. Характеристики и воспоминания. С. 35.

⁴⁷ Ключевский В. О. История сословий в России // Соч. М., 1959. Т. 6. С. 305.

⁴⁸ Там же.

большей степени стремился вскрыть реальное социальное содержание правовых понятий и институтов. Для рассмотрения социологического метода Ключевского необходимо обратиться к ряду как общих, так и конкретных трудов историка, где в той или иной степени сделана попытка обосновать и использовать данный метод. В этом отношении характерна прежде всего диссертация Ключевского «Боярская дума древней Руси. Опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества». Во введении к этому сочинению (опубликованному в ряде первых изданий книги) Ключевским сформулированы основные идеи метода, своего рода его кредо, а также обозначен водораздел с предшествующей государственно-правовой традицией историографии. Рассматривая предшествующий этап исторической науки, Ключевский, имея в виду главным образом Чичерина, Кавелина, других историков права, отмечает достигнутые ими успехи в изучении русского права, особенно некоторых явлений государственного права, некоторых учреждений. В то же время в их трудах, считает он, «картина древнего русского управления освещена с одной только стороны, — с той, которую можно назвать технической». Недостаток данного подхода он усматривает в преувеличении значения форм правления, их реформ, в результате чего «мы расположены в каждой административно-судебной перемене видеть признак преобразования, обновления всего общества». Отдавая должное такому взгляду на общество «сквозь сеть правивших им учреждений», Ключевский отмечает, что его главным преимуществом была попытка понять связь общества и государства: «Механизм правительственных учреждений вместе с главным управителем машины были любимыми темами изысканий в области нашей политической истории: понятия и нравы, характер, домашняя обстановка и даже генеалогия этого управителя подвергались тщательному разбору; машина, которой он правил, описывалась и в вертикальном и в горизонтальном разрезе; изображались и ее действия, особенно неправильные»⁴⁹. Но преимущества такого подхода со временем исчерпали себя. Не считая саму формулу Чичерина — Соловьева неверной или спорной, Ключевский в то же время видит свою задачу в ее переосмыслении на основе нового метода, верификации фактическим материалом. По его мнению, с одной стороны, необходимо установить социальную природу рассматриваемого явления — «как и из каких элементов складывается этот порядок», с другой — выявить специфику политических институтов — «откуда взялись они, как состроились и почему так долго держались, даже умели переживать тяжелые кризисы, способные по-видимому сокрушить более их искусные правительственные механизмы?» Если ранее среди историков-юристов распространено было представление о том, что «народ — мягкий воск, из которого помощью законодательства, известной системы учреждений можно сложить какую угодно форму общежития», то Ключевский видит смысл своего исследования «не столько в технике построения той или другой администрации, сколько в том, что можно назвать социальным составом управления»⁵⁰. Поскольку в истории общества и государства, развивает свою мысль Ключевский, «остаются в тени общественные классы и интересы, которые за ними скрывались и через них действовали»,⁵¹ на первый план выдвигается клас-

⁴⁹Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. Опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества. М., 1881. С. 2.

⁵⁰ Там же. С. 7.

⁵¹ Там же. С. 9.

совый подход к ним. Ключевский одним из первых в академической науке своего времени поставил вопрос о том, «какие классы общества принимали в нем деятельное участие, создавались им как его непосредственное орудие или даже создавали его и действовали через него, как через свое орудие»⁵². На первое место при этом выступал, естественно, господствующий, точнее правящий класс, наиболее связанный исторически и генетически с государственной властью. Поэтому «перемены в составе руководящего класса», «смена господствовавших в нем интересов» становились предметом анализа в связи с историей политических институтов и учреждений.

Рассмотрение концепции класса и классового подхода у Ключевского позволяет сделать ряд наблюдений. В этом отношении следует констатировать определенное влияние на Ключевского марксизма и обстоятельств общественной борьбы эпохи. Рассматривая эволюцию мировоззрения Ключевского, П. Н. Милюков подчеркивал, что в исторической мысли той эпохи «уже поставлен был вопрос об отношении политических форм к наполнявшему их социальному материалу. А изучение социальной структуры общества уже считалось невозможным без изучения экономических отношений. «Экономический материал» еще представлялся скорее как общая тенденция изучения, чем как готовая философско-политическая доктрина, — скорее по Сорольду Роджеру, чем по Марксу. Но вопрос о взаимоотношении политического и экономического фактора в истории был уже поднят»⁵³. По свидетельству М. М. Богословского, уже в годы юности Ключевского всего охотнее его мысль направлялась на изучение истории общественных классов, что было связано с решением великой социальной проблемы — освобождением крестьян. «Если бы, — заключает он, — нужно было определить главную, господствующую склонность Ключевского как историка, я бы назвал его историком общественных классов»⁵⁴. Будучи сторонником плюралистических доктрин, теории факторов, Ключевский и в понимании классов не являлся монистом. В этом принципиальное его отличие от марксистов, хотя они безусловно оказали на него свое влияние (Ключевский был знаком с сочинениями Маркса, а также, вероятно, другими работами этого направления). В этом смысле можно сказать, что Ключевский в определенном отношении был предшественником некоторых современных социологических течений немарксистского характера, например теории социальной стратификации, социальной мобильности и др., основы которых закладывались как раз в то время, когда его творчество находилось в зените (в это время работали Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, М. Вебер). В «Истории сословий в России» эти вопросы рассматриваются в исторической перспективе. Рассмотрим то новое, что удалось сделать Ключевскому в этой области при сравнении с предшественниками. Интерес представляет прежде всего сама постановка вопроса об отношении понятий «класс» и «сословие». Сословие, отмечает Ключевский, есть термин государственного права, обозначающий ряд политических учреждений. «Сословиями мы называем классы, на которые делится общество по правам и обязанностям. Права дает либо утверждает, а обязанности возлагает государственная верховная власть, выражающая свою волю в законе; итак, сословное деление — существенно юридическое, устанавливается законом в отличие от других об-

⁵² Там же. С. 13.

⁵³ Ключевский В. О. Характеристики и воспоминания. С. 190.

⁵⁴ Там же. С. 39.

щественных делений, устанавливаемых экономическими, умственными и нравственными условиями, не говоря о физических»⁶⁵. Итак, классы и сословия оказываются практически тождественными понятиями. Классом признается всякое деление общества; причем критерии его выделения чрезвычайно разнообразны — ими служат образование, экономическое, политическое положение и т. д. вплоть до различий нравственных, умственных и физических условий. В свою очередь под сословием понимается любой из этих классов в том случае, если он получает юридическое закрепление, когда его права и обязанности фиксируются в законодательстве. Это отличие сословия находит свое наиболее четкое выражение в специфическом праве или привилегии, которая есть не что иное, как «всёкое преимущество, даваемое законом целому классу общества в постоянное обладание», причем права эти подразделяются на политические и гражданские. Исходя из того, что основанием сословного деления повсюду является неравенство перед законом, Ключевский следующим образом оценивает историческое место этого явления. Констатируется тот факт, что сословное деление — историческая эпоха в истории Европы, и, следовательно, развитие сословий имеет общие законы, причем Ключевский придает ему решающее значение. Он формулирует тезис о том, что «политическое объединение начинается сословным расчленением общества и продолжается постепенным уравнением сословий». Большой интерес представляет объяснение Ключевским возникновения сословий, которое осуществлялось, согласно его концепции, двумя путями. «Иногда источником его бывало экономическое деление общества в момент образования государства. Тогда общество делилось на классы сообразно с разделением народного труда: классы различались между собой родом труда или родом капитала, которым работал каждый класс, и сравнительное значение каждого общественного класса определялось ценой, которую имел тот или другой род труда, тот или другой капитал в народном хозяйстве известного времени или места». В то же время возможен был и другой, обратный порядок явлений: «общество подчинялось вооруженной силе, вторгнувшейся со стороны или образовавшейся в нем самом, которая захватывала распоряжение народным трудом. Такой силой бывало или чуждое пришлое племя, или особый класс, сложившийся в самом обществе для его защиты от внешних врагов и потом завоевавший защищаемое общество». Таким образом, в концепции образования классов-сословий Ключевский отрицал единство этого процесса, принимая как объяснение Маркса, так и Дюринга, что в свою очередь затруднило единый взгляд на исторический процесс. В самом деле, сформулировав два основных принципа образования сословий, Ключевский противопоставляет их друг другу и утверждает, что в каждой из обозначенных ситуаций общества следовали в своем дальнейшем развитии совершенно различными путями. В первом случае, полагает Ключевский, господствующий капитал страны, овладев народным трудом, создавал из владельцев этого капитала власть — «капитал становился источником власти», а «экономические классы превращались в политические сословия». При таких условиях экономические отношения и методы управления (поиски лучшего устройства хозяйства, рынков сбыта, рабочей силы) играли более значительную роль, чем политические, чисто административные средства (хартии и учреждения). Вопросы

⁶⁵ Ключевский В. О. История сословий в России // Соч. М., 1959. Т. 6. С. 277.

государства и права становились поэтому на второй план, а юридические отношения не получали достаточной выработки. Во втором случае, наоборот, вооруженная сила насильственно вторгалась в уже сложившийся экономический порядок и первым делом стремилась укрепить свое положение в нем. Захватив в свои руки господствующий капитал, эта сила, став властью, «спешила создать известный государственный порядок, помощью которого она, став его движущей пружиной, могла бы распоряжаться народным трудом». Вот почему, — разъясняет Ключевский, — все заботы этой силы были обращены на устройство государства, выработку системы законодательства, на приспособленную к этой цели организацию сословий, соответствующее устройство правительственных учреждений. Благодаря тому, что главные явления жизни данного типа общества составляла борьба различных социальных сил, вопросы организации права и государства приобретали здесь особое значение, а это в свою очередь вело к специфическому пути развития. В итоге Ключевский приходит к идее о том, что сословия вообще имеют двойственное происхождение — экономическое или политическое, развиваясь под влиянием не только внутренних, но и внешних факторов. В обоих случаях сословное деление в равной мере исходило из политического акта, различным был лишь источник сословного неравенства — экономическое расслоение капиталистов и рабочих или просто право силы. Само стремление видеть за чисто юридическими отношениями экономический фактор, социальное неравенство, расстановку политических и классовых сил было новым шагом в развитии русской исторической мысли рассматриваемого периода. Устанавливалась, в частности, связь этих объективных факторов с формой организации сословного строя, раскрывалась тенденция эволюции сословных отношений. «Чем резче сословное неравенство, — подчеркивает Ключевский, — тем проще сословное деление, и наоборот: чем слабее сословное неравенство, тем сложнее, т. е. дробнее, сословное деление»⁵⁶. Подчеркнем также такие положения Ключевского, как тезис об исторически преходящем характере сословного строя, влиянии его на организацию политического порядка — давление сословных интересов на верховную власть.

Размышляя о процессе исторического развития, Ключевский не разделял того цельного монистического взгляда на мир и историю, который был присущ Соловьеву и Чичерину с их гегелевским мышлением. Исторический процесс предстает у него как довольно произвольная комбинация «исторических сочетаний и положений, когда-то и для чего-то сложившихся в той или другой стране, нигде более неповторимых и непредвидимых»⁵⁷. Это не означает однако, что ученый не имел объясняющей схемы, теории исторического процесса. Он видел ее в теории факторов, выделяя в качестве определяющих политические, социальные и экономические. Социологическое изучение истории понималось им как многообразный процесс взаимодействия и сочетания этих факторов в различных конкретно-исторических условиях. «Эти сочетания, — подчеркивает Ключевский, — основной предмет исторической социологии». Отказ от вечных принципов и неизменных форм, столь свойственных школе естественного права, стал, как мы видели, насущной потребностью историко-правовых исследований. Данная тенденция, нашедшая свое выражение в трудах позднего Кавелина, а также Муромцева, Кор-

⁵⁶ Там же. С. 292.

⁵⁷ Ключевский В. О. Курс русской истории. С. 18.

кунова, сказала и в исторической науке, прежде всего у Ключевского. Исторические исследования приобрели другой смысл. Была поставлена задача путем конкретного анализа основных факторов человеческого общежития, их соотношения в определенном месте и времени установить специфику исторического развития, а раскрытие общих законов отодвигалось в более далекую перспективу социологии. «Из науки о том, как строилось человеческое общежитие, может со временем — и это будет торжеством исторической науки — выработаться и общая социологическая часть ее — наука об общих законах строения человеческих обществ, приложимых независимо от переходящих местных условий»⁵⁸. Видя свою задачу в конкретном изучении комбинации трех видов факторов русского исторического процесса — политических, социальных и экономических, — Ключевский основное внимание обращал на человека, общество, природу. В соответствии с этим дается периодизация русского исторического процесса, раскрывается специфика составляющих его периодов. В периодизации этой прослеживается в качестве руководящего принципа выявление специфики сочетания политических, социальных и экономических факторов на разных этапах истории; причем каждый период определяется триадой признаков: Русь с VIII до XIII в. была «днепровской, городской, торговой»; с XIII до середины XV в. — «верхневолжской, удельно-княжеской, вольно-земледельческой»; с середины XV до второго десятилетия XVII в. — «великой московской, царско-боярской, военно-земледельческой»; наконец, с начала XVII до середины XIX в. — «всероссийской, императорско-дворянской, с крепостным хозяйством, земледельческим и фабрично-заводским». Как видим, в основе выделения каждого из периодов лежит триада признаков, причем показано, как их соотношение делает этот период специфическим по отношению к предшествующему и последующему.

Рассмотрим более детально созданную Ключевским историко-социологическую концепцию русского исторического процесса, ее оригинальность. Следует подчеркнуть, что вопреки утверждению ряда авторов, концепция Ключевского есть в принципе развитие взглядов государственной школы с тем существенным дополнением, что она включает элементы анализа экономического быта и стремится по возможности дополнить чисто правовое объяснение социологическим. Характерные черты мировоззрения Ключевского, как традиционные так и новые, прослеживаются в интерпретации проблем сословного и государственного строя России.

Прежде всего обращает на себя внимание пристальный интерес историка к роли географического фактора в историческом развитии. Заимствовав этот подход у С. М. Соловьева, Ключевский даже несколько усилил его, отчасти положив в основу периодизации. Выделяемые им этапы исторического развития страны представлены в его схеме как этапы колонизации. Отсюда известный тезис о том, что «история России — это история страны, которая колонизируется». При интерпретации Ключевским роли географического фактора отметим, что в его концепции он получил более тесную взаимосвязь с условиями экономического быта, хозяйственного развития страны. В литературе справедливо подчеркивалась специфическая трактовка Ключевским роли рек в процессе колонизации страны. Историк исходил из того, что в силу ряда особенностей своего исторического развития древнерусская цивилизация имела устойчивую тенденцию

⁵⁸ Там же. С. 19.

к распространению вширь, колонизации новых территорий. Поскольку процесс этот шел в основном по рекам, то и заселение новых земель, образование городов географически связано с крупными речными системами. Данный взгляд Ключевского проявился уже в первых его трудах. Как известно, магистерская диссертация Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник», тема которой была избрана по совету С. М. Соловьева, первоначально задумывалась как исследование монастырской колонизации Северо-Восточной Руси. Это подтверждает ряд статей этого времени, например «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае». Сходный подход находим и в более поздних сочинениях Ключевского, в частности, в его «Боярской думе». Значение рек видел Ключевский и в развитии экономических связей на территории страны: в отличие от ряда своих предшественников (напр., Д. И. Иловайского) он считал, что в основе экономики Киевской Руси было не земледелие, а торговля и скотоводство. В связи с таким взглядом Ключевский предлагал определенную модификацию известной родовой теории. Признавая основные положения данной теории в принципе, историк ищет основу классово-сословного деления не в переходе от частного быта к публичному (как, напр., Б. Н. Чичерин), а в развитии самостоятельной роли городов, торговли, торгового капитала (который впоследствии так широко использовал М. Н. Покровский), возникновении городской купеческой олигархии. В этом процессе он видел предпосылки для следующего этапа социального развития — появления князя с дружиной с последующим формированием государственности.

Для понимания концепции Ключевского, ее сходства и отличия от предшествующей и последующей историографии особенно характерна интерпретация сословного строя XVI—XVII вв., т. е. времени становления и развития русской государственности. В основу исторической схемы ученый фактически кладет теорию государственной школы о закреплении сословий государством. Основанием классово-сословного деления данного периода, по его мнению, служило деление классов по роду государственных повинностей, разрываемых по имущественному состоянию лиц. В соответствии с этим каждый класс отличался от другого двумя признаками — политическими и экономическими. Политическим признаком служила известная социальная повинность, падавшая на этот класс, экономическим — имущественное состояние лиц этого класса. По этим двум признакам историк считал возможным различать отдельные мелкие разряды населения и затем сводить их в более крупные социальные классы, устанавливать определенный порядок в их классификации. Процесс классовообразования интерпретируется им как процесс образования сословий, а этот последний в свою очередь сводится к образованию отдельных служилых чинов государством. В этом отношении характерно определение самого понятия «чин»: по определению историка, «чином в Московском государстве назывался общественный слой, который нес свою специальную государственную повинность, соответствовавшую его экономическому состоянию»⁵⁹. Все такие чины Ключевский в строгом соответствии с материалом источников разделял на три основные группы: чины служилые, тяглые и нетяглые. Далее давалась более дробная группировка каждой из них, которая в свою очередь основана на служилой функции каждого из чинов. Природу такого деления Ключевский в традициях

⁵⁹ К л ю ч е в с к и й В. О. История сословий в России. С. 353.

государственной школы видит в сознательном или бессознательном стремлении верховной власти к достижению максимального соответствия между служилой функцией и экономическим положением каждого класса-сословия или чина, закреплению за ними их функций. Однако экономическая сторона этого процесса подчеркивается больше по сравнению с предшественниками. «В устройстве общественных классов, — пишет Ключевский, — эта перемена связала неразрывно экономическое положение каждого из них с родом государственного его служения. Отсюда и сложилось правило, которое и легло в основание общественного деления в Московском государстве — разверстать государственные обязанности между классами общества по хозяйственному состоянию каждого из них»⁶⁰. В соответствии с концепцией государственной школы Ключевский смотрит на взаимосвязь сословий между собой и с государством. В Московском государстве XVI—XVII вв., считал он, действовал ряд основных принципов: кто владеет своей землей (помещьем или вотчиной), должен нести ратную службу; кто непосредственно пользуется чужой землей (частной или казенной) — несет государственное податное тягло; управление как службой, так и тяглом, ведется посредством самих служилых и тяглых людей.

Как известно, исторические судьбы сословного строя России объяснялись государственной школой — Чичериным, Соловьевым, Кавелиным — в рамках теории закрепощения и раскрепощения сословий государством. Ключевский, формирование взглядов которого совпало с проведением Крестьянской реформы 1861 г., не мог пройти мимо данной концепции в своих трудах. Действительно, она была положена им в основу объяснения возникновения и отмены крепостного права в России. Как и историки предшествующего периода, Ключевский центр тяжести организации сословного строя видел в разделении общественных служилых обязанностей различных сословий. Значительное место в своей концепции отводил он и самостоятельной роли государства в этом процессе: государство закрепощает как крестьян, так и дворянство в интересах государственной, прежде всего военной, службы, а со временем, когда для этого складываются благоприятные объективные условия, начинается процесс их постепенного раскрепощения, завершением которого становится Крестьянская реформа 1861 г. Однако Ключевский вносит определенную модификацию в эту абстрактную схему. Рассматривая проблему происхождения и развития, а также отмены крепостного права, Ключевский преимущественное внимание обращает на социально-экономическую сторону этого процесса. Прежде всего процесс этот рассматривается им как эволюционный: в русской историографии Ключевский обосновал точку зрения о так называемом безуказном (в отличие от идеи указного) закрепощения, вызвавшую сильные возражения со стороны ряда других представителей юридической школы, прежде всего В. И. Сергеевича. Во-вторых, Ключевский вводит в свою объясняющую схему экономический фактор. В ряде своих работ — «Крепостной вопрос накануне законодательного его возбуждения»; «Право и факт в истории крестьянского вопроса»; «Происхождение крепостного права в России» и др. — он отстаивает идею о постепенном, длительном процессе закрепощения крестьянства, подготовленном экономическими отношениями, прежде всего ростом задолженности крестьянства. Как полагает Ключевский, обширные географические пространства незаселенной земли, поступившие в ру-

⁶⁰ Там же. С. 374.

ки помещиков, не имели самостоятельной ценности без привлечения всеми возможными средствами крестьян. В результате масса бедного люда была превращена в хлебопашцев с помощью землевладельческих ссуд. Постепенно усиливалась задолженность крестьянства своим помещикам — владельцам земли. Для подтверждения этого тезиса Ключевский привлекает такой источник, как порядные грамоты второй половины XVI в., где ссуда становится общим условием крестьянских договоров с помещиками. Вследствии этой задолженности право выхода, сохраняясь за крестьянином формально, на практике становилось нереальным. Постепенно в крестьянские договорные акты все чаще начинает вноситься условие, по которому крестьянин закреплял свои долговые поземельные обязательства отказом от независимого существования — права выхода. Это условие «сообщало крестьянскому поземельному договору значение личной крепости». В XVII в. эта тенденция была зафиксирована законодательно превращением обязательства по договору в крепость по писцовой записи. Третьей важной особенностью подхода Ключевского к решению вопроса о возникновении и развитии крепостного права является его отношение к роли государства в данном процессе. Историк исходит при этом не из публичного права, а из права частного, полагая, что крепостные правовые отношения возникли не путем государственного принуждения (или не главным образом через него), а путем договорных сделок между владельцами земли — помещиком и крестьянами. Отсюда он делал вывод, что «крепостное право в России было создано не государством, а только с участием государства: последнему принадлежали не основания права, а его границы»⁶¹. Отмена крепостного права также не является исключительно делом одного государства — оно лишь отвечает назревшим потребностям социально-экономического развития. Характерна в этом отношении оценка Ключевским Реформы 1861 г.: это был, по его мнению, «исторически последовательный ответ на величайший и труднейший вопрос нашей истории, подготовленный веками и чрезвычайно запутанный неблагоприятными обстоятельствами нашей жизни»⁶². Налицо, таким образом, стремление историка к более глубокому объяснению социально-экономических предпосылок развития общества и государства по одному из коренных вопросов отечественной истории.

В большей мере в русле предшествующей историографии Ключевский остается при изучении правящего класса — дворянства. Он смотрит на дворянство как на служилый класс, органически связанный с государством и монархической властью, являвшийся в то же время ее главным социальным орудием. Основными этапами истории дворянства являются для него — закрепощение дворянства при Петре и раскрепощение при Екатерине II. То новое, что он дал в этой области, продолжая предшественников, — это взгляд на дворянство как интеллигенцию, его роль в развитии европеизации и культуры.

Другим самостоятельным направлением исследований ученого явился традиционный вопрос о роли государства и его основных политических институтов, учреждений в истории России. Ответ на него находим в ряде работ Ключевского. В содержание понятия го-

⁶¹ Ключевский В. О. Происхождение крепостного права в России / Соч. М., 1959. Т. 7. С. 317.

⁶² Ключевский В. О. Право и факт в истории крестьянского вопроса. С. 155.

сударства Ключевский, в частности в курсе «Терминология русской истории», включает следующие три элемента: пространство действия верховной власти, ее задачи (рассматриваемые как охранение общих интересов населения) и средства ее действия — верховные права над подданными, составляющими это население. При этом первый элемент сообщает верховной власти территориальное значение, третий — значение политическое, а второй служит основанием того и другого и вместе связью между ними. Положив в основание своего построения эти элементы, Ключевский выстраивает типологию форм власти в русской истории — «все сменяющиеся в нашей древней истории типы верховной власти»: князь, великий князь, князь-государь удельных веков и, наконец, государь-царь и великий князь всея Руси — наследственный властитель русской земли не только как территории, но и как национального союза. Типология преемственно сменяющихся друг друга форм власти служит историку специфическим средством познания постепенного процесса расширения компетенции этой власти, как в территориальном отношении, так и в отношении прерогатив, эволюции ее социального характера.

Сходное отношение традиционных основ государственной школы и новых подходов проследживается в работах Ключевского по истории государственных и сословно-представительных учреждений, особенно привлекавших его внимание. Сама постановка многих из этих проблем в значительной степени была обязана влиянию таких представителей государственной школы, как, например, Б. Н. Чичерин. Такие его работы, как «Областные учреждения» или «О народном представительстве», послужили основой и отправной точкой при исследовании Ключевским этой тематики. Не случайно его работа «Состав представительства на Земских соборах древней Руси» посвящена Б. Н. Чичерину. В то же время в рассматриваемых работах Ключевского находим новый подход к истории государственных учреждений. Да и сам автор стремится это подчеркнуть. Так, во введении к «Боярской думе» он отмечал, что «в предлагаемом опыте Боярская дума рассматривается в связи с классами и интересами, господствовавшими в древнерусском обществе». Новизна подхода к историко-учрежденческой тематике состояла в том, что в центре внимания оказывалось не столько само учреждение, его структура, правовой статус и пр., сколько анализ социальной основы и направленности его функционирования, а это в свою очередь давало возможность перейти от нормативно-правового исследования к изучению социальных слоев, групп, отношений между ними. Социологический и конкретно-исторический анализ сословного представительства на Земских соборах России в XVI в. позволил Ключевскому сделать вывод о слабости сословно-представительных учреждений в России, а также их существенной специфике в сравнении с однотипными представительными учреждениями Западной Европы: «земское представительство возникло у нас из потребностей государства, а не из усилий общества, явилось по призыву правительства, а не выработалось из жизни народа, наложено было на государственный порядок действием сверху, механически, а не выросло органически, как плод внутреннего развития общества»⁶³.

Такова в основных и самых принципиальных чертах историческая концепция В. О. Ключевского, как она предстает в ее реализованном виде исходя из всего творчества ученого. Она включает

⁶³ Ключевский В. О. Состав представительства на Земских соборах древней Руси. // Соч. М., 1959. Т. 8. С. 71.

оригинальные общеполитические, социологические взгляды, концепцию русского исторического процесса, определяет проблематику монографических трудов по истории экономики, сословий, государства и его учреждений, народной культуры. Очевидно, что истоки данной концепции целесообразно искать в начале творческого пути ученого, в его ранних работах, в частности — первой книге. С другой стороны, лишь исходя из общей картины мировоззрения ученого, можно правильно понять начальный этап его исследований, когда многие замыслы еще не раскрылись, многое угадывается интуитивно и еще не нашло выражения в завершенных формах. В то же время рассмотрение творчества ученого от целостной системы к отдельному, начальному произведению позволяет лучше понять не только его фактическое содержание, но и значение как явления исторической мысли своего времени.

КНИГА В. О. КЛЮЧЕВСКОГО КАК ЯВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Как показал предшествующий анализ мировоззрения и исторических взглядов Ключевского, он вполне может быть отнесен к государственной (юридической) школе, основные положения которой разделял и развивал в своем творчестве, хотя и в модифицированном виде. Таково было общепринятое мнение его современников, ближайших учеников и большинства последующих исследователей. М. Н. Покровский, например, выразил этот взгляд на Ключевского следующим образом: «Это был Чичерин, помноженный на Соловьева, или Соловьев, привитый к Чичерину, — как угодно»⁶⁴. А. А. Зимин также констатировал, что все авторы, писавшие о Ключевском, несмотря на определенные различия в их подходах, сходятся в главном — что «Ключевский на всем протяжении своей жизни как историк, в том числе и в 60-е годы XIX в., был последовательным учеником Соловьева, принадлежал к «государственной школе» Соловьева-Чичерина». В то же время сам Зимин считает такой взгляд статичным, не учитывающим процесс эволюции, изменения взглядов Ключевского с течением времени. На основании анализа раннего этапа формирования взглядов историка он приходит к заключению, что в его произведениях 60-х годов не прослеживается «сколько-нибудь заметного влияния государственной школы и трудов С. М. Соловьева». Напротив, считает Зимин, «формирование мировоззрения В. О. Ключевского в 60-х годах XIX в. происходило под идейным воздействием революционно-демократической историографии, включая и работы Щапова, а также Буслаева...»⁶⁵. Влияние демократической историографии на формирование взглядов Ключевского отмечает и М. В. Нечкина, которая также пишет о большом впечатлении от лекций Ф. И. Буслаева, С. В. Ешевского, идей А. П. Щапова, а также сочинений Н. Г. Чернышевского⁶⁶. Вместе

⁶⁴ Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. 1. С. 189.

⁶⁵ Зимин А. А. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е годы XIX в. // Исторические записки. 1961. Т. 69. С. 181, 186, 196 и др.

⁶⁶ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974. Гл. 3.

с тем Нечкина не склонна, по-видимому, полностью отрицать идейное воздействие С. М. Соловьева и Б. Н. Чичерина, как это делает Зимин.

Нам представляется, что говорить об идейных влияниях на формирование исторических взглядов ученого вообще нельзя, ограничивая эту проблему лишь его студенческими годами. Как известно, всякий или почти всякий мыслящий студент за время своей учебы в университете испытывает на себе воздействие самых разнообразных идейных течений и доктрин своего времени. При этом преимущественный интерес, как правило, обращается на те теории и концепции, которые вступают в противоречие с устоявшимися, общепринятыми течениями и доктринами. Такова вообще логика научного познания, развитие которого идет через противоречие, и многие это знают по своим студенческим годам. Понятно, что в бурные 60-е гг., характеризовавшиеся ростом идейной борьбы, крестьянскими выступлениями, мощным студенческим движением, когда учился Ключевский, совершенно невозможно было мыслить, не учитывая различные точки зрения. Понятно далее, что, говоря о Чернышевском, Добролюбове или, скажем, Щапове, как это и делал Ключевский в своих студенческих письмах к другу (П. П. Гвоздеву), он не обязательно должен был разделять их взгляды. Нельзя поэтому признать правильным сам подход к изучению формирования мировоззрения, ограничивающийся определенным отрезком времени. Мы действительно находим у Ключевского хорошие отзывы о Буслаеве и Ешевском, которых он слушал на I курсе, но ведь тогда он еще не слушал Соловьева, который читал на III и IV курсах⁶⁷. Развитие взглядов историка можно проследить лишь в более длительной перспективе, а подходя к проблеме таким образом, обнаруживаем, что Ключевский считал своими учителями все-таки Соловьева и Чичерина, а не Буслаева и Ешевского. Историческая концепция того или иного мыслителя должна изучаться скорее не по отдельным, часто случайным, его высказываниям о текущих событиях и явлениях общественной жизни, а прежде всего по научным трудам или другим выступлениям по вопросам науки. Ведь и сам Ключевский говорил, что «главные биографические факты» жизни ученого — его книги.

Спорный вопрос лучше всего может быть решен при анализе первого научного труда В. О. Ключевского — книги «Сказания иностранцев о Московском государстве», впервые опубликованной в 1866 г. Уже Я. Л. Барсков, издатель труда Ключевского, справедливо отметил, что «большой интерес представляют «Сказания» и для того, кто стал бы изучать жизнь и творчество Василия Осиповича Ключевского, — уже в этой юношеской работе отчетливо выступают черты, какими отличаются его позднейшие труды»⁶⁸. Действительно, проведенный выше анализ исторической концепции Ключевского позволяет подойти к «Сказаниям» как определенному самостоятель-

⁶⁷ Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы... С. 55.

⁶⁸ Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве / Приложение Я. Л. Барскова. Пг., 1918. С. 312.

ному явлению исторической мысли, увидеть в нем истоки формирования его мировоззрения.

Центральную тему книги составляет проблема отношений России и Запада, красной нитью проходящая через все ее содержание. Стремление взглянуть на Россию как бы со стороны и, наоборот, понять, как в России воспринимали Запад, — одно из интереснейших направлений изучения социально-психологических представлений, настроений, религиозных и политических стереотипов, оказывавших воздействие на социальное поведение людей, во многом определявших мотивы этого поведения, конкретные действия. Много из того, что написал Ключевский в своей книге более ста лет назад, потому так созвучно современности, что дает нам возможность понять свою историю, самих себя, взглянув критически на свое прошлое. Общий взгляд Ключевского — это взгляд просвещенного европейца, взгляд, несомненно, скептический, который, однако, встретив чуждую и во многом отличную от его представлений культуру, не отвергает ее только потому, что она другая, а внимательно наблюдает, анализирует, сопоставляет, стремясь по возможности разобраться в том, что он видит. Наиболее полно подход Ключевского к проблемам культуры и культурных взаимодействий замечен в его поздних трудах, в частности в работе «Западное влияние на церковный раскол в России XVIII в. (Историко-психологический очерк)», где специально обосновываются методы изучения такого рода явлений. «В число задач русской историографии, и, прибавим, русской народной психологии, ждущих разрешения, — говорит он здесь, — можно поставить и вопрос о впечатлении, какое выносил русский человек из первого знакомства с западно-европейской культурой. Интерес этого вопроса понятен сам собой: от первого впечатления в значительной степени зависели и первоначальное отношение русского человека к этой культуре, его взгляд на ее пользу и опасность, цели, какие он ставил себе, усваяя ее и самые приемы ее усвоения»⁶⁹. В то же время Ключевский обращает внимание на сложность самого предмета изучения, которым в данном случае является народная психология. В самом деле, ее невозможно измерить, четко определить. Можно лишь попытаться косвенно судить о ней по отдельным свидетельствам источников, где она, будучи явлением нестабильным, изменчивым, находит подчас весьма искаженное, причудливое выражение. Трудность состоит еще и в том, чтобы понять, интерпретировать эти свидетельства. Задача историка — понять то или иное социально-психологическое явление в условиях той исторической эпохи, которой оно было порождено; установить причины, степень распространения, характер восприятия людьми определенных идей или представлений, их значений в жизни общества⁷⁰. В понимании Ключевского восприятие Европой России было во многом обусловлено тем, чего достигли обе культуры — европейская и русская — к моменту

⁶⁹ Ключевский В. О. Опыты и исследования. М., 1912. С. 387.

⁷⁰ Буганов В. И., Медушевский А. Н. Американские истории о социальной психологии крестьянства периода феодализма // История СССР. 1986. № 5.

их исторического сближения. С другой стороны, сближение цивилизаций, к тому же столь различных во всех отношениях, не могло проходить совершенно бесконфликтно, вызывая в свою очередь длительные периоды взаимного недоверия, подозрительности и враждебности. В современной науке оформилось целое научное направление, изучающее представления различных народов друг о друге, тот образ, который с течением времени вырабатывается в массовом сознании. Образ этот, как и питающие его стереотипы, не может быть понят как явление статическое. Раскрыть историю его формирования, постепенного закрепления в умах людей, превращения в абстрактный и лишенный какой-либо исторической реальности символ — уже означает демистифицировать это явление, дать ему конкретно-историческое объяснение, т. е. установить, где, когда, в интересах каких социальных сил указанный образ, представление, символ получил право на существование, а затем стал служить другим целям. Рассмотрение Ключевским исторического развития представлений иностранцев о Русском государстве XV—XVII вв. как раз и явилось прообразом такого типа исследования. Он показывает, например, что в XV в. иностранные наблюдатели знают о Московском государстве еще очень немного, в XVI в. их сведения становятся гораздо подробнее, наконец, XVII в. знаменует новый этап взаимного познания. «Писатели XVII в. меньше поражаются особенностями, которые представляло Московское государство западному европейцу; они как будто уже привыкли к ним, их суждения об этом государстве становятся все спокойнее и сдержаннее; они видят в нем не одни темные стороны, но охотно указывают и на многие светлые явления, какие удалось им заметить, не без удовольствия приветствуют первые начатки преобразований»⁷¹.

При анализе самого сочинения Ключевского прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что теоретическую основу его, несомненно, составляет концепция государственной школы в ее несколько специфической интерпретации. Мы видели ранее, что в ходе разработки им теории исторического процесса, обоснования периодизации русской истории, Ключевский преимущественное внимание обращал на три группы факторов — политические, социальные и экономические. Под первыми понималась прежде всего история государства и его деятельности; под вторыми — классово-сословный строй; под третьими — доминирующие тенденции экономического роста. Комбинация этих факторов в каждый отдельный исторический период составляет его специфику и отличие от предшествующего и последующего. Отметим, что данная схема соотношения факторов исторического развития, легшая в основу первого и всех последующих сочинений Ключевского, представляет собой не что иное, как общую для всей академической науки того времени (как в Европе, так и в России) модель изучения общественных явлений. Все эти основные компоненты теоретической модели государственной школы нашли выражение в композиционной структуре сочинения Ключевского, 12 глав которого последовательно раскрывают

⁷¹ Ключевский В. О. Сказания... С. 171—172.

указанную систему трех факторов. Охарактеризовав географическое и геополитическое положение страны — пределы русского племени и московской государственной области, Ключевский переходит к освещению социально-политического аспекта; в центре его внимания здесь вопросы дипломатических отношений, государь и его двор, военные силы, управление и судопроизводство, финансы государства. Отметим, что собственно социальные отношения — характеристика классово-сословного деления, отношений сословий между собой и с государством даны в работе неполно, не выделены в специальные главы. На первый взгляд это весьма необычно для ученика Соловьева и Чичерина, и как раз на этом факте строится обычно доказательство их слабого влияния на Ключевского в рассматриваемый период. Но, продолжая эту мысль, мы должны признать, что отсутствие в работе разделов о классово-сословном делении общества, в частности положения двух основных классов — крестьянства и дворянства, не менее странно для историка демократического направления, ученика Щапова, Буслаева, Ешевского. М. В. Нечкина объясняет этот факт цензурными соображениями. На наш взгляд, причину указанного пробела следует, очевидно, искать не в мировоззрении Ключевского или внешних обстоятельствах, а в особенностях используемого им материала источников. Записки иностранцев, как правило, очень конкретны по содержанию, основаны главным образом на личных впечатлениях и не содержат сколько-нибудь разработанных обобщающих оценок положения сословий, а если и дают их, то в крайне схематичном виде. Ключевский как историк-позитивист, добросовестно воспроизводивший факты избранного им источника, просто не имел возможности рассмотреть указанные вопросы. Отметим вместе с тем, что там, где источник позволял это сделать, Ключевский дает развернутую характеристику социальных отношений. Наконец, последний, третий крупный фактор — экономический — отражен в главах книги о почвенно-климатических условиях развития хозяйства, народонаселении, городах и торговле, монете. В связи с этим любопытно отметить, что многие авторы, как дореволюционные, так и советские, делают на основании появления этих глав серьезный вывод об отходе Ключевского от государственной школы или во всяком случае о появлении у него «демократической» тенденции. Покровский, вообще резко выступавший против своего учителя, по этой причине данную книгу выделял и советовал ее читать всем историкам-марксистам. М. В. Нечкина в свою очередь видела в этом определенное влияние народнических идей, а А. А. Зимин противопоставлял взгляды раннего и позднего Ключевского. На наш взгляд, причина появления глав об экономических вопросах та же, что и причина отсутствия специальных разделов о классово-сословном строе: она состоит в том, что иностранные путешественники, как правило, дипломаты или купцы, интересовались преимущественно экономическим положением Руси, ее финансами, возможностями торговли с ней. Данный факт, о котором говорят многие из самих западных путешественников, недостаточно учитывается исследователями творчества Ключевского. Сам Ключевский вполне сознательно выделял в струк-

туре информации источников два аспекта: во-первых, информацию о явлениях, более доступных непосредственному наблюдению, и, во-вторых, информацию, которая по ряду причин может быть признана более достоверной. «Внешние явления, наружный порядок общественной жизни, ее материальная сторона, — подчеркивает Ключевский, — вот что с наибольшею полнотой и верностью мог описать посторонний наблюдатель». С другой стороны, преимущественное внимание обращалось на более достоверный ряд свидетельств: «мы ограничимся иностранными известиями только о тех сторонах древней России, изображение которых наименее могло потерпеть от произвола личных суждений писателей: таковы их географические сведения об области Московского государства, описание некоторых сторон и явлений государственной жизни, известия о материальных средствах страны и т. п.». Рассматривая в другом месте данные иностранных авторов о материальном состоянии страны и ее жителей, об источниках благосостояния государства, Ключевский делает следующее важное наблюдение: к известиям об экономической жизни Московского государства «мы вправе относиться с большим доверием, нежели ко всяким другим известиям иностранцев. Факты внешней материальной жизни доступнее точному наблюдению; наблюдение их оставляет меньше простора личным симпатиям и антипатиям, сильно сдерживает привычку мерить явления чужой жизни своими домашними понятиями». Таким образом, ясно, что своей непосредственной задачей Ключевский ставил сведение той информации сочинений иностранцев, которая там была, а не той, которую он должен был бы, исходя из априорных соображений, рассматривать. Этим, кстати, объясняется и тот непонятный сам по себе факт, что в работе отсутствуют какие-либо выводы общего характера. Данный факт, объясняемый иногда просто как результат спешки, может иметь и другое объяснение, состоящее в том, что Ключевский вовсе не собирался оценивать собранную информацию, считая, что выявленные данные информативны сами по себе. На наш взгляд, работа не является ни собственно исторической (о Московском государстве XV—XVIII вв.), ни специально источниковедческой (о сказаниях иностранцев как историческом источнике). Она представляет собой исследование особого жанра, который на современном научном языке может быть определен как историко-культурологический, а на языке той эпохи — как историко-филологический труд, ставящий своей задачей ознакомление читателей с информацией иностранных путешественников о России.

Специфика подхода Ключевского по сравнению с его предшественниками — историками государственной школы — состояла главным образом в том, что вместо абстрактно-юридического подхода к истории начал выдвигаться подход историко-социологический, предлагающий конкретно-исторический анализ социальных структур и институтов. При этом изменился метод исследования, но отнюдь не общая концепция русского исторического процесса. Особенностью книги «Сказания иностранцев о Московском государстве» является то, что она представляет собой не столько историческое, сколько культурологическое исследование. Ее основную задачу мож-

но было бы сформулировать следующим образом: каково то представление, которое сложилось у Европы о России в период ее государственного становления? Этой задачей определились как хронологические рамки исследования (Россия XV—XVII вв. — время образования и развития российской государственности, когда Европа впервые столкнулась в ее лице с сильным, но загадочным, неожиданно возникшим на ее восточных рубежах политическим образованием), так и угол зрения исследователя, стремящегося понять не столько ход развития русской истории, сколько изменения в социально-психологических представлениях Запада о России и русских. Вот почему совершенно несправедливы упреки Ключевскому в том, что он недостаточно критически подходил к источникам, не проверял их другими данными, или обратное утверждение о том, что его сочинение — специфически источниковедческое исследование. Вероятно, можно найти примеры как первого, так и второго, но они ничего не доказывают. Суть в том, что книга Ключевского посвящена другой теме — представлениям иностранцев о России, причем для такой постановки вопроса не важно было, правильны их сведения или нет. Так, например, явно завышенные сведения иностранных авторов о численности русского войска представляют интерес не столько тем, в какой степени они соответствуют действительности, сколько тем, как иностранцы представляли себе военную мощь Московского государства. Этот преобладающий интерес к изучению общественного сознания проявляется во многих суждениях автора. «Известно, — говорит Ключевский, — как трудно развивается и в человеке и в народе способность оглядки на себя, на пройденное и сделанное, как вообще трудно отрешиться на время от окружающего, стать в стороне от него, чтобы окинуть его спокойным взглядом постороннего наблюдателя». В пользу компетентности европейских путешественников говорит с точки зрения Ключевского, и тот факт, что Европа XV—XVII вв. была гораздо более развита, чем Россия того же времени. Подчеркнем, что для Европы это была переломная эпоха генезиса и развития буржуазных отношений, великих географических открытий, Возрождения, Реформации, первых буржуазных революций (в Нидерландах и Англии), наконец, период бурного научного и культурного развития, давший Декарта, Коперника, Галилея. Короче говоря, в Европе этого периода мы видим крутой и решительный переход от феодализма к новому времени, соответствующие изменения всех традиционных норм и форм мышления. В России положение было совершенно иным: истощенные феодальными войнами, опричниной Грозного и Смуты начала XVII в. Московское государство с трудом оправляется от разрухи, собирает ресурсы, строит социальный порядок, в основе которого лежит постоянное усиление крепостного права, образование на этой основе нового социального класса, усиление самостоятельной роли самого государства. Уложение 1649 г. закрепляет этот социальный порядок, фиксирует сложившиеся исторические нормы обычного и письменного права, придает им характер законодательной санкции.

Каким образом данная специфика социально-экономического развития России раскрывается в книге Ключевского? В интерпре-

тации сведений изучаемых источников Ключевский большое значение придает географическому фактору. Он выделяет их восприятие таких типичных для русских условий явлений, как необыкновенная пространственность территории государства, равнинный характер местности, обилие лесов и рек в стране. Положение Руси между Европой и Азией, борьба леса со степью, прежде всего отражение татарских набегов — постоянный фактор русской истории. В этом отношении интересны свидетельства иностранцев, отмечавших значение лесов в обороне страны. В современной науке все большее внимание начинает уделяться экологии — природно-климатическим условиям исторического процесса. Тем более интересно, что Ключевский посвятил этому вопросу (следуя за источниками) специальный раздел — «Вид страны и ее климат». В этом он был, вероятно, вполне прав: суровые климатические условия — контраст необычайно холодных зим и жаркого лета, сильно удивлявший иностранцев, оказывал очень значительное воздействие на условия хозяйственной жизни, прежде всего — земледелие и скотоводство. Вообще следует сказать, что в поле зрения Ключевского благодаря избранному источнику оказался очень широкий круг явлений: вопрос о плодородности земель, величине собираемых с нее урожаев, основные засеваемые культуры, причем с подразделением по регионам и выявлением их значительной специфики. Весьма информативны приводимые иностранными авторами объяснения увиденных ими явлений. Мы узнаем, например, о причинах того, почему одни земли обрабатываются и дают необыкновенно высокий урожай, а другие «лежат впусе»: здесь перед читателем проходят татарские набеги, Ливонская война, опричнина и Смута с их страшными опустошениями. К этому следует прибавить свидетельства о движении народонаселения, его плотности в центре страны и редкости на окраинах. Современники связывали этот процесс с развитием колонизации — хозяйственного освоения новых земель, а также степенью внешней угрозы — набегов кочевников. Картина развития земледелия дополняется данными о промыслах — сборе мехов, меда, воска, ловле рыбы, организации солеварения, садоводства и огородничества. Интерес Ключевского к народному быту явился характерной новой чертой в его исторических исследованиях вообще и на раннем этапе творчества в частности. В этой связи заслуживают упоминания дополнения В. О. Ключевского к книге Кирхмана «История общественного и частного быта», где Ключевский написал соответствующие разделы о России⁷². Интерес молодого историка к народному быту, понимаемому в широком смысле как совокупность явлений материальной и духовной культуры, стал, по мнению Л. В. Черепнина, отражением идеального воздействия его университетского учителя Ф. И. Буслаева⁷³.

Миграция населения с целью освоения новых земель — ко-

⁷² Кирхман П. История общественного и частного быта. Чтение в школе и дома / Дополнено В. Ключевским. М., 1867.

⁷³ Черепнин Л. В. В. О. Ключевский // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 150.

лонизация Сибири, движение по рекам Оби, Иртышу, расширение границ на Юге и Востоке, связанное с напряженной борьбой с кочевниками, считает Ключевский, — составляла важную сторону процесса развития самой государственности. В контексте изучения колонизации понимается Ключевским проблема русского города. В отличие от городов Европы, которые возникали на основе объективного развития ремесла и торговли, русский город, считает он, имеет другую природу. Это был административный центр, созданный государством для выполнения правительственных функций. Как русская колонизация отличалась от европейской, так отличался и русский город: «Не развитие промышленности и народонаселения в центральных областях, а чисто государственные соображения создали эти сторожевые поселения: здесь, как и на других окраинах государства, торговый человек и земледелец шли по следам стрельца и под его защитой». Что касается русского города вообще, то Ключевский, исходя из слабого развития разделения труда и ремесла в России, приходил к заключению, что русский город возникал «не вследствие экономических потребностей страны, но вследствие государственных соображений, по распоряжениям правительства».

Как мы видели, торговля и развитие торговых отношений вообще занимали в концепции Ключевского значительное место. Торговлей в значительной степени объяснялось развитие городов, рыночных отношений, а также многие процессы социального развития. Нет ничего удивительного, что при таком подходе к проблеме социально-экономического развития Ключевский в первой своей работе, как, впрочем, и в последующих, обратил большое внимание на сведения о ней у иностранцев. Ключевского не раз упрекали в том, что он не связывает рынок с производством, не выходит из сферы чисто рыночных отношений. Положение это не совсем верно, поскольку он непосредственно из уровня развития производственных отношений стремился вывести своеобразное направление торговли. «Из неразвитости искусств и ремесел и из преобладания промышленности первоначальной, — писал он, — можно уже заключать, какие предметы торговли ставила на рынок страна и в каких сама нуждалась: ставила продукты земледелия, меха и вообще сырые произведения, нуждалась преимущественно в произведениях не первоначальной, мануфактурной промышленности и предметах роскоши и культуры». На основании записок иностранных авторов Ключевский выделяет два основных направления торговли — с Западом и Востоком, причем в первом случае предметом вывоза становились преимущественно сырьевые продукты (мед, воск, сало, меха, кожи, лен, пенька, лес), а во втором — обработанные. Внимательно фиксирует историк все свидетельства, относящиеся к характеру денежного обращения, монетного дела, меновой и денежной торговли. Отметим, что данная тема стала в дальнейшем предметом одной из лучших специальных работ по экономической истории, раскрывавших изменение реальной

стоимости рубля⁷⁴. Таким образом, уже в первой своей работе Ключевский стремился расширить круг изучаемых процессов и явлений за счет привлечения новых данных об экономическом положении страны. Одним из способов решения этой задачи являлось изучение наряду с народным бытом и торговыми отношениями вопросов государственного хозяйства. Согласно взглядам Ключевского, военно-административная функция государства, требовавшая мобилизации всех его ресурсов, вела к увеличению расходов казны и, в свою очередь, развитию самого государства. Строительство государства Ключевский рассматривает как сложный и длительный процесс, который идет в тяжелых условиях внутренней социальной борьбы и борьбы с внешней опасностью. Именно с этим он связывает становление русского абсолютизма с практически неограниченной властью монарха.

Рассматриваемая книга Ключевского представляет несомненный интерес не только с точки зрения характеристики его исторических взглядов, но и исследовательских приемов. Несмотря на то, что Ключевский не ставил перед собой источниковедческих задач, он сформулировал в своей работе ряд важных положений по этому вопросу. Он, например, стремится определить степень достоверности и полноты разбираемых свидетельств. В частности, характеризуются комплекс основных источников — записки иностранных путешественников по России XV—XVII вв., которые подразделяются на ряд больших групп в соответствии с целями визита в Россию (религиозная или дипломатическая миссия, торговля, военная служба и т. д.), дается разбивка их по хронологии написания. В качестве одного из приемов исследования источников выделена степень оригинальности сведений (получены ли они путем непосредственного наблюдения, или же в основе их лежали сведения предшествующих авторов), учитывается круг информаторов автора (в каких сферах он вращался, к каким материалам имел доступ, знал ли русский язык и т. п.). Наконец, выделена сравнительно узкая группа источников (среди них прежде всего записки Герберштейна и Олеария), которые, выражаясь современным языком, создали как бы модель всех последующих сочинений о Московии, а в значительной мере стали и их первоначальным фактическим фундаментом. Отсюда вывод: «Понятно, как разборчиво и осторожно надобно пользоваться известиями иностранцев о Московском государстве». Как справедливо отметила М. В. Нечкина, книга Ключевского, вопреки многим последующим его трудам, написана с ярко выраженных западных позиций. В центре повествования — европейский путешественник, наблюдения которого составляют стержень всего авторского построения. Сам Ключевский как бы устраняется в изложении, что составляет, по-видимому, своеобразный авторский прием, состоящий во вживании в эпоху, растворении в ней, наблюдении ее со стороны, глазами современников. Ключевский и в дальнейшей своей работе придерживался такого способа изложения, который мож-

⁷⁴ Ключевский В. О. Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему // Соч. Т. 7. С. 170—236.

но назвать «методом летописца», состоящего в строго обоснованном и бесстрастном изложении фактов при минимальной их субъективной оценке. Такой метод позволяет Ключевскому широко развернуть картину жизни описываемого времени, дать ее художественное отображение.

А. Н. Медушевский

ПРИМЕЧАНИЯ

Вот перечень источников в хронологическом порядке, в каком приводит их Аделунг*.

Век XV

1412 и 1421. *Voyages et embassades de Guillebert de Lennoy. Mons, 1840.* Фламандский рыцарь, служивший в Пруссии и Ливонии (род. 1386, ум. 1452). В 1413 посетил Новгород. Издан Лелевелем в 1844 г. с комментариями.

1436. Иосафа Барбаро, дворянина венецианского, путешествие к Дону (в Азов)**.

1476. Путешествие Амвросия Контарини, посла Венецианской республики, к Уссун-Гассану, царю персидскому, в 1473***.

Век XVI

1517. *Mathiae a Michovia: Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis****.*

1517 и 1526. *Rerum Moscoviticarum commentarii, Sigismundo Libero Barone in Herberstein. Neuperge et Guetenhag auctore. 1549*****.*

* Цифры, поставленные перед каждым писателем в списке Аделунга и приводимые здесь с некоторыми изменениями, означают время пребывания писателя в России; если же писатель не был сам в России, то поставленная перед ним цифра означает год издания его сочинения. В список Аделунга не вошли из приводимых нами писателей только Ланнуа и Михалон.

** Барбаро в 1436 году предпринял путешествие к Дону, где прожил 16 лет, потом ездил в Персию. Неизвестно, когда именно был он в Москве; известно только, что сочинение свое писал он после издания сочинения Контарини, о котором не раз упоминает.

*** Сочинения Барбаро и Контарини помещены в русском переводе с приложением итальянских подлинников, в «Библиотеке иностранных писателей о России». В. Семенова, 1836.

**** Отрывки из сочинения Меховского, касающиеся собственно Московского государства, помещены в латинском подлиннике (с. 206—209) сборника «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*» (Francfurti, MDC) и в русском переводе, в третьей статье «Библиографических отрывков» (Отеч. Зап. 1854. № 12. Отд. II. С. 142—153). Мейнерс отказывается определить, когда явилось в свет сочинение Меховского (см. «*Verlehnung*» etc. 14), Аделунг ошибочно относит первое издание его книги к 1521 г.: это было уже третье издание.

***** Помещено в «*Rerum Moscoviticarum varii*» (с. 1—117) с присоединением статьи о генеалогии великих князей московских; к сочинению приложены две географические карты Московского государства, план города Москвы и несколько рисунков.

1523. Письмо Альберто Кампензе о делах московских к папе Клименту VII*.

1525. Павла Иовия Новокомского сочинение о посольстве Василия, великого князя московского, к папе Клименту VII**.

1525. *Moscovitarum juxta Mare Glaciale religio, a D. Ioanne Fabri edita***.*

1553. The book of the great and mighty Emperor of Russia and Duke of Moscovia, and of the dominions, orders and commodities thereunto belonging, drawn by Richard Chancelour****. Известия, изложенные Ченслером в этой записке, повторены с некоторыми добавлениями Климентом Адамом в латинской статье «Anglorum navigatio ad Moscovitas»*****.

1557. The first dooyage made by Master Antony Jenkinsen from the city of London toward the land of Russia*****.

1560. Alexandri Guagnini Veronensis: Omnium regionum Moscoviae Monarchae subjectarum Tartarorumque campestrium etc. sufficiens et vera descriptio*****.

1568. The ambassage of the right worshipfull Master Thomas Randolphe to the Emperor of Russia, briefly written by himself*****.

1575. Nobilissimi Equitis Dani Iacobi Ulfeldii etc: Legatio Moscovitica sive Hodopoericon Ruthenicum. Francofurti, 1627. (См. Попова//Прав. Обзор. 1878. № 2. С. 300).

1576. Письмо о Московии Кобенцеля*****.

1576—1578. *Moscoviae Ortus et Progres us. Auctore Daniele Printz a Buchau, August. Imper. Maximiliani et Rubolphi consiliario, nec non bis ad Iohannem Basilidem, Magnum Ducem Moscoviae Legato extraordinario. Gubenae anno 1679.*

1581—1582. Antonii Possevini Societatis Jesu. *Moscovia, Antverpiae, 1587.*

1583. A brief discourse of the voyage of Sir Jerome Bowes knight, her Majesties ambassador to Ivan Vasilivich the Emperor of Moscovia*****.

1584 — 1590. Сокращенный рассказ или мемориал путешествий сэра Джерома Горсея*****.

1588 и 1589. Дж. Флетчер. О государстве Русском или образ правления русского царя. Лондон, 1591.

* Помещено в «Библиотеке» В. Семенова в подлиннике и в русском переводе.

** Там же.

*** Помещено в «*Regum Moscovitarum auctores varii*». С. 130—141.

**** Помещено в *Hakluyt's «Collection of the early voyages»* etc. a new edition. V. I. London, 1809. P. 263—270.

***** Подлинник ее помещен в «*Regum Moscovitarum auctores varii*». P. 142—183; но в сборнике Гаклюйта, вслед за сочинением Ченслера, помещен английский перевод записки Климента (с. 270—284). Журн. Мин. Народн. Просв. 1838. Окт.

***** *Hakluyt V. I.* 346—368. См. также описания других путешествий Дженкинсона в Россию, помещенные у Гаклюйта, на с. 362—375 и 452—463.

***** «*Regum Moscovitarum auctores varii*» P. 154—206.

***** *Hakluyt V. I.* P. 422—432.

***** Русский перевод, сделанный проф. Домбровским, помещен в Журн. Мин. Народн. Просв. 1842 г. № 9.

***** *Hakluyt V. I.* P. 517—523.

***** Перевод начат, но не окончен в «Библиотеке для Чтения» 1865 г. № 4, 6.

1590. Iehann David Wunderee. Reisen nach Dannemark, Russland und Schweden 1589 und 1590*.

Век XVII

1601—1611. Состояние Российской державы и великого княжества Московского. Сочинение капитана Маржерета**.

1606—1608. Описание путешествия Ганса Георга Палера, уроженца аугсбургского, из Кракова в Москву и из Москвы в Краков***.

1609—1612. Дневник Самуила Маскёвича с 1594 по 1621 год****.

1608—1611. Petri Petreji. Historien und Bericht von d. Grossfürst Muschcow etc*****.

1634 и 1636. Relation du voyage d'Adam Olearius en Moscovie, Tartarie et Perse etc. Traduit de l'allemand par A. de Wisquefort. Tome premier, seconde édition. Paris, MDCLXXIX.

1661. Relation d'un voyage en Moscovie, écrite par Augustin Baron de Mayerberg, vol. 2. Paris, 1858*****.

1663. La relation de trois ambassades de Monseigneur le Comte de Carlisle etc. vers Alexey Michailovitz, czar et grand duc de Moscovie. Charles, roi de Suède, et Frederic III, roi de Danemark et de Norvège. Amsterdam, MDCLXI.

1659—1667. Нынешнее состояние России, описанное одним англичанином (Самуилом Коллинсом), который 9 лет прожил при дворе Великого царя русского*****.

1668—1678. Les voyages de Jean Struysen Moscovie, en Tartarie etc. Amsterdam, MDCLXXXI [P. Арх. 1880, I].

1671—1673. Якова Рейтенфельса: О состоянии России при царе Алексее Михайловиче*****.

1675. Relatio eorum quae circa Sacr. Caesar. Majestat. ad Magnum Moscorum Czarum ablegatos Annib. Francisc. de Bottoni et Jann Carol. Terlingerenum de Guzman gesta sunt, strictim, recensita per Ad. Lyseck, dictae legationis secretarium. Salisburgi, 1676.

1678. Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam potentiss. Poloniae Regis ac Republicae mandato et consensu, anno 1678 feliciter suspecta, nunc breviter sed accurate quoad singula notabilia descripta a teste oculato B. L. Tanner Bøemo Pragense. Dn. Legati principis camerario germanico. Norinbergae, anno 1689.

1686. Voyage en divers états d'Europe et d'Asie entrepris pour

* «Frankfurtisches Archiv für ältere deutsche Litteratur und Geschichte», herausgeb. von Fichard. Frankf. la. M.; 1811. II. B. S. 169—255.

** «Сказания современников о Димитрии Самозванце». Ч. III.

*** Там же. Ч. II.

**** Там же. Ч. V.

***** «Reurm Bossicarum scriptores exteri», a Collegio Archeographico editi. T. I.

***** «Bibliothèque ruses et polonaise». Ж. I et. II.

***** «Русский Вестник», 1841 г. № 7, 9; «Чтения Импер. Общ. Истории и Древн. Российских» 1846 г. № 1.

***** Журнал Мин. Нар. Просвещ. 1839 г. № 7.

découvrir un nouveau chemin à la Chine, par Ph. Avril (Societatis Jesu). Paris, 1691.

1689. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, par Neuville. A la Haye, 1696.

1698 и 1699. Diarium itineris in Moscoviam etc., descriptum a I. G. Korb, secretario ablegationis Caesareae. Viennae Austriae, 1700*.

(Устр. Ист. П. 4, 82).

Перечисленные выше сочинения писаны с разными целями, по разным случаям и представляют материал, довольно разнообразный по форме и по содержанию. Путешественники XV века Ланнуа, Барбаро и Контарини, попавшие в Московию случайно и пробывшие в ней недолго, сообщают немногие беглые заметки о том, что они видели и слышали проездом; такие же беглые заметки путешественников, бывших в Московском государстве проездом, имеем мы и от позднейшего времени: таковы путевые заметки Вундерера, Штрауса и Авриля. Эти заметки любопытны для географии страны по непосредственным, иногда метким наблюдениям над местностью, по которой проезжал путешественник.

* Биографические и библиографические подробности об указанных писателях см. у Мейнерса (т. I. с. 1—32), у Аделунга и в «Библиографических отрывках». Кроме приведенных сочинений, мы пользовались известиями Михалона Литвина (см. Извлечения из сочинения Михалона Литвина о нравах татар, литовцев и москвитян, в переводе С. Шестакова, «Арх. ист.-юр. сведений» Н. Калачева, книги 2-й половина 2-я), также некоторыми статьями в «Historika Russiae Monumenta» и особенно письмами и записками Московской компании английских купцов, напечатанными в I томе «Сборника» Гаклюйта; указываем здесь страницы, на которых помещены они в издании 1809 года: записка Гасса, 293 и сл.; путешествие Ст. Берроу к Оби, 306 и сл.; заметки Джонсона, 316 и след.; письма компании, 331 и 511; письма ее агентов, 293, 337—341; записка Лена, 345; путешествие Саутама и Спарка, 409 и след.; начало записки о путешествиях в Персию, 471 и нек. друг.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
I. Пределы русского племени и московской государственной области	15
II. Прием иностранных послов в Москве	29
III. Государь и его двор	53
IV. Войско	63
V. Управление и судопроизводство	91
VI. Доходы казны	119
VII. Вид страны и ее климат	131
VIII. Почва и произведения	135
IX. Народонаселение	147
X. Города	163
XI. Торговля	193
XII. Монета	229

* * *

Комментарии	235
Послесловие	291
Примечания	328

В. О. Ключевский

**СКАЗАНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ
О МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ**

Зав. редакцией *Байков Н. И.*
Редактор *Емельянова М. Г.*
Технический редактор *Белова Г.*
Корректоры *Фидлер В. М., Ветров В. А., Шугаев М. В.*
Оформление *А. Архутика, К. Кухтина*

Сдано в набор 11.03.90. Подписано в печать 5.07.90. Формат 84×108/32.
Бумага типографская № 2. Гарнитура школьная. Печать высокая. Усл.
печ. л. 22,6. Усл. кр.-отт. 25,7. Уч.-изд. л. 23,08. Изд. № 28. Тираж
105 000 экз. Заказ № 978. Цена 5 р. 50 к.

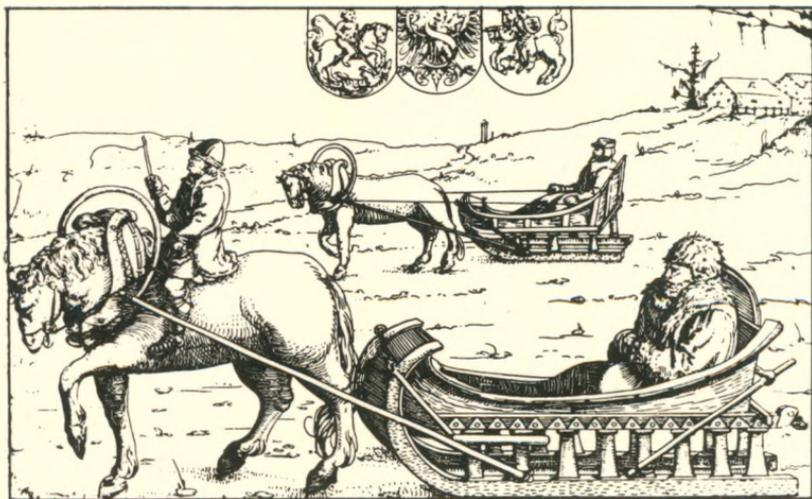
Издательство «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина
119048, Москва, ул. Усачева, 64

Ярославский полиграфкомбинат Госкомпечати СССР.
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Дизайн ТПО «Квадрат»
Союза дизайнеров СССР

5 р. 50 к.

СКАЗАНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ О МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Книга В. Ключевского «Сказания иностранцев о Московском государстве» практически не переиздавалась. Известный историк приводит в ней интереснейший и практически неизвестный широкому читателю материал о быте, армии, снабжении, царевом дворе, географии «Московского царства». Книга основана на записках иностранных гостей, посетивших Россию и оставивших интереснейшие воспоминания о своих путешествиях. В издании приводятся и рисунки, выполненные иностранцами в средние века.